

«КАНТОКУЭН» — «БАРБАРОССА» — ПО-ЯПОНСКИ

Почему Япония не напала на СССР

XX военные
тайны
века

А.А. КОШКИН

ХХ *военные
тайны
века*

А.А. КОШКИН

**«КАНТОКУЭН» —
«БАРБАРОССА» ПО-ЯПОНСКИ.
ПОЧЕМУ ЯПОНИЯ НЕ НАПАЛА НА СССР**

**Москва
«Вече»**

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6-8
К76

Кошкин, А.А.

К76 «Кантокуэн» — «Барбаросса» по-японски. Почему Япония не напала на СССР / А.А. Кошкин. — М. : Вече, 2011. — 384 с. : ил. — (Военные тайны XX века).

ISBN 978-5-9533-5345-8

В книге профессора-востоковеда на документальной основе показана политика милитаристской Японии в отношении Советского Союза накануне и в годы Второй мировой войны.

Раскрытие стратегических и оперативных планов, комплекса мероприятий по подготовке к войне против СССР в 1931—1945 гг. дает возможность глубже понять характер агрессивных замыслов японского руководства, вскрыть причины провала так называемой стратегии «спелой хурмы», предусматривавшей всероломное нападение на нашу страну в случае ее поражения в войне против гитлеровской Германии, а также опровергнуть фальсифицированную версию о якобы «честном выполнении Японией японо-советского пакта о нейтралитете 1941 года».

**УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6-8**

ISBN 978-5-9533-5345-8

© Кошкин А.А., 2011

© ООО «Издательский дом «Вече», 2011

*Памяти моего деда — участника Великой
Отечественной войны, комбрига, гвардии
полковника Ушакова Ивана Трофимовича*

ОТ АВТОРА

В сентябре 2010 г. в Пекине было принято Совместное заявление Президента Российской Федерации Д.А. Медведева и Председателя Китайской Народной Республики Ху Цзиньтао в связи с 65-летием окончания Второй мировой войны. В заявлении, в частности, отмечается: «Россия и Китай решительно осуждают попытки фальсифицировать историю Второй мировой войны, героизировать нацистов, милитаристов и их пособников, очернить освободителей. Ревизия закрепленных в Уставе ООН и других международных документах итогов Второй мировой войны недопустима, она чревата возрождением атмосферы враждебности между государствами и народами. Такие попытки возвращают нас в эпоху идеологизированных подходов в международных отношениях и, как следствие, делают тщетными усилия по поиску адекватных ответов мирового сообщества на стоящие перед ним глобальные вызовы и угрозы».

Сказанное в полной мере относится к тем силам в Японии, которые призывают пересмотреть оценки милитаристского прошлого своей страны, «избавиться от мазохизма в истории», создать такую историю Японии, «которой можно было бы гордиться». Хотя попытки реабилитировать и приукрасить милитаристское прошлое этого государства отмечались уже вскоре после капитуляции милитаристской Японии в 1945 г., идеологическое кредо применительно к истории было сформулировано в 80-е годы прошлого столетия премьер-министром Накасонэ Ясухиро. Этот продолжающий и ныне оказывать влияние на настроения в стране политик поставил тогда задачу изменить отношение японцев к прошедшей войне, представить ее не

как захватническую, а как «освободительную». Обращаясь к согражданам, он восклицал: «Война принесла народам Азии независимость. Признание такой оценки — лишь вопрос времени. Она займет свое место в истории. Еще рано выносить окончательный приговор. В результате войны над Азией взошла светлая заря!»

Уже тогда в одобряемых чиновниками министерства просвещения школьных учебниках война Японии против китайского народа стала именоваться не агрессией, а «военным вступлением в Китай». Массовые же убийства мирных жителей этой страны представлялись результатом... «сопротивления китайских войск».

Участились публичные выступления членов кабинета министров Японии, в которых они оспаривали справедливость вынесенного Токийским трибуналом приговора главным японским военным преступникам, пытались изобразить их чуть ли не героями, отдавшими жизнь «за интересы священной японской империи». Одновременно премьер-министр Накасонэ инициировал регулярные посещения членами кабинета министров синтоистского храма «Ясукуни» для поминовения душ погибших в войнах японцев. Скандальный характер эти посещения приобрели в связи с тем, что среди канонизированных в храме оказались и души казненных по приговору Токийского трибунала военных преступников.

Затем в 90-е г. при негласной поддержке власть имущих было образовано «Общество по созданию новых школьных учебников по истории». Составленный членами этого общества учебник спровоцировал резкое ухудшение отношений Японии с азиатскими государствами, которое не удается преодолеть и по сей день.

Возмущение китайцев, корейцев, народов других азиатских стран понятно — ведь в новых учебниках по существу утверждается, что Япония оккупировала их государства с «цивилизаторской» целью, что часть населения азиатских стран якобы даже приветствовала японскую колонизацию. Протесты вызвало и то, что, стремясь «улучшить» свою историю, авторы учебника подвергли сомнению общеизвестные факты массовых убийств китайского населения. А ведь только в одном Нанкине после захвата японцами города за несколько дней, по китайским данным, было зверски уничтожено до 300 тыс. мирных жителей — женщин, детей и стариков.

Не могут согласиться в азиатских странах и с тем, что из учебника новое поколение японцев не узнает о подготовке командованием

японской армией широкомасштабной бактериологической и химической войны, проводимых извергами в белых халатах чудовищных экспериментах над живыми людьми, которых заражали смертоносными вирусами и бактериями. Ни слова не говорилось в учебнике и о ставшей весьма острой проблеме требований от японского правительства извинений и компенсаций за принуждение молодых женщин из захваченных стран следовать за войсками оккупантов в качестве «сексуальных рабынь» для утех японской солдатни.

Далеко не всегда объективно и правдиво освещают в Стране восходящего солнца и те события, которые затрагивают историю нашей страны — России (СССР), особенно японо-советские отношения.

Вызывает возражение повсеместное использование в японских учебниках и пропагандистских материалах термина «отправка войск в Сибирь» («Сибэрия сьуппэй») при описании неспровоцированных агрессивных действий Японии в отношении молодой Советской Республики в 1918—1922 гг. Неопределенный и двусмысленный термин «отправка войск» никак не может употребляться в случае, когда речь идет о сопровождавшихся массовыми убийствами людей захватнических действиях одного государства против другого. И это при том, что очевидной целью «отправки войск» было создание на обширных территориях восточной части России прояпонского режима для всемерного разграбления природных богатств и порабощения местного населения. В конечном счете предусматривалось включить российский Дальний Восток и Восточную Сибирь в качестве колоний в состав «Великой японской империи».

Ответственность за напряженные отношения между двумя странами в 30-е гг. возлагается на СССР и «руководимый им Коминтерн». С другой стороны, в учебнике ничего не говорится о спровоцированных японской армией крупных вооруженных конфликтах на озере Хасан (1938 г.) и в районе реки Халхин-Гол (1939 г.).

Главным же сюжетом при освещении истории японо-советских отношений являются обвинения Советского Союза в нарушении заключенного 13 апреля 1941 г. пакта о нейтралитете с Японией. При этом утверждается, что сама Япония якобы честно и добросовестно выполняла положения этого пакта на протяжении всей войны. Вступление же СССР в августе 1945 г. в войну против Японии по настоятельным просьбам руководителей союзных государств пред-

ставляется не иначе как нарушение международного права, «агрессия Сталина».

Подобная оценка является официально принятой позицией японского государства. Она широко используется в качестве аргументации при обосновании требований японского правительства «вернуть исконные территории Японии». Так, например, в изданной посольством Японии в Москве брошюре на русском языке «Северные территории Японии» утверждается: «В течение почти всего периода Второй мировой войны (сентябрь 1939 г. — август 1945 г.) Япония и Советский Союз не находились в состоянии войны. Ибо в апреле 1941 г. между обеими странами был заключен Пакт о нейтралитете со сроком действия на 5 лет. Однако 9 августа 1945 г., три дня спустя после атомной бомбардировки Хиросимы и в тот же день атомной бомбардировки Нагасаки, Советский Союз, в нарушение Пакта о нейтралитете, вступил в войну против Японии, поражение которой уже не вызывало никаких сомнений. Спустя неделю, 14 августа, Япония приняла условия Потсдамской декларации и капитулировала перед союзными державами». Объясняя свое несогласие с Ялтинским соглашением, по которому Южный Сахалин и Курильские острова переходили к Советскому Союзу, составители брошюры, явно греша против логики, заявляют, что «Япония, которая не была участницей в Ялтинском соглашении, ни юридически, ни политически им не связана». А потому-де действия Советского Союза следует именовать «нападением, незаконным захватом японской территории».

Изложенная официальная позиция весьма близка воззрениям открытых апологетов милитаристской Японии, которые пытаются убедить читателя в «верности Японии пакту о нейтралитете» и «коварстве Москвы». В наиболее обнаженной форме это проявилось в труде об истории войны в Восточной Азии бывшего старшего офицера оперативного управления генерального штаба императорской армии, полковника Хаттори Такусиро, который писал: «Япония, доверяя японо-советскому пакту о нейтралитете, взяла курс на добросовестное его соблюдение и продолжала принципиальную политику сохранения спокойных отношений с Советским Союзом. Эта политика не изменялась от начала до конца: и тогда, когда во время германосоветской войны Москва была в очень опасном положении и казалось, что судьба Советского Союза решена, и тогда, когда Япония

одерживала большие победы в операциях начального периода войны, и тогда, когда Германия неоднократно требовала от Японии напасть на СССР». В этом утверждении поразительно то, что его автор был непосредственным участником подготовки провокационных событий на Халхин-Голе, а затем одним из составителей планов вероломного нападения на советский Дальний Восток и Сибирь в 1941—1942 гг.

Мемуары японских «бывших» стали ориентиром для японских историков и пропагандистов правонационалистической ориентации, которые тшятся возложить ответственность за развязывание мировой бойни на другие государства. Их многолетние усилия направляются на то, чтобы опровергнуть выводы Международного военного трибунала для главных японских военных преступников об агрессивном характере японской политики и стратегии в отношении СССР накануне и в ходе Второй мировой войны, о неискренности японского руководства при заключении пакта о нейтралитете с СССР, пособничестве в войне своему ближайшему союзнику — гитлеровской Германии.

Опубликованный в 60—70-е гг. в Японии большой массив сокрытых от Токийского трибунала документов императорской ставки, правительства, генерального штаба армии, главного морского штаба, командования Квантунской армии значительно расширяет доказательную базу выводов международного суда о вероломной политике японского руководства в отношении Советского Союза. Кропотливый перевод с ныне не употребляемого в Японии, довоенного бюрократического языка «бунго» и тщательный анализ этих документов позволили автору разработать и издать в 1989 г. научную монографию «Крах стратегии “Спелой хурмы”». Военная политика Японии в отношении СССР. 1931—1945 гг.». Вышедшая также в Японии, эта монография позволила в известной степени противостоять распространению фальсифицированной версии истории японо-советских отношений накануне и в ходе мировой войны.

Однако прошедшие с тех пор годы не только не ослабили идеологическое противоборство двух стран в области истории, но и привели к ситуации, когда правые силы Японии требуют теперь уже от России чуть ли не покаяния за военную помощь США, Великобритании и Китаю в разгроме сеявшей смерть и разрушения милитаристской Японии. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочитать передовую статью одной из центральных газет Японии «Санкэй симбун»

от 8 августа 2010 г. «Помнить сердцем день агрессии». Цитируем: «9 августа исполняется 65 лет с момента неожиданного нападения в 1945 г. советской армии на Японию в нарушение японо-советского пакта о нейтралитете. Через 19 дней началась незаконная оккупация Советским Союзом северных территорий. Необходимо настойчиво внедрять в сознание школьников, что для Японии 9 августа является “днем агрессии”... Для Советского Союза участие в войне против Японии было реваншем за поражение в японско-русской войне с целью захвата японской территории...

Стремящаяся к возрождению в качестве великой державы Россия, оправдывая эти преступления, намерена отмечать дату подписания Японией акта капитуляции — 2 сентября — фактически как “день победы над Японией”. Тем самым агрессия искаженно подается как “справедливая война”... В условиях бездействия японского правительства Россия все более нагнетает. При этом можно ожидать, что исторические небылицы и извращения будут продолжаться. А если так, то о заключении японо-российского мирного договора говорить не приходится. Поэтому Япония должна вновь разъяснять всему народу смысл даты 9 августа и решительно разоблачать перед миром ложный характер учреждения в России “дня победы над Японией”».

Со своей стороны и российские ученые должны разоблачать «исторические небылицы и извращения» японской пропаганды. Тем более, что и в нашей стране находятся сторонники подобных реваншистских «концепций». В год 70-летия начала Великой Отечественной войны и 65-летия начала работы Токийского трибунала для главных японских военных преступников автор счел необходимым вернуться к сохраняющим актуальность и политическую значимость проблемам раскрытия подлинной стратегии Японии в отношении СССР в период Второй мировой войны, расширив и дополнив новыми документами и материалами вышедшую два десятилетия назад монографию.

Автор выражает благодарность издательству «Вече» и лично главному редактору Сергею Николаевичу Дмитриеву за публикацию этой книги.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

После Октябрьской революции в России враждебность японских правящих кругов в отношении своего континентального соседа на севере значительно возросла. События в России оказали большое влияние на народы капиталистических стран и колоний. Активизировалось революционное движение и в Японии, обострилась классовая борьба, что создавало опасность для сохранения в стране буржуазно-помещичьих порядков. «Уже сам факт создания социалистического государства рабочих и крестьян, факт свержения монархии и капитализма вызвал у господствующих классов Японии беспредельный страх и жгучую ненависть к Советскому Союзу», — отмечали японские историки.

Под воздействием русской пролетарской революции ширилось национально-освободительное движение азиатских народов, что явилось серьезной преградой для осуществления замыслов Японии по созданию обширной колониальной империи в Восточной Азии. Японские империалистические круги, не желая мириться со сложившимся положением, объявили Советскую Россию «самым опасным и злейшим врагом» и начали спешную разработку планов «преграждения пути коммунистической революции на восток от Уральского хребта». Характеризуя положение, сложившееся после Октябрьской революции на Дальнем Востоке, В.И. Ленин указывал на реальную опасность наступления Японии на Россию «в целях занятия... ее территории и свержения Советской власти». В условиях готовящейся интервенции в Россию в Токио стремились, как писала японская пресса, «собственными силами захватить Сибирь, задушить революцию и установить на территории Сибири марионеточный режим».

Первую агрессию против Советской Республики японцы приняли вместе со своими союзниками по Первой мировой войне. Весной 1918 г. во Владивостоке высадились японские, американские, английские и французские войска. При этом численность японских

войск, принимавших участие в интервенции (в разное время от 72 до 100 тыс. солдат и офицеров), намного превосходила количество вооруженных сил западных держав, посланных на Дальний Восток. Это явилось следствием стремления «пойти на любые жертвы, только бы не опоздать к дележу территории России, который произойдет после вмешательства США, Великобритании и Франции».

После провала вооруженной интервенции и окончания Гражданской войны в России в Японии не отказались от агрессивных замыслов в отношении соседа на севере. Поскольку в Токио считали, что «в будущем СССР во весь голос заявит о себе», ставилась задача «принять меры против разлагающего влияния Советского Союза».

Несмотря на подписание в феврале 1922 г. с западными державами Вашингтонского договора, ограничивавшего возможности японской экспансии на Азиатский континент и в районы Тихого океана, правящие круги Японии рассматривали его лишь как временное соглашение. В японской прессе прямо провозглашалось: «Если наши экономические и культурные начинания в Китае и Сибири будут прекращены, нам уготована участь изолированной и беззащитной островной страны».

На проходивших в 1923 г. совещаниях военно-политического руководства, возглавляемых императором, выработывались основы внешней политики и стратегии Японии на последующий период. На них были намечены два главных направления вооруженной экспансии — северное и южное. В качестве вероятных противников определялись СССР и США. Подготовка войны против СССР возлагалась на сухопутные войска, против США — на военно-морской флот. При этом если война против США рассматривалась в те годы лишь как теоретическая возможность, будущая агрессия против СССР приобретала вполне зримые очертания. Подтверждением этого является составление генеральным штабом армии конкретных планов ведения боевых действий на территории Советского Союза.

В 1923 г. был разработан новый план войны против СССР, которым предусматривалось «разгромить противника на Дальнем Востоке и оккупировать важные районы к востоку от озера Байкал. Основной удар нанести по Северной Маньчжурии. Наступить на Приморскую область, Сахалин и побережье континента. В зависимости от обстановки оккупировать и Петропавловск-Камчатский».

Однако выполнение этого плана требовало длительной тщательной подготовки. Интервенция на советский Дальний Восток продемонстрировала слабость боевой подготовки и технического вооружения японской армии. Составители японской «Официальной истории войны в Великой Восточной Азии» признавали, что рассчитывавшие на легкую победу над ослабленной гражданской войной революционной Россией японские генералы «на собственном опыте испытали мощь коммунистического государства в объединении красных идей с военными действиями». Здравомыслящие политические деятели и представители деловых кругов Японии предлагали воздержаться от агрессивных действий против Советского Союза, установить с ним дипломатические и торгово-экономические отношения. При этом считалось, что ради нормализации советско-японских отношений правительство СССР может пойти на серьезные уступки Японии.

Правительство молодой Советской Республики сразу после революции стало добиваться перехода от отношений войны с капиталистическими странами к мирным и торговым связям с ними. Еще в декабре 1917 г. советское правительство вступило в переговоры с японскими представителями в Петрограде о пересмотре всех договорных обязательств между Россией и Японией и о заключении новых торгового и экономического соглашений. Однако нормализация отношений затянулась по вине японской стороны.

Глава первая МАНЬЧЖУРСКИЙ ПЛАЦДАРМ

«РОССИЯ — ТРАДИЦИОННЫЙ ВРАГ»

В 1925 г. между Советским Союзом и Японией были установлены дипломатические отношения. И все же, когда советское правительство в мае 1927 г. обратилось к японскому правительству с предложением о подписании между обоими государствами договора о ненападении, оно было отвергнуто. Тогда по мере углубления экономического кризиса 20-х гг. политика решения внутренних проблем на путях внешней экспансии приобретала в Японии все большее число сторонников. Усиливавшие свое влияние на политику военные круги добились в апреле 1927 г. сформирования кабинета министров во главе с генералом Танака Гиити. Он же стал министром иностранных дел Японии. Не желая связывать себя какими-либо соглашениями с северным соседом, новое руководство исходило из того, что Япония должна «в отношении пакта о ненападении, выдвигаемого СССР, занять такую позицию, которая обеспечивала бы империи полную свободу действий».

Особенно противились договору о ненападении с СССР военные круги. Генеральный штаб армии и военное министерство не прекращали разрабатывать планы войны с Советским Союзом, считая, что такую войну следует начать как можно скорее, до того как СССР усилит свою мощь. По мобилизационному плану 1926 г., против СССР должно было быть использовано 18 дивизий. При этом считалось, что ослабленная революцией Россия «не сможет выставить против Японии и десяти дивизий».

27 июня 1927 г. в Токио открылась так называемая «Восточная конференция», в работе которой принимали участие руководители японского министерства иностранных дел, армии и флота, а также японские дипломаты, аккредитованные в Китае. Главной темой кон-

ференции была выработка политики в отношении Китая. Обсуждение вопроса о Китае было вызвано не только целями экономической экспансии в эту страну, но и стремлением подавить освободительную борьбу китайского народа, которая вылилась в антиимпериалистическую революцию 1925—1927 гг.

Еще в годы японской интервенции против Советской России на Дальнем Востоке и в Сибири японским правительством ставилась задача «внедрить мощь Японии в Северной Маньчжурии», «стабилизировать государственную оборону на континенте путем превращения всей Маньчжурии в особую зону». Впоследствии в эту зону была включена и Монголия. По итогам «Восточной конференции» 7 июля был принят и опубликован документ «Политическая программа в отношении Китая», суть которой состояла в том, что Маньчжурия и Монголия были объявлены «предметом особой заботы Японии». В программе указывалось: «В случае возникновения угрозы распространения беспорядков на Маньчжурию и Монголию, в результате чего будет нарушено спокойствие, а нашей позиции и нашим интересам в этих районах будет нанесен ущерб, империя должна быть готова не упустить благоприятной возможности и принять необходимые меры с целью предотвратить угрозу, от кого бы она ни исходила...»

Подлинный смысл этого положения раскрыл один из организаторов конференции, заместитель министра иностранных дел по политическим вопросам Мори Каку, который признавал, что речь шла об отторжении Маньчжурии и Монголии и превращении их в сферу японского влияния. На отторгнутых территориях предполагалось создать марионеточные государства. Какие бы силы ни мешали осуществлению японских планов, говорил Мори, на них должна «обрушиться вся государственная мощь». «Эта конференция делала маньчжурский инцидент неизбежным», — указывается в японской «Официальной истории войны в Великой Восточной Азии». К этому времени японский генштаб уже разработал поэтапный план захвата китайских земель: вначале северо-восток, затем север Китая и Синьцзян.

Хотя задача овладения Маньчжурией и Монголией выдвинулась на первый план, в военных кругах существовала и другая точка зрения, согласно которой широкой экспансии на континент должна предшествовать война с целью устранения «советской угрозы». Свое мнение сторонники этой точки зрения обосновывали тем, что СССР

может помешать осуществлению захвата китайских территорий. Советский посол в Японии А.А. Трояновский информировал советское правительство: «В военных кругах бродят ммыли о занятии Сахалина, Приморья и Камчатки». Попытка посла 8 марта 1928 г. вновь поставить перед премьер-министром Танака вопрос о заключении пакта о ненападении была отвергнута. Танака ответил, что «для этого не пришло еще время».

Однако в Токио не могли не осознавать, что империя экономически была не готова к серьезной войне против СССР. Проявлявшие осторожность японские политики и военные, учитывая опыт Первой мировой войны и интервенции в Россию, понимали, что участие в крупномасштабной войне не ограничивается лишь действиями армии и флота, а требует напряжения всех сил государства и народа. Они заявляли, что «Япония не выдержит длительную войну без китайского сырья». Учитывалось также, что к началу 30-х гг. в Японии еще не закончился процесс реорганизации и перевооружения вооруженных сил. Поэтому на первый план выдвинулся вынашиваемый годами замысел провести «легкую и быструю» войну в Маньчжурии, отторгнуть этот богатый сырьевыми ресурсами и имевший важное стратегическое значение район Китая.

В условиях поразившего и Японию мирового кризиса монополии этой страны рассчитывали на быстрое решение своих экономических проблем за счет колониальной эксплуатации Северо-Восточного Китая. Ведь на его долю приходилось 93 % добычи нефти, 79 % выплавки железа, 55 % добычи золота, 41 % железнодорожных линий, 37 % запасов железной руды, 23 % выработки электроэнергии и 37 % внешнеторгового оборота Китая. Территорию Маньчжурии планировалось превратить в мощный плацдарм для наступления на Китай и СССР. Бывший военный министр Японии Минами Дзиро на процессе главных японских военных преступников в Токио заявил, что «Маньчжурия рассматривалась как военная база в случае войны с СССР. Как оккупация Маньчжурии, так и вторжение в Китай исходили из конечной стратегической цели Японии — войны против СССР».

В Токио внимательно следили за ростом обороноспособности Советского Союза. В мае 1929 г. V Всесоюзным съездом Советов был принят первый пятилетний план развития народного хозяйства СССР. В ходе его выполнения быстро росло промышленное производство,

что позволяло решать задачи укрепления материальных основ обороны государства. В годы первой пятилетки в СССР осуществлялась программа создания современной военно-технической базы для обороны и поднятия технической и боевой мощи вооруженных сил страны до уровня первоклассных европейских армий.

После разгрома в 1929 г. китайских милитаристских банд и русских белогвардейцев, которые устраивали вооруженные провокации на проходившей по территории Маньчжурии и принадлежащей СССР Китайско-восточной железной дороге (КВЖД) и нападали на советскую территорию, командование японской армии «резко изменило свои взгляды на Красную Армию». Перспектива усиления вооруженных сил СССР серьезно беспокоила составителей японских планов войны с Советским Союзом. В Японии вновь активизировались сторонники скорейшего нападения на северного соседа. В июле 1931 г. в японской прессе было опубликовано выступление на заседании кабинета министров генерала Койсо Куниаки, заявившего, что «выполнение пятилетки создает серьезную угрозу Японии... Ввиду этого монголо-маньчжурская проблема требует быстрого и действенного разрешения».

За скорейшее устранение «советской угрозы» выступал и посол Японии в СССР Хирота Хиротакэ, который рекомендовал начальнику генштаба проводить «решительную подготовку против Советской России и быть готовыми в любой момент начать войну с целью захвата Восточной Сибири». В шифровке в генштаб военного атташе японского посольства в Москве подполковника Касахара Юкио от 29 марта 1931 г. высказывалось мнение о том, что «Япония должна продвинуться, по крайней мере, до озера Байкал, рассматривать дальневосточные провинции, которые она захватит, как часть собственной империи и создать там военные поселения на долгие годы».

Составленный в конце 20-х гг. японским генеральным штабом план войны против СССР «Оцу» предусматривал нанесение ударов по советскому Дальнему Востоку с моря и с территории Кореи. После его тщательного изучения в Токио пришли к выводу, что до нападения на СССР необходимо укрепиться в Маньчжурии, чтобы использовать ее территорию и ресурсы для развертывания наступательных операций на советский Дальний Восток и Сибирь с нескольких направлений. Японские стратеги считали, что в самом начале военных

действий необходимо перерезать в районе Байкала Транссибирскую железнодорожную магистраль. Командированный генштабом в марте 1931 г. в Маньчжурию и Корею полковник Судзуки Сигэясу докладывал в центр о трудностях ведения военных действий против СССР в случае высадки главных сил армии на побережье восточнее Владивостока. Не могли не учитывать японские стратеги и того, что военное выступление против СССР без активной поддержки других государств было рискованным.

18 сентября 1931 г., после завершения необходимых приготовлений, японские вооруженные силы спровоцировали так называемый маньчжурский инцидент, и через три месяца военных действий вся территория Маньчжурии была оккупирована японской армией. Захват Маньчжурии был чрезвычайно крупной по своим последствиям акцией в плане расширения колониальной империи Японии. Он оказал важное влияние и на последующее развитие японо-советских отношений, поскольку Япония оказалась в прямом пограничном соприкосновении с СССР.

Японские военные историки признают, что в результате «оккупации Маньчжурии появилась возможность повторения сибирской экспедиции». Считалось, что это должно произойти в не столь отдаленном будущем. В качестве обоснования этого приводилась оценка военно-стратегического положения СССР. Так, в докладе военного атташе Японии в Советском Союзе Касахара Юкио, датированном 1932 г., в частности, указывалось: «Развертывая программу вооружений, мы должны ставить в центр внимания Советский Союз. Японо-советская война в будущем неизбежна... С точки зрения обороноспособности СССР для нас было бы выгодным эту войну начать как можно скорее...» Далее военный атташе подчеркивал: «Мы должны быть готовы к тому, чтобы радикальным образом разрешить проблему наших взаимоотношений с Советским Союзом. Учитывая то, что в данный момент военные силы Японии и СССР находятся в непосредственной близости, и то, что СССР, ощущая страх, увеличивает свои вооружения на Дальнем Востоке, нужно быть в полной боевой готовности...»

Стремясь ускорить нападение на СССР, военщина прибегала к различного рода провокациям. Японская военная разведка готовила с этой целью покушение в Москве на посла Хирота. По словам со-

трудника одной из иностранных миссий, это «обязательно вызвало бы войну между Японией и СССР». Склоняя к совершению покушения одного из работников Народного комиссариата путей сообщения, дипломат-провокатор разъяснял, что «это покушение необходимо сделать и что оно будет иметь чисто демонстративный характер». Он говорил, что «дело не в том, чтобы обязательно убить посла, а достаточно двух пуль из ржавого нагана в стекло посольского автомобиля на улицах Москвы».

Советское руководство хорошо понимало, что выход японских вооруженных сил на советскую границу увеличивает опасность неспровоцированного нападения Японии на СССР. В этих условиях Москва активизировала свои предложения заключить пакт о ненападении. В советском заявлении, сделанном 31 декабря 1931 г. японскому министру иностранных дел Ёсидзава Кэнкити и послу Хирота, подчеркивалось, что заключение пакта о ненападении будет служить выражением миролюбивых политики и намерений японского правительства. При этом народный комиссар иностранных дел СССР (министр иностранных дел) М.М. Литвинов отметил в беседе, что СССР уже имеет пакты о ненападении или нейтралитете с Германией, Литвой, Турцией, Персией, Афганистаном, ведет соответствующие переговоры с Финляндией, Эстонией, Латвией и Румынией. Было подчеркнуто, что «сохранение мирных и дружественных отношений со всеми нашими соседями, в том числе и с Японией, является основой нашей внешней политики».

В то время СССР не мог рассчитывать на совместные со странами Запада действия для отпора агрессии Японии, в том числе в Китае. Отношения с Великобританией и Францией были напряженными, а США отказывались дипломатически признать СССР. В одиночку же выступить против Японии Советский Союз не мог.

В Токио не сомневались в искреннем стремлении Советского Союза проводить политику мира на Дальнем Востоке. В секретном меморандуме, составленном заведующим европейско-американским департаментом японского МИД Того Сигэнори в апреле 1933 г., говорилось: «Желание Советского Союза заключить с Японией пакт о ненападении вызвано его стремлением обеспечить безопасность своих дальневосточных территорий от все возрастающей угрозы, которую он испытывает со времени японского продвижения в Мань-

чжурии». И это было действительно так. В начале 30-х гг. реальная военная опасность для СССР исходила именно от Японии. Германия еще переживала синдром поражения в войне, а основные западные державы — Великобритания, Франция и США — в условиях экономического кризиса были разобщены и занимались внутренними проблемами.

Однако и для Японии, еще не «переварившей» Маньчжурию, скорая большая война с СССР едва ли была возможна.

Думается, не случайно японское правительство долго не отвечало на сделанное Советским Союзом очередное предложение заключить между двумя государствами договор о ненападении. Некоторые японские политики считали, что в сложившихся после оккупации Маньчжурии новых геополитических условиях едва ли целесообразно категорически отвергать саму возможность заключения с СССР такого соглашения. Ведь договор о ненападении с Советским Союзом мог потребоваться Японии при обострении ее отношений с США, Великобританией и Францией в борьбе за господство в Китае.

Однако было понятно и то, что заключение японо-советского пакта о ненападении могло посеять у западных держав подозрения относительно стратегии Японии на континенте, побудить их оказать сопротивление ее дальнейшей экспансии в Центральный и Южный Китай. С учетом всего этого отказ Японии от заключения договора о ненападении последовал лишь спустя год, когда стало ясно, что западные державы не только не окажут в Китае сопротивления Японии, но и будут продолжать снабжать ее стратегическим сырьем и военными материалами.

13 декабря 1932 г. японское правительство официальной нотой отклонило предложение СССР, заявив, что «еще не созрел момент для заключения пакта о ненападении». Правящие круги страны, на которые оказывалось сильное давление со стороны так называемых патриотических, т. е. профашистских, групп, не желали создавать даже видимости стремления к добрососедству с «большевистской Россией». Против пакта решительно выступал японский генералитет, ибо он лишал аргументов о «советской угрозе», которые широко использовались для обоснования требований постоянно увеличивать ассигнования на военные расходы. Распространяя пропаганду о «красной опасности», японские военные утверждали, будто «с идеологической

точки зрения договор о ненападении приведет к ослаблению бдительности в отношении СССР».

В ответной ноте советского правительства указывалось, что его предложение «не было вызвано соображениями момента, а вытекает из всей его мирной политики и поэтому остается в силе».

Отказ Токио от заключения пакта с СССР отвечал интересам западных держав, целью которых было отвлечь внимание Японии от их азиатских владений, по возможности направив ее против Советского Союза. Рассчитывая на то, что война против СССР приведет к ослаблению Японии как конкурента в Восточной Азии, западные державы, и в первую очередь США, в то же время стремились использовать эту страну для «обескровливания СССР».

Хотя в Вашингтоне и Лондоне понимали, что оккупация Маньчжурии — лишь первый шаг по осуществлению японской программы колониальных захватов в Восточной Азии и на Тихом океане, тем не менее, там считали, что дальнейшая экспансия Японии может быть направлена не на юг, а на север. К тому же западные державы рассматривали японскую оккупацию Северо-Восточного Китая как эффективное средство борьбы против национально-освободительного движения китайского народа. В 1931 г. президент США Герберт Гувер говорил своим министрам: «Если бы японцы нам прямо заявили: “Наше существование будет поставлено под угрозу, если наряду с соседством на севере с коммунистической Россией мы будем иметь еще на фланге, возможно, коммунизированный Китай, поэтому дайте нам возможность восстановить порядок в Китае”, — мы не могли бы выдвинуть возражений».

В марте 1932 г. на территории оккупированного Северо-Восточного Китая японцы образовали марионеточное государство Маньчжоу-Го и приступили к оборудованию здесь плацдарма для последующих военных действий. Планы дальнейшего продвижения вглубь Китая требовали заботы о тыле. В Токио не могли исключать, что на определенном этапе Советский Союз может воспрепятствовать осуществлению экспансионистской программы японского империализма. В мае 1933 г. военный министр Араки Садао заявил на совещании губернаторов страны: «Япония должна неизбежно столкнуться с Советским Союзом. Поэтому для Японии необходимо обеспечить себе путем военного захвата территории Приморья, Забайкалья и Сибири».

Подобные заявления использовались и для того, чтобы убедить западные державы в целесообразности проводить в отношении Японии политику умиротворения, продолжая снабжать ее стратегическим сырьем и военными материалами. Отстаивая перед Вашингтоном эту линию, посол США в Японии Джозеф Грю, убеждал американскую администрацию, что захват Маньчжурии следует рассматривать как прелюдию японо-советской войны. В одной из своих телеграмм в госдепартамент он доносил: «Помощник военного атташе сказал мне, что он с группой своих иностранных коллег пришел к заключению, что война (Японии) с СССР совершенно неизбежна и что она начнется весной 1935 г., хотя некоторые из его коллег полагают, что эта война может начаться и раньше». В октябре 1933 г. Грю, сообщая в госдепартамент о решимости Японии «устранить в удобный момент препятствие со стороны России в отношении японских честолюбивых планов», отмечал, что «японцев можно легко побудить вторгнуться в Сибирь».

В Советском Союзе расценивали обстановку однозначно. 3 марта 1933 г. заместитель наркома по иностранным делам Л.М. Карахан писал в ЦК ВКП(б): «Мне кажется, не может быть двух мнений, что наиболее идеальным выходом из кризиса и из создавшегося на Дальнем Востоке положения для САСШ (США) и других европейских держав была бы война между СССР и Японией. Нас будут втягивать и толкать на это...»

Японцы умело использовали заинтересованность западных держав в столкновении Японии и СССР. Еще за несколько месяцев до начала операции по захвату Маньчжурии японское правительство официально запросило английское и французское правительства, может ли оно рассчитывать на их прямую поддержку в случае войны Японии с Советским Союзом. Тем самым давалось понять, что целью оккупации Северо-Восточного Китая является обретение плацдарма для войны с СССР.

Вскоре после овладения Маньчжурией японское правительство 19 ноября 1931 г. с явно провокационными намерениями демонстративно и в жестких выражениях потребовало через своего посла в Москве «прекращения вмешательства во внутренние дела Маньчжурии». Понимая провокационный характер этого «протеста», в ответ 20 ноября нарком по иностранным делам СССР заявил, что «Совет-

ское правительство последовательно во всех своих отношениях с другими государствами проводит строгую политику мира и мирных отношений. Оно придает большое значение сохранению и укреплению существующих отношений с Японией. Оно придерживается политики строгого невмешательства в конфликты между разными странами. Оно рассчитывает, что и японское правительство стремится к сохранению существующих отношений между обеими странами и что оно во всех своих действиях и распоряжениях будет учитывать ненарушимость интересов СССР». Делая подобное заявление, советское правительство, по сути дела, объявляло о своем нейтралитете в отношении японо-китайского конфликта в Маньчжурии. Тем самым демонстрировалась решимость СССР не допустить своего вовлечения в этот конфликт, как того хотелось бы западным державам. В Токио с удовлетворением воспринимали позицию Советского Союза и продолжали искусственно нагнетать опасность вооруженного столкновения с Японией, с тем чтобы удерживать Москву от какого-либо вмешательства в маньчжурские события.

Тем временем японские войска заняли позиции по всему периметру новой сухопутной границы с СССР. В первой половине 30-х гг., по мере усиления в Японии влияния милитаристских кругов, вопрос о войне против Советского Союза стал открыто обсуждаться политическими деятелями, в том числе официальными представителями японского правительства, а также печатью. В послании маркиза Кидо Коити комиссии, созданной в январе 1932 г. при кабинете министров Японии для «выработки политики в отношении заморских территорий империи», подчеркивалось, что наличие на территории Маньчжурии императорской армии позволяет проводить плановые меры по подготовке условий для решения «северной проблемы», т.е. вести подготовку к войне против Советского Союза.

Выход японских вооруженных сил к границам СССР потребовал составления нового плана войны на севере. Генеральный штаб армии уже в конце сентября 1931 г. принял документ «Основные положения оперативного плана войны против России». Планом предусматривалось «выдвижение японских войск к востоку от Большого Хингана и быстрый разгром главных сил Красной Армии». Вслед за этим надлежало разгромить войска противника на всех направлениях. При этом имелся в виду весь район Северной Маньчжурии и Приморья.

В конце августа 1932 г. генштабом был разработан план войны против СССР на 1933 г., который учитывал изменившееся после оккупации всей Маньчжурии стратегическое положение сторон. При составлении этого плана командование японской сухопутной армии исходило из того, что Япония уже достигла необходимого стратегического превосходства над советскими вооруженными силами на Дальнем Востоке и в Сибири. При этом особо выделялись следующие факторы: а) в войне против СССР примут участие не только японские, но и маньчжурские войска; б) сражения в районах советско-маньчжурской границы японские войска будут вести по внутренним операционным линиям, а советские — по внешним; в) разгром советских частей будет осуществляться поодиночке в начальный период войны; г) советские базы военно-воздушных сил подлежат быстрой ликвидации, что устранил серьезную опасность с этой стороны; д) в кратчайший срок будет перерезана Транссибирская железнодорожная магистраль, которая проходит в непосредственной близости от Маньчжурии; е) по сравнению с прежним периодом ныне возможно составить конкретные планы операций и проводить детальную подготовку к их осуществлению.

Планом на 1933 г. было определено, что против четырех-пяти дивизий, которые, по расчетам японского генштаба мог выставить Советский Союз в Приморье, японская армия будет иметь три дивизии в Маньчжурии и две в Корее. Кроме того, одна дивизия должна была высадиться с моря в районе Владивостока. Намечалось уже в начальный период войны нанести по советским войскам в Приморье «сокрушительный удар». Считалось, что «к тому времени, когда СССР перебросит из глубины страны две дополнительные дивизии, сражение в Приморье будет завершено, советские ВВС разгромлены и развеяны, Владивосток захвачен».

Для действий на северном, амурском, направлении выделялось три дивизии, а на западном, хинганском — четыре. Предусматривалось иметь десять дивизий резерва ставки. Силами одной дивизии планировалось осуществить захват Северного Сахалина и Камчатки. Две дивизии получали задачу обеспечивать с юга тыл группировки. После разгрома противостоящих сил противника оккупации подлежала обширная часть территории Советского Союза к востоку от озера Байкал.

В конце 1932 г. этот план был одобрен главнокомандующим японскими вооруженными силами императором Хирохито. Содержание его свидетельствовало о том, что военный успех в Маньчжурии опьяняюще подействовал на японские военные круги, и они не желали трезво оценивать возросшую мощь Советского Союза. С целью ускорения начала реализации плана японские военные сознательно нагнетали напряженность на советско-маньчжурской границе — продолжались провокации на КВЖД, организовывались частые «пограничные инциденты», на советскую территорию засылались шпионско-диверсионные группы.

В обстановке обострения советско-японских отношений, возрастания опасности войны на Дальнем Востоке XVII съезд ВКП(б) отмечал: «Отказ Японии от подписания пакта о ненападении... лишний раз подчеркивает, что в области наших отношений не все обстоит благополучно... Одна часть военных людей в Японии открыто проповедует в печати необходимость войны с СССР и захвата Приморья при явном одобрении другой части военных, а правительство Японии, вместо того чтобы призвать к порядку поджигателей войны, делает вид, что его это не касается».

Следует отметить, что авантюризму экстремистов из числа военных в первой половине 30-х гг. в известной степени противостояли влиятельные лидеры буржуазных политических партий и представители крупного бизнеса из числа «старых» концернов, сферой приложения капиталов которых была в основном промышленность собственно Японии. Эти деятели, хотя и не выступали против захватнических планов, направленных против Китая и СССР, тем не менее высказывались за более осторожное развитие материковой политики. Они склонялись к мнению о целесообразности идти по пути «постепенного изживания дефектов в деле обороны, с тем чтобы через десять лет достичь полной готовности». Считалось, что на этот период Японии было бы выгодно пойти на временную нормализацию японо-советских отношений и даже заключить с СССР пакт о ненападении. Член Высшего военного совета Японии адмирал Като Кандзи в беседе с советским послом Трояновским указывал на наличие в японских руководящих кругах двух течений. Он говорил: «Первое — за возможно тесное сближение с Советским Союзом, второе — за разрыв. Первое многочисленнее, второе — очень активно. Идут горячие споры...»

Среди противников нападения на СССР были и представители промышленных и финансовых кругов, которые рассчитывали, что «большевизм падет в России сам в результате неспособности большевиков справиться со сложностями развития тяжелой индустрии». Считалось, что в этом случае Дальний Восток и Сибирь без труда попадут под контроль Японии. С другой стороны, крупный монополистический капитал тешил себя надеждами на то, что можно лишь угрозой войны заставить СССР добровольно отказаться от своих дальневосточных территорий. Так, генеральный секретарь экономической федерации Японии Акияма Оносукэ заявлял: «Я остро ощущаю нужду Японии в колониях и искренне настаиваю на этом... Я предлагаю купить советский Дальний Восток — Приморье, Амурские области и Северный Сахалин». Рассчитав, что каждый день войны с Советским Союзом будет стоить Японии около 45—50 млн иен, этот японский бизнесмен предлагал вместо ведения войны выплатить Советскому Союзу в течение десяти лет за Дальний Восток 1 700 млн иен, что составляло, по смете Акияма, стоимость 34 дней войны против СССР.

Несмотря на несуразность подобных расчетов, идея «покупки» советских дальневосточных территорий в 30-е гг. находила поддержку у ряда ведущих политических деятелей Японии. Видный японский дипломат Сиратори Тосио, развивая эту «идею», писал в 1935 г. министру иностранных дел Арита Хатино: «Прежде всего, Россия должна разоружить Владивосток и т.д., закончить вывод своих войск из Внешней Монголии, не оставив ни одного солдата в районе озера Байкал... Вопрос о передаче Северного Сахалина по умеренной цене включается сюда тоже. В будущем надо иметь также в виду покупку Приморской области Сибири». Едва ли стоит говорить, что все это звучало как фанфаронство, вызванное переходящие всякие границы самоуверенностью власть имущих Страны восходящего солнца.

В целом же, как сторонники скорейшего разгрома СССР, так и приверженцы более осторожного курса, объявляя «решение северной проблемы» насущной задачей империи, считали, что «по сравнению с этой великой целью китайский вопрос является второстепенным».

Вопрос о войне Японии против СССР детально обсуждался на проходившем в июне 1933 г. совещании руководящего состава японских сухопутных сил. На нем шли острые дебаты об определении

первоначального объекта нападения и о сроках реализации расширения экспансии на континенте.

Во главе сторонников форсирования подготовки к войне против СССР стоял военный министр Араки Садао. Он и его последователи поставили перед собой цель — осуществить нападение на Советский Союз в 1936 г., когда для этого, по их мнению, «будут и поводы для войны, и международная поддержка, и основания для успеха». Эта группировка настаивала на том, чтобы наиболее опасным противником определить Советский Союз и готовиться к войне прежде всего против него. Один из активных сторонников этой позиции, имевший тесные связи с генштабом, военный публицист С.Хирата в своей изданной в 1933 г. книге «Если мы будем воевать» предупреждал: «К чему нельзя относиться легкомысленно, так это к России будущего. Силы России пять лет назад и сегодня совершенно разные. Через пять лет они возрастут еще более... Русские могут теперь изготавливать в своей стране и автомобили, и самолеты, и пушки, и винтовки, и отравляющие вещества, и другие предметы вооружения...» Автор книги призывал не жалеть средств и активно готовиться прежде всего к войне против СССР.

Оппозицию составляли приверженцы последовательной и всесторонней подготовки экономики и вооруженных сил, считавшие, что не следует спешить с реализацией планов войны против СССР, а сосредоточить внимание на укреплении позиций Японии в Китае. Представители этой группировки, возглавляемой генералами Нагата Тэцудзан и Тодзио Хидэки, заявляли, что для ведения большой войны против СССР «Япония должна собрать воедино все ресурсы желтой расы и подготовиться для тотальной войны». Соглашаясь с определением Советского Союза как главного противника Японии, Тодзио в то же время предупреждал о рискованности преждевременного выступления. Поддерживая эту точку зрения, начальник разведывательного управления генштаба Нагата указывал, что для войны против СССР «необходимо иметь в тылу 500-миллионный Китай, который должен стоять за японскими самураями как громадный рабочий батальон, и значительно повысить производственные мощности Японии и Маньчжоу-Го». Поскольку такую программу выполнить к 1936 г. было невероятно трудно, предлагалось пойти даже на переговоры с правительством СССР о заключении пакта о ненападении на период, пока Япония будет по-

следовательно накапливать силы. Главный смысл предложений сторонников тщательной подготовки к войне против СССР состоял в том, чтобы в предстоящие годы создать в Маньчжурии мощную военно-экономическую базу и покорить Китай.

Большинство участников совещания не приняли эту точку зрения и проголосовали за резолюцию, предусматривавшую обращение к императору с рекомендацией сосредоточить усилия империи на подготовку к войне с Советским Союзом, который был определен в документе как «противник номер один».

В своих требованиях ускорить выступление против СССР так называемая «северная» группировка военных опиралась на поддержку «молодых» промышленных концернов, сферой деятельности которых стали вновь завоеванные территории. Однако более сильные «старые» монополии, имевшие большое влияние в правительственных кругах, приняли решение сначала «переварить» Китай. А затем, овладев его ресурсами, приступить к решению «северной проблемы».

В конечном счете, с ними вынуждены были согласиться даже некоторые широко известные своими антисоветскими настроениями представители командования армии. Так, один из наиболее известных японских военных стратегов генерал Исихара Кандзи, обращаясь к руководству военного министерства и генерального штаба, заявлял: «Наиболее опасным противником остается традиционный враг — Россия... Однако сейчас страна должна сконцентрировать свои усилия на увеличении экономической мощи, доведя ее до уровня, позволяющего состязаться с производственной мощью Советского Союза».

В результате споров о сроках начала войны с Советским Союзом была принята компромиссная линия. Хотя военная подготовка к нападению на СССР проводилась в жизнь, но не такими быстрыми темпами, как этого добивались сторонники скорейшего удара на севере. Основной упор был сделан на превращение территории оккупированной Маньчжурии в мощный военно-экономический плацдарм для будущего наступления на Китай и СССР.

Следует отметить, что определение Советского Союза «противником номер один» было сделано командованием сухопутных сил империи. Для наращивавшего свою мощь военно-морского флота Японии таким противником являлись США и Великобритания. Однако это не означало, что империя была готова в обозримом будущем сразиться

с этими крупными державами. Наоборот, в Токио стремились не допустить такого развития ситуации, когда обострение соперничества в борьбе за Китай могло привести к прямому вооруженному столкновению с ними.

ЛОКАЛЬНАЯ ГОНКА ВООРУЖЕНИЙ

Несмотря на принятое в 1933 г. решение временно воздержаться от нападения на СССР, уже к середине 30-х гг. в Японии вновь активизировались сторонники развязывания войны на севере. Это было вызвано рядом обстоятельств. Во-первых, экономическое развитие Японии и созданного в 1932 г. на территории Северо-Восточного Китая марионеточного государства Маньчжоу-Го, по мнению японского высшего руководства, уже позволяло иметь такую военную мощь, которая могла бы противостоять вооруженным силам СССР на Дальнем Востоке. Во-вторых, начал складываться военно-политический союз Японии с фашистскими государствами Европы, который планировалось направить в первую очередь против Советского Союза. В-третьих, японское правительство расценило активную миролюбивую политику СССР, в том числе на Дальнем Востоке, как «признак его слабости».

В начале 1936 г. премьер-министр Японии заявил в парламенте, что самой большой проблемой на Дальнем Востоке является борьба с «угрозой коммунизма». В стране была развернута шумная антисоветская пропаганда. В вышедшей в середине 30-х гг. в Японии книге некоего Уэхара (скорее всего это псевдоним) «Будут ли сражаться Япония и СССР?» ее автор утверждал: «Проблема войны с Россией для японцев не просто теоретический вопрос, а вопрос жизненной необходимости». Далее он указывал, что в Японии существуют четыре точки зрения по поводу войны с Советским Союзом: «Во-первых, это те, кто считает, что Япония должна воевать с Россией. Среди них есть радикалы и умеренные. Радикалы настаивают на немедленной войне, а умеренные требуют осторожности. Во-вторых, это те, кто верит, что войны с Россией не будет. Их немного, и это в основном так называемые политические либералы... В-третьих, это сторонники экономических связей с СССР. Таких очень мало. В-четвертых, это те, кто считает, что Япония не должна воевать с Россией. Их так-

же очень мало. Это пацифисты, социалисты и коммунисты. Короче, это люди, само существование которых совершенно несовместимо с принципами японского государства».

Смысл сказанного состоял в том, что в результате усиленной пропагандистской обработки японское население было подготовлено к восприятию курса на проведение войны с Советским Союзом. Тех же, кто противодействовал этому, клеймили как «врагов нации». Создалась ситуация, когда война против СССР рассматривалась в Японии как «священная миссия», от выполнения которой зависит судьба японского государства.

Однако на планы осуществления антисоветского «крестового похода» в середине 30-х гг. стало оказывать все большее влияние обострение японо-американских отношений. Многолетняя политика западных держав, направленная на сдерживание вооруженной экспансии Японии в южном направлении и поощрение ее к войне сначала против Российской империи, а затем Советского Союза, не могла сгладить существовавшие противоречия западного мира с Японией, которые в борьбе за влияние в Китае становились все более явными. Обострение этих противоречий достигло такой степени, когда та и другая стороны стали сознавать, что борьба за обладание богатствами Восточной Азии и Тихого океана не может разрешиться мирным путем.

В Токио с тревогой восприняли решение конгресса США об ассигнованиях в 1933 г. бюджетных средств на строительство 32 новых военных кораблей. Призывы к войне против СССР стали чередоваться с заявлениями о неизбежности японо-американской войны с целью вытеснить США и другие западные державы из Китая, стран Юго-Восточной Азии и бассейна Тихого океана и превратить эти богатые сырьем и дешевой рабочей силой районы в колониальные владения Японии. Мир воочию убеждался в правильности ленинского анализа перспектив межимпериалистической борьбы в Азии и на Тихом океане. В.И. Ленин отмечал: «Перед нами растущий конфликт, растущее столкновение Америки и Японии, — ибо из-за Тихого океана и обладания его побережьями уже многие десятилетия идет упорнейшая борьба между Японией и Америкой, и вся дипломатическая, экономическая, торговая история, касающаяся Тихого океана и его берегов, вся она полна совершенно определенных указаний на то, как

это столкновение растет и делает войну между Америкой и Японией неизбежной...»

В 1936 г. правящие круги Японии приняли решение активизировать подготовку к войне на двух направлениях: северном — против СССР и южном — против США, Великобритании, Франции и Голландии. Продолжение экспансии в Китае рассматривалось как составная часть движения на юг. Это нашло отражение в принятых в июне 1936 г. двух документах японского правительства «Курс на оборону империи» и «Программа использования вооруженных сил». В них было решено «считать главными потенциальными противниками США и Советский Союз, а также следующими по важности за ними — Китай и Великобританию». Исходя из этого, ставилась задача резко увеличить мощь армии и флота. Предусматривалось иметь в сухопутных силах 50 дивизий и 142 авиационные эскадрильи, в ВМФ — 12 линкоров, 12 авианосцев, 28 крейсеров, 96 эсминцев, 70 подводных лодок, 65 авиаотрядов морской авиации. Это была программа небывалого наращивания мощи вооруженных сил. К 1936 г. японская армия имела лишь 17 дивизий, а флот — 9 линкоров и 4 авианосца.

Этот курс был закреплён в принятом 7 августа 1936 г. правительственным документе «Основные принципы национальной политики», в котором провозглашалось «превращение империи номинально и фактически в стабилизирующую силу в Восточной Азии». Одновременно была принята программа покорения Северного Китая, предусматривавшая, что «в данном районе необходимо создать антикоммунистическую, проманьчжурскую зону». В отношении Советского Союза ставилась задача «осуществить военные приготовления в армии, которые заключаются в увеличении расположенных в Маньчжоу-Го и Корее контингентов войск настолько, чтобы они могли противостоять вооруженным силам, которые Советский Союз может использовать на Дальнем Востоке, и, в частности, были бы способны в случае военных действий нанести первый удар по расположенным на Дальнем Востоке вооруженным силам Советского Союза».

К этому времени генеральный штаб армии имел «План войны против СССР на 1936 год», который в августе 1935 г. был утвержден императором. План носил ярко выраженный наступательный характер и предусматривал с самого начала войны силами морской авиации разгромить советские ВВС Красной Армии на Дальнем Востоке и в

результате мощных ударов лишить противостоящие советские войска боеспособности.

Определение двух направлений распространения агрессии вызвало соперничество между армией и флотом в борьбе за получение больших бюджетных ассигнований на вооружение. Стремясь одержать верх в этой борьбе, командование сухопутных сил развернуло беспрецедентную кампанию пропаганды «советской угрозы», якобы имевшего место «значительного отставания японской армии по мощи от советских войск на Дальнем Востоке». Опираясь голыми цифрами, командование армии утверждало, будто увеличение советской дальневосточной группировки «создало кризис для обороны Японии».

В обстановке, когда по вине Японии опасность возникновения войны на Дальнем Востоке стала постоянным фактором, правительство СССР было вынуждено укреплять обороноспособность страны — увеличивалась численность войск, на Дальнем Востоке появились танковые и авиационные части и подразделения, усиливался Тихоокеанский флот, шло строительство пограничных укрепленных районов. Эти меры имели оборонительный характер и не превышали необходимого для защиты советских дальневосточных границ уровня.

Утверждения японского командования сухопутных сил о «решающем превосходстве советской дальневосточной армии» не соответствовали действительности. Это убедительно доказывал в своем исследовании известный японский военный историк Фудзивара Акира, который писал: «В действительности угрозе подвергался Советский Союз... Сравнение сухопутных сил Японии, расположенных на континенте, т. е. в Маньчжурии и Корее, с сухопутной армией Советского Союза на Дальнем Востоке является несостоятельным. Такое сравнение армий двух стран должно проводиться с учетом всей численности войск, которые стороны могли использовать в случае войны. Для СССР весьма серьезной проблемой была большая протяженность железнодорожной магистрали из Европы в Сибирь, которая к тому же имела лишь одну колею. Это весьма затрудняло сосредоточение войск в районе предполагаемого сражения. С другой стороны, окруженная морями Япония могла концентрировать войска, используя морские пути. Это обеспечивало ей решающее преимущество. Кроме того, основная часть капиталовложений Японии в Маньчжурии шла на строительство выводящих к советской границе стратегических

железных дорог, что обеспечивало быстрое развертывание войск. В Японии существовал план сосредоточения в районе границы в течение трех-четырех месяцев с начала войны миллионной группировки. Учитывая это, Советский Союз был вынужден увеличить численность сил сдерживания на Дальнем Востоке еще в мирный период.

Важно и то, что в те годы советский военно-морской флот на Дальнем Востоке не представлял угрозы для Японии. Было ясно, что с самого начала войны Японское море будет полностью контролироваться японским флотом. Для японской армии было несложно напасть на военную базу Владивостока и осуществить высадку войск в любом пункте Приморской области... Способность наносить удары по советским авиабазам в Приморье с японских авианосцев создавала большое преимущество для Японии».

Таким образом, утверждения командования японской армии о «подавляющем военном превосходстве СССР на Дальнем Востоке» не соответствовали действительному положению вещей. «Поскольку оккупация Маньчжурии проводилась исходя из стратегии войны против СССР, необходимость увеличения войск возникала не для Японии, а наоборот — для Советского Союза», — приходит к выводу японский историк.

Укрепляя обороноспособность своих дальневосточных рубежей, советское правительство и командование вооруженных сил стремились добиться такого соотношения сил, которое не позволяло бы японскому военно-политическому руководству рассчитывать на успех агрессии против СССР. Это признают и японские историки: «В связи с активизацией провокаций Японии началось укрепление советской армии в Сибири и на Дальнем Востоке, и в середине 30-х гг. было достигнуто примерное равновесие сил... Но, стремясь не допустить укрепления мощи Советского Союза в этом регионе, командование японской армии пыталось добиться превосходства своих сил перед Красной Армией».

В районе советско-маньчжурской границы велась своеобразная «локальная гонка вооружений». И одна, и другая стороны стремились сосредоточить здесь такое количество войск и вооружений, которое исключало бы поражение в случае войны. Различие состояло в том, что СССР не имел территориальных притязаний к соседним странам на Дальнем Востоке, а был озабочен обеспечением территориальной

целостности и безопасности своего государства. Япония же вступила на путь реализации древнего синтоистского принципа «хакко ити у» («восемь углов под одной крышей»), т. е. создания обширной колониальной империи, в состав которой планировалось включить и российские дальневосточные и сибирские земли.

Во исполнение решений, записанных в документе «Основные принципы национальной политики», в Японии была развернута широкая подготовка к войне против Советского Союза. Она велась по всем линиям — экономической, военной, идеологической и дипломатической. Быстрыми темпами наращивалась мощь предназначенной для войны с СССР Квантунской армии. После оккупации Маньчжурии за несколько месяцев, с января по август 1932 г., численность этой армии, а вернее — стратегической группировки увеличилась более чем вдвое, а количество находившихся на ее вооружении орудий, танков, бронемашин и самолетов возросло в 3 раза. В течение последующих лет численность Квантунской армии была доведена до 300 тыс. солдат и офицеров (1939 г.).

В развитии экономики Японии основной упор был сделан на рост военного производства, которое за период с 1935 по 1939 г. увеличилось более чем в 3 раза. Особенно быстро увеличивалось производство вооружения и военной техники для сухопутной армии. Так, с 1937 по 1939 г. производство винтовок возросло с 43 тыс. до 250 тыс., пулеметов — с 2295 до 16 530, пехотных орудий — с 171 до 613, танков — с 325 до 562, самолетов сухопутных сил — с 600 до 1600. С 1936 по 1939 г. ассигнования на военные нужды увеличились более чем в 5 раз и составили в 1938/1939 финансовом году 6,8 млрд иен. Особенно быстро росли ассигнования для армии. В 1937 г. они составили 2 750 млн, а в 1939 г. — 4 647 млн иен.

Хотя это было связано с тем, что с июля 1937 г. Япония начала новый этап войны в Китае, значительная часть материальных средств предназначалась для подготовки к будущей войне против Советского Союза и на случай вооруженных столкновений с западными державами. Руководители военного министерства Японии заявляли: «Мы решили приложить усилия к тому, чтобы китайский инцидент не превратился в войну на изматывание наших сил. Поэтому в целом мы потратили 40 % нашего бюджета (военного) на китайский инцидент и 60 % — на увеличение вооружений. Что касается железа и других

важнейших материалов, предоставленных армии, то мы потратили 20 % на китайский инцидент и 80 % — на увеличение вооружений».

В результате проведенных с 1936 по 1939 г. мероприятий значительно возросла огневая мощь японских сухопутных сил, в первую очередь за счет оснащения пехотных частей и подразделений новым и модернизированным артиллерийским и стрелковым оружием. К 1939 г. в сухопутной армии насчитывалось свыше 2 тыс. танков, почти вдвое увеличилось количество эскадрилий сухопутных войск (около 1 тыс. самолетов).

Готовясь к войне против Китая и СССР, военно-политическое руководство продолжало ускоренными темпами укреплять маньчжурско-корейский военно-экономический плацдарм. Основное внимание уделялось бесперебойности снабжения всеми необходимыми материалами и оружием нацеленной на СССР Квантунской армии. За счет ресурсов Маньчжурии, а также Северного Китая и Внутренней Монголии планировалось обеспечить снабжение Квантунской армии из расчета ее годовой потребности в 2 400 тыс. т стали и стальных изделий, 48 млн т угля и 2,5 млн т нефти. В Маньчжурии и Корее активно развивались военные отрасли промышленности: самолетостроение, вооружение, автомобилестроение и др. Эти колонии Японии широко использовались и как продовольственная база Квантунской армии.

В течение многих лет в Маньчжурии и Корее не прекращалось строительство железных и шоссейных дорог военного назначения. Наиболее активное строительство стратегически важных дорог велось в северо-восточной части Маньчжурии, близко расположенной к территории СССР. В своих показаниях на Токийском процессе генерал-лейтенант Кусаба Тацуми свидетельствовал, что строительство новых и переоборудование старых железных дорог осуществлялось для обеспечения быстрой доставки войск к советской границе в любом направлении непосредственно накануне войны с СССР, а также для переброски войск во время войны.

Для быстрой переброски войск из метрополии на континент в Корею и Маньчжурии строились новые и расширялись старые порты. На побережье Кореи были созданы хорошо оборудованные военно-морские базы — Расин, Сэйсин, Юки.

Планируя массированное применение в войне с СССР авиации, японское командование резко увеличило количество аэродромов,

авиабаз и посадочных площадок на территории Маньчжурии и Кореи. Если к 1931 г. в Маньчжурии было всего 5 аэродромов, то к лету 1941 г. их насчитывалось уже 74, а общее количество аэродромных пунктов, предназначенных для взлета и посадки самолетов, достигло 287. В Корее численность аэродромных пунктов за это время была увеличена с 8 до 53.

В Маньчжурии и Корее интенсивно велись военно-инженерные работы. К 1941 г. на советско-маньчжурской границе японской армией было построено 13 укрепленных районов общей протяженностью свыше 700 км.

В результате у границ с Советским Союзом были созданы два бетонированных пояса укреплений, связанных в единую мощную систему прикрытия большой армии вторжения. С 1937 г. сеть казарм в Маньчжурии увеличилась более чем в 3 раза. В 1941 г. их вместимость была рассчитана на 39 пехотных дивизий, т. е. около 800 тыс. человек. Основная часть казарм была сосредоточена на операционных направлениях, выводящих к советской границе. В Корее к 1941 г. были построены казармы для семи пехотных дивизий. В непосредственной близости от границ СССР размещались многочисленные склады боеприпасов и военного имущества. Мероприятия военного характера по подготовке к боевым действиям осуществлялись также на Южном Сахалине, Хоккайдо и Курильских островах.

В планах войны с СССР японские стратеги не допускали возможности затяжной войны. Главными принципами стратегии объявлялись «стремительность, внезапность, военное и политическое подавление противника до пределов, создающих объективную необходимость для него пойти на капитуляцию». В документе генерального штаба «Основные принципы стратегии и тактики в войне против СССР» указывалось: «Главной целью в руководстве войной против Советского Союза является: быстро навязать противнику решающее сражение и, максимально используя достигнутые первоначальные успехи, в кратчайший срок лишить противника воли к победе».

Техническое оснащение японской армии было приспособлено к вероятным маневренным операциям в первую очередь против СССР. Это означало ведение боевых действий на континенте, в условиях суровых морозов, на редконаселенной территории со слаборазвитой

сетью дорог. Для операций подобного рода было необходимо легкое вооружение и хорошо организованная служба войскового тыла.

Для отработки боевых действий против Красной Армии проводились частые учения и маневры в Маньчжурии, Корее, на территории собственно Японии (Хоккайдо), а также на Южном Сахалине и Курильских островах. Предполагаемым противником в ходе учений всегда была Красная Армия. К войне против СССР готовились все находившиеся на Азиатском континенте японские войска. В 1936 г. был издан ряд приказов для японских гарнизонов в Китае, которыми предписывалось «обучать офицеров и солдат ведению боевых действий против советских войск».

Активно велась идеологическая и психологическая подготовка населения к войне против Советского Союза. В ходе пропаганды «советской угрозы» внедрялось представление о том, что «главным препятствием на пути решения китайского инцидента в пользу Японии» является «коммунистическая Россия». В школьных программах было введено изучение «истории великой Японии», где к землям империи причислялись и территории советского Дальнего Востока и Сибири вплоть до Урала. Воспитание школьников в духе антикоммунизма и вражды к советскому народу велось по специальным программам, настойчиво и целеустремленно.

В основу идеологической обработки японских солдат были положены указания о том, что в обстановке, когда стало невозможным оградить армию от идей социализма и коммунизма, японские офицеры должны «смело вступить в столкновение с Марксом и расправиться с коммунистами». Система идеологической обработки японских военнослужащих была направлена на внушение солдатам и офицерам мысли о войне против СССР как «священном и патриотическом деле, стоящем любых жертв». Широко использовалась клевета на внешнюю и внутреннюю политику Советского Союза, распространялись идеи якобы «исторически обусловленной враждебности между Японией и Россией». Представители командования заявляли о высоком уровне моральной подготовки японских военнослужащих, который-де позволяет надеяться, что «в случае боевых действий с СССР солдаты готовы драться до конца».

Как уже отмечалось, в 1936 г. японское военно-политическое руководство взяло курс на превращение Японии в «стабилизирующую

силу в Восточной Азии». Хотя основным противником был назван не только Советский Союз, но и США, именно победоносная война против СССР рассматривалась как неперемное условие дальнейшей экспансии Японии в Восточной Азии и на Тихом океане. В составленном генштабом в 1935 г. документе «Политика государства по обороне страны» было записано: «С точки зрения экономических нужд империи, мы многое ожидаем от Китая и районов Южных морей, но в политическом и военном отношении главным стратегическим опорным пунктом против России является Маньчжурия». В документе подчеркивалось, что, «лишь ликвидировав угрозу на севере, станет возможным достичь целей политики государства в отношении районов Южных морей и Северного Китая».

С этим соглашались и представители командования флота, который ориентировали в основном на действия на юге, против США и Великобритании. Командующий 3-й эскадрой вице-адмирал Оикава Косиро писал военно-морскому министру Нагано Осами: «Если выступим против России, то это будет война против общего для всего мира противника, поскольку СССР — коммунистическая страна... При этом можно ожидать принятия соответствующих мер со стороны Германии в далекой Европе». Выражалась надежда на то, что в результате выступления против России можно будет ослабить международную изоляцию Японии.

Важнейшей задачей японской дипломатии в плане подготовки к войне против Советского Союза был поиск союзников, которые могли бы отвлечь значительные силы СССР, облегчив тем самым осуществление японских планов захвата и отторжения советских земель. После прихода к власти в Германии партии Адольфа Гитлера японские правящие круги стали искать пути сближения с этим фашистским государством. Уже в феврале — марте 1933 г. после выхода Японии из Лиги Наций глава японской делегации в этой международной организации Мацуока Ёсукэ нанес визит в Германию, где в публичном заявлении назвал ее «единственной страной, имеющей столько исторических параллелей с Японией, которая также борется за свое место в мире».

Со своей стороны, гитлеровская Германия видела в милитаристской Японии потенциального союзника, способного к военному сотрудничеству с рейхом в мировой войне, в частности, созданию против СССР второго фронта на Востоке. С 1933 г. германские ру-

ководители и лично Гитлер изучали возможности союза с Японией на антисоветской основе. В 1935 г. они выступили с официальным предложением заключить с этой целью японо-германский союз. Аналогичные рекомендации японскому правительству поступали из посольства Японии в Москве: военный атташе Касахара в донесениях в Токио особо подчеркивал необходимость «вовлечь западных соседей и другие государства в войну против СССР».

Событием, обозначившим начало качественно нового этапа в развитии антисоветской политики Японии, явилось заключение 25 ноября 1936 г. японо-германского Антикоминтерновского пакта. Как указывалось Токийским трибуналом для главных японских военных преступников, этот пакт был «своим острием направлен против Союза Советских Социалистических Республик».

Антикоминтерновский пакт был не просто идеологическим союзом двух антикоммунистических партнеров, к которому через год присоединился третий — фашистская Италия. Это был военно-политический союз, предусматривающий координацию действий в случае войны против Советского Союза. Главное содержание пакта раскрывает приложенное к нему секретное соглашение. В нем говорилось: «В случае если одна из договаривающихся сторон подвергнется неспровоцированному нападению со стороны Союза Советских Социалистических Республик или ей будет угрожать подобное неспровоцированное нападение, другая договаривающаяся сторона обязуется не предпринимать каких-либо мер, которые могли бы способствовать облегчению положения Союза Советских Социалистических Республик. В случае возникновения указанной выше ситуации договаривающиеся стороны должны немедленно обсудить меры, необходимые для защиты общих интересов». Вслед за заключением пакта было подписано соглашение об экономическом сотрудничестве между Японией и Германией.

Правительства Японии и Германии едва ли всерьез опасались нападения со стороны Советского Союза, который демонстрировал заинтересованность в поддержании мира для собственного экономического развития. Истинный смысл секретного соглашения понять нетрудно. В секретном документе японского правительства от 7 августа 1936 г. было записано: «В отношении Советского Союза интересы Германии и Японии в основном совпадают... Наше сотрудничество

необходимо направить на обеспечение обороны и осуществление мероприятий по борьбе с красными». 25 ноября 1936 г. министр иностранных дел Японии Арита Хатино на заседании Тайного совета, который одобрил заключение Антикоминтерновского пакта, прямо заявил: «Отныне Россия должна понимать, что ей приходится стоять лицом к лицу с Германией и Японией».

Наращивание мощи военной группировки в Маньчжурии и Корее, появление союзников на Западе порождали в милитаристских кругах авантюристические настроения. Им казалось, что Япония уже готова к расширению вооруженной экспансии на Азиатском континенте. Главными объектами агрессии по-прежнему являлись Китай и СССР.

ПРОБА СИЛ НА ГРАНИЦЕ

Ночью 7 июля 1937 г. севернее моста Лугоуцяо, близ Пекина, возникла перестрелка между китайскими солдатами и японскими подразделениями из состава так называемой гарнизонной армии в Китае. Согласно японской версии, это был инцидент, который якобы по вине китайской стороны был расширен до масштабов войны. Бывший старший офицер оперативного управления генштаба императорской армии Хаттори Такусиро писал после войны: «Конфликт у Лугоуцяо был для Японии полной неожиданностью. В то время Япония прилагала усилия к созданию Маньчжоу-Го, усилению военных приготовлений против СССР, проведению в жизнь плана развития важнейших отраслей промышленности и поэтому не предусматривала планирование и подготовку всеобщей войны против Китая». Однако японские документы не оставляют сомнения в том, что японское военнополитическое руководство использовало эти события для реализации существовавших в Японии планов отторжения в свою пользу территории сначала Северного, а затем всего Китая.

В соответствии с требованиями документа «Основные принципы национальной политики», японский генеральный штаб наряду с разработкой планов войны против СССР в середине 30-х гг. приступил к планированию операций по овладению Северным Китаем. Один из таких планов предусматривал для действий в Северном Китае сформировать специальную армию, которая включала бы гарнизонную

армию в Китае, одну бригаду из Квантунской армии и три дивизии из состава японских сил в метрополии и Корее. Выделявшимися силами намечалось овладеть Пекином и Тяньцзинем. В Токио считали, что с военной точки зрения Китай не сможет оказать серьезного сопротивления Японии и легко станет ее добычей. Поэтому для операций по овладению Китаем выделялась лишь часть вооруженных сил империи.

Разработанный в 1936—1937 гг. генеральным штабом план войны в Китае предусматривал силами пяти (в зависимости от обстановки — трех) пехотных дивизий оккупировать Северный Китай. В Центральном Китае должны были действовать пять, а в Южном Китае — одна японская дивизия. В результате наступательных операций намечалось в качестве опорных пунктов захватить китайские города Тяньцзинь, Пекин, Шанхай, Ханчжоу, Фучжоу, Сямэнь и Шаньтоу. Считалось, что, овладев этими городами и прилегающими к ним районами, Япония сможет контролировать всю китайскую территорию. Захват всего Китая намечалось осуществить за два-три месяца.

В середине 30-х гг., готовясь к агрессии в Китае, японское руководство развернуло пропагандистскую кампанию под лозунгом «борьбы с коммунистической опасностью». В Токио считали, что антикоммунистический и антисоветский характер планов расширения экспансии на континенте, как и во времена захвата Маньчжурии, будет способствовать тому, что западные державы, в первую очередь США и Великобритания, вновь не окажут сопротивления японской агрессии, продолжая направлять ее против Советского Союза.

Одной из форм поощрения Японии западными державами к войне против СССР являлось увеличивавшееся снабжение ее военной промышленности и армии дефицитными военно-стратегическими материалами. Особо важное значение имели бесперебойные поставки Японии из США бензина и другого горючего. После оккупации Маньчжурии в больших количествах продолжало поступать в Японию из США и Великобритании военное снаряжение. Осенью 1931 и в 1932 г. только США поставили Японии товаров военного назначения на 181 млн долларов. Эти поставки из года в год росли.

Однако, поскольку на сей раз речь шла об овладении Японией Центральным и Южным Китаем, где были сосредоточены основные интересы США и Великобритании, требовалась более глубокая про-

работка политики, обеспечивающей невмешательство этих держав. Этим занимались военно-морское министерство и главный морской штаб, которые 16 апреля 1936 г. представили правительству документ «Предложения по вопросу о внешней политике государства». В нем формулировалась политика Японии в отношении великих держав «в период продвижения в южном направлении».

В документе рекомендовалось, «воспользовавшись сложной ситуацией в Европе и ослаблением позиций Великобритании в Азии, установить тесные связи с английскими колониями, чтобы они удерживали англичан от проведения антияпонской политики». В отношении США предлагалось «обратить самое серьезное внимание на увеличение военной мощи (Японии), вынуждая Америку признать позиции Японии в Восточной Азии, а с другой стороны — установить с США дружественные отношения на основе экономической взаимозависимости». Смысл этой политики состоял в том, чтобы удержать США от противодействия японской экспансии, используя заинтересованность американских монополий в торговле с Японией.

Как показали последующие события, расчеты Японии в значительной степени оправдались. Летом 1937 г. реакция США и Великобритании на новую японскую агрессию в Китае была еще более пассивной, чем во время «маньчжурского инцидента». Хотя президент США Франклин Рузвельт продолжал унаследованную от прежней администрации дальневосточную политику непризнания действий Японии после оккупации Маньчжурии, американское правительство заняло двойственную позицию в отношении начавшейся японо-китайской войны. Эта двойственность была проявлением противоречивости политики США. С одной стороны, США стремились не допустить монопольного владения Японией Китаем, а с другой — надеялись с помощью японцев подавить национально-освободительную борьбу китайского народа и вовлечь Японию в войну против СССР.

Аналогичной была позиция Великобритании и Франции. Не проявляя активности в вопросе организации коллективных действий против агрессии Японии в Китае, западные державы связывали перспективы развития обстановки на Дальнем Востоке с расчетами на будущее японо-советское столкновение. О надежде на поворот японской агрессии с юга на север откровенно говорил 26 августа 1937 г. в беседе с послом США в Париже Вильямом Буллитом министр ино-

странных дел Франции Ивон Дельбос. Он заявил, что «по его мнению, японское наступление в конечном счете направлено не против Китая, а против СССР. Японцы желают захватить железную дорогу от Тяньцзиня до Бейпина (Пекина) и Калгана для того, чтобы подготовить наступление на Транссибирскую железную дорогу в районе озера Байкал и против Внутренней и Внешней Монголии».

Занятая западными державами позиция поощрила Токио на дальнейшие захваты. Японская армия быстро продвигалась вглубь Северного Китая. В августе японцы открыли фронт в Центральном Китае. 13 августа японская армия при поддержке авиации и флота начала наступление на Шанхай, создала угрозу столице Китая — Нанкину.

Политика фактического попустительства западных держав агрессору создавала крайне тяжелое положение для Китая, грозившее потерей его самостоятельности. Во время многочисленных встреч с американскими и английскими дипломатами китайский лидер Чан Кайши убеждал их, что единственный путь остановить японскую агрессию — это совместные действия США, Великобритании и других государств. При этом он, с одной стороны, указывал на перспективу серьезного нарушения их интересов в Китае, а с другой — взывал к моральным обязательствам, которые западные державы возложили на себя, подписав Вашингтонский договор 1922 г., декларировавший «независимость и целостность» Китая. Чан Кайши настойчиво призывал к сотрудничеству западных держав «теперь и незамедлительно», с тем чтобы добиться прекращения японской агрессии. Однако западные державы, не желая сколько-нибудь серьезного конфликта с Японией, по существу оставляли Китай наедине с агрессором.

В начале августа 1937 г. министр иностранных дел Китая Ван Чунхой следующим образом характеризовал позиции западных держав в отношении японской агрессии: «1. Америка — полное невмешательство и отказ от какой-либо коллективной акции. 2. Англия старается удержать Японию от дальнейшей агрессии в Китае. В Токио Англия сделала “дружественные” представления японскому правительству. Во всяком случае, Англия заявила Японии, что всякие переговоры между ними прекращаются... 3. Франция относится наиболее дружественно к Китаю, но не может решиться ни на какую акцию без Америки».

В этой ситуации руководство Китая обратило свои надежды на Советский Союз. 23 июля 1937 г. Ван Чунхой с горестью говорил полпреду СССР в Китае Д.В. Богомолу: «Мы все время слишком много надеялись на Англию и Америку, теперь я приму все меры к улучшению китайско-советских отношений».

Среди великих держав только Советский Союз оказал Китаю действительную дипломатическую и иную поддержку, заключив с ним 21 августа 1937 г. договор о ненападении. Значение этого договора не ограничивалось лишь обязательствами сторон не совершать агрессивных действий друг против друга. Это было по сути дела соглашение о взаимопомощи в борьбе с японскими агрессорами. Подписанный в самый тяжелый для Китая момент, этот договор срывал японские планы изолировать своего противника на международной арене.

О решимости советского правительства воспрепятствовать японской агрессии свидетельствовала позиция, занятая СССР на состоявшемся в сентябре 1937 г. пленарном заседании Лиги Наций. В речи советского представителя 21 сентября отмечалось: «На Азиатском материке без объявления войны, без всякого повода и оправдания одно государство нападает на другое — Китай, наводняет его 100-тысячными армиями, блокирует его берега, парализует торговлю в одном из крупнейших мировых коммерческих центров. И мы находимся, по-видимому, лишь в начале этих действий, продолжение и конец которых не поддаются еще учету...» На пленуме Лиги Наций, а затем на открывшейся 3 ноября 1937 г. в Брюсселе специальной международной конференции советские представители требовали принятия конкретных мер по пресечению японской агрессии. Советский Союз предложил в соответствии со статьей 16 Устава Лиги Наций применить против Японии коллективные санкции, вплоть до военных. Однако представители западных держав сделали все, чтобы это предложение было отклонено. Отвергнуто было и поддержанное Советским Союзом предложение Китая о применении против Японии экономических санкций. Определяющей на конференции была позиция США, которая, по словам государственного секретаря США Корделла Хэлла, состояла в том, что «вопрос о методах давления на Японию не входит в задачу данной конференции».

Отказываясь от предлагавшихся СССР коллективных мер по обузданию агрессора, западные державы стремились подтолкнуть Со-

ветский Союз на самостоятельное выступление против Японии, ссылаясь на то, что он-де является соседом Китая. Во время конференции западные представители явно в провокационной манере заявляли, что «лучшим средством сделать Японию сговорчивее было бы послать несколько сот советских самолетов поугагать Токио». Один из членов делегации Советского Союза на Брюссельской конференции писал в журнале «Большевик»: «Представители западных держав сгорали желанием столкнуть с Японией Советский Союз. Почему бы, в самом деле, СССР не поддержать Китай? Почему бы Советскому Союзу не произвести мобилизацию на маньчжурской или монгольской границах? Почему бы не послать в Токио воздушные эскадрильи из Владивостока, чтобы таким образом образумить Японию? То осторожно намекали, то открыто, в порядке дружеского внушения, то развязно и назойливо различные делегаты и журналисты пробовали заговаривать об этом с советской делегацией». Было очевидно, что вовлечение СССР в японо-китайскую войну рассматривалось западными державами как наилучшее развитие событий, ибо это означало отвлечение внимания Японии от Центрального и Южного Китая.

Подталкивая Японию к войне против СССР, США и другие западные державы обеспечивали ее всем необходимым для продолжения агрессии. Американский сенатор Луис Швеленбах признавал: «Ни у кого не может быть сомнения в том, что мы активно участвуем в войне, которую Япония ведет в Китае. Получается так, что поведение японцев можно рассматривать как более честное, чем наше. Они, по крайней мере, посылают своих людей, которые рискуют быть убитыми. Мы не рискуем своими жизнями в этой войне. Все, что мы делаем, — это посылаем наши товары и материалы, которые они требуют для военных целей, и получаем за это прибыли».

В течение первых трех лет войны из израсходованного японской армией в Китае общего количества бензина (40 млн т) 70 % поступило из США. В 1938 г. американские поставки военных материалов Японии составили 29 % всех использованных в Китае военных материалов. О том, что Япония широко использовала в военных целях поставки из США, свидетельствовал тогдашний американский торговый атташе в Китае, который писал: «Если кто-либо последует за японскими армиями в Китае и удостоверится, сколько у них американского снаряжения, то он имеет право думать, что следует за

американской армией». По китайским подсчетам, от американского вооружения погибли 54 из каждых ста убитых жителей Китая.

Упорное нежелание западных держав принять действенные меры по обузданию японской агрессии убеждало Токио в безнаказанности его действий в Китае. 12 ноября 1937 г. силами 150-тысячной ударной группировки японцы захватили Шанхай и двинулись на столицу Китая — Нанкин. 12 декабря японские войска ворвались в Нанкин, где учинили кровавую резню его мирных жителей. По китайским данным, тогда жертвами японцев стали до 300 тысяч мужчин, женщин, стариков и детей.

Оказавшись в крайне сложном положении, правительство Китая информировало об этом советское руководство. 13 декабря министр иностранных дел Ван Чунхой заявил временному поверенному в делах СССР в Китае: «Китайское правительство имеет точные сведения, что инцидент в Лугоуцяо в июле месяце был заранее подготовлен японцами на случай отказа Китая принять японские требования. После шести месяцев войны Китай теперь находится на распутье. Китайское правительство должно решить вопрос, что делать дальше, ибо сопротивляться дальше без помощи извне Китай не может. Китайское правительство имеет твердую решимость сопротивляться, но все ресурсы уже исчерпаны. Не сегодня — так завтра перед китайским правительством станет вопрос, как долго это сопротивление может продолжаться». Призывая СССР оказать помощь, министр указывал, что в случае поражения Китая Япония сделает его плацдармом для борьбы с СССР и использует все ресурсы Китая, материальные и человеческие, для войны с СССР. Отчаявшись дожидаться поддержки со стороны Запада, 29 декабря Чан Кайши поставил перед советским правительством вопрос о направлении в Китай советских военных специалистов, вооружения, автотранспорта, артиллерии и других технических средств.

Тогда Советский Союз принял решение оказать борющемуся против агрессии китайскому народу прямую материальную помощь. В первой половине 1938 г. СССР предоставил Китаю кредиты на льготных условиях на сумму 100 млн долларов. В Китай были направлены 297 самолетов, 82 танка, 425 пушек и гаубиц, 1825 пулеметов, 400 автомашин, большое количество боеприпасов. Всего с октября 1937 по октябрь 1939 г. Советский Союз поставил Китаю 985 самолете-

тов, более 1300 артиллерийских орудий, свыше 14 тысяч пулеметов, а также боеприпасы, оборудование и снаряжение. Общая сумма займов СССР Китаю с 1938 по 1939 г. составила 250 млн долларов.

Крупномасштабная советская помощь соседнему государству реально препятствовала осуществлению японских военных планов. Поэтому прекращение помощи СССР Китаю было объявлено в качестве одной из важнейших внешнеполитических задач Токио. В обстановке, когда западные державы откровенно проводили в отношении Японии политику умиротворения, японское правительство считало, что «разрешение китайского инцидента затягивается из-за помощи, которую оказывал Китаю Советский Союз».

Стремление изолировать СССР от Китая, сорвать его помощь этой стране толкало японские милитаристские круги на сознательное обострение японо-советских отношений. В 1938 г. число японских провокаций на советско-маньчжурской границе резко возросло. Так, например, если в 1937 г. было отмечено 69 нарушений границы японскими военнослужащими, то в 1938 г. их было зарегистрировано 124. Информировав временного поверенного в делах СССР в Японии К.А. Сметанина о серьезности складывавшейся обстановки, заместитель наркома иностранных дел СССР Б.С. Стомоняков писал 25 июня 1938 г., что «линия японской военщины в Маньчжурии, рассчитанная на провокацию пограничных конфликтов, продолжает проводиться непрерывно и все с большей наглостью». Пытаясь оказать давление на советское правительство, японское военно-политическое руководство в середине 1938 г. стало открыто угрожать ему войной.

Однако в условиях все большего вовлечения в военные действия в Китае японское правительство опасалось открытия еще одного фронта на севере. В январе 1938 г. в ответ на запрос германского генерального штаба о сроках начала Японией войны против СССР представитель японского генштаба генерал Хомма Кэнъитиро отвечал, что подготовка к такой войне ведется ускоренными темпами, «ибо всякая оттяжка во времени идет на пользу СССР». Вместе с тем, разясняя трудности войны в Китае, а также финансовые проблемы Японии, он указывал, что «для подготовки войны против Советского Союза Японии потребуется не менее года, но не более двух лет».

Как отмечалось выше, приступая летом 1937 г. к новому этапу агрессии в Китае, японские правящие круги исходили из ее скоро-

течности. После захвата важнейших опорных пунктов на китайской территории планировалось переключить военные усилия на решение «северной проблемы». Об этом, в частности, свидетельствуют разработанные параллельно с программой завоевания Китая документы японского генерального штаба армии.

В августе 1936 г. второе управление генштаба составило документ «Основные принципы плана по руководству войной против Советского Союза». В первом разделе этого документа под названием «Цели войны» указывалось на необходимость на первом этапе «овладеть Приморьем (правое побережье Уссури и Амура) и Северным Сахалином», а также «заставить Советский Союз согласиться со строительством великого монгольского государства», разумеется, под эгидой Японии.

Во втором разделе, озаглавленном «Курс руководства войной», излагались стратегические задачи войны. Они сводились к следующему: «Наиболее важно, сконцентрировав все силы против СССР, сразу же добиться большого военного успеха... С началом войны уничтожить противника на Дальнем Востоке, захватить необходимые территории. Используя авиацию, а также монголов, белогвардейцев, учинить беспорядки на территории противника и принудить его к капитуляции. Необходимые войска и материалы для войны против СССР подготовить на континенте еще в мирный период».

Далее ставились конкретные задачи армии и флоту. Сухопутные силы Японии должны были «уже в начале войны добиться таких военных успехов, которые поразят мир». Завершив наступление как можно скорее, надлежало «применением авиации и других средств создать основу для капитуляции противника». Военные мероприятия по подготовке войны против СССР в метрополии ограничивались созданием противовоздушной обороны. Одновременно операциями на континенте предусматривалось захватить Северный Сахалин и овладеть расположенными здесь нефтяными месторождениями. Главным в плане мероприятий по управлению захваченными территориями Советского Союза объявлялись ликвидация советской власти и экономическое разграбление оккупированных земель «через развитие промышленности».

Задачей императорского флота было уничтожение во взаимодействии с армией военно-морских баз Советского Союза на Дальнем

Востоке, обеспечение беспрепятственного прохода в Корейском проливе, а также безопасности морских торговых путей в районах Южных морей. В документе излагался также порядок действий при одновременном с войной против СССР вооруженном столкновении Японии с Китаем и США.

Оперативным планом войны против СССР на 1937 г., который был сохранен и на следующий год, предусматривалось наступление японских войск на советскую территорию с трех направлений — восточного, северного и западного. При этом в качестве важнейшей задачи объявлялось «быстрое разрушение Транссибирской железной дороги в районе Байкала, с тем чтобы перерезать главную транспортную артерию, связывающую европейскую часть СССР с Сибирью».

В марте 1938 г., в развитие этого плана, штабом Квантунской армии в центр был направлен документ «Политика обороны государства», в котором в случае войны против СССР предлагалось силами Квантунской и Корейской армий основной удар нанести по советскому Приморью с целью захвата Никольска-Уссурийского, Владивостока, Имана, а затем Хабаровска, Благовещенска и Куйбышевки-Восточной. В результате этого удара надлежало отсечь советские войска Особой Дальневосточной армии от войск Забайкальского военного округа. Затем рядом последовательных ударов планировалось осуществить наступление на северном — амурском и западном — забайкальском — направлениях. Одновременно намечалось вторжение в Монгольскую Народную Республику.

На первом этапе войны планировалось использовать 18 дивизий, усилив Квантунскую армию шестью дивизиями, переброшенными из метрополии. По плану, на Японских островах в период военных действий против СССР оставлялась одна дивизия. Для осуществления плана командование Квантунской армии потребовало от центра быстрого сосредоточения у советской границы большого количества боеприпасов и военных материалов. В целях проведения рекогносцировки и изучения местности в район предстоящих сражений планировалось направление в штаб Квантунской армии ответственных представителей центральных военных ведомств и учреждений.

Разработка конкретных планов войны свидетельствовала о намерении японских военных кругов разрешить японо-советские противоречия вооруженным путем. Однако к концу 30-х гг. Советский Союз

значительно усилил свою обороноспособность на Дальнем Востоке, что создавало препятствия для реализации планов японского генштаба и Квантунской армии. Готовясь к войне на севере, центральное военно-политическое руководство Японии не могло не учитывать изменившееся соотношение сил. Менее авантюристично настроенные японские политики сознавали, что страна еще не готова к большой войне с таким серьезным противником, как Советский Союз. Соглашаясь на поддержание напряженности на советско-маньчжурской границе, они, тем не менее, опасались преждевременного начала войны и намеревались приступить к решению «северной проблемы», будучи уверенными в поддержке других капиталистических государств. При этом особые надежды возлагались на объединенное выступление против СССР Германии и Японии.

Весной 1938 г. японские войска продолжали развивать наступление в Центральном Китае. При этом Токио не скрывал намерения вытеснить США и другие западные державы не только из Китая, но и из всего Азиатско-Тихоокеанского региона. Это заставило правительство США занять более определенную позицию в отношении японской экспансии. 17 марта 1938 г. государственный секретарь США Хэлл выступил с большой речью «Наша внешняя политика», в которой заявил, что его страна «не намерена отказаться от своих прав и интересов в Китае».

Перспектива обострения японо-американских отношений создавала опасность срыва японских планов завоевания Китая. Поэтому японские лидеры решили предпринять шаги, демонстрирующие западным державам намерение Японии в скором будущем вступить в вооруженную борьбу с СССР. Одновременно японские дипломаты по указанию из центра развернули активную деятельность по сколачиванию антисоветского фронта в целях ускорения войны против Советского Союза — как на Востоке, так и на Западе. Заместитель наркома иностранных дел СССР В.П. Потемкин сообщал советским представителям в Германии, Италии, Франции, Великобритании и США, что одной из целей этой деятельности Японии было обеспечить себя «военным снаряжением, сырьем и кредитами, необходимыми для продолжения затянувшейся войны с Китаем». В Токио рассчитывали, что в случае японо-советской войны поставки Японии военных материалов не только не прекратятся, но и будут возрастать.

Японское военно-политическое руководство, желая не обмануть надежды западных держав, летом 1938 г. искало повод для осуществления крупной военной провокации на советско-маньчжурской границе. В июле в Японии была развернута шумная кампания вокруг незаконных притязаний на советскую территорию в южной части Приморья.

15 июля 1938 г. японский посол в СССР Сигэмицу Мамору по указанию Токио в категорической форме заявил о «нарушении» советскими военными границами и предъявил советскому правительству требование своего правительства о передаче Японии части территории близ озера Хасан. В ответ советское правительство предъявило Хунчунское соглашение, подписанное с Китаем в 1886 г. В приложенной к соглашению карте прохождения русско-китайской границы четко обозначено, что высота Заозерная, на которую Япония выдвинула претензии, лежит на русской территории. Однако японская сторона проигнорировала этот официальный документ.

Пока шли переговоры в Москве, японский военный министр Итагаки Сэйсиро и начальник генерального штаба Канъин Номия добились санкции императора на проведение срочной мобилизации и начало военных действий в районе конфликта.

Приказ генштаба на сосредоточение у советской границы группировки японской армии был отдан 16 июля одновременно с предъявлением территориальных притязаний к советскому правительству. 19 июля к границам Приморья были выдвинуты две пехотных дивизии (19-я и 20-я), пехотная бригада, три пехотных батальона, кавалерийская бригада, отдельные танковые подразделения и 70 военных самолетов. В составе этой группировки насчитывалось свыше 38 тысяч солдат и офицеров. Им был отдан приказ изготовиться к наступлению.

Первое столкновение произошло 29 июля, когда японский отряд численностью до пехотной роты атаковал вершину сопки Безымянная. Вечером 30 июля японская артиллерия обстреляла вершины сопки Заозерная и Безымянная. С наступлением ночи японская пехота крупными силами начала атаку этих пограничных высот. Бои длились почти целый день. Пограничники упорно оборонялись, но под натиском превосходящих сил противника сопки оказались в руках японцев. Понеся потери, советские подразделения вынуждены были

отступить на противоположный берег озера Хасан. Предпринятые 2—3 августа попытки контратаковать с целью выбить японцев с захваченной территории успеха не принесли.

Было очевидно, что японцы намеренно расширяют до масштабов серьезного вооруженного конфликта этот пограничный инцидент, который можно было урегулировать на месте. При этом цели конфликта не ограничивались демонстрацией западным державам японских намерений противостоять СССР. Составители японской «Истории войны на Тихом океане» отмечают: «Начиная с 1938 г. японо-советские отношения неуклонно ухудшались. Дело в том, что с этого времени помощь Советского Союза Китаю качественно усилилась... Это раздражало Японию... В генштабе армии формировалась мысль о прощупывании советской военной мощи, основной смысл которого заключался в выяснении готовности СССР к войне с Японией... Было решено проверить это нападением на советские войска, мобилизовав 19-ю дивизию Корейской армии, которая непосредственно подчинялась императорской ставке. Замысел состоял в нанесении сильного удара, с тем чтобы предотвратить выступление СССР против Японии».

Можно считать, что одной из основных целей хасанских событий было «устрашить» советское руководство мощью японской армии, вынудить его пересмотреть свою политику в отношении Китая, не допустить прямого вовлечения СССР в японо-китайскую войну.

Выбор времени провокации диктовался обстановкой на японо-китайском фронте. Готовясь к проведению уханьской операции, японцам было важно убедиться, что Советский Союз не имеет намерения вооруженным путем воспрепятствовать расширению японской агрессии в Китае. Начальник оперативного отдела императорской ставки полковник Инада говорил по поводу хасанских событий: «Даже если будет разгромлена целая дивизия, необходимо выяснить готовность Советов выступить против Японии».

Так как предпринятые японцами действия вышли за рамки многочисленных в то время инцидентов на советско-маньчжурской границе, в Кремле были весьма озабочены складывающейся ситуацией. Требовалась информация о подлинных намерениях японского руководства.

Когда японскому императору Хирохито доложили о действиях армии в районе озера Хасан, он выразил удовлетворение, но пред-

упредил военных, чтобы те без монаршего согласия не расширяли конфликт. Хирохито попенял генералам, что война в Китае тоже началась с «инцидента», который они обещали быстро и победно завершить. Определиться Москве помогла информация о настроениях в императорском дворце, поступившая от резидента военной разведки Красной Армии Рихарда Зорге. 3 августа он передал в центр: «Японский генштаб заинтересован в войне не сейчас, а позднее. Активные действия на границе предприняты японцами, чтобы показать Советскому Союзу, что Япония все еще способна проявить свою мощь».

В подтверждение этого 4 августа посол Японии Сигэмицу предложил советскому правительству урегулировать пограничный конфликт путем переговоров. В ответ советская сторона потребовала вывести японские войска с захваченной территории. Нарком иностранных дел СССР Литвинов заявил японскому послу: «Под восстановлением положения я имел в виду положение, существовавшее до 29 июля, т.е. до той даты, когда японские войска перешли границу и начали занимать сопки Безымянная и Заозерная...» Затем 5 августа ТАСС распространило ответ Литвинова японскому послу: «Советские народы не станут мириться с пребыванием иностранных войск хотя бы на клочке советской земли и не будут останавливаться ни перед какими жертвами, чтобы освободить ее».

Войска под командованием маршала В.К. Блюхера готовились к массированному контрнаступлению. Однако организовать немедленный отпор захватчикам, в том числе с применением авиации, не позволяла неблагоприятная метеорологическая обстановка. Разговаривая по прямому проводу, Сталин спрашивал командующего Дальневосточным фронтом: «Скажите, товарищ Блюхер, честно, есть ли у вас желание по-настоящему воевать с японцами?.. Что значит какая-то облачность для большевистской авиации, если она хочет действительно отстоять честь своей Родины!..» 5 августа нарком обороны СССР К.Е. Ворошилов направил Блюхеру и начальнику штаба фронта комкору Г.М. Штерну директиву — выбить японские войска с высоты Заозерная.

Ожесточенные бои за высоты продолжались несколько дней с 6 по 9 августа. Японцы то отступали, то контратаковали. 10 августа они вновь захватили высоту Заозерная, но были в тот же день выбиты советскими войсками. После этого начальник штаба 19-й дивизии

Накамура Ёсиаки спешно отправил начальнику штаба Квантунской армии Китано Кэндзо телеграмму, в которой просил «немедленно начать дипломатические переговоры», заявляя, что японская армия уже «продемонстрировала свою мощь... и, пока есть выбор, нужно остановиться».

После овладения советскими войсками захваченными японцами высотами 10 августа по дипломатическим каналам стороны договорились прекратить огонь и восстановить статус-кво на границе. 11 августа военные действия в районе озера Хасан были прекращены. Как свидетельствуют японские источники, во время боев у озера Хасан «из семи тысяч принимавших непосредственное участие в сражениях японских военнослужащих было убито 500 и ранено 900. Потери оставили 20 %. Передовые части потеряли половину своего состава и были лишены боеспособности». Большие потери понесли и советские войска — 400 убитыми и 2700 ранеными.

То, что события у озера Хасан выходили за рамки пограничного конфликта, признают и японские историки. Они пишут: «Это были настоящие бои, где впервые за время пограничных инцидентов между Японией и СССР принимали участие войска стратегического назначения».

Поражение японских войск свидетельствовало о том, что Советский Союз готов давать решительный отпор попыткам процупать его мощь на Дальнем Востоке и при необходимости не остановится перед вооруженным столкновением с Японией. В то же время японцам в известной степени удалось добиться своих целей. Во-первых, в результате происшедших событий японское командование разведкой боем выяснило отсутствие у советского руководства намерения расширять конфликт, доводить дело до большой войны. Во-вторых, события продемонстрировали западным державам намерение Японии продолжать конфронтацию с СССР. Однако заставить советское правительство отказаться от поддержки Китая не удалось — помощь борющемуся с захватчиками китайскому народу продолжалась.

Глава вторая

ОПЕРАЦИЯ № 8: НОМОНХАН

ПРОВОКАЦИОННАЯ ИНСТРУКЦИЯ

Продемонстрированная готовность сразиться с Советским Союзом имела и немаловажное дипломатическое значение, ибо именно в это время Япония вела переговоры с Великобританией о разделе Китая. Хасанские события были использованы японцами на этих переговорах с целью побудить британское правительство не создавать для Токио затруднений на китайском фронте в ожидании большой войны с СССР. 20 августа 1938 г. посол Великобритании в Токио Роберт Крейги телеграфировал в Лондон, что японский премьер-министр Коноэ Фумимаро выразил готовность сотрудничать с Великобританией в оккупированных районах Китая. 1 сентября английское правительство дало свое согласие на такое сотрудничество.

О том, насколько были серьезны расчеты США на расширение вооруженного конфликта между Японией и СССР, свидетельствовали публикации в американской прессе, провокационный характер которых был очевиден. Так, например, 13 августа 1938 г. влиятельная американская газета «Нью-Йорк таймс» писала: «Пограничный (хасанский) инцидент еще не урегулирован... Инциденты могут легко возникнуть повсюду... Вдоль маньчжурской границы, вне всякого сомнения, найдутся места, которые, согласно московской карте, могут оказаться русскими, но которые заняты японцами». Отмечая, что «японские закупки нефти, производящиеся почти полностью в США, резко возросли», американская пресса давала понять, что в случае столкновения с СССР Япония может рассчитывать на еще большую материальную помощь из-за океана.

Осенью 1938 г. японское правительство активизировало дипломатические переговоры с Великобританией, добиваясь от нее признания захватов Японии в Китае. К этому ее подтолкнуло подписание

30 сентября 1938 г. правительствами Великобритании и Франции мюнхенского соглашения с гитлеровской Германией и фашистской Италией, результатом которого явилось расчленение Чехословакии. Совершенное в Мюнхене предательство убеждало японское правительство, что Лондон может пойти на подобное соглашение и на Дальнем Востоке.

В Токио видели двойственность политики Великобритании в отношении Китая. С одной стороны, английское правительство, оберегая свои экономические интересы, не желало усиления Японии в Китае и пыталось этому противостоять, а с другой — готово было пойти на сделку с Токио за счет Китая, если японская экспансия будет повернута на север, против Советского Союза. Поэтому японские лидеры стали усиленно убеждать англичан в возможности сотрудничества в оккупированных районах Китая, если Великобритания откажется от поддержки правительства Чан Кайши.

При этом японцы продолжали разыгрывать в дипломатической игре с США и Великобританией «советскую карту». В сентябре 1938 г. Коноэ вновь выступил с призывом к усилению борьбы с «коммунистической опасностью». В Лондоне и Вашингтоне восприняли это как свидетельство сохранения в Японии планов войны с СССР.

24 сентября Китай вновь обратился в Лигу Наций за помощью в борьбе против японской агрессии. Однако его поддержал только Советский Союз, который продолжал настаивать на коллективных действиях для прекращения военных действий Японии в Китае. Великобритания же, вступив на путь умиротворения, искала возможности для сговора с Японией. 27 сентября посол Крейги писал в Лондон: «Мы уже давно нащупываем базу для сотрудничества между английскими и японскими властями в Китае по защите английских интересов, и мы были бы готовы сделать все, что в наших силах, для укрепления сотрудничества в этой области».

Видя проявленную в Мюнхене уступчивость западных держав, японцы сочли момент благоприятным для развертывания наступления на юг Китая, где интересы Великобритании и США были особо велики. 22 октября 1938 г. японские войска захватили Кантон, а 25 — Ухань. С потерей порта Кантон Китай оказался изолированным от внешнего мира. К концу октября японцы оккупировали огромную территорию Китая, овладев его главными промышленными центрами.

Вслед за этим, уверившись в безнаказанности своей агрессивной политики, японское руководство открыто заявило о претензиях на всю Восточную Азию. 3 ноября было опубликовано «Заявление императорского правительства», в котором объявлялось, что «империя ставит своей целью построение нового порядка, который должен обеспечить стабильность в Восточной Азии на вечные времена. В этом же заключается конечная цель и нынешних военных действий... Идея построения нового порядка в Восточной Азии возникла еще во времена, когда складывались основы современного японского государства. Ее осуществление является священным и славным долгом нынешнего поколения японского народа... Правительство заявляет о твердости этого курса империи и о своей решимости претворить его в жизнь».

В заявлении выражалась уверенность в том, что «великие державы тоже правильно поймут наши истинные намерения и будут поступать соответственно новой ситуации, сложившейся в Восточной Азии». В целях разъяснения «истинных намерений» приводилась прежняя антикоммунистическая риторика. Империалистическая агрессия в Восточной Азии прикрывалась лозунгом «обеспечения совместной борьбы против коммунизма». Не вызывает сомнения, что появление этого заявления было одним из результатов мюнхенского сговора. Именно после проявленной Великобританией и Францией беспринципной уступчивости агрессорам в Европе в Токио решили, отбросив маскировку, открыто заявить о своих планах завоевания господства в Восточной Азии и на Тихом океане, вытеснения из этого региона других колониальных держав. Заявление о намерении Японии установить новый порядок в Восточной Азии было равнозначно объявлению об отказе японского правительства от пропагандируемого американцами принципа «открытых дверей» в Китае. 18 ноября правительство Японии направило американскому правительству ноту, смысл которой состоял в подтверждении того, что принцип «открытых дверей» несовместим с японским «новым порядком».

Лишь после этого в Вашингтоне всерьез осознали, что экспансионистские планы Японии не ограничиваются оккупацией отдельных районов Китая с последующим продвижением на север, против СССР. Демонстрируя свое недовольство распространением японской экспансии на юг Китая, США негативно ответили на зондаж Япо-

нии о заключении нового японо-американского торгового договора и в декабре 1938 г. одновременно с Великобританией предоставили Китаю займы. Представители американского правительства пригрозили Японии, что в случае нарушения интересов США в Китае может «прекратиться дальнейшая помощь Японии». Были предприняты и некоторые другие шаги, преследовавшие цель продемонстрировать тесное политическое сотрудничество между США и Великобританией по вопросам Китая.

Хотя эти меры всерьез озаботили японские правящие круги, они не отказались от своих экспансионистских планов, рассчитывая на продолжение западными державами политики «дальневосточного Мюнхена». О намерениях Японии не останавливаться на достигнутом свидетельствовала оккупация в феврале 1939 г. китайского острова Хайнань, а в марте — островов Спратли, обладание которыми выводило японские вооруженные силы непосредственно на подступы к владениям западных держав в Юго-Восточной Азии.

Так как дальнейшее продвижение на юг было сопряжено с опасностью возникновения конфликтов с европейскими колониальными державами, а также США, в Токио задались целью нарушить возможную коалицию западных держав против Японии. Сделать это планировалось путем достижения договоренностей с Великобританией об отказе ее от поддержки Китая. Японское правительство видело стремление Лондона не осложнять отношений с Японией, сохранять с ней «корректные дипломатические отношения». В ноябре 1938 г. премьер-министр Великобритании Невилл Чемберлен, характеризуя политику британского правительства на Дальнем Востоке, высказал желание «поддерживать дружественные отношения с обеими странами (Японией и Китаем. — *А.К.*) в надежде на наступление момента, когда их разногласия будут урегулированы...»

Главная цель Японии состояла в том, чтобы вынудить Великобританию признать «создавшуюся обстановку в Китае». В этом случае у японцев появлялась возможность принудить китайское правительство к капитуляции и сосредоточить основные усилия на подготовке к войне с великими державами на юге и на севере. Чтобы сделать английское правительство сговорчивее, 14 июля 1939 г. японские власти начали блокаду английской и французской концессий в Тяньцзине. С другой стороны, Япония стремилась воздействовать на политику

Лондона путем очередного резкого ухудшения японо-советских отношений. Это должно было убедить английское и другие западные правительства в наступлении долгожданного момента переключения японской экспансии с юга на север.

Весной и летом 1939 г. в Европе сложилась напряженная обстановка. Стремясь направить агрессию гитлеровской Германии против СССР, Великобритания и Франция сорвали переговоры с Москвой о создании системы коллективной безопасности с целью предотвращения мировой войны. В Токио рассчитывали, что, оставшись один на один с агрессивными государствами, Советский Союз в обстановке опасности германского нападения не сможет использовать крупные силы на Дальнем Востоке и в случае вооруженного столкновения с Японией будет вынужден пойти на серьезные территориальные и политические уступки, в частности на прекращение помощи Китаю.

Поражение японской армии в боях в районе озера Хасан не только не убедило японские правящие круги в авантюристичности планов антисоветской войны, а наоборот — вызвало стремление взять реванш. С осени 1938 по весну 1939 г. японский генеральный штаб спешно разрабатывал обновленный оперативный план войны, получивший кодированное наименование «План операции № 8». Было составлено два варианта плана — «Ко» и «Оцу». Вариант «Ко» представлял традиционный план нанесения главного удара на восточном направлении против советских войск в Приморье. Появление плана «Оцу» было вызвано тем, что после провала агрессивной вылазки у озера Хасан японское командование, убедившись в прочности советской обороны на восточном направлении, искало такое место для удара, «где противник не ждал наступления». В результате консультаций генштаба с командованием Квантунской армии было решено попытаться нанести удар с западного направления, быстро оккупировать Монгольскую Народную Республику, выйти к озеру Байкал и на Транссибирскую железную дорогу, а затем, в случае успеха, захватить обширную территорию от Иркутска до Владивостока. Считалось, что нанесение удара с западного направления следует предпринять до того, как СССР укрепит здесь свою обороноспособность.

Со времени захвата Маньчжурии оккупация МНР рассматривалась японскими стратегами как важное условие проведения успешной войны против СССР. Излагая тезисы «Взгляды армии на про-

блемы внешней политики в связи с задачами Квантунской армии», военный министр Итагаки Сэйсио заявлял в 1936 г.: «Если посмотреть на карту Азиатского материка, то с первого взгляда станет ясно, что Внешняя Монголия занимает важное положение с точки зрения влияния Японии и Маньчжурии и является очень важным районом, прикрывающим Сибирскую железнодорожную магистраль, связывающую советский Дальний Восток с европейской частью СССР. Следовательно, если Внешняя Монголия будет присоединена к Японии и Маньчжурии, то безопасности советского Дальнего Востока будет нанесен сильнейший удар. В случае необходимости можно будет вытеснить влияние СССР с Дальнего Востока без борьбы. Поэтому армия планирует распространение влияния Японии и Маньчжурии на Внешнюю Монголию всеми необходимыми средствами, имеющимися в ее распоряжении».

Опасность нападения Японии на Монгольскую Народную Республику становилась реальной. Озабоченное складывавшейся обстановкой советское правительство заявило в феврале 1936 г., что в случае нападения Японии на МНР Советский Союз поможет Монголии защитить ее независимость. Этот вопрос был специально затронут в ходе состоявшейся 1 марта 1936 г. беседе И.В. Сталина с председателем американского газетного объединения «Скриппс-Говард Ньюспейнерс» Роем Говардом. Отвечая на вопрос собеседника о позиции СССР в случае нападения Японии на МНР, советский лидер сказал: «В случае если Япония решится напасть на Монгольскую Народную Республику, покушаясь на ее независимость, нам придется помочь Монгольской Народной Республике. Заместитель Литвинова Стомяков уже заявил об этом японскому послу в Москве, указав на неизменно дружеские отношения, которые СССР поддерживает с МНР с 1921 года. Мы поможем МНР так же, как помогали ей в 1921 году».

Вслед за этим 12 марта 1936 г. состоялось подписание Советско-монгольского протокола о взаимной помощи против агрессора. Тогда это возымело эффект. Японский генералитет решил отложить намечавшийся захват МНР.

В исторической литературе при анализе причин развязывания командованием японской армии крупного вооруженного конфликта на территории союзной СССР Монгольской Народной Республики в районе реки Халхин-Гол (в Японии этот район именуется Номонхан)

внимание уделяется в основном военным целям предпринятой операции. Действительно, планируя очередную военную вылазку против Советского Союза, в японских штабах преследовали цель проверить действенность нового варианта плана и испытать обороноспособность советских войск на западном направлении, а также готовность советского правительства выполнить свои обязательства по заключенному военному союзу с МНР.

Японские генералы стремились восстановить авторитет императорской армии, подорванный неспособностью быстро завершить войну в Китае и поражением у озера Хасан. В японской «Официальной истории войны в Великой Восточной Азии» признается: «Лишившись уверенности в победе, армия находилась в состоянии сильной раздражительности и нетерпения — как в отношении военных действий против Китая, так и в отношении операций против СССР». Однако подлинные причины, толкнувшие японское командование на развязывание военных действий на территории МНР, были гораздо сложнее, чем просто стремление взять реванш за поражение на озере Хасан.

Как уже отмечалось, первая и главная причина состояла в том, что бы угрозой войны вынудить советское правительство отказаться от помощи Китаю. В этом случае, по японским расчетам, Чан Кайши должен был прийти к выводу, что «его ставка на помощь со стороны Советского Союза неосновательна» и лучше пойти на мирное улаживание японо-китайского конфликта, разумеется, на японских условиях.

Вторая причина. Предстоящие события на Халхин-Голе рассматривались японским руководством как важный козырь в дипломатической игре с западными державами. Это подтверждают японские документы. Так, в «Секретном оперативном дневнике Квантунской армии» в связи с началом номонханских (халхингольских) событий была сделана следующая запись: «Есть уверенность в последовательном разгроме советских войск... Это является единственным способом создать выгодную для Японии обстановку на переговорах с Великобританией».

Речь шла о переговорах по заключению между Японией и Великобританией так называемого соглашения Арита — Крейги, которое вошло в историю как дальневосточный вариант мюнхенского сговора. По существу, капитулировав перед Японией, английское правитель-

ство пошло на признание японских захватов в Китае. В значительной степени такое решение Лондона было ускорено событиями на Халхин-Голе. Рассчитывая на расширение конфликта до масштабов войны, английское правительство обязалось не создавать Японии проблем в тылу, в Китае. Это со всей определенностью было оговорено в японо-английском соглашении, которое гласило: «Правительство Соединенного королевства полностью признает действительное положение в Китае, в котором ведутся крупномасштабные действия, и отмечает, что до тех пор, пока сохраняется такое положение, японская армия в Китае имеет особые права на обеспечение собственной безопасности и поддержание общественного порядка в районах, находящихся под ее контролем. Признается, что она (японская армия) вынуждена подавлять и устранять действия, которые будут выгодны ее противнику.

Правительство Его Величества не намерено предпринимать какие-либо действия или меры, наносящие ущерб осуществлению вышеуказанных задач японской армии...» Заключенное 22 июля 1939 г., в разгар халхин-гольских боев, это соглашение поощряло Японию на расширение военных действий против СССР.

Третье. Японское правительство стремилось использовать военные действия против МНР и СССР как фактор сдерживания США от применения к Японии экономических санкций. 10 июля японский посол в Вашингтоне Хориноути Кэнсукэ убеждал Хэлла, что все действия Японии продиктованы борьбой против Советского Союза. В ходе последующих бесед он неоднократно поднимал тему «угрозы большевизма». Хэлл соглашался с собеседником, указывая, что США также выступают против усиления Советского Союза.

И хотя 24 июля 1939 г. правительство США все же объявило о денонсации торгового договора с Японией, практическое осуществление этого решения было отложено на шесть месяцев. Существует достаточно оснований полагать, что не последнюю роль здесь сыграл тот факт, что именно в эти дни шли ожесточенные бои между японскими и советскими войсками на Халхин-Голе. Денонсация торгового договора в этих условиях не нанесла никакого ущерба Японии. Более того, занятая США позиция позволила Японии закупить в 1939 г. в 10 раз больше американского железного и стального лома, чем в 1938 г. Не прекращалась торговля и другими жизненно важными для военно-промышленного комплекса Японии стратегическими товарами.

И четвертая причина. Резкое обострение японо-советских отношений, прямое вооруженное столкновение с СССР отвечали целям Японии, преследуемым на проходивших в 1939 г. в Берлине переговорах об основах военно-политического союза Германии, Японии и Италии (Тройственный пакт). Токио добивался военного союза, направленного главным образом против СССР, стремясь воздержаться от принятия обязательств по совместно с Германией и Италией участию в войне с Великобританией и Францией, на чем настаивали европейские фашистские государства.

В своих донесениях из Токио Зорге весной 1939 г. следующим образом оценивал ситуацию: «Сведения о военном антикоминтерновском пакте: в случае если Германия и Италия начнут войну с СССР, Япония присоединится к ним в любой момент, не ставя никаких условий. Но если война будет начата с демократическими странами, то Япония присоединится только при нападении на Дальнем Востоке или если СССР в войне присоединится к демократическим странам».

По расчетам японского руководства, начало военных действий между Японией и Советским Союзом должно было подтолкнуть Германию к согласию с японской позицией. Японское правительство знало о существовавших среди немецких политиков и военных «сомнениях относительно способности Японии выполнить глобальные задачи по установлению нового порядка в Азии, внести свой вклад в борьбу как против СССР, так и особенно против США и Великобритании».

Токио было известно и о том, что германское руководство стремится подчинить политику и действия Японии, как более слабого союзника, планам и действиям Германии. Это усиливало позиции японских сторонников вооруженной конфронтации с СССР, которые прямо заявляли, что наиболее важным для доказательства силы и боевой способности японских вооруженных сил не только германскому союзнику, но и руководителям США и Великобритании была бы серьезная военная акция против Советского Союза.

Принимая весной 1939 г. решение об организации крупной военной провокации в МНР, японское военно-политическое руководство считало, что международная обстановка позволяла рассчитывать на успех даже в случае перерастания конфликта в войну.

Представители высшего военного командования Японии признавали после войны: «В Европе в этот период возрастала мощь Германии, она аннексировала Австрию, оккупировала Чехословакию. Обстановка в Европе давала основания считать, что в обозримом будущем Германия может приступить к разрешению своих проблем с СССР. С другой стороны, на Дальнем Востоке японские войска, захватив Ханькоу и Кантон, завершили операционную фазу в китайском инциденте, после чего Япония намеревалась приступить к новому этапу разрешения конфликта, главным образом политическими методами, хотя продолжая при этом военные действия. Японский генеральный штаб надеялся встретить будущее, готовя решающую войну против Советского Союза. В этом случае предусматривалось быстро перебросить в Маньчжурию большую часть японской армии, не создавая затруднений для разрешения китайского инцидента».

Хотя в официальной японской историографии до сих пор утверждается, что события на Халхин-Голе не были спланированы центральным военно-политическим руководством Японии, а первоначально были не чем иным как одним из многочисленных пограничных инцидентов, в действительности это не так.

В Москве о готовящейся очередной вооруженной провокации против СССР знали заранее. 3 марта 1939 г. разведуправление РККА информировало руководство страны:

«1. Английские круги в Китае считают весьма вероятным, что японцы в ближайшее время предпримут новое вторжение на советскую территорию, причем предполагают, что масштаб этой провокации будет более крупным, чем это было в районе оз. Хасан в июле-августе 1938 г. Однако ввиду того, что цель предстоящего вторжения на территорию СССР заключается в том, чтобы поднять патриотические настроения в японской армии и в народе, это вторжение не будет глубоким, и японцы постараются быстро уладить этот «инцидент».

2. В японских военных кругах в Шанхае муссируются слухи о том, что в мае 1939 г. следует ожидать большого выступления против СССР, причем, по слухам, это выступление может вылиться в войну.

3. По сведениям, требующим проверки, генерал-лейтенант Исихара (Кандзи) в настоящее время совершает объезд пограничных частей и укрепленных районов на маньчжуро-советской границе, где проводит инструктивные совещания с командным составом. Япон-

ские военные круги в Шанхае рассматривают эту поездку как часть плана подготовки к новому нападению на СССР».

Эти данные подтверждались действиями японской армии. За первые три с половиной месяца 1939 г. японцы совершили более 30 нарушений границы, на территории МНР расширялась агентурная сеть. Провокации японцев на границе, а также захват ими советских судов в море вынудили СССР в первой половине 1939 г. увеличить численность вооруженных сил страны на 345 тысяч человек вместо 57 тысяч, предусмотренных пятилетним планом военного строительства. Часть их была направлена на Дальний Восток: в Забайкальский военный округ, на Тихоокеанский флот и в 57-й особый корпус, дислоцировавшийся в МНР.

В середине 30-х гг. вопреки официальным картам, на которых была зафиксирована государственная граница Монголии и Китая — восточнее реки Халхин-Гол на 20—25 км, японцы стали требовать признания границы по реке Халхин-Гол. При этом в 1935 г. были изданы карты, на которых, в отличие от карт 1934 г., граница была уже «перенесена» вглубь МНР на 20 км. Попытки монгольской стороны протестовать и провести в начале июня 1935 г. переговоры по поводу линии прохождения границы ни к чему не привели — японцы стояли на своем. Более того, от имени штаба Квантунской армии были выдвинуты дополнительные требования к Улан-Батору. В ответ правительство МНР сделало официальное заявление о том, что отвергает требования правительства Маньчжоу-Го и воспринимает их «как прямое покушение на суверенитет и независимость МНР». Тем не менее, несмотря даже на заключение между МНР и СССР военного союза и размещение на территории МНР советских войск, японские военные круги продолжали совершать набеги на пограничные районы МНР. Планируя крупное столкновение с советско-монгольскими войсками в 1939 г., как и во времена хасанских событий, Япония вновь прибегла к требованию удовлетворения ее ничем не обоснованных территориальных притязаний.

Существует достаточно свидетельств того, что халхин-гольские события были тщательно спланированной акцией. Непосредственно подготовкой вооруженной провокации занимались командированные в марте 1939 г. в Квантунскую армию из оперативного управления генштаба полковник Тэрада Масао и подполковник Хаттори Такуси-

ро. В районе намечавшихся военных действий была сосредоточена 23-я дивизия, офицеры штаба которой считались «специалистами по Советскому Союзу и Красной Армии». Сам командир 23-й дивизии генерал-лейтенант Комацубара Матитаро ~~слыл~~ знатоком «психологии красных», так как до этого был военным атташе в Москве.

К концу апреля подготовка к проведению операции была завершена. Оставалось лишь спровоцировать начало военных боевых действий. И это тоже было продумано. 25 апреля командующий Квантунской армией генерал Уэда Кэнкити направил командирам пограничных частей «Инструкцию по разрешению конфликтов на границе Маньчжоу-Го и СССР». Согласно этой инструкции, командиры передовых частей и подразделений должны были «самостоятельно определять линию прохождения границы и указывать ее частям первого эшелона». При вооруженных столкновениях надлежало «в любом случае, независимо от масштабов конфликта и его места, добиваться победы», для чего «решительно нападать и принуждать советские войска к капитуляции». При этом разрешалось «вторгаться на советскую территорию или сознательно вовлекать советские войска на территорию Маньчжоу-Го». В инструкции указывалось, что «все прежние указания отменяются».

Содержание инструкции вело к неизбежному столкновению на границе. Очевидно, что самостоятельно издать подобную провоцирующую войну с СССР инструкцию командующий Квантунской армией не мог. Существуют указания на то, что эта разработанная в Токио инструкция докладывалась императору и получила его одобрение.

ПЕРВАЯ ПОБЕДА ПОЛКОВОДЦА

Японские стратеги полагали, что, действуя на расстоянии 800 км от ближайшей железнодорожной станции, советские войска не смогут быстро организовать подвоз подкреплений и материальное обеспечение частей. С другой стороны, Квантунская армия, планировавшая действия в районе, отстоявшем на 150—200 км от железной дороги, заранее подготовила базы снабжения. В докладе командования Квантунской армии генштабу указывалось, что Советскому Союзу для ведения боевых действий в Монголии придется «затратить усилий в десять раз больше, чем японской армии».

Временно стабилизировав положение на китайском фронте, японское командование перебросило часть войск из Китая в Маньчжурию для усиления подготовки к столкновению с СССР. Близ западных границ МНР формировалась японская 6-я армия. В случае успешного развития операции она должна была попытаться через территорию МНР выйти в тыл Дальневосточной армии, перерезав Транссибирскую железнодорожную магистраль.

Получив вышеуказанную инструкцию, командир 23-й дивизии Комацубара лично провел рекогносцировку и необходимые приготовления. 12 мая он отправил усиленную двумя ротами разведгруппу под командованием подполковника Адзума Аодзо к границе с задачей «отбросить пограничные подразделения монгольской армии за реку». Монгольские пограничники оказали сопротивление, что было использовано как повод для расширения конфликта. На следующий день японцы ввели в бой пехотный полк, поддержанный авиацией, и, оттеснив пограничные заставы Монгольской народно-революционной армии, вышли к реке Халхин-Гол. Но 15 мая они были выбиты с монгольской территории.

Одновременно с расширением боевых действий на западном направлении осуществлялась концентрация в Восточной Маньчжурии главных сил Квантунской армии, которая приводилась в боевую готовность на случай получения приказа о вторжении в Уссурийскую, Хабаровскую и Амурскую области. Существовал план «молниеносного захвата» советских городов — Хабаровска, Благовещенска, Куйбышевки.

19 мая 1939 г. советское правительство заявило Японии протест против грубого нарушения границы МНР и потребовало прекратить агрессивные действия японо-маньчжурских войск. Тогда нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов заявил японскому послу Того Сигэнори для передачи в Токио: «...Я должен предупредить, что всякому терпению есть предел, и прошу посла передать японскому правительству, чтобы больше этого не было. Так будет лучше в интересах самого же японского правительства... Имеется бесспорный факт, что японо-маньчжурские части нарушили границу МНР и открыли военные действия, что это нападение на территорию МНР совершили японо-маньчжурские войска и самолеты. Мы с этим мириться не будем. Нельзя испытывать терпение монгольского правительства и думать, что это

будет проходить безнаказанно. Мое заявление находится в полном соответствии с пактом о взаимопомощи между СССР и МНР».

По приказу из Москвы к монгольской границе направлялись советские войска, в том числе 11-я танковая бригада. Однако японское командование упорно продолжало осуществлять план операции.

28 мая части японской 23-й дивизии после бомбовых ударов авиации перешли в наступление. Понеся потери, советско-монгольские войска вынуждены были отойти к реке Халхин-Гол. 30 мая японский генеральный штаб направил командованию Квантунской армии следующую телеграмму: «Поздравляем с блестящим военным успехом в действиях вашей армии в районе Номонхан». В тот же день генштаб отдал распоряжение о включении в состав Квантунской армии 1-го авиационного соединения (180 самолетов) и запросил о дополнительных нуждах армии в войсках и военных материалах.

Для советского правительства сложилась тревожная обстановка, требовавшая незамедлительных ответственных решений. Хотя анализ ситуации на Дальнем Востоке свидетельствовал о том, что в данный момент японское руководство едва ли было готово развязать большую войну против СССР, по данным разведки, Токио направил командованию Квантунской армии новые инструкции «продолжать в расширенном масштабе военные действия у Буин-Нур (МНР)».

В Кремле было решено, не допуская перерастания халхин-гольских событий в войну, преподать японцам чувствительный урок. 1 июня в Москву срочно был вызван заместитель командующего войсками Белорусского военного округа Г.К. Жуков, которому было предложено незамедлительно вылететь в район Халхин-Гола. О том, как оценивались советским командованием столкновения с японцами, Г.К. Жуков рассказывал в своих мемуарах «Воспоминания и размышления»:

«Войдя в кабинет, я отрапортовал наркому о прибытии. К.Е. Ворошилов, справившись о здоровье, сказал:

— Японские войска внезапно вторглись в пределы дружественной нам Монголии, которую Советское правительство договором от 12 марта 1936 года обязалось защитить от всякой внешней агрессии. Вот карта района вторжения с обстановкой на 30 мая.

Я подошел к карте.

— Вот здесь, — указал нарком, — длительное время проводились мелкие провокационные налеты на монгольских пограничников, а

вот здесь японские войска в составе группы войск Хайларского гарнизона вторглись на территорию МНР и напали на монгольские пограничные части, прикрывавшие участок местности восточнее реки Халхин-Гол.

— Думаю, — продолжал нарком, — это затеяна серьезная военная авантюра. Во всяком случае, на этом дело не кончится... Можете ли вы вылететь туда немедленно и, если потребуется, принять на себя командование войсками?

— Готов вылететь сию же минуту».

В ходе июньских боев японская группировка вторжения вновь была отброшена в район государственной границы МНР. Этому предшествовали сражения в воздухе советской и японской авиации. В воздушных боях с 22 по 28 июня японцы потеряли 90 самолетов. Потери советской авиации составили 38 машин. Столь серьезные авиационные сражения явились поводом для Москвы дать 26 июня по радио первое официальное сообщение ТАСС о событиях в районе реки Халхин-Гол.

В начале июля силами крупной группировки войск (38 тысяч солдат и офицеров, 310 орудий, 135 танков, 225 самолетов) командованием Квантунской армии была предпринята попытка захватить на западном берегу реки Халхин-Гол оперативный плацдарм для последующих действий. Эта группировка превосходила советско-монгольские войска по живой силе в 3 раза, по числу артиллерийских орудий — в 3 раза, по противотанковым орудиям — в 6 раз, по кавалерии — в 4 с половиной раза, по самолетам — почти в 3 раза. В состав группировки были введены свежие силы. Получившие приказ на проведение «решающего наступления» войсковые группы под командованием генерал-лейтенанта Ясуока Масаоми и генерал-майора Кобаяси Коити должны были окружить советско-монгольские войска и уничтожить их.

Начавшееся 2 июля сражение по названию района боевых действий получило наименование Баин-Цаганское. В этом сражении проявился полководческий талант впоследствии прославленного советского маршала Г.К. Жукова. Против имевшей большое численное превосходство японской группировки были использованы части 11-й танковой бригады и бомбардировочная авиация, в результате действий которых ударная группировка генерала Кобаяси была при-

жата к реке и разгромлена. Лишь за одни сутки боев потери японской армии составили 3,5 тысячи солдат и офицеров. Всего же в ходе четырехдневного Баин-Цаганского сражения японцы потеряли почти все танки, значительную часть артиллерии, 45 самолетов и около 10 тысяч человек убитыми и ранеными.

18 июля всеми силами 23-й дивизии, включая резервы, была предпринята попытка перейти еще раз в наступление. В бой были брошены пехота, артиллерия, танки, бронемашины, кавалерия, авиация. За четыре дня кровопролитных боев потери японской стороны составили еще 5 с половиной тысяч убитыми и ранеными. В ходе июльских воздушных боев было уничтожено 116 японских самолетов.

Г.К. Жуков так описывал эти бои:

«...Японцы были ошеломлены стремительным ударом танковой бригады, притихли в своих противотанковых лунках и только через 10 минут открыли артиллерийский огонь по нашим танкам. От огня противника загорелось несколько танков, и это, видимо, как-то подбодрило японцев. Они значительно усилили артиллерийский и пулеметный огонь. На поле боя уже горело до 15 наших танков. Но никакая сила и огонь врага не могли остановить боевого порыва наших славных танкистов...

Японцы отбивались от наших атак отчаянно. Но грозная лавина танков, бронемашин и пехоты все дальше и дальше продвигалась вперед, ломая и громя все, что попадало под гусеницы танков, огонь артиллерии, под удар пехоты.

Японцы бросили всю свою авиацию против атакующих наших войск, но ее встретила и атаковала наша авиация. Бой с неослабевающей силой продолжался всю ночь. Утром, подбросив за ночь свежие силы, японцы попытались перейти в наступление, но эта их попытка была немедленно подавлена».

Поражение в Баин-Цаганском сражении вынудило командование Квантунской армии перейти к обороне. В то же время велась подготовка к еще одному «решающему наступлению», необходимость которого диктовалась не только военными целями, но в значительной степени и политическими соображениями. Следовало как можно скорее восстановить пошатнувшийся престиж Японии и ее вооруженных сил в глазах западных держав, пристально следивших за развитием халхингольских сражений и все больше убеждавшихся в том, что Японии ве-

сти серьезную войну один на один против СССР не под силу. Поэтому премьер-министр и военный министр Японии потребовали «скорейшего наступления, окружения и уничтожения противника».

В течение августа японская 6-я армия, усиленная частями, сформированными из китайцев, готовилась к наступлению. Для «генерального наступления» было сосредоточено 75 тысяч человек, 500 орудий, 182 танка, более 300 самолетов. Считалось, что поскольку в результате проведенных мероприятий достигнуто тройное превосходство в силах над советско-монгольскими войсками, противник в этих условиях займет оборонительную позицию. Однако возглавивший группировку японских войск генерал Комацубара и его штаб не смогли определить подлинные оперативные замыслы советского командования, которые состояли в подготовке контр наступления с целью разгрома противостоящего противника.

Из донесений разведки стало известно, что командующий противостоящей советско-монгольским войскам 6-й армией генерал Риппо Огису и его штаб запланировали начало наступления на 24 августа. Вступивший в должность командующего сформированной 15 июля 1939 г. 1-й армейской группой комкор Жуков решил нанести неожиданный упреждающий удар до начала японского наступления. С целью дезинформации противника был разработан целый комплекс мероприятий по сокрытию подготовки к наступлению и созданию у японцев представления о переходе советско-монгольских войск к длительной обороне. Сложность предстоящей операции состояла, кроме всего прочего, в том, чтобы разгромить противника на ограниченном пространстве, не вторгаясь глубоко на территорию Маньчжоу-Го. На этот счет имелось строгое указание. Ознакомившись с первоначальным планом наступательной операции, Сталин заявил генштабистам: «Вы хотите развязать большую войну в Монголии. Противник в ответ на ваши обходы бросит дополнительные силы. Очаг борьбы неминуемо расширится, и (конфликт) примет затяжной характер, а мы будем втянуты в продолжительную войну».

Подготовка операции потребовала огромных усилий по снабжению войск боеприпасами, горюче-смазочными материалами, продовольствием. Для перевозки грузов на расстояние 1300—1400 км было использовано свыше 4 тысяч грузовых машин и 375 автоцистерн, прибывших в Монголию из Советского Союза.

К началу наступательной операции созданная в кратчайшие сроки советско-монгольская группировка превосходила японцев по танкам почти в 3 раза, а по самолетам — в 1,7 раза. Это позволяло Жукову планировать сковывание противника с фронта и нанесение сильных фланговых ударов с целью окружить и уничтожить его в ограниченном районе между государственной границей МНР и рекой Халхин-Гол.

Как отмечается в посвященной халхин-гольским событиям литературе, в этой операции «Жуков впервые в мировой военной практике использовал танковые и механизированные части для решения оперативных задач в качестве основной ударной силы фланговых группировок, совершавших маневр на окружение».

Наступление советско-монгольских войск было намечено на воскресное утро 20 августа. О том, как оно начиналось, рассказал сам командующий Жуков:

«6 ч. 15 м.

Наша артиллерия открыла внезапный и мощный огонь по зенитной артиллерии и зенитным пулеметам противника. Отдельные орудия дымовыми снарядами обстреляли цели, которые должна была бомбить наша бомбардировочная авиация.

В районе реки Халхин-Гол все больше и больше нарастал гул моторов подходившей авиации. В воздух поднялись 153 бомбардировщика и 100 истребителей. Их удары были весьма мощными и вызвали подъем у бойцов и командиров.

8 ч. 45 м.

Артиллерия и минометы всех калибров начали огневой налет по целям противника, доведя его до пределов своих технических возможностей. В это же время наша авиация нанесла удар по тылам противника. По всем телефонным проводам и радиостанциям была передана установленным кодом команда — через 15 минут начать общую атаку.

9 ч. 00 м.

Когда наша авиация штурмовала противника, бомбила его артиллерию, в воздух взвились красные ракеты, обозначавшие начало движения войск в атаку. Атакующие части, прикрываемые артиллерийским огнем, стремительно ринулись вперед.

Удар нашей авиацией и артиллерией был настолько мощным и удачным, что противник был морально и физически подавлен и не

мог в течение первых полутора часов открыть ответный артиллерийский огонь. Наблюдательные пункты, связь и огневые позиции японской артиллерии были разбиты...»

Оправившись от первого удара, японские войска вели 21 и 22 августа упорные оборонительные бои. Однако вскоре они приобрели очаговый характер. Попытки японцев контратаковать были безуспешны. К 28 августа японская группировка была подавлена и окружена. Началась ликвидация войск противника.

К утру 31 августа территория МНР была полностью очищена от японских войск. Важно отметить, что буквально за несколько дней боев была практически полностью уничтожена хорошо обученная и вооруженная, имевшая трехлетний опыт войны в Китае японская отдельная армия. Это был первый несомненный успех в будущем прославленного полководца Маршала Советского Союза Г.К. Жукова.

В японской исторической литературе халхин-гольские события упорно именуются «инцидентом» или «пограничным конфликтом». При этом ответственность за начало необъявленной войны на территории МНР нередко возлагается на Советский Союз. Так, в «Официальной истории войны в Великой Восточной Азии» вопреки фактам утверждается, что якобы «Советский Союз искал момента для нанесения удара по японской армии, чтобы лишить ее надежд на победу и сосредоточить все внимание на Европе... СССР хорошо знал, что занятое войной в Китае японское правительство придерживалось курса на недопущение расширения пограничных конфликтов». Для «обоснования» подобной концепции официальные японские историки прибегают к ставшим традиционными в японской историографии утверждениям о «чрезвычайной слабости Квантунской армии», «решительном превосходстве Красной Армии», «агрессивности коммунистической России» и т. д.

Не нужно быть большим стратегом, чтобы прийти к очевидному выводу о том, что халхин-гольские события создавали для Советского Союза опасность вовлечения в войну на два фронта — западном и восточном. Стремясь избежать этого, Москва последовательно проводила курс на нормализацию советско-японских отношений, недопущение вооруженных конфликтов.

Большинство современных японских историков и публицистов под давлением фактов не могут принять вышеизложенную концеп-

цию. Но немало среди них и таких исследователей, которые, признавая ответственность японской стороны за развязывание локальной войны, в то же время пытаются занимать апологетическую позицию в отношении тогдашнего центрального военно-политического руководства Японии. На страницах исторических работ и книг журналистов-политологов широкое распространение получили утверждения о том, что якобы «ответственность за расширение номонханского инцидента несут вышедшие из подчинения генерального штаба генералы и офицеры Квантунской армии». Получается, что Квантунская армия в течение четырех месяцев вела ожесточенные сражения вопреки приказам генштаба и императорской ставки. Это, конечно же, абсурд.

Квантунская армия действовала с согласия и одобрения военного министерства и генерального штаба армии, предоставивших ей свободу действий. Когда военный министр Итагаки получил информацию о расширении конфликта, он заявил: «Пусть Квантунская армия действует по своему усмотрению». Едва ли без согласования с центром можно было пригласить в район боевых действий военных атташе Германии и Италии и иностранных корреспондентов. Как отмечается в японской «Истории войны на Тихом океане», вместо отдачи приказа о прекращении боевых действий «ставка... планировала посылку в Квантунскую армию еще двух хорошо вооруженных дивизий и других подкреплений. Для этого были отобраны лучшие дивизии с китайского фронта... Они сосредоточивались в районе Номонхан». Трудно не согласиться с мнением японского исследователя Симада Тосихико, который писал: «Поскольку Советский Союз всегда был потенциальным противником Японии, она никогда не отказывалась от замыслов ведения боевых действий в Сибири. Следовательно, действия Квантунской армии в номонханских событиях, как и во многих других инцидентах, которые начинала эта армия, лишь опережали запланированные акции центрального руководства сухопутной армии».

О том, что события в МНР в районе реки Халхин-Гол являли собой отнюдь не инцидент, а ожесточенные сражения и должны рассматриваться как локальная война, свидетельствуют понесенные сторонами потери живой силы. По официальным советским данным, японцы потеряли за время боев с мая по сентябрь 1939 г. более 61 тысячи убитыми, ранеными и пленными. Потери советско-монгольских войск составили около 18,5 тысяч ранеными и убиты-

ми. Японские авторы приводят другие цифры потерь принимавших участие в сражениях частей Квантунской армии — 18 тысяч солдат и офицеров. При этом признается, что потери 23-й дивизии за период боевых действий составили 76 % участвовавших в боях военнослужащих. Обращается внимание на то, что потери в номонханских событиях значительно превосходили потери японской армии в других наиболее кровопролитных сражениях — 28 % в битве под Мукденом во время японско-русской войны и 34 % — в битве за остров Гуадалканал в войне на Тихом океане. Принимая это во внимание, некоторые японские авторы называют номонханские сражения «второй японско-русской войной».

«ПРЕДАТЕЛЬСТВО» ГИТЛЕРА

Военное поражение на Халхин-Голе сопровождалось поражением политическим. 23 августа 1939 г. в Москве был подписан советско-германский пакт о ненападении. Поступившее в дни мощного контрнаступления советско-монгольских войск сообщение о заключении между Москвой и Берлином этого договора привел японское руководство в сильное замешательство. Рихард Зорге так характеризовал сложившуюся в Токио обстановку:

«Переговоры о заключении договора о ненападении с Германией вызвали огромную сенсацию и оппозицию Германии.

Возможна отставка правительства после того, как будут установлены подробности заключения договора. Немецкий посол Отт также удивлен происшедшим.

Большинство членов правительства думают о расторжении Антикоминтерновского пакта с Германией.

Торговая и финансовая группы почти что договорились с Англией и Америкой.

Другие группы, примыкающие к полковнику Хасимото и к генералу Угаки, стоят за заключение договора о ненападении с СССР и изгнание Англии из Китая.

Нарастает внутривнутриполитический кризис».

О том же сообщал в Москву 24 августа и временный поверенный в делах СССР в Японии: «Известие о заключении пакта о ненападении

между СССР и Германией произвело здесь ошеломляющее впечатление, приведя в растерянность особенно военщину и фашистский лагерь...»

Неожиданный политический маневр Германии был воспринят Токио как вероломство, нарушение положений направленного против СССР Антикоминтерновского пакта. 26 августа японское правительство дало указание своему послу в Берлине генералу Осима Хироси вручить гитлеровскому руководству протест по поводу подписания германо-советского пакта о ненападении, охарактеризовав его как «противоречащий секретному соглашению, приложенному к Антикоминтерновскому пакту». Однако прогермански настроенный посол счел возможным задержать передачу официального дипломатического протеста.

Считая, что в условиях начавшейся 1 сентября 1939 г. нападением Германии на Польшу Второй мировой войны Японии не следовало портить отношения с немецким союзником, Осима стремился понизить значение дипломатического демарша Токио. Сообщая лишь 18 сентября о направленном японском протесте, он сказал статс-секретарю германского министерства иностранных дел Эрнсту фон Вейцекеру: «Как вам известно, в конце августа я отказался выразить резкий протест, как мне это поручило сделать японское правительство. Но я не мог действовать наперекор этому предписанию, поэтому я только телеграфировал, что последовал приказу, и ждал конца польской кампании. Я полагал, что этот шаг тогда не будет так важен...»

Перспективы развития Второй мировой войны были неясны, ибо несмотря на вступление в войну против Германии Великобритании и Франции, боевые действия в Западной Европе еще по сути дела не велись. В обстановке военного и политического поражения возглавлявшийся Хиранума Киитиро кабинет министров вынужден был сложить с себя полномочия. Ему на смену пришло правительство во главе с генералом в отставке Абэ Нобуюки, которое 4 сентября заявило о невмешательстве в войну в Европе. Вслед за этим 13 сентября был опубликован правительственный документ «Основы политики государства», в котором указывалось: «Основу политики составляет урегулирование китайского инцидента. Во внешней политике необходимо, твердо занимая самостоятельную позицию, действовать в соответствии со сложной международной обстановкой... Внутри стра-

ны сосредоточить внимание на завершении военных приготовлений и мобилизации для войны всей мощи государства».

15 сентября 1939 г. было подписано соглашение между Советским Союзом, МНР и Японией о прекращении военных действий на монгольско-маньчжурской границе. Была достигнута договоренность о переговорах по демаркации пограничной линии размежевания МНР и Маньчжоу-Го.

В Токио понимали, что в настоящий момент Японии не под силу военное соперничество с СССР один на один. Было очевидно и то, что основной союзник Японии — Германия намерена в течение определенного периода поддерживать мирные отношения с Москвой. Такие отношения с соседом на севере были выгодны и для Токио, по крайней мере, на период войны в Китае и укрепления мощи армии и флота. Поэтому было решено предпринять дипломатические шаги, призванные создать впечатление нормализации японо-советских отношений на длительную перспективу. Получало распространение мнение о целесообразности заключить с СССР аналогичный германо-советскому пакт о ненападении. При этом японское руководство, убедившись во время хасанских и халхин-гольских событий в стремлении Москвы избежать вовлечения в большую войну с Японией, в действительности не опасалось советского нападения.

Заключить пакт о ненападении с Советским Союзом побуждала японцев и Германия. При этом германские лидеры были готовы выступить в роли посредника между Москвой и Токио. В ходе советско-германских переговоров о заключении пакта о ненападении нарком иностранных дел Молотов поставил вопрос: готова ли Германия оказать воздействие на Японию ради улучшения советско-японских отношений и разрешения пограничных конфликтов? На встрече со Сталиным министр иностранных дел Германии Иоахим фон Риббентроп заверил его, что германо-японские связи «не имеют антирусской основы, и Германия, конечно же, внесет ценный вклад в разрешение дальневосточных проблем». Сталин предупредил собеседника: «Мы желаем улучшения отношений с Японией. Однако есть предел нашему терпению в отношении японских провокаций. Если Япония хочет войны, она ее получит. Советский Союз этого не боится. Он к такой войне готов. Но если Япония хочет мира, это было бы хорошо. Мы думаем, как Германия могла бы помочь нормализации советско-

японских отношений. Однако мы не хотели бы, чтобы у Японии сложилось впечатление, что это инициатива советской стороны».

Обсуждение этого вопроса было продолжено уже после достигнутого перемирия в боях на Халхин-Голе во время беседы Риббентропа со Сталиным и Молотовым в Москве 28 сентября 1939 г. Из германской записи беседы:

«...Г-н министр (Риббентроп) предложил Сталину, чтобы после окончания переговоров было опубликовано совместное заявление Молотова и немецкого имперского министра иностранных дел, в котором бы указывалось на подписанные договоры и под конец содержался какой-то жест в сторону Японии в пользу компромисса между Советским Союзом и Японией. Г-н министр обосновал свое предложение, сославшись на недавно полученную от немецкого посла в Токио телеграмму, в которой указывается, что определенные, преимущественно военные, круги в Японии хотели бы компромисса с Советским Союзом. В этом они наталкиваются на сопротивление со стороны определенных придворных, экономических и политических кругов и нуждаются в поддержке с нашей стороны в их устремлениях.

Г-н Сталин ответил, что он полностью одобряет намерения г-на министра, однако считает непригодным предложенный им путь из следующих соображений: премьер-министр Абэ до сих пор не проявил никакого желания достичь компромисса между Советским Союзом и Японией. Каждый шаг Советского Союза в этом направлении с японской стороны истолковывается как признак слабости и попрашайничества. Он попросил бы господина имперского министра иностранных дел не обижаться на него, если он скажет, что он, Сталин, лучше знает азиатов, чем г-н фон Риббентроп. У этих людей особая ментальность, на них можно действовать только силой. В августовские дни, приблизительно во время первого визита г-на Риббентропа в Москву, японский посол Того прибежал и просил перемирия. В то же время японцы на монгольской границе предприняли атаку на советскую территорию силами двухсот самолетов, которая была отбита с огромными потерями для японцев и потерпела неудачу. Вслед за этим Советское правительство, не сообщая ни о чем в газетах, приняло действия, в ходе которых была окружена группа японских войск, причем было убито почти 25 тысяч человек. Только после это-

го японцы заключили перемирие с Советским Союзом. Теперь они занимаются тем, что откапывают тела погибших и перевозят их в Японию. После того как уже вывезли пять тысяч трупов, они поняли, что зарвались, и, кажется, от своего замысла отказались».

Из этих высказываний Сталина ясно, что он был готов к переговорам с японцами о пакте о ненападении и был заинтересован в подобном соглашении, но ждал, когда об этом попросит японское правительство. Понимая это, германское руководство продолжило работу с японцами в этом направлении. Однако Германия при этом была отнюдь не бескорыстна.

Временная нормализация советско-японских отношений на период войны с западными державами была выгодна Берлину. В этом случае Японию легче было побуждать к действиям против Великобритании на Дальнем Востоке. По расчетам Гитлера, нападение японцев на дальневосточные владения Великобритании могло бы нейтрализовать последнюю. «Оказавшись в сложной обстановке в Западной Европе, в Средиземноморье и на Дальнем Востоке, Великобритания не будет воевать», — заявлял он. На встречах с японским послом Осимой Риббентроп говорил: «Я думаю, лучшей политикой для нас было бы заключить японо-германо-советский пакт о ненападении и затем выступить против Великобритании. Если это удастся, Япония сможет беспрепятственно распространить свою мощь в Восточной Азии, двигаться в южном направлении, где находятся ее жизненные интересы». Осима с энтузиазмом поддерживал такую политику.

Однако несмотря на испытанный в августе дипломатический шок и вызванные им призывы последовать в политике в отношении СССР за Германией, японское правительство продолжало колебаться, небезосновательно опасаясь, что заключение японо-советского пакта о ненападении вызовет недовольство и подозрительность со стороны западных держав. В то же время в Токио понимали значение посредничества Германии в урегулировании японо-советских отношений. Японская газета «Мияко» писала: «Если будет необходимо, Япония заключит с СССР договор о ненападении и будет иметь возможность двигаться на юг, не чувствуя стеснений со стороны других государств».

Для демонстрации своего намерения нормализовать отношения с СССР японское правительство сочло целесообразным сначала начать

переговоры о заключении между двумя государствами ряда торгово-экономических соглашений. 4 октября посол Японии в СССР Того передал советскому правительству предложения об установлении режима наибольшего благоприятствования в торговле и мореплавании, а также проект соглашения о торговле. 13 ноября представители МИД Японии официально заявили о желании Токио заключить рыболовную конвенцию и торговый договор. Эти мероприятия рассматривались как реализация политики временного «превращения врага на севере в друга».

Однако факты и документы свидетельствуют о том, что потрясшее официальный Токио поражение на Халхин-Голе не только не заставило японское руководство отказаться от планов войны с СССР, но, наоборот, побудило внести серьезные коррективы в программы подготовки к такой войне. В сентябре 1939 г. имевший большое влияние на политику государства принц Коноэ Фумимаро заявил германскому послу Отту: «Японии потребуется еще два года, чтобы достигнуть уровня техники, вооружения и механизации, который показали советские войска в боях в районе Номонхан».

О необходимости сделать не политические, а лишь военно-технические выводы из поражения в халхин-гольских сражениях в Японии говорили открыто. Так, ведущая газета страны «Асахи» писала вскоре после разгрома японских войск в Монголии: «Наши военные власти должны вынести из этих событий поучительный урок о том, что впредь военные приготовления необходимо доводить до совершенства... Нужно максимально насытить сухопутные войска моторизованными частями. В этом кроется глубочайший смысл произошедшего... Нам нужно твердо усвоить уроки Номонхана. Необходимо должным образом и всеми силами готовиться к обороне страны не только морально, но и материально. Сейчас мы остро ощутили эту насущную потребность».

В декабре 1939 г. в Японии был принят «Пересмотренный план наращивания мощи сухопутных сил». Генералитет японской армии продолжал исходить из того, что, несмотря на заключение германо-советского пакта о ненападении, война в Европе на определенном этапе вовлечет в свою орбиту и Советский Союз. Готовясь к такому развитию обстановки, в Токио считали необходимым «максимально ограничить военные действия в Китае, сократить число находящихся

там войск. Мобилизовать бюджетные и материальные ресурсы и расширить подготовку к войне против Советского Союза». Для высвобождения необходимых для войны против СССР сил планировалось сократить японские войска в Китае с 850 тысяч до 500 тысяч. При этом предусматривалось ограничиться оккупацией лишь районов Северного Китая, Внутренней Монголии, а также городов Нанкин и Шанхай.

Военное министерство и генеральный штаб приняли решение довести число пехотных дивизий империи до 65, авиационных эскадрилий до 160, резко увеличить количество бронетанковых частей. На китайском фронте должны были действовать 20 дивизий, остальные надлежало разместить в Маньчжурии и готовить их к операциям против Красной Армии.

Демонстрация стремления нормализовать отношения с Москвой преследовала достижение главной цели японской политики — изолировать Советский Союз от Китая. В согласованном 28 декабря 1939 г. между министром иностранных дел Номура Китисабуро, военным министром Хата Синроку и военно-морским министром Ёсида Дзэнго документе «Основные принципы политического курса в отношении иностранных государств» по поводу Советского Союза говорилось: «Необходимым предварительным условием заключения пакта о ненападении должно быть официальное признание прекращения советской помощи Китаю».

Токио имел все основания считать, что именно советская помощь являлась одним из важных препятствий, не позволявших японским войскам покорить Китай. К сентябрю 1939 г. из СССР в Китай была поставлена очередная партия вооружения — 250 орудий, 4400 пулеметов, 500 тысяч снарядов, 150 млн патронов. Только с июля по сентябрь в Китай были направлены 459 советских военных летчиков, которые принимали активное участие в сражениях на фронтах японо-китайской войны. О роли советской помощи в этой войне лидер китайской компартии Мао Цзэдун писал в 1940-м г.: «Если Китай хочет стать независимым, то он никак не может обойтись без помощи социалистического государства и международного пролетариата... Это особенно относится к помощи Советского Союза, которая является необходимым условием завоевания окончательной победы в войне против японских захватчиков».

Позиция Советского Союза в отношении помощи Китаю вызывала сильное раздражение японских правящих кругов, особенно военных. Хотя после разгрома на Халхин-Голе они не могли продолжать провоцировать конфликты на советской границе, многие противились даже временной нормализации отношений с Москвой. Военный министр Хата в интервью корреспонденту газеты «Асахи» заявил в декабре 1939 г., что причиной неудач Японии является отсутствие у народа бдительности в отношении работы «красного дьявола».

Виновные за развязывание кровопролитных номонханских сражений были наказаны лишь для проформы и продолжали оказывать большое влияние на определение политики в отношении СССР. Бывший старший офицер императорской армии Хаяси Сабуро писал после войны: «...Большинство сотрудников первого (оперативного) отдела штаба Квантунской армии, которые сыграли главную роль в инциденте в районе Номонхан и должны были нести ответственность за него, были лишь переведены на хлебные места, а спустя некоторое время почему-то очутились в центре и к тому же на важных постах... Когда сторонники позитивной политики совершали ошибки, управление кадров смотрело на это сквозь пальцы. Если их и наказывали, то только для вида...»

Дипломатические маневры Японии не могли скрыть истинных намерений японского руководства, связанных с политикой в отношении северного соседа. По вине Токио советско-японские отношения осенью — зимой 1939 г. оставались напряженными. Японское правительство активно подключилось к поднятой в США, Великобритании и Франции шумной антисоветской кампании в связи с советско-финляндским конфликтом. Военный министр Хата заявил тогда в японском парламенте: «Понесенные потери являются действительно громадным уроком для нашей армии... Мы уже приступили к осуществлению соответствующих мероприятий... Кровь, пролитая па полях Номонхана, не останется напрасно пролитой кровью».

В Токио понимали, что советско-финляндский конфликт и последовавшие за этим мероприятия правительств Великобритании, Франции и США, в частности исключение СССР из Лиги Наций, были направлены на то, чтобы вместо войны с Германией начать войну против Советского Союза. Это усилило позиции сторонников не-

примиримой политики в отношении СССР. Японские военные круги стали открыто выступать против самой идеи пакта о ненападении с СССР, заявляя, что она «подрывает идеологические основы Японии». В качестве платы за участие в антисоветском «крестовом походе» политические и военные лидеры этой страны небезосновательно рассчитывали на дальнейшие серьезные уступки западных держав в Восточной Азии, в первую очередь в Китае.

В декабре 1939 г. правительство США попыталось получить от МИД Японии официальное подтверждение того, что пакт о ненападении не входит в японскую программу переговоров с СССР. В Токио учитывали беспокойство правительств западных государств, которое те испытывали, наблюдая за признаками нормализации японо-советских отношений. Хотя японское руководство было заинтересовано в политике шантажа крупных держав мира перспективой японо-советского сближения, оно в то же время стремилось поддерживать их надежды на очередное столкновение Японии с СССР. Советско-финляндский конфликт предоставил возможность подтвердить эти надежды. Отнюдь не случайно в январе 1940 г. японский министр иностранных дел Арита Хатино вновь стал выступать с воинственными призывами к «борьбе с Коминтерном».

Зимой 1939—1940 г. японское командование демонстративно форсировало подготовку к походу на север: росла численность Квантунской армии, дивизии оснащались новейшим вооружением. Готовясь к боевым действиям против Советского Союза, в целях повышения маневренности войск в условиях тайги, бездорожья и глубокого снега, командование отдало приказ о подготовке для Квантунской армии 9 тысяч саней для транспортировки на них тяжелых пулеметов и легких орудий. В результате проведенных мероприятий в течение 1940 г. число дивизий Квантунской армии увеличилось с 9 до 11, крупных отрядов вдоль границы в укрепленных районах — с 8 до 13, авиапунктов (включая расположенные в Корее) — с 18 до 22.

Японские военные историки признают, что «во время советско-финляндского конфликта японский генеральный штаб проявлял к нему большой интерес». В конце осени 1939 г. он разработал очередной оперативно-стратегический план войны с СССР. Цель наступательных операций состояла в «разгроме русской армии, дислоцировавшейся на Дальнем Востоке, и захвате территорий к востоку от

населенного пункта Рухлово и Большого Хингана» с последующей оккупацией Забайкалья, Северного Сахалина и Камчатки.

Однако замыслам организовать новый вооруженный поход против СССР не суждено было осуществиться. Финляндия потерпела поражение, 12 марта 1940 г. был заключен советско-финляндский мирный договор.

Советское правительство отчетливо сознавало, что в Японии сохраняют влияние силы, враждебно настроенные против СССР. Справившись с растерянностью, вызванной заключением германо-советского пакта о ненападении, японские лидеры продолжали уповать на союз с агрессивными государствами Европы. Министр иностранных дел Арита подчеркивал: «Антикоминтерновский блок не распался, сохранив в себе такие силы, как Япония, Италия, Маньчжурия и Испания... Да и сама Германия не отказалась от этого союза». Правильно оценив подлинные цели Германии при заключении пакта с СССР, Арита, со своей стороны, не спешил связывать Токио каким то ни было обязательствами в отношении Советского Союза. 16 января 1940 г. он заявил: «Полное урегулирование пограничных проблем будет равнозначно пакту о ненападении. Заключение же такого пакта — дело отдаленного будущего и не очень полезное».

Было ясно, что японский генералитет не смирится с поражением и будет искать возможности для реванша. Поэтому с трибуны сессии Верховного Совета СССР (март-апрель 1940 г.) прозвучало предупреждение: «В Японии должны, наконец, понять, что Советский Союз ни в коем случае не допустит нарушения его интересов. Только при таком понимании советско-японских отношений они могут развиваться удовлетворительно».

Глава третья ДИПЛОМАТИЯ КАНУНА ВОЙНЫ

ПАКТ О ДВУХ КОНЦАХ

Следует отметить, что нормализация советско-японских отношений, даже временная, не устраивала не только западные державы, но и гоминьдановское руководство Китая во главе с Чан Кайши. Тайные замыслы и завуалированные действия, направленные на обострение отношений Москвы и Токио, были откровенно высказаны командующим 5-го военного района Китая генералом Ли Цзунженем в беседе с советским послом в Китае А.С. Панюшкиным. 12 октября 1939 г. он говорил: «Война на Западе является выгодной для СССР... Германия, Англия и Франция завязнут в войне. Им будет не до СССР... Англия может подтолкнуть Японию на войну с СССР с Востока... Если на Западе будет война, то, не беспокоясь за свои западные границы, СССР может нанести решительный удар по Японии. Это повлечет за собой освобождение угнетенной Кореи, даст Китаю возможность возвратить потерянные территории. При условии войны на Западе Англия будет приветствовать войну СССР с Японией, так как в этом случае Англия не будет беспокоиться, что Индия и Австралия будут захвачены Японией». Генерал заявил, что эта точка зрения «поддерживается многими членами правительства, в том числе Чан Кайши».

Для того чтобы не допустить урегулирования советско-японских отношений, китайское правительство в конце 1939 — начале 1940 г. ставило перед Сталиным и Молотовым вопрос о скорейшем заключении между СССР и Китаем военного союза, по которому СССР обязался бы усилить помощь Китаю. При этом китайцы пытались заинтересовать советское правительство возможностью получения после войны китайских территорий для советских военных баз на Ляодунском и Шаньдунском полуостровах. Перспектива обострения отношений с Японией из-за Китая не устраивала Сталина, основной

целью которого было избежать вовлечения в войну, будь то на Западе или на Востоке. В задачу советского руководства входило выиграть время, обеспечить для страны максимально продолжительный мирный период с тем, чтобы успеть подготовиться к отражению агрессии, неизбежность которой в Кремле сознавали.

Позиция Японии в отношении СССР меняется только после поражения Франции в мае-июне 1940 г. и разгрома английской армии под Дюнкерком. Японские правящие круги не желали упустить момент, благоприятный для захвата азиатских колоний западных держав. Ради этого надо было надежно обезопасить свой тыл, приняв меры по урегулированию советско-японских отношений. К этому времени советское руководство позитивно ответило на японский зондаж по поводу такого урегулирования. В ходе беседы с японским послом в СССР Того 1 июня 1940 г. Молотов заявил, что он готов «говорить не только о мелких вопросах, считаясь с теми изменениями, которые происходят в международной обстановке и которые могут произойти в будущем».

Эту мысль Молотов в более развернутом виде развивал перед Того через неделю после того, как было достигнуто принципиальное согласие сторон по поводу Соглашения между СССР и Японией об уточнении границы.

Из записи беседы 7 июня 1940 г.:

«Тов. Молотов выражает надежду, что это соглашение явится предпосылкой для разрешения других интересующих Японию и СССР вопросов, в том числе и более крупных.

В ответ на это Того заявляет, что он также надеется, что теперь можно будет с успехом продолжать переговоры по рыболовному вопросу и о торговом договоре. «Кроме того, — добавляет Того, — мы одновременно могли бы начать обсуждение коренных вопросов, интересующих обе стороны. Я надеюсь на успех в решении и других вопросов».

Тов. Молотов заявляет, что он также выражает надежду, что Япония и СССР могут и должны договориться, в том числе и по коренным вопросам.

В ответ на это Того говорит, что он лично думает, что между СССР и Японией нет таких вопросов, которые нельзя было бы разрешить, особенно если есть понимание друг друга. «Я рад заявлению тов. Мо-

лотова, — продолжает Того, — и со своей стороны также надеюсь, что обе стороны договорятся по всем вопросам».

Очевидно, что и Молотов, и Того под используемым ими эвфемизмом «коренные вопросы» подразумевали пакт о ненападении. Однако ни одна из сторон не хотела первой произнести эти слова напрямую. Что касается Молотова, то он, безусловно, действовал по согласованию со Сталиным и получил от него одобрение попытки прозондировать позицию японского посла по поводу возможности заключить между двумя государствами политическое соглашение. Иным было положение посла Того, который был осведомлен о том, что в Токио, как отмечалось выше, были противоречивые мнения относительно договора о ненападении с СССР.

Вот что писал об этом в своих мемуарах Того:

«Поскольку отмена Соединенными Штатами договора о торговле и мореплавании совершенно очевидно преследовала цель оказать давление на Японию, ее надежды на *modus vivendi* без коренного изменения политики в отношении Китая были абсолютно тщетными. В этот момент мне подумалось, что Японии не остается ничего иного для укрепления своих позиций, кроме заключения пакта с Россией и мирного урегулирования с чунцинским режимом на умеренных и рациональных условиях. Свои соображения я изложил в телеграмме министерству иностранных дел. Что касается методики достижения договоренностей с СССР, то я рекомендовал министерству сформулировать политику, ориентированную на заключение пакта о ненападении и торгового соглашения...

После заключения перемирия в Номонханском районе в сентябре предыдущего года отношение Москвы к Японии стало дружественным, и различные проблемы решались в атмосфере исключительной сердечности. Поэтому и переговоры о заключении торгового соглашения продвигались чрезвычайно гладко.

В связи со вторым вопросом, а именно пактом о ненападении, инструкция нашего министерства иностранных дел предусматривала, что этот документ должен быть подписан в форме пакта о нейтралитете, и именно на основе этой инструкции я начал переговоры с Молотовым».

17 июня Молотов выразил Того надежду на то, что параллельно рыболовным и торговым вопросам будут вестись переговоры и по

другим коренным вопросам. Это было уже почти прямое предложение приступить к обсуждению договора о ненападении. И такие переговоры начались 2 июля 1940 г.

В Кремле понимали, что сам факт подобных переговоров может создать для СССР немалые сложности во взаимоотношениях с другими государствами, в первую очередь с Китаем, руководство которого бдительно следило за признаками намечавшегося политического сближения СССР с Японией. Поэтому всем документам, касавшимся переговоров с Того о пакте о ненападении или нейтралитете был присвоен гриф высшей секретности — «особая папка». Документы с таким грифом предназначались лишь для высших советских партийных и государственных деятелей.

2 июля 1940 г. состоялась первая беседа Молотова с послом Того, на которой стороны приступили к обсуждению конкретных вопросов, касавшихся проекта будущего соглашения.

Ниже приводится основная часть сделанной советской стороной записи этой беседы:

«Того: ... За последние 2—3 года, даже в такие периоды, когда отношения между СССР и Японией были наихудшими, нам удалось разрешить различные вопросы, не прибегая к войне. Поэтому Того думает, что все вопросы могут быть урегулированы мирным путем. Безусловно, в некоторой части мира имеются элементы, которые желают столкновения между СССР и Японией в своих интересах, однако мы такой глупости не допускаем и не желаем удовлетворять пожелания этих стран о столкновении СССР и Японии... С другой стороны, в связи с возникновением войны в Европе общая ситуация осложнилась. Япония, также как и СССР, старается не быть втянутой в орбиту войны, т. е. она придерживается политики строгого невмешательства в войну. Однако если, несмотря на миролюбивые стремления Японии, она подвергнется нападению со стороны третьих держав, то она вынуждена будет предпринять меры против этого нападения.

Япония, находящаяся в соседстве с СССР, желает поддерживать с последним мирные, дружественные отношения и взаимно уважать территориальную целостность. Если же одна из стран, несмотря на миролюбивый образ действий, подвергнется нападению со стороны третьих держав, то в этом случае другая сторона не должна помогать нападающей стране. Если будут установлены такого рода отношения,

то отношения между СССР и Японией будут стабилизированы и их ничем нельзя будет поколебать. Если Советское правительство придерживается такого же мнения, говорит Того, то далее он хотел бы сделать конкретное предложение...

Молотов: ...Общая мысль о том, чтобы стабилизировать отношения между обеими странами, правильна, и он к этому может только присоединиться.

Далее тов. Молотов просит уточнить слова: «не нападать» или «не помогать одной из нападающих стран». Общая мысль, заложенная в высказываниях Того о том, чтобы не помогать нападающей стороне и не нападать, — правильна. Все сознательные люди, как в нашей стране, так и в Японии, не могут не согласиться с этим.

Того: излагает содержание проекта японской стороны. При этом он оговаривается, что дух проекта согласован с Японским правительством, а текст составлен им самим, и он просит Наркома иметь это в виду.

Далее Того излагает существо своего предложения, которое сводится к следующему: СССР и Япония заключают между собой следующее соглашение о нейтралитете.

Статья I

Обе договаривающиеся стороны подтверждают, что основой взаимоотношений между обеими странами остается Конвенция об основных принципах взаимоотношений между Японией и СССР, подписанная 20 января 1925 г. в Пекине.

Обе договаривающиеся стороны должны поддерживать мирные и дружественные отношения и уважать взаимную территориальную целостность.

Статья II

Если одна из договаривающихся сторон, несмотря на миролюбивый образ действий, подвергнется нападению третьей державы или нескольких других держав, то другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта.

Статья III

Настоящее соглашение заключается на пять лет.

Того отметил, что проект составлен как копия соглашения о нейтралитете, заключенного в 1926 г. между СССР и Германией».

Однако дипломатический «блиц» на японском направлении не состоялся. Пришедший в июле 1940 г. к власти второй кабинет Коноэ Фумимаро не стал форсировать заключение политического соглашения с СССР, предпочтя сначала укрепить военно-политический союз с Германией и Италией. В Японии полагали, что имея такой союз с фашистскими государствами Европы, будет легче побудить советское руководство подписать пакт о ненападении с Японией на японских условиях.

27 июля новый японский кабинет, министром иностранных дел в котором стал Мацуока Ёсукэ, одобрил «Программу мероприятий, соответствующих изменениям в международном положении». В этом документе в качестве важнейшей задачи определялось «установление нового порядка в Великой Восточной Азии», для чего предусматривалось «применение в удобный момент военной силы». Программой намечалось: 1. Укрепить союз Японии, Германии, Италии. 2. Заключить с СССР соглашение о ненападении с тем, чтобы провести подготовку вооруженных сил к войне, которая исключала бы их поражение. 3. Осуществить активные меры по включению колоний Англии, Франции, Голландии и Португалии в сферу японского нового порядка в Восточной Азии. 4. Иметь твердую решимость устранить вооруженное вмешательство США в процесс создания нового порядка в Восточной Азии.

В соответствии с этими политическими установками командование вооруженными силами стало разрабатывать возможные варианты вступления Японии во Вторую мировую войну: «южный» — против США и западноевропейских государств и «северный» — против СССР. Предпочтение было отдано «южному». Решение же «северной проблемы» откладывалось до начала советско-германской войны. Так как в «Программе» выдвигалось требование «избежать войны на два фронта», заключение с СССР пакта о ненападении оставалось одной из приоритетных задач японской дипломатии. «Отношения с СССР должны быть урегулированы на базе советско-германского пакта о ненападении, — писала 16 июля 1940 г. японская газета «Токио нитинити». — Таким путем Япония может достичь безопасности своей северной границы, что даст ей возможность осуществить ее политику экспансии на юг. Это также позволит ей подготовиться к войне против США».

Определив в качестве приоритетного направления южный вариант экспансии, в то же время японские власти в 1940 г. продолжали наращивать японские войска, предназначенные для войны с СССР. Численность Квантунской армии, главной ударной силы японских сухопутных войск, в 1939—1940 гг. возросла с 270 до 350 тысяч солдат и офицеров. Также ориентировавшиеся на войну против СССР японские войска в Корее за этот период увеличились с 35,4 до 45,7 тысяч человек. Быстро росла техническая оснащенность Квантунской армии. Так, к 1941 г., по сравнению с 1937 г., число состоявших на ее вооружении орудий возросло более чем в 4 раза, танков — в 2, самолетов — в 3 раза. Были увеличены войска марионеточных режимов Маньчжоу-Го и Внутренней Монголии.

Увеличивалась численность войск на севере Японии и на Южном Сахалине. В 1939 г. директивой императорской ставки на Южном Сахалине была сформирована смешанная бригада «Карафуто», состоявшая из отборных солдат и офицеров. В директиве о ее формировании указывалось, что все приготовления к использованию бригады должны быть закончены к январю 1941 г. Происходило усиление японских гарнизонов на Курильских островах. С 1940 г. японские части и подразделения впервые остались на островах на зимних квартирах.

В целом, по заявлению начальника отдела военного министерства Японии, к 1941 г. «боевая мощь японской армии возросла более чем в 3 раза по сравнению с ее мощью до китайского инцидента... Особое значение придавалось увеличению военно-воздушных сил и механизированных частей». Лишь за два года, с 1939 по 1941-й число дивизий возросло с 41 до 51 (при этом 8 вновь созданных дивизий были размещены в метрополии и Маньчжурии), а количественно почти вдвое — с 1 196 тысяч до 2 025 тысяч человек; личный состав авиации сухопутных сил возрос с 44 тысяч до 85,5 тысяч человек, а число эскадрилий — с 91 до 150. Продолжалась интенсивная боевая подготовка японской армии, в основу которой была положена отработка «действий на суше против советских войск». В Квантунской армии концентрировались лучшие японские войска с «высоким боевым духом».

В течение 1940 г. генеральный штаб Японии и штаб Квантунской армии были поглощены дальнейшей разработкой оперативного плана войны против СССР «Оцу». При этом шла подготовка к «изменению

обстановки», под чем подразумевалось начало германо-советской войны. В этом случае предусматривалось, «не теряя времени, перебросить крупные соединения из Китая и собственно Японии, уничтожить советскую авиацию на Дальнем Востоке, подготовить молниеносное наступление, по возможности разгромить вооруженные силы противника в Приамурье и занять наиболее важные районы советского Дальнего Востока, Северный Сахалин и Камчатку».

Однако складывавшаяся ситуация требовала от японского генштаба армии и главного морского штаба вплотную заняться и планированием военных действий на южном направлении. Так как японский стратегический план осуществления южного варианта экспансии предусматривал захват всего Китая, Французского Индокитая, Филиппин, Малайи, Сингапура, Таиланда, Голландской Индии, Бирмы, Австралии и Новой Зеландии, перспектива вооруженного столкновения с западными державами становилась реальной. Сформулированная в вышеупомянутом документе «Программа мероприятий, соответствующих изменениям в международном положении» задача «избежать войны на два фронта» потребовала от японских стратегов выработки политики, обеспечивавшей последовательное разрешение «южной» и «северной» проблем. Успешное проведение такой политики в Токио связывали с образованием военно-политического союза с гитлеровской Германией.

Как отмечалось выше, заключенный 23 августа 1939 г. германо-советский пакт о ненападении вызвал растерянность в японских правящих кругах. Однако там вскоре поняли, что пакт рассматривается Берлином как неискренний временный акт. Это было подтверждено правительством Германии, которое уже на второй день после заключения пакта заявило японскому послу Осима, что «при всех обстоятельствах, которые могут возникнуть на дипломатической арене, идеи и цели общей борьбы против коммунизма сохраняются».

Сторонники тесных военных связей с Германией предостерегали от поспешных выводов о «предательстве» германского руководства, указывали на невозможность германо-советского сотрудничества в начавшейся войне. В сентябрьском номере влиятельного японского журнала «Бунгэй сьундзю» была помещена статья «Германо-советский пакт о ненападении и Япония», где японское правительство подвергалось критике за нерешительность в вопросе о заключении военного

союза с Германией и Италией. Важность такого союза для реализации экспансионистских планов в Азиатско-Тихоокеанском регионе не отрицало и японское политическое руководство. 4 октября 1939 г. кабинет министров принял документ «Актуальные мероприятия внешней политики в связи с войной в Европе», в котором было заявлено о «сохранении по-прежнему с Германией и Италией дружественных отношений». Развернуто это положение было сформулировано в правительственном документе от 28 декабря 1939 г. «Основные принципы политического курса в отношении иностранных государств». В нем, в частности, было записано: «...Хотя между Германией и СССР подписан пакт о ненападении, необходимо сохранять дружественные отношения с Германией и Италией, учитывая общность целей империи с целями этих государств в построении нового порядка». Пришедший 16 января 1940 г. к власти кабинет адмирала Ионаи Мицумаса подтвердил эту позицию. В соответствии с зафиксированными в этом документе решениями, уже в начале 1940 г. проходили заседания представителей руководства армии, флота и министерства иностранных дел, на которых согласовывался новый документ «Предложение усиления сотрудничества между Японией, Германией и Италией».

После капитуляции Франции требования скорейшего оформления союза с Германией усилились. 12 июля 1940 г. заведующий первым отделом министерства иностранных дел Андо Ёсиро представил кабинету министров проект документа, в котором целью заключения союза называлось признание Германией политического и экономического руководства Японии в районах Южных морей в качестве ее «жизненного пространства». Одновременно предусматривалось признание политического и экономического руководства Германии в Европе и Африке. 16 июля представленный МИД проект был принят армией и флотом.

За участие Японии в мировой войне в блоке с гитлеровской Германией и фашистской Италией активно выступили деятели, вошедшие во второй кабинет министров Коноэ Фумимаро. Их отличал воинственный антикоммунизм, стремление решить как можно скорее «северную проблему». Министром иностранных дел стал упоминавшийся выше Мацуока Ёсукэ, который заявлял в 1936 г. после заключения с Германией Антикоминтерновского пакта: «Поскольку мы боремся против Коминтерна, деятельность которого является в

настоящее время главной мировой проблемой, необходимо противостоять ему со всей решимостью. Половинчатые усилия здесь недопустимы. Мы должны вступить в сражение, поддерживая и обнимая друг друга... Нам остается только, сплотившись, идти вперед, даже если это приведет к совместному самоубийству».

Став министром иностранных дел, Мацуока делал все возможное для скорейшего заключения военного союза с Берлином и Римом. В связи с этим в японских исторических работах распространилась версия о том, что Тройственный пакт был подписан якобы в результате «неразумной дипломатии Мацуока». Однако это не соответствует действительности, ибо это был согласованный курс всего японского руководства.

Хотя при обсуждении проекта пакта имели место определенные разногласия между армией и флотом, они не носили принципиального характера. На заседании высших руководителей армии и флота 22 июля 1940 г. было решено, что «если со стороны Германии и Италии будет предложено заключить военный союз, Япония рассмотрит эту возможность». Эта установка была закреплена 27 июля на заседании координационного комитета правительства и императорской ставки в вышеупомянутом документе «Программа мероприятий, соответствующих изменениям в международном положении».

1 августа 1940 г. Мацуока заявил германскому послу о желании Японии укрепить связи с Германией и Италией. Накануне в Берлине было принято важное решение. 31 июля фюрер объявил на совещании руководящего состава германских вооруженных сил: «Россия должна быть ликвидирована. Срок — весна 1941 года». Для Германии также было важно укрепить военно-политическое сотрудничество с Италией и Японией, в которых она видела своих основных союзников в войне против СССР. Идя на союз, гитлеровское руководство рассчитывало на открытие Японией второго фронта на Дальнем Востоке. За это Германия была готова уступить азиатскому союзнику обширные территории Восточной Сибири и Дальнего Востока.

В августе-сентябре 1940 г. в Токио велись интенсивные переговоры о заключении японо-германского военного союза. На них специальный уполномоченный германского правительства Генрих Штамер добивался от Японии обязательства проводить политику сговора в Восточной Азии сил США, что должно было удер-

жать Вашингтон от вступления в войну в Европе. С другой стороны, германские лидеры требовали, чтобы Япония использовала свои вооруженные силы против Советского Союза, когда он окажется в состоянии войны с Германией. По сути дела, предусматривалось одновременное нападение на Советский Союз с запада и востока. Можно сказать, что германское руководство, подчеркивая антиамериканский характер союза, в большей степени исходило из его антисоветской направленности. Японское правительство соглашалось с этим, хотя и стремилось обеспечить себе свободу действий при выборе направлений и сроков вступления в мировую войну. Уже в начале переговоров о заключении пакта посол Германии в Японии генерал Отт докладывал в Берлин, что «атмосфера благоприятствует германскому плану».

На протяжении многих лет японские правящие круги рассматривали военный союз с Германией как важнейшее условие вооруженной борьбы с Советским Союзом. Такой союз соответствовал военной доктрине и стратегии Японии, отвечал политическим и идеологическим целям империи. Как отмечалось выше, заключение союза затягивалось по причине того, что Япония настаивала на его антисоветской направленности, а Германия стремилась использовать его и для борьбы против западных держав, в первую очередь США и Великобритании. Характеризуя позицию Японии, Риббентроп писал своему послу в Токио 26 апреля 1939 г., что после заключения союза Япония хотела бы «вручить декларацию английскому, французскому и американскому послам следующего содержания: пакт является только развитием Антикоминтерновского пакта; стороны рассматривают Россию как врага. Англия, Франция и Америка не должны думать, что подразумеваются они».

Японское руководство не желало раньше времени подчеркивать свою враждебность США и Великобритании из опасения подтолкнуть эти страны к пересмотру своей политики в отношении Японии. В Токио весьма опасались прекращения поставок американского стратегического сырья, что ставило бы под сомнение способность Японии продолжать вооруженную экспансию в Восточной Азии и на Тихом океане. В Германии же рассчитывали, что официальное оформление союза с Японией явится эффективным средством удержать США от вступления в мировую войну.

Японское правительство оказалось перед дилеммой: или продолжать настаивать на исключительно антисоветской направленности союза, что могло побудить Германию заявить о своих правах на азиатские колонии поверженных ею европейских государств, на которые претендовала Япония, или согласиться с требованиями Германии распространить действие союза не только против СССР, но и против США и Великобритании.

Стремясь найти выход из затруднительного положения, еще в июле 1940 г. японское министерство иностранных дел, командование армии и флота согласовали между собой компромиссный вариант. Они согласились на то, чтобы в обмен на признание Германией японского контроля над Юго-Восточной Азией Япония оказала бы давление на Великобританию на Дальнем Востоке. При этом, однако, Япония не брала бы на себя обязательство вступить в войну на стороне Германии.

Однако второй кабинет Коноэ занял более решительную позицию, считая необходимым пойти на военное сотрудничество с Германией и в вооруженной борьбе с Великобританией. Армия была согласна с этой позицией. Флот же не мог безоговорочно согласиться с ярко выраженной антибританской направленностью союза. Тем не менее, командование флота, в конце концов, было вынуждено принять мнение большинства.

Окончательное решение о заключении Тройственного пакта между Германией, Японией и Италией было принято на состоявшемся 19 сентября императорском совещании (совещании в присутствии императора). На совещании начальник главного морского штаба Канъин Номия подчеркнул, что флот дает свое согласие на заключение союза с Германией и Италией при условии, что «будут приняты все мыслимые меры для недопущения войны с Соединенными Штатами». Это требование легло в основу принятого совещанием решения. Выступая с заключительным словом от имени императора, председатель Тайного совета Хара Кадо заявил: «Хотя японо-американское столкновение, в конце концов, может стать неизбежным, я надеюсь, что будет проявлена достаточная забота о том, чтобы это не произошло в ближайшем будущем, и что не будет необдуманных действий. Я даю свое “добро” только исходя из этого».

27 сентября 1940 г. в Берлине между представителями Германии и Японии был подписан пакт о политическом и военно-экономическом

союзе сроком на 10 лет. 30 сентября к пакту присоединилась фашистская Италия, после чего соглашение получило название Тройственный пакт.

Основные статьи пакта гласили, что «Япония признает и уважает руководство Германии и Италии в деле создания нового порядка в Европе», тогда как «Германия и Италия признают и уважают руководство Японии в деле создания нового порядка в Восточной Азии». При этом «Германия, Италия и Япония берут на себя обязательства поддерживать друг друга всеми политическими, экономическими и военными средствами в случае, если одна из трех договаривающихся сторон подвергнется нападению со стороны какой-либо державы, которая в настоящее время не участвует в европейской войне и китайско-японском конфликте».

Такими не участвовавшими державами осенью 1940 г. оставались только СССР и США. Поэтому данное положение пакта предусматривало согласованные военные действия, если одна из договаривающихся сторон окажется в состоянии войны с этими государствами. Попытка представить Тройственный пакт как оборонительный, заключенный на случай, «если одна из трех договаривающихся сторон подвергнется нападению», едва ли могла ввести кого-либо в заблуждение. «В лексиконе японских и германских агрессоров эти слова надо понимать так: “Когда Советский Союз подвергнется нападению со стороны Японии и Германии”», — говорится в одной из работ японских историков. Еще в октябре 1938 г. глава фашистской Италии Бенито Муссолини писал Гитлеру: «Мы не должны заключать чисто оборонительный союз. В этом нет необходимости, ибо никто не думает нападать на тоталитарные государства. Мы должны заключить союз для того, чтобы перекроить географическую карту мира. Для этого нужно наметить цели и объекты завоеваний».

В японском проекте пакта было прямо сказано, что между участниками союза должны быть «выработаны меры на случай вступления Японии или Германии в войну с Советским Союзом». В ходе переговоров о заключении пакта 7 сентября 1940 г. Мацуока говорил Штатмеру: «Нам необходимо понять, что после окончания войны в Европе Россия останется великой державой. Это будет создавать угрозу новому порядку в Восточной Азии. Япония и Германия должны быть рядом и должны выработать общую политику против России».

Это мнение разделяли и другие участники пакта. Риббентроп, разъясняя направленность пакта трех держав, заявил: «Эта палка будет иметь два конца — против России и против Америки». А итальянский министр иностранных дел Галеаццо Чиано вообще сомневался в целесообразности определения в качестве противника США, называя при этом антисоветскую направленность пакта «очень хорошей».

Антисоветский характер Тройственного пакта был обстоятельно доказан в ходе Токийского процесса над главными японскими военными преступниками. Признается этот факт и объективно мыслящими японскими историками. Они указывают, что в результате заключения пакта осуществилось стремление «зажать Советский Союз с востока и запада», что СССР был определен в качестве одного из основных «потенциальных противников».

С целью дезориентировать советское правительство относительно истинных намерений создаваемой коалиции и оставить возможность для маневра в японо-советских отношениях японская сторона согласилась с предложением германской стороны включить в пакт статью 5-ю о том, что положения пакта «не затрагивают политического статуса, существующего в настоящее время между каждой из трех договаривающихся сторон и Союзом Советских Социалистических Республик». Эта статья должна была замаскировать проводившуюся участниками пакта подготовку войны против СССР. Накануне подписания пакта Мацуока объяснял членам Тайного совета: «Пока мы строим новый порядок, мы не можем позволить себе, чтобы Советский Союз видел в нас своих врагов».

Однако это была, безусловно, тактическая уловка с целью сосредоточить усилия на быстром захвате азиатских колоний западных держав и завершении подготовки к войне на севере. 26 сентября 1940 г. Мацуока от имени правительства с удовлетворением констатировал достижение давно поставленной цели объединения с Германией в будущей войне против СССР. «Япония поддержит Германию в случае ее войны с Советским Союзом, а Германия поможет нам в случае столкновения Японии с Советским Союзом», — заявил японский министр иностранных дел.

Маскировки антисоветской направленности пакта требовала и гитлеровская Германия. «Германское правительство, — телеграфировал 26 сентября 1940 г. японский посол в Берлине Курусу Сабуро, —

намеревается дать указание своей прессе о том, чтобы особо подчеркивался тот факт, что договор не предусматривает войны с Россией. Но с другой стороны, Германия концентрирует войска в восточных районах для того, чтобы сковать Россию».

В соответствии с секретным протоколом Тройственного пакта создавались объединенная военная и военно-морская комиссии, а также комиссия по экономическим вопросам. В секретном протоколе было сказано, что «в случае если одна из договаривающихся сторон вступит в войну против Советского Союза, другая сторона не должна предпринимать действий, которые могли бы облегчить его положение».

Участники Тройственного пакта видели в достигнутом соглашении эффективное средство объединенной борьбы за передел и новый раздел мира. Германский посол в Японии Отт телеграфировал 4 октября 1940 г. в Берлин: «Внутренняя цель пакта трех заключается в том, чтобы через уничтожение мирового владычества Англии вызвать новое распределение сил в Европе и на Дальнем Востоке. Средством достижения этой цели служит отпор Америке и вывод из строя Советского Союза».

Иными словами, Тройственный пакт был заключен в целях расширения мировой войны, объединения сил наиболее агрессивных в то время государств в борьбе за завоевание мирового господства. Он был направлен как против Советского Союза, так и против Соединенных Штатов Америки с той лишь разницей, что в отношении США он преследовал цель путем оказания давления заставить американское правительство не принимать участия во Второй мировой войне, а в отношении СССР предусматривал практическое объединение политических, экономических и военных усилий государств-участников в предстоящем нападении на Советский Союз, подготовка к которому уже активно проводилась.

НЕНАПАДЕНИЕ ИЛИ НЕЙТРАЛИТЕТ?

Осенью 1940 г. Япония фактически приступила к осуществлению южного варианта экспансии. 22 сентября японскими войсками был оккупирован Северный Индокитай. В связи с этим в японском руководстве все чаще стало высказываться мнение о необходимости по

возможности скорее «нейтрализовать» Советский Союз на период движения на юг. При этом речь шла не об установлении длительных добрососедских связей с Москвой, а об усилении политического давления на нее. В Токио считали, что после заключения Тройственного пакта советское правительство будет «весьма заинтересовано в улучшении отношений между двумя странами». Об этом прямо заявил 19 сентября 1940 г. на императорском совещании японский министр иностранных дел. Японское руководство надеялось на то, что в обстановке дальнейшего сближения Японии с Германией СССР все же будет вынужден пойти на уступки.

Вскоре после заключения Тройственного пакта министерство иностранных дел Японии разработало предложения об условиях заключения соглашения с Советским Союзом. Чтобы облегчить переговоры, предлагалось подписать пакт, аналогичный советско-германскому, а урегулирование спорных вопросов провести после его заключения. Смысл этого маневра состоял в том, чтобы, уже имея подписанным договор о ненападении или нейтралитете, добиться от СССР заключения на выгодных Японии условиях рыболовного соглашения, прекращения оказания помощи Китаю, а также попытаться вынудить СССР на территориальные уступки. Восьмой пункт предложений японского МИД гласил: «Впоследствии в подходящий период мирным путем включить в сферу влияния Японии (в результате покупки или обмена территориями) Северный Сахалин и Приморье». В случае если советское правительство не пойдет на это, предусматривалось добиться демилитаризации этих территорий. Чтобы побудить СССР пересмотреть свою позицию в отношении японо-китайской войны, планировалось вовлечь его в стовор о разделе сфер влияния в Китае. В программе МИД было записано: «СССР признает традиционные интересы Японии во Внутренней Монголии и в трех провинциях Северного Китая. Япония признает традиционные интересы Советского Союза во Внешней Монголии и Синьцзяне. СССР согласится с продвижением Японии в направлении Французского Индокитая и Голландской Индии. Япония согласится с будущим продвижением Советского Союза в направлении Афганистана, Персии (впоследствии сюда включается и Индия)».

Назначенный в сентябре 1940 г. новым послом в СССР Татэкава Ёсицугу 30 октября в беседе с Молотовым сообщил, что его правитель-

ство прекращает переговоры с СССР о заключении соглашения о нейтралитете и выдвигает предложение подписать пакт о ненападении.

Посол заявил, что после прихода к власти кабинета Коноэ внешняя политика Японии в корне изменилась. Это нашло свое выражение, по словам Татэкавы, в заключении военного союза с Германией и Италией. В связи с этим японское правительство предлагает советскому правительству заключить пакт о ненападении, а не пакт о нейтралитете, который-де недостаточен.

Посол передал текст пакта о ненападении, аналогичный советско-германскому пакту о ненападении, заключенному в августе 1939 г. Японский проект пакта гласил:

«Обе договаривающиеся стороны обязуются взаимно уважать их территориальные права и не предпринимать никакого агрессивного действия в отношении другой стороны ни отдельно, ни совместно с одной или несколькими третьими державами. В случае если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая сторона не будет поддерживать ни в какой форме эти третьи державы. Ни одна из договаривающихся сторон не будет участвовать в какой-либо группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны. Срок действия пакта определяется в десять лет».

Посол сделал два добавления:

— Прежние переговоры Того о заключении соглашения о нейтралитете прекращаются.

— Японское правительство предлагает все прочие спорные вопросы разрешить после заключения пакта о ненападении.

На вопрос Молотова, в чем заключается разница между прежним и новым предложениями японского правительства, Татэкава повторил, что соглашение о нейтралитете было признано недостаточным, ибо в нем был неясно отражен вопрос о ненападении. И потому после заключения тройственного военного союза было найдено целесообразным заключить пакт о ненападении. При этом он добавил, что прежний кабинет вел переговоры осторожно, а новый кабинет хочет сделать прыжок для улучшения отношений.

18 ноября во время очередной беседы с Татэкава Молотов, по согласованию со Сталиным, изложил суть сделанного ранее предложения о желательности для советской стороны «получить компен-

сации» в случае заключения с Японией политического соглашения. Было указано, что общественное мнение в СССР вопрос о заключении пакта о ненападении с Японией будет связывать с вопросом о возвращении утраченных ранее территорий — Южного Сахалина и Курильских островов. Было заявлено, что если Япония не готова к постановке этих вопросов, то было бы целесообразно говорить о заключении пакта не о ненападении, а о нейтралитете, не предусматривающего разрешения территориальных проблем. Советское руководство настаивало также на подписании протокола о ликвидации японских концессий на Северном Сахалине.

Из телеграммы Молотова послу СССР в Японии К.А. Сметанину от 19 ноября 1940 г:

«...Я заявил, что последнее предложение японского правительства о пакте о ненападении может вызвать известные затруднения со стороны самой же Японии. Дело в том, что, как известно, заключение пакта о ненападении с Германией в 1939 году привело к тому, что СССР вернул ряд территорий, ранее утерянных нашей страной, а потому общественное мнение нашей страны заключение пакта о ненападении с Японией также, естественно, будет связывать с вопросом о возвращении Советскому Союзу таких утерянных ранее территорий, как Южный Сахалин, Курильские острова, и уже, во всяком случае, на первый раз как минимум встанет вопрос о продаже некоторой группы северной части Курильских островов. Если Япония считает целесообразным поднимать эти территориальные вопросы, то тогда можно будет говорить относительно заключения пакта о ненападении. Но так как я не уверен, что Япония будет считать это целесообразным, то со своей стороны считаю возможным сейчас не будоражить много вопросов, а заключить вместо пакта о ненападении пакт о нейтралитете и подписать отдельно протокол о ликвидации японских нефтяной и угольной концессий...

Татэкава, не возражая против предложения о заключении пакта о нейтралитете, заявил, что, по его мнению, этот пакт также может улучшить советско-японские отношения. На мой вопрос, считает ли Татэкава мои предложения о пакте и о протоколе приемлемыми в качестве базы для переговоров, Татэкава ответил, что лично он считает эти предложения базой для переговоров и сообщит об этих предложениях в Токио».

Японской стороне был предложен советский проект соглашения о нейтралитете, который предусматривал поддержание мирных и дружественных отношений и взаимное уважение территориальной целостности (ст. 1). В случае если одна из сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая сторона будет соблюдать нейтралитет на протяжении всего конфликта (ст. 2). Срок действия соглашения определялся в пять лет с автоматическим продлением на следующие пять лет, если за год до истечения срока его действия не последует денонсация.

Затягивание переговоров с СССР было Японии невыгодно. Поэтому её правительство уже 20 ноября, т. е. через два дня после получения предложенного Молотовым проекта пакта о нейтралитете, сообщило, что считает советский проект «заслуживающим изучения». Однако по вопросу о японских концессиях на Сахалине министр иностранных дел Мацуока предписал Татэкава: «Рассмотрение вопроса о ликвидации концессий затруднительно. Вместо этого предложите продать Северный Сахалин». В беседе с Молотовым 21 ноября посол заявил, что японское правительство считает проект протокола о ликвидации концессий «абсолютно неприемлемым».

Выполняя директиву МИД, Татэкава заявил Молотову: «...Так как продажа Россией Аляски США уменьшила споры и конфликты между двумя странами, то он (посол) твердо уверен, что и продажа Северного Сахалина положила бы конец спорам и конфликтам между обеими странами и способствовала бы установлению длительного мира между Японией и СССР».

Касаясь предложения о продаже Северного Сахалина, Молотов ответил, что по этому вопросу ему нечего добавить к тому, что он публично говорил 29 марта 1940 г. на сессии Верховного Совета СССР. В этом выступлении Молотов иронически коснулся предложения одного из членов японского парламента о продаже Северного Сахалина и, в свою очередь, заявил, что «в СССР нашлись бы покупатели на Южный Сахалин».

Молотов сказал Татэкава, что в этом выступлении дан исчерпывающий ответ как о продаже Приморья и Сахалина, так и других территорий, и потому такого рода предложения могут рассматриваться только как шутка.

Отвергая японские предложения о продаже Северного Сахалина, Молотов со своей стороны развивал мысль о целесообразности выкупа у Японии ранее принадлежащих России территорий Южного Сахалина и Курильских островов. Он говорил: «У Японии имеется много островов, которые ей не нужны, а у нас на Дальнем Востоке островов нет... Поэтому советская сторона может ставить вопрос о покупке Южного Сахалина и Курильских островов за соответствующую цену... Если бы Япония согласилась на продажу, то можно было бы договориться по всем другим вопросам, и у Японии были бы свободные руки для действий на юге, ибо, как известно, Германия, заключив с СССР пакт о ненападении и обеспечив себе тыл, добилась на западе больших успехов...»

После этого Татэкава в откровенной форме заявил, что международная обстановка развивается в пользу СССР и нет ничего удивительного в том, что СССР хочет этим воспользоваться. Однако он считает, что когда говорится о продаже Курильских островов, то это является слишком большим требованием. Вам, видимо, кажется, продолжал Татэкава, что Япония, ведущая длительную войну с Китаем, истощена и поэтому должна делать уступки. Действительно, Япония до некоторой степени истощила свои силы, но теперь она взялась за создание новой структуры и восстановление своих сил вопреки Вашим ожиданиям, и к тому же он полагает, что и Чан Кайши также пойдет навстречу Японии.

Не желая осложнять переговоры территориальными проблемами, Молотов счел целесообразным оставить эту тему, заявив, что «речь сейчас идет не о продаже некоторых островов в связи с пактом о ненападении, и вопрос, который он ставил попутно, (мы) не считаем актуальным».

На следующий день, 22 ноября, Молотов телеграфировал в Токио послу Сметанину: «21 ноября имел беседу с Татэкава. Беседа показала, что пока с нашими переговорами ничего не выходит. Мы, во всяком случае, подождем, ускорять события не имеем желания».

Не проявило желания ускорить достижение договоренности по поводу условий заключения пакта о нейтралитете и японское правительство. Более того, оно инспирировало антисоветскую кампанию в печати, выступая с различными претензиями и протестами по вопросам рыболовства и японских концессий на Северном Сахалине.

Однако заинтересованность в том, чтобы заручиться нейтралитетом СССР в отношении японо-китайской войны и экспансии Японии в южном направлении, в Токио сохранялась. Японское правительство решило воспользоваться визитом Молотова в Германию. Оно обратилось к немцам с просьбой убедить советское руководство пойти на уступки Японии и продать ей Северный Сахалин. 10 ноября 1940 г., накануне приезда Молотова в Берлин, Мацуока дал указание японскому послу в Германии Курусу просить руководителей рейха поставить перед советским представителем вопрос о заключении между СССР и Японией пакта о ненападении на японских условиях.

Риббентроп пытался выполнить эту просьбу. На переговорах с Молотовым он говорил: «Если будет заключен советско-японский пакт о ненападении, Япония продемонстрирует великодушную позицию в разрешении всех других проблем... Насколько мне известно, в случае заключения советско-японского пакта о ненападении и при согласии Китая Япония с радостью признает Внешнюю Монголию и Синьцзян сферами влияния Советского Союза... Что касается японских нефтяных и угольных концессий на Северном Сахалине, то Япония готова проявить понимание советской позиции. Однако для этого потребуется ослабить существующие внутри Японии противоречия по этой проблеме. Если же пакт о ненападении будет подписан, японскому правительству будет легче разрешить этот вопрос».

В конце 1940 г. руководство Японии узнало о том, что Германия готовится к войне против Советского Союза. Складывалась ситуация, при которой Япония могла быть поставлена перед свершившимся фактом. В условиях подготовки экспансии на юге Японию беспокоила перспектива вовлечения её как участника Тройственного пакта в войну против СССР на стороне Германии. Этот вопрос обсуждался 16 января 1941 г. на заседании военного отдела императорской ставки. Хотя в докладе начальника оперативного управления генштаба армии Танака Синьити говорилось, что «Советский Союз не может готовиться к войне на два фронта», было решено провести соответствующую подготовку к событиям на севере. На вопрос военного министра, сколько времени потребуется на переброску войск, выделяемых для войны против СССР, Танака ответил: «Около четырех месяцев».

23 февраля 1941 г. Риббентроп довольно прозрачно дал понять японскому послу Осима, что Германия готовится к войне против СССР, и выразил пожелание о вступлении в войну Японии «для достижения своих целей на Дальнем Востоке».

Однако начинать войну против СССР одновременно с Германией японцы опасались. Слишком свежи были печальные для Японии воспоминания о халхин-гольских событиях. Поэтому вновь заговорили о пакте с СССР, который, с одной стороны, должен был обезопасить Японию с севера, а с другой — мог явиться оправданием для отказа напасть на Советский Союз сразу после начала германской агрессии.

Из-за неконструктивной позиции Японии на переговорах о заключении пакта и усилившейся антисоветской пропаганды советское правительство зимой 1940—1941 гг. демонстративно охладило свои отношения с Токио, перейдя на более жесткий тон. Так, например, во время переговоров Молотова с Татэкава о заключении рыболовной конвенции советский нарком заявил: «...Если Япония думает оставить без изменений на веки вечные Портсмутский договор, на который в Советском Союзе смотрят также, как в Западной Европе смотрят на Версальский договор, то это является грубой ошибкой. Япония нарушила этот договор. Кроме того, поскольку этот договор был заключен после поражения России, он должен подлежать исправлению».

В своей информации от 25 февраля 1941 г. о беседе с Риббентропом Осима высказал мнение о возможном резком ухудшении германосоветских отношений. Были приведены слова германского министра о том, что на восточных границах рейха сосредоточено «от восьмидесяти до ста немецких дивизий». Содержание столь важной дипломатической депеши было доложено императору Японии Хирохито. Новость взволновала японского монарха. Он заявил лорду-хранителю печати Кидо Коити: «Если Германия в ближайшем будущем начнет войну с СССР, союзнические обязательства заставят нас готовиться к выступлению на севере... Так как у нас связаны руки на юге, мы окажемся перед серьезной проблемой».

Было принято решение направить Мацуока в Европу с тем, чтобы на переговорах в Москве, Берлине и Риме из первых рук получить необходимую информацию.

«ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ БЛИЦ» В КРЕМЛЕ

12 марта 1941 г. Мацуока выехал в Европу. Отправляясь в Москву, он имел полномочия заключить с советским правительством пакт о ненападении или нейтралитете, но на японских условиях. 3 февраля координационным советом правительства и императорской ставки был одобрен документ «Принципы ведения переговоров с Германией, Италией и Советским Союзом». Документом в обмен на согласие Японии заключить пакт о ненападении предусматривалось вынудить советское руководство на серьезные уступки, а именно — продать Японии Северный Сахалин и прекратить помощь Китаю.

На первой встрече с Молотовым Мацуока сообщил, что формальная цель его поездки в Европу — установление личных контактов с Гитлером, Риббентропом, Муссолини и Чиано. Он сказал о своем нежелании создавать впечатление, что его поездка связана с переговорами с СССР. Вместе с тем, Мацуока говорил, что на обратном пути из Германии он обязательно на несколько дней остановится в Москве.

В завершение беседы японский министр выразил желание встретиться со Сталиным, как он заявил, «даже сейчас». К его удивлению, эта просьба была тотчас же удовлетворена. Молотов в присутствии Мацуока позвонил по телефону Сталину и сообщил, что «Сталин может быть через десять минут».

Ниже приводится полный текст записи первой беседы Сталина с Мацуока в том виде, в котором он хранился в «сталинском архиве».

СОВ. СЕКРЕТНО

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ тов. СТАЛИНА И.В.

С МИНИСТРОМ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ЯПОНИИ

МАЦУОКА

24 марта 1941 года

В начале беседы Мацуока говорит, что 8 лет тому назад, проездом через СССР в Женеву, он находился в течение 5 дней в Москве, однако тогда ему не представилось случая видеться с тов. Сталиным. Он смог тогда увидеть тов. Сталина лишь на трибуне мавзолея, присутствуя на параде на Красной площади.

Далее Мацуока говорит, что он просил тов. Сталина принять его для того, чтобы засвидетельствовать свое почтение и побеседовать с тов. Сталиным до отъезда в Берлин.

Тов. Сталин отвечает, что он готов к услугам Мацуока.

Мацуока говорит, что относительно цели посещения Германии и Италии, а также относительно своего желания остановиться на несколько дней в Москве он уже говорил в Токио полпреду СССР тов. Сметанину, а также в только что имевшей место беседе с тов. Молотовым. Поэтому, не желая утруждать тов. Сталина, просит тов. Сталина о подробностях осведомиться у тов. Молотова. Далее Мацуока говорит, что если тов. Молотов найдет нужным, то он, Мацуока, после своего возвращения из поездки в Германию и Италию сможет иметь несколько встреч с тов. Молотовым относительно улучшения японо-советских отношений. Тут же Мацуока указывает, что его убеждение в отношении улучшения отношений между Японией и Россией зародилось еще 30 лет тому назад, поэтому не является новым, и лично он имеет решимость улучшить японо-советские отношения.

Тов. Сталин отвечает, что желание Мацуока остановиться на обратном пути в Москве будет приветствоваться, и заявляет, что улучшение отношений между СССР и Японией он считает не только необходимым, но и вполне возможным, и если новая встреча с Мацуока будет необходима, то он будет к услугам Мацуока.

Мацуока говорит, что он разделяет мнение тов. Сталина относительно улучшения отношений между обеими странами, и напоминает, что перед своей поездкой в Женеву в 1932 г. он имел беседу с тогдашним военным министром и министром иностранных дел, которые дали согласие на ведение переговоров о заключении пакта о ненападении. Однако общественное мнение Японии было против заключения пакта о ненападении и поэтому его усилия не увенчались успехом.

На вопрос тов. Сталина, было ли это в тот период, когда министром иностранных дел был Иосидзава, Мацуока отвечает, что тогда министром иностранных дел был Учида (Утида).

Мацуока еще раз повторяет, что в тот период он вел беседу относительно заключения пакта о ненападении между Японией и СССР с тогдашним военминим Араки, мининделом Учида и они дали свое согласие на то, чтобы Мацуока говорил в Москве относительно пак-

та, хотя главной задачей, говорит Мацуока, была его работа как главы делегации Японии в Женеве. Поскольку, продолжает Мацуока, Араки и Учида согласились на заключение пакта, то они имели моральное обязательство поддерживать его в этом отношении, но общественное мнение еще не созрело для того, чтобы пакт был заключен. Тут же Мацуока добавляет, что еще и сейчас имеется группа лиц, которые возражают против заключения пакта о ненападении, однако он вместе с Коноэ имеют решительное мнение улучшить отношения между обеими странами.

Затем Мацуока говорит, что так как тов. Сталин очень занят, он не хочет отнимать у него драгоценного времени, но если тов. Сталин смог бы уделить ему еще минут 20, то у него имеются для сообщения тов. Сталину два вопроса, о которых он просил бы подумать до его возвращения из Берлина и Рима.

Тов. Сталин отвечает, что так как Мацуока редкий гость, то он готов удовлетворить просьбу Мацуока.

1. Мацуока говорит, что, как известно, в Японии верховная власть находится в руках Тенно. На иностранный язык Тенно обычно переводится как император. Однако это неверно, ибо в Японии уже давно имеется коммунизм, и я бы назвал, говорит Мацуока, этот коммунизм моральным коммунизмом. В японской семье то, что принадлежит, например, старшему сыну, принадлежит также и младшему сыну. Хотя в Японии существует капитализм, однако от этого никакого вреда нет. Все имущество и жизнь подданных принадлежат Тенно, и никто об этом не жалеет. Далее, например, сравнительно небогатый человек, видя какого-нибудь бедного мальчика, дает ему денег на учебу и, таким образом, оказывает свое посильное содействие.

На вопрос тов. Сталина, не есть ли это путь императора, Мацуока говорит, что он назвал бы это моральным коммунизмом, ибо Тенно — это государство, и все принадлежит ему. Англосаксонские традиции нанесли ущерб Японии, а промышленный переворот затормозил развитие морального коммунизма. Однако сейчас, продолжает Мацуока, создалась группа лиц, правда, незначительная, которая стремится распространить свои принципы на все великое азиатское пространство и которая называет принцип своей политики японским словом Хаккоичю (Хакко ити у), что в переводе означает всемирный мир, основанный на справедливости. Все это, указывает Мацуока, имелось и

раньше, но было ущемлено капитализмом и либерализмом, поэтому сейчас мы выдвигаем лозунг — долой капитализм и индивидуализм. Но для этого необходимо уничтожить англосаксов. С этой целью, добавляет Мацуока, был заключен пакт трех держав, при заключении которого не считались с мелкими интересами.

После этого Мацуока говорит, что если тов. Сталин понимает, что он хочет сказать, и если у советской стороны будет соответствующее понимание и желание идти вместе, то мы, заявляет Мацуока, готовы идти рука об руку с вами. При этом Мацуока выражает надежду, что до его возвращения из Берлина тов. Сталин сможет обдумать то, что сказал Мацуока.

2. Затем, касаясь японо-китайской войны, Мацуока говорит, что Япония ведет войну не с китайским народом, а с англосаксами, т.е. с Англией и Америкой. Япония, продолжает Мацуока, ведет войну с капитализмом и индивидуализмом, а Чан Кайши является слугой англосаксонских капиталистов. Поэтому японо-китайский конфликт нужно рассматривать именно под таким углом зрения. В связи со сказанным им Мацуока просит учесть намерения Японии в Китае.

На вопрос тов. Сталина, должен ли он ответить сейчас, Мацуока заявляет, что он изложил лишь общую мысль и хотел бы, чтобы тов. Сталин подумал над теми вопросами, которые затронул Мацуока, и дал бы ответ после возвращения Мацуока из Берлина.

Тов. Сталин говорит, что он может коротко ответить даже сейчас.

Мацуока говорит, что будет лучше, если тов. Сталин ответит после возвращения Мацуока из Берлина.

Тов. Сталин говорит, что если Мацуока так хочет, то можно отложить и дать ответ после возвращения Мацуока. При этом тов. Сталин говорит, что какова бы ни была идеология в Японии или даже в СССР, это не может помешать практическому сближению двух государств, если имеется взаимное желание обеих сторон. Со своей стороны тов. Сталин указывает, что ему известно, что никакая идеология не мешает тому, чтобы практически поставить вопрос о взаимном улучшении отношений. Что же касается англосаксов, говорит тов. Сталин, то русские никогда не были их друзьями, и теперь, пожалуй, не очень хотят с ними дружить. Далее тов. Сталин заявляет, что то, что в Японии хотят, чтобы государство стало контролером отдельных капиталистов, уже продлевается в Германии и Италии. Это хорошо. Госу-

дарство только в том случае может усиливаться, если оно является полным контролером всего народа и всех классов.

Мацуока отвечает, что он глубоко убежден в том, что без уничтожения англосаксонской идеологии нельзя будет создать нового порядка, не считаясь при этом с мелкими интересами.

В заключение Мацуока благодарит тов. Сталина за прием.

Тов. Сталин говорит, что благодарить не стоит, так как это его обязанность как хозяина, а Мацуока у него гость.

На вопрос тов. Сталина, как прошло путешествие Мацуока и были ли неудобства в поездке, Мацуока заявляет, что поездка его прошла очень хорошо и он благодарит Советское Правительство за оказанный ему прием. При этом Мацуока замечает, что путешествуя по Сибирской железной дороге, он отдохнул после большой работы в Токио.

В заключение беседы тов. Сталин просит Мацуока передать поклон Риббентропу. Тов. Молотов присоединяется к этому и также просит Мацуока передать поклон Риббентропу.

На этом беседа заканчивается.

На беседе присутствовали тов. Молотов, Татекава и Миякава.

Записал Забродин.

Как видно из содержания беседы, Мацуока в форме прозрачных намеков пытался прозондировать позицию Сталина по поводу перспективы присоединения СССР в той или иной форме к Тройственному пакту. При этом японский министр открыто предлагал в интересах «уничтожения англосаксов» — «идти рука об руку» с Советским Союзом. Развивая идею вовлечения СССР в этот блок, Мацуока опирался на сведения о состоявшихся в ноябре 1940 г. в Берлине переговорах Молотова с Гитлером и Риббентропом.

Предложение немцев советскому правительству присоединиться к Тройственному пакту можно рассматривать лишь как операцию по дезинформации, призванную усыпить бдительность Сталина, породить у него представление об отсутствии у Германии агрессивных намерений в отношении СССР. Отсюда предложение Риббентропа уже в первой беседе в Берлине с Молотовым 12 ноября 1940 г. «подумать о форме, в которой три государства, т. е. Германия, Италия и Япония, смогли бы прийти к соглашению с СССР».

Во время бесед Молотова с Гитлером последний прямо заявил, что «он предлагает Советскому Союзу участвовать как четвертому партнеру в этом пакте». При этом фюрер не скрывал, что речь идет об объединении сил в борьбе против Великобритании и США, заявив: «...Мы все являемся континентальными государствами, хотя каждая страна имеет свои интересы. Америка же и Англия не являются континентальными государствами, они лишь стремятся к натравливанию европейских государств друг на друга, и мы хотим их исключить из Европы. Я считаю, что наши успехи будут больше, если мы будем стоять спиной к спине и бороться с внешними силами, чем если мы будем стоять друг против друга грудью и будем бороться друг против друга».

Накануне Риббентроп следующим образом изложил германское видение геополитических интересов участников проектируемого союза: «Интересы Германии идут в Восточной и Западной Африке, Италии — в Северо-Восточной Африке, Японии — на юге, а у СССР — там же, на юге — к Персидскому заливу и Аравийскому морю...» Риббентроп предложил договориться СССР, Германии, Италии и Японии в виде декларации против расширения войны, а также о желательности компромисса между Японией и Чан Кайши.

Реагируя на эту информацию, Сталин дал в Берлин следующее указание Молотову: «Если результаты дальнейшей беседы покажут, что ты в основном можешь договориться с немцами, а для Москвы останутся окончание и оформление дела, — то тем лучше... Насчет декларации дать принципиальное согласие без разворота пунктов».

По мнению российских историков, германская инициатива о подключении СССР к Тройственному пакту была ничем иным как блефом, призванным убедить Сталина в отсутствии у Германии намерения ухудшать отношения с Советским Союзом. Вместе с тем признается, что в свою очередь, блефовало и советское руководство, дабы не дать Берлину повод обвинить его в нежелании поддерживать добрососедские отношения с Германией. В одном из трудов последних лет указывается: «25 ноября 1940 г. Молотов сделал заявление германскому послу в Москве, согласно которому Советское правительство было готово принять изложенный 13 ноября Риббентропом “Проект пакта четырех держав о политическом сотрудничестве и экономической взаимопомощи” при условии, если “германские войска

немедленно покинут Финляндию”, если Советскому Союзу в течение ближайших месяцев удастся гарантировать свою безопасность со стороны черноморских проливов... если “центром территориальных устремлений” СССР будет признана “зона к югу от Батуми и Баку в общем направлении в сторону Персидского залива”, если Япония откажется от своих прав на угольные и нефтяные концессии на Северном Сахалине.

Совершенно ясно, что условия, выдвинутые СССР, были заведомо неприемлемы для Германии и ее союзников... Не случайно, что ответа из Берлина на советские условия так и не последовало, на чем Москва, впрочем, особенно и настаивала».

Что касается Мацуока, то, отправляясь в Европу, он считал, что идея подключения СССР к Тройственному пакту еще жива и может быть использована для японо-советского политического урегулирования на японских условиях. Главная же цель встреч Мацуока с германскими руководителями состояла в том, чтобы выяснить, действительно ли Германия готовится к нападению на СССР, и если это так, то когда может произойти такое нападение. Однако в Берлине считали нецелесообразным информировать своего дальневосточного союзника о конкретных германских планах.

Готовясь к приему японского министра, Гитлер издал 5 марта 1941 г. директиву №24 «О сотрудничестве с Японией», в которой была определена цель: как можно скорее вовлечь Японию в войну против Великобритании и таким образом связать значительные английские силы на Тихом океане. В результате и американцы должны будут перенести свое внимание на Дальний Восток, воздерживаясь от активного участия в войне в Европе. Япония, однако, должна избегать войны с США. Директивой запрещалось сообщать японцам о существовании плана войны Германии против СССР «Барбаросса».

Но будучи заинтересованным в отвлечении японцами англичан на Дальнем Востоке, Гитлер распорядился подчеркнуто радушно принять японского министра в Берлине, ведя с ним переговоры на равных. С 27 по 29 марта Мацуока провел три раунда переговоров с Риббентропом и дважды был принят Гитлером. Согласно директивам Гитлера, Риббентроп убеждал японского министра атаковать Сингапур. Он говорил: «В случае если Советский Союз выступит против Японии, Германия незамедлительно нанесет удар по СССР. Мы обе-

щаем это. Поэтому Япония может, не опасаясь войны с Советским Союзом, двигаться на юг, на Сингапур».

Отвечая на вопрос Мацуока о состоянии германо-советских отношений, Риббентроп сказал: «... Конфликт с Россией находится все же в пределах возможного. Во всяком случае, после своего возвращения Мацуока не может докладывать японскому императору, будто возможность конфликта между Россией и Германией исключается. Напротив, положение вещей таково, что такой конфликт следует считать возможным, но не вероятным».

Что касается присоединения России к Тройственному пакту, о чем со стороны Германии было сделано предложение Молотову, то министр рейха отметил, что «речь идет не просто о присоединении России к самому пакту, а скорее о другой комбинации. Как уже сообщалось, русские выдвинули на случай своего присоединения к пакту такие условия, которые Германия не может принять», — заявил Риббентроп. Не раскрывая содержание плана «Барбаросса» и не упоминая о нем, Риббентроп, тем не менее, счел возможным информировать собеседника, что «большая часть германской армии уже сосредоточена на восточных границах государства». Убеждая своего коллегу в быстротечности германо-советской войны, он говорил: «В настоящее время мы сможем сокрушить Советский Союз в течение трех-четырёх месяцев... Я полагаю, что после разгрома Советский Союз развалится. Если Япония попытается захватить Сингапур, ей не придется больше беспокоиться о севере».

Гитлер также склонял Мацуока к нападению на Сингапур, заявляя: «Никогда в человеческом воображении для нации не представятся более благоприятные возможности. Такой момент никогда не повторится. Это уникальная в истории ситуация». По поводу германо-советских отношений фюрер ограничился сообщением, что рейх имеет свыше 160 дивизий, сконцентрированных на советских границах.

Следуя данным ему указаниям, Мацуока, вопреки своему обыкновению, больше слушал, чем говорил. Он знал, что специально приставленный к нему в качестве сопровождающего офицер разведуправления генштаба армии полковник Нагаи по своим каналам передает в Токио содержание берлинских бесед. Тем не менее, Мацуока заверил своих собеседников в том, что «Япония будет всегда лояль-

ным союзником, который посвятит себя общим усилиям и не займет пассивной позиции».

Мацуока давал понять немцам, что без согласия японской армии он не может принимать какие бы то ни было обязательства. В связи с этим показателен такой эпизод. Принимая от Мацуока подарок — японскую картину-свиток (какэдзюку) с изображением горы Фудзи — рейхсмаршал Герман Геринг как бы в шутку обещал посетить Японию с тем, чтобы полюбоваться этой священной для японцев горой, но только после того, как «Япония возьмет Сингапур». Мацуока, кивнув в сторону Нагаи, сказал: «Об этом вам придется спросить у него».

Более откровенно Мацуока говорил об отношениях Японии с Советским Союзом, прямо заявив, что имеет поручение заключить японо-советский пакт о ненападении или нейтралитете. Реакция немцев на это сообщение должна была показать, насколько далеко зашла подготовка Германии к нападению на Советский Союз. Если бы руководители рейха решительно воспротивились такому пакту, это было бы сигналом того, что решение о войне на востоке принято окончательно. Однако Гитлер и Риббентроп реагировали довольно прохладно. Риббентроп лишь предупредил Мацуока «не заходить слишком далеко в сближении с Россией». Впоследствии Гитлер заявил, что японцы заключили пакт с СССР «с одобрения Германии». О причинах такой позиции немцев можно только догадываться. Скорее всего, они рассчитывали на то, что, имея пакт со Сталиным, японцы быстрее решатся на захват Сингапура. С другой стороны, на них могло произвести впечатление сделанное Мацуока в беседе с Риббентропом важное заявление о том, что «никакой японский премьер-министр или министр иностранных дел не сумеет заставить Японию остаться нейтральной, если между Германией и Советским Союзом возникнет конфликт. В этом случае Япония принуждена будет, естественно, напасть на Россию на стороне Германии. Тут не поможет никакой пакт о нейтралитете».

Покидая Германию, Мацуока понимал, что руководители рейха явно недоговаривают, не хотят раскрывать свои карты японцам, фактически дезориентируют их. Как иначе можно было расценить слова Гитлера о том, что «несмотря на задержку в осуществлении германского плана высадки на Британские острова, капитуляция Великобритании — это лишь вопрос времени. Великобритания должна быть

разбита»? Как объяснить скопление германских войск в восточных районах рейха, которые Мацуока видел своими глазами, пересекая германо-советскую границу? Неужели Германия решила воевать одновременно на западе и востоке?

Впоследствии Мацуока признает, что в результате посещения Берлина он оценил вероятность начала германо-советской войны как 50 на 50. «Если бы я знал, что они вступят в войну, я бы предпочел занять в отношении Германии более дружественную позицию и не стал бы заключать пакт о нейтралитете (с СССР)», — заявил он 25 июня 1941 г. на заседании координационного совета правительства и императорской ставки. Но это будет потом. А пока предстояли переговоры в Москве.

Хотя руководители рейха не настаивали на участии японских вооруженных сил в войне против СССР, а стремились направить их против Великобритании, в ходе такой войны могло создаться положение, когда правительство Германии потребовало бы от своего союзника выполнения обязательств по Тройственному пакту. В этом случае выступление Японии против СССР должно было состояться не тогда, когда японское правительство и командование сочтут момент наиболее благоприятным, а когда это будет необходимо Германии. Это не устраивало Японию, не желавшую играть подчиненную роль в германской войне против СССР, выполняя вспомогательные задачи. С другой стороны, японское руководство не могло не волновать то, что в результате быстрого разгрома Германией Советского Союза Япония не будет допущена к дележу «русского пирога» или же получит лишь небольшие куски. Поэтому для обеспечения империи свободы действий как на южном, так и на северном направлениях считалось целесообразным иметь пакт о ненападении или нейтралитете с Советским Союзом. К тому же такой пакт мог стать прикрытием подготовки Японии к нападению на СССР. Главные же цели пакта для Японии оставались прежними — добиться от СССР его отказа от помощи Китаю и обеспечить прочный тыл на севере на случай начала войны против США и Великобритании на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии.

По мнению японцев, пакт с СССР должен был кроме всего прочего затруднить образование союза между Вашингтоном, Лондоном и Москвой. Японский военно-морской министр Оикава Косиро с не-

скрываемой тревогой говорил: «Флот уверен в своих силах в случае войны только с Соединенными Штатами и Британией, но выражает опасения по поводу столкновения одновременно с Соединенными Штатами, Британией и Советским Союзом».

Мацуока не мог не учитывать эти опасения. К тому же провал порученных самим императором переговоров в Москве серьезно подорвал бы авторитет японского министра иностранных дел, поставив вопрос о его дальнейшем пребывании на занимаемом посту. Поэтому он решил все же продолжить переговоры с советским руководством о подписании соглашения с СССР.

Готовясь к встрече с Мацуока, советское руководство из сообщений Зорге знало, что император и ближайшее окружение японского премьер-министра Коноэ хотят заключить пакт о ненападении с Советским Союзом. 10 марта 1941 г. Зорге доносил в Москву: «...Что касается СССР, то Мацуока имеет больше полномочий для самостоятельных действий. Коноэ не верит, что Мацуока сможет заключить с Советским Союзом пакт о ненападении, но он все же надеется, что кое-что в этом направлении Мацуока сможет сделать. Коноэ надеется также получить от Советского правительства разрешение на пропуск через Сибирь немецких военных материалов, заказанных Японией. Наконец, он надеется достигнуть с СССР соглашения о прекращении сотрудничества с чунцинским правительством».

Как уже отмечалось, советскому правительству было непросто принять решение о заключении пакта с милитаристской Японией. В Кремле хорошо помнили реакцию Запада на подписание советско-германского пакта о ненападении, расцененного как «предательство идеи антигитлеровской коалиции». Заключение аналогичного соглашения еще с одним членом Тройственного пакта неизбежно создавало новые проблемы во взаимоотношениях с западными державами, которые могли расценить действия СССР как провоцирующие Японию на расширение экспансии в Восточной Азии и на Тихом океане. Продолжало беспокоить советское руководство и то, что, идя на подписание пакта с Японией, оно рисковало ухудшить свои отношения с Китаем. Однако, с другой стороны, как и в случае с Германией, пакт с японцами отвечал государственным интересам Советского Союза, ибо создавал, хотя и ненадежные и явно временные, но все же гарантии, снижал опасность одновременного нападения на СССР с запада и востока.

Вернувшись из Берлина в Москву, Мацуока 7 апреля в беседе с Молотовым попытался выдвинуть японские условия подписания пакта с СССР, в частности, официально предложил продать Японии Северный Сахалин. Это предложение, как и ранее в беседах Молотова с японскими послами Того и Татэкава, было решительно отвергнуто. При этом советская сторона продолжала настаивать на ликвидации одновременно с подписанием пакта японских концессий на Северном Сахалине. Было ясно, что советское правительство не отступит от своих позиций.

В довольно сумрачном настроении Мацуока посетил Ленинград, где осмотрел сокровища Эрмитажа и присутствовал на балетном спектакле. Возвратившись 12 апреля в Москву, он телеграфировал в Токио, что Молотов «не проявляет симпатии, и шансы заключения соглашения с Россией близки к нулю». Неожиданно в гостиничном номере японского министра раздался телефонный звонок из секретариата Сталина. Мацуока приглашался в Кремль на беседу с советским лидером.

Анализ дипломатических контактов Сталина с иностранными политиками свидетельствует о выработанной им тактике ведения переговоров, когда на предварительном этапе Молотову поручалось, занимая довольно жесткую позицию, в максимальной степени «дожимать» партнеров, добиваться от них учета советской позиции. При этом в последний момент, когда казалось, что соглашения уже достичь не удастся, вступал в дело сам Сталин, который с присущих вождю широких политических позиций предлагал заранее продуманный компромисс и как бы выводил переговоры из тупика. В этой ситуации иностранному политику было трудно не оценить по достоинству широту взглядов и подходов советского лидера. Подобное произошло и на данной беседе. Уже паковавший чемоданы Мацуока был поставлен в ситуацию, когда не ответить положительно на предложенные Сталиным компромиссы было просто нетактично. Тем более что предложенный Сталиным вариант соглашения не требовал от Японии никаких уступок, кроме согласия на ликвидацию в целом на устраивавших Японию условиях концессий на Северном Сахалине. К тому же демонстрировавшиеся Сталиным откровенность и примирительный дружественный тон убеждали Мацуока, что советский лидер искренне стремится на продолжительный срок избежать новых конфликтов с Японией.

Мацуока являлся единственным японским крупным политиком, с которым Сталин имел дело напрямую. Поэтому, думается, важны все нюансы состоявшегося разговора и соглашения, во многом определившего последующие события в мире.

СОВ. СЕКРЕТНО

Особая папка

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ тов. СТАЛИНА И.В.

С МИНИСТРОМ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ЯПОНИИ

МАЦУОКА

12 апреля 1941 года

Мацуока благодарит тов. Сталина за радушный прием в Советском Союзе и за оказанное ему содействие во время его пребывания в СССР, а также благодарит за то, что тов. Сталин согласился принять его сегодня с прощальным визитом.

Тов. Сталин отвечает, что это его обязанность.

Затем Мацуока говорит, что Молотов, видимо, уже докладывал ему о том, что Мацуока хотел бы за время своего пребывания в СССР заключить пакт о нейтралитете, но без всяких условий, в порядке дипломатического блицкрига.

Мацуока считает подписание пакта о нейтралитете полезным и целесообразным не только для Японии, но и для СССР и полагает, что было бы эффективным подписать пакт именно в данный момент. Однако его желание не увенчалось успехом. Завтра он покидает столицу СССР, хотя ему и досадно, что пакт не подписан. Тем не менее, его пребывание в СССР дало ему многое. Мацуока говорит, что, так как он был в старой России, а также в СССР проездом 8 лет тому назад, то он мог сравнить то, что было раньше и что имеется теперь и с удовлетворением констатирует необыкновенный успех в развитии СССР. Двукратная встреча с тов. Сталиным породила в нем такое чувство, что он стал считать себя близким и знакомым для тов. Сталина. То же самое, — говорит Мацуока, — он может сказать о своих отношениях с тов. Молотовым, с которым он имел несколько встреч. Мацуока думает, что такое личное знакомство может способствовать дальнейшему развитию отношений между Японией и СССР.

Затем Мацуока напоминает, что еще вчера он говорил тов. Молотову о том, чтобы последний навестил Японию с тем, чтобы он,

Мацуока, мог ответить ему за тот радушный прием, который ему был оказан в СССР. Мацуока указывает, что не только заключение договоров или соглашений, но также и личные визиты являются составной частью дипломатии. Личные визиты, а также ответные визиты могут способствовать сближению двух стран, и это могло бы иметь положительный результат для японо-советских отношений.

После этого Мацуока просит разрешения высказаться по следующим моментам.

Первое. Япония имеет с Германией союзный договор. Однако, из того, что Япония имеет с Германией союзный договор, не вытекает, что Японии нужно связывать силы СССР. Наоборот, если что-нибудь произойдет между СССР и Германией, то он предпочитает посредничать между СССР и Германией. Япония и СССР являются пограничными государствами, и он хотел бы улучшения отношений между Японией и СССР.

Тов. Сталин бросает реплику — пакт трех не помешает этому?

Мацуока отвечает, что, наоборот, заключение пакта с Германией должно улучшить японо-советские отношения и в таком смысле он говорил в Берлине с Риббентропом. Мацуока заявляет, что он всегда говорит и сотрудничает откровенно, не занимаясь мелочами и торгашеством.

Второе. Коренное разрешение отношений между Японией и СССР нужно разрешить под углом зрения больших проблем, имея в виду Азию, весь мир, не ограничиваясь и не увлекаясь мелочами. Если так подходить к коренному разрешению японо-советских отношений, то мелкие вопросы могут быть разрешены с течением времени и мелкими вопросами можно будет даже пожертвовать. Если бы такой маленький островок, как Сахалин, говорит Мацуока, потонул в море, то это не оказало бы влияния на японо-советские отношения. Мацуока далее указывает, что если он так говорит, то это не значит, что он считает ненужным разрешать мелкие вопросы. Эти вопросы также нужно разрешать, но не сейчас, а впоследствии.

Если, продолжает Мацуока, подойти под углом зрения больших проблем к случаю, когда СССР будет стремиться выйти через Индию к теплым водам Индийского океана, то он считает, что это нужно допустить, и если СССР захочет иметь порт Карачи, то Япония будет закрывать на это глаза. Мацуока далее указывает, что во время на-

хождения Стамера (Штамера) в Японии Мацуока говорил ему о том, чтобы Германия точно так же смотрела в том случае, если СССР будет стремиться выйти к теплому морю через Иран.

Мацуока заявляет, что у него с молодых лет сложилось убеждение, что судьбу Азии решают две силы — Япония и СССР. Об этом он говорил в своих выступлениях, книгах и потому убежден в том, что Японии и СССР лучше идти рука об руку, чем ссориться.

Третье. Для того чтобы освободить Азию, нужно избавиться от англосаксов, а потому перед такой задачей нужно отказаться от мелких вопросов и сотрудничать в больших вопросах.

Четвертое. Япония сейчас ведет борьбу с Китаем, но не с китайским народом, с которым Япония воевать не хочет. Чего Япония хочет добиться в Китае? Она хочет добиться изгнания из Китая англосаксов. Чан Кайши — агент англо-американского капитала, и ради этого капитала он ведет борьбу с Японией. Япония имеет твердую решимость бороться с Чан Кайши до конца, а потому сочувствие Чан Кайши означает собой помощь англо-американскому капиталу. В связи с этим Мацуока указывает, что, по его мнению, было бы более целесообразным отказаться от поддержки Чан Кайши и сделать так, чтобы изгнание англосаксов из Китая имело успех.

Пятое. Это вопрос относительно так называемого морального коммунизма. Мацуока говорит, что он не согласен с политическим и социальным коммунизмом, но в основном он также придерживается коммунизма и решительно настроен против англосаксонского капитализма. Тут же Мацуока добавляет, что его предложение заключается в том, чтобы СССР и Япония вместе изгнали влияние англо-американского капитала из Азии. Что же касается вопроса о том, чей коммунизм лучше — ваш или наш, то об этом можно было бы говорить позднее.

Далее Мацуока говорит, что он хочет отметить следующий момент, чтобы не было недоразумений. Когда он говорил о моральном коммунизме, то это не означало, что весь японский народ и все японцы являются последователями морального коммунизма. Много болезней капитализма, который пришел в Японию более полувека тому назад, сказались в распространении индивидуализма и капитализма среди японского народа. В Японии идет неясная, но жестокая борьба между капитализмом и моральным коммунизмом, и он уверен в том, что Япония сможет вернуться к моральному коммунизму.

Тов. Сталин говорит, что СССР считает принципиально допустимым сотрудничество с Японией, Германией и Италией по большим вопросам. Об этом тов. Молотов заявлял Гитлеру и Риббентропу, когда он был в Берлине и когда стоял вопрос о том, чтобы пакт трех сделать пактом четырех. Гитлер заявил тогда тов. Молотову, что он в военной помощи пока не нуждается. Но пакт четырех есть пакт взаимопомощи. Если Германия не нуждается в помощи, то это значит, что пакт четырех еще не назрел. Если Мацуока заметил по печати, добавляет тов. Сталин, то и теперь Гитлер заявляет, что он не нуждается в военной помощи других государств. Тов. Сталин считает ввиду этого, что только в том случае, если дела Германии и Японии пойдут плохо, может встать вопрос о пакте четырех и о сотрудничестве СССР по большим вопросам. Поэтому, указывает тов. Сталин, мы и ограничиваемся теперь вопросом о пакте о нейтралитете с Японией. Этот вопрос, безусловно, назрел. Это будет первый шаг, и серьезный шаг к будущему сотрудничеству по большим вопросам. Этот вопрос, говорит тов. Сталин, по его мнению, уже назрел. 30 лет Россия и Япония смотрят друг на друга как враги. Между Россией и Японией была война. Был заключен мир, но мир не принес дружбы. Поэтому он присоединяется к мнению Мацуока о том, что если пакт о нейтралитете будет заключен, то это будет действительно поворотом от вражды к дружбе.

Далее тов. Сталин переходит к вопросу пакта о нейтралитете и говорит, что, как ему уже сообщил тов. Молотов, у Мацуока нет возражений против текста пакта и только один пункт о Маньчжоу-Го и МНР вызывает сомнения. Тов. Сталин говорит, что он не возражает против того, чтобы это место из пакта было исключено, но тогда может получиться так, что между Японией и СССР будет существовать пакт, а поле для конфликтов между Монголией и Маньчжоу-Го останется. Целесообразно ли это? — спрашивает тов. Сталин. Он говорит, что нужно в той или иной форме сказать также относительно МНР и Маньчжоу-Го, так как в противном случае получается, что Япония может напасть на МНР, а СССР может напасть на Маньчжоу-Го, в результате чего будет война между СССР и Японией.

Мацуока говорит, что он не возражает против существа дела, и предложение Советского Правительства он передал японскому правительству. Так как, указывает Мацуока, у Японии с Маньчжоу-Го не

союзные отношения, то он считает, что лучше о Маньчжоу-Го и МНР сказать в декларации.

Тов. Сталин говорит, что это все равно, и, значит, здесь разногласий между обеими сторонами тоже нет, и, следовательно, остаются разногласия только относительно протокола о ликвидации концессий.

Мацуока заявляет, что против пакта у него никаких возражений нет, кроме редакционных поправок. Что же касается протокола о ликвидации концессий, то так как в скором времени будут заключены торговый договор и рыболовная конвенция, то создастся хорошая атмосфера для разрешения вопроса о концессиях, а пока что он хотел бы ограничиться передачей тов. Молотову конфиденциального письма и сейчас подписать пакт о нейтралитете, без протокола.

Тов. Сталин говорит, что все беседы, которые вел Мацуока с тов. Молотовым, и сегодняшняя вторая его беседа с Мацуока убедили его в том, что в переговорах о пакте нет дипломатической игры, а что действительно Япония хочет серьезно и честно улучшить отношения с СССР. В этом он раньше сомневался, и должен это честно признать. Теперь у него эти сомнения исчезли и теперь действительно мы имеем настоящие стремления к улучшению отношений, а не игру.

Тов. Молотов добавляет, что у него от переговоров с Мацуока такое же впечатление, как и у тов. Сталина.

Далее тов. Сталин говорит, что он с удовольствием слушал Мацуока, который честно и прямо говорит о том, чего он хочет. С удовольствием слушал потому, что в наше время, и не только в наше время, не часто встретишь дипломата, который откровенно говорил бы, что у него на душе. Как известно, еще Талейран говорил при Наполеоне, что язык дан дипломату для того, чтобы скрывать свои мысли. Мы, русские большевики, смотрим иначе и думаем, что и на дипломатической арене можно быть искренними и честными. Тов. Сталин говорит, что он не хотел бы затруднять положение Мацуока, который вынужден довести до конца борьбу со своими противниками в Японии, и готов облегчить его положение, чтобы он, Мацуока, добился здесь дипломатического блицкрига.

Хорошо, продолжает тов. Сталин, допустим, что мы протокол о ликвидации концессий заменим письмом Мацуока, на которое, очевидно, будет дано ответное письмо тов. Молотова. Письмо Мацуока придется пришить к договору, как не подлежащее публикации. Если

так, то, может быть, можно было бы внести в это письмо некоторые редакционные поправки.

Мацуока заявляет, что он вообще не хочет сказать, что он не может выполнить своего обещания и потому он дает свое письмо и просит ответить ему письмом тов. Молотова. Мацуока при этом указывает, что, как он уже говорил Молотову, самым лучшим и коренным способом разрешения вопроса была бы продажа Японии северной части Сахалина, но так как советская сторона не принимает этого предложения, то нужно найти иной способ разрешения вопроса о концессиях.

Тов. Сталин спрашивает — ликвидация концессий?

Мацуока отвечает — да, и добавляет, что он не будет откладывать этого дела в долгий ящик.

Затем тов. Сталин передает Мацуока текст письма Мацуока с редакционными поправками.

Мацуока говорит, что он не может взять на себя обязательства по ликвидации концессий в 2—3 месяца, так как ему нужно вернуться в Японию и там работать, чтобы правительство и народ поняли необходимость этого, и если бы он мог согласиться на ликвидацию концессий, то для него это уже сейчас было бы нетрудным делом.

Тов. Сталин спрашивает — к чему в таком случае сводится значение письма Мацуока без поправок?

Мацуока говорит, что в беседах между ним и тов. Молотовым точки зрения обеих сторон стали очень ясны. Он ставил вопрос о продаже Японии Северного Сахалина, что было бы коренным разрешением вопроса, но так как советская сторона не принимает этого предложения, то нужно найти другой выход и идти по линии протокола. Мацуока заявляет, что он будет стараться работать в этом направлении, и здесь будет добрая воля, а не игра. Мацуока просит верить ему и довольствоваться его первоначальным письмом, и указывает, что будет лучше, если он вернется в Японию свободным и не связанным. Мацуока заявляет, что он имел инструкцию, в которой говорилось о продаже Северного Сахалина, но так как СССР не соглашается, то ничего не поделаешь...

Далее, возвращаясь к поправкам в тексте письма, Мацуока говорит, что не возражает против того, чтобы вместо слов: «в течение 2—3 месяцев», указать: «в течение нескольких месяцев».

Тов. Сталин соглашается с этим...

Тов. Сталин предлагает в текст письма Мацуока внести поправку: вместо «...вопрос, касающийся концессий...», написать «...вопрос, касающийся ликвидации концессий».

Мацуока соглашается с этим и далее говорит, что ему теперь придется испросить полномочий императора на подписание пакта о нейтралитете, и просит тов. Молотова дать распоряжение на Центральный телеграф о том, чтобы там ни одной минуты не задерживали телеграмму из Токио.

Тов. Молотов говорит, что он это сделает.

В заключение беседы тов. Сталин, тов. Молотов и Мацуока договариваются о выделении представителей обеих сторон для уточнения текста пакта, составления совместной декларации относительно МНР и Маньчжоу-Го и т.д.

С японской стороны были выделены Ниси, Миякава, Сакамото, Сайто и Хираока.

С советской стороны были выделены т.т. Вышинский, Лозовский, Павлов А.П. и Царапкин.

На беседе присутствовали тов. Молотов, японский посол Татекава и советник Миякава.

Беседа продолжалась около двух часов.

Записал Забродин.

В ходе беседы Сталин выложил на стол проект советско-японского пакта о нейтралитете. Статья 1 предусматривала обязательство обеих сторон поддерживать мирные и дружественные отношения между собой и взаимно уважать территориальную целостность и неприкосновенность другой договаривающейся стороны. В статье 2 говорилось, что в случае если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны другой или нескольких третьих держав, другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта. Статья 3 предусматривала, что пакт сохраняет силу в течение пяти лет.

В предложенном тексте пакта отсутствовали какие-либо условия и обязательства по другим вопросам. Это облегчало заключение договора.

Связавшись с Токио, Мацуока получил согласие на подписание предложенного советской стороной документа. Вместе с тем в ин-

струкциях японского правительства было подчеркнуто, что «Тройственный пакт не должен быть ослаблен».

13 апреля 1941 г. в Кремле был подписан Пакт о нейтралитете между Японией и Советским Союзом. Одновременно была подписана Декларация о взаимном уважении территориальной целостности и неприкосновенности границ Монгольской Народной Республики и Маньчжоу-Го. Была достигнута и договоренность о разрешении в течение нескольких месяцев вопроса о ликвидации японских концесий на Северном Сахалине. Однако по просьбе японской стороны об этой договоренности в печати не сообщалось.

На состоявшемся затем банкете в Кремле царила атмосфера удовлетворения успешно завершившимся «дипломатическим блицкригом». По свидетельству очевидцев, стремясь подчеркнуть свое гостеприимство, Сталин лично подвигал гостям тарелки с яствами и разливал вино. Однако обилие комплиментов не могло скрыть от наблюдателя, что за столом сидели не друзья, а противники.

Участники банкета с японской стороны, в частности личный секретарь министра Касэ Тосикадзу, рассказывали о состоявшемся за столом примечательном диалоге:

Подняв свой бокал, Мацуока сказал: «Соглашение подписано. Я не лгу. Если я лгу, моя голова будет Ваша. Если Вы лжете, я приду за Вашей головой».

Сталин поморщился, а затем со всей серьезностью произнес: «Моя голова важна для моей страны. Так же как Ваша для Вашей страны. Давайте позаботимся, чтобы наши головы остались на наших плечах».

Предложив затем тост за японскую делегацию, Сталин отметил вклад в заключение соглашения ее членов из числа военных.

«Эти представляющие армию и флот люди заключили пакт о нейтралитете, исходя из общей ситуации, — заметил в ответ Мацуока. На самом деле они всегда думают о том, как бы сокрушить Советский Союз». Сталин тут же парировал: «Хотелось бы напомнить всем японским военным, что сегодняшняя Советская Россия — это не прогнившая царская Российская империя, над которой вы однажды одержали победу»

Хотя Сталин попрощался с японским министром в Кремле, затем неожиданно он появился на вокзале, чтобы лично проводить Мацуо-

ка. Это был беспрецедентный и единственный в своем роде случай, когда советский лидер счел необходимым таким необычным жестом подчеркнуть важность советско-японской договоренности. Причем подчеркнуть не только японцам, но и немцам.

Зная, что среди провожающих Мацуока был и германский посол в Москве Фридрих фон Шуленбург, Сталин демонстративно обнимал на перроне японского министра, заявляя: «Вы азиат и я азиат... Если мы будем вместе, все проблемы Азии могут быть решены». Мацуока отвечал: «Проблемы всего мира могут быть разрешены».

В целом негативно относящиеся к каким-либо договоренностям с Советским Союзом военные круги Японии, в отличие от политиков, не придали пакту о нейтралитете особого значения. В «Секретном дневнике войны» японского генерального штаба армии 14 апреля 1941 г. была сделана следующая запись: «Значение данного договора состоит не в обеспечении вооруженного выступления на юге. Не является договор и средством избежать войны с США. Он лишь дает дополнительное время для принятия самостоятельного решения о начале войны против Советов». Еще более определенно высказался в апреле 1941 г. военный министр Тодзио Хидэки: «Невзирая на пакт, мы будем активно осуществлять военные приготовления против СССР».

О том, что наиболее антисоветски настроенные японские генералы рассматривали пакт о нейтралитете лишь как прикрытие завершения подготовки к наступательной операции, свидетельствует сделанное 26 апреля заявление начальника штаба Квантунской армии Кимура Хэйтаро на совещании командиров соединений этой армии. «Необходимо, — заявил он, — с одной стороны, все более усиливать и расширять подготовку к войне против СССР, а с другой — поддерживать дружественные отношения с СССР, стремясь сохранить вооруженный мир и одновременно готовиться к операциям против Советского Союза, которые в решительный момент принесут верную победу Японии».

Советская разведка своевременно и объективно информировала Москву о настроениях в японской армии. 18 апреля Зорге сообщал, что «Отто (Одзаки Хоцуми) посетил Коноэ как раз в тот момент, когда Коноэ получил от Мацуока телеграмму о заключении пакта о нейтралитете. Коноэ и все присутствовавшие были чрезвычайно рады

заключению пакта. Коноэ сразу позвонил об этом военному министру Тодзио, который не высказал ни удивления, ни гнева, ни радости, но согласился с мнением Коноэ о том, что ни армия, ни флот, ни Квантунская армия не должны опубликовывать какое-либо заявление относительно этого пакта. Во время обсуждения вопроса о последствиях пакта вопрос о Сингапуре не поднимался. Основное внимание всех присутствующих было сосредоточено на вопросе использования пакта для ликвидации войны с Китаем...».

28 апреля советский военный атташе в Корее телеграфировал: «22 апреля начальник штаба армии (японской армии в Корее) Такахаши Санкити заявил журналистам: «СССР, признавая мощь Японии, заключил с ней пакт о нейтралитете с тем, чтобы сконцентрировать свои войска на западе. Только военная сила может обеспечить эффективность пакта, и поэтому новое формирование ни Квантунской, ни Корейской армии ослаблено не будет, и они со своих позиций не уйдут. Такахаши привел исторические примеры, когда Китай, будучи в военном отношении слабее Японии, шел на заключение выгодных для Японии договоров. Сейчас основной задачей Японии, как он заявил, является завершение китайской войны».

Имея подобную информацию, Сталин понимал, что, несмотря на подписание пакта о нейтралитете, японцы не ослабят свою боевую готовность на границах с СССР. Тем не менее, он считал, что, имея пакт о ненападении с Германией и пакт о нейтралитете с Японией, СССР сможет выиграть время и в течение определенного периода оставаться вне войны. Однако Сталин недооценил коварство государств-агрессоров, их изощренные методы дезинформации противника. Германское вероломное нападение на СССР и проявленная готовность Японии присоединиться к этому нападению с востока означали разрушение выстроенной Сталиным дипломатической конструкции на международной арене. Как показали последовавшие события, «вооруженный нейтралитет» Японии отнюдь не гарантировал безопасность СССР на Дальнем Востоке и в Сибири.

Глава четвертая ЯПОНИЯ НА ПЕРЕПУТЬЕ

«НУЖНО НАЧАТЬ С СЕВЕРА»

16 апреля 1941 г. японский посол в Берлине Осима направил в Токио шифровку, в которой сообщалось: «В этом году Германия начнет войну против СССР». Аналогичная информация поступала и от японских послов и военных атташе в других европейских странах. 28 апреля, подтвердив неизбежность скорого германского нападения на СССР, Осима рекомендовал центру: «После начала германо-советской войны, двигаясь на юг, оказывать тем самым косвенную помощь Германии. Затем, воспользовавшись внутренними беспорядками в Советском Союзе, применить вооруженные силы и в согласовании с Германией завершить решение вопроса о СССР».

После этого в течение мая в японском генеральном штабе армии проходили интенсивные совещания руководящего состава, на которых выработывалась стратегия Японии на случай советско-германской войны. Однако прийти к общему мнению не удалось. Определелись три основные точки зрения.

Первая заключалась в том, чтобы осуществить первоначально экспансию на юг, обеспечить экономическую независимость империи, после чего, невзирая на пакт о нейтралитете, обрушиться на Советский Союз. При этом считалось, что США, напуганные японо-германским сближением, не будут оказывать Японии серьезного сопротивления в ее продвижении в южном направлении.

Вторая точка зрения сводилась к тому, что Япония, воспользовавшись советско-германской войной, должна незамедлительно приступить к осуществлению планов оккупации советских восточных территорий. Сторонники этого курса опасались, что «если Япония не захватит в качестве буферной зоны восточную часть Советского Союза, эта территория не будет гарантирована от германской агрессии».

Наконец, было немало сторонников того, чтобы выждать и готовиться к войне как на севере, так и на юге с целью принять окончательное решение с учетом складывающейся обстановки, в первую очередь в Европе.

28 мая в ответ на запрос Мацуока Риббентроп через посла Осима со всей определенностью сообщил: «Сейчас война между Германией и СССР неизбежна. Я верю, что если она начнется, то может закончиться в течение двух-трех месяцев. Армия уже закончила развертывание». Об этом же Осима информировал Токио в телеграмме от 6 июня, в которой выражалась уверенность, что «Россия через несколько месяцев перестанет существовать как великая держава».

В связи с этим интерес представляют опубликованные в последние годы оригиналы разведдонесений Зорге в Москву в мае-июне 1941 г.

2 мая Зорге доносил: «Я беседовал с германским послом Оттом и морским атташе о взаимоотношениях между Германией и СССР. Отт заявил мне, что Гитлер исполнен решимости разгромить СССР и получить европейскую часть Советского Союза в свои руки в качестве зерновой и сырьевой базы для контроля со стороны Германии над всей Европой... Возможность возникновения войны в любой момент весьма велика, потому что Гитлер и его генералы уверены, что война с СССР несколько не помешает ведению войны против Англии.

Немецкие генералы оценивают боеспособность Красной Армии настолько низко, что они полагают, что Красная Армия будет разгромлена в течение нескольких недель. Они полагают, что система обороны на германо-советской границе чрезвычайно слаба».

Эти данные соответствовали содержанию передаваемых из Берлина Осима телеграмм, что свидетельствует о высокой степени достоверности разведдонесений Зорге. И это объяснимо — ведь информацию Зорге черпал из высших эшелонов японского правительства. 10 мая он сообщил в Москву: «...Отто (Одзакэ Хоцуми) узнал, что в случае германо-советской войны Япония будет сохранять нейтралитет, по меньшей мере, в течение первых недель. Но в случае поражения СССР Япония начнет военные действия против Владивостока. Япония и германский ВАТ (аппарат германского военного атташе в Токио) следят за перебросками советских войск с востока на запад».

30 мая Зорге сообщает: «Берлин информировал Отта, что немецкое выступление против СССР начнется во второй половине июня. Отт на 95 % уверен, что война начнется...». Наконец, за два дня до германского нападения, 20 июня советское руководство было проинформировано из Токио: «Германский посол в Токио Отт сказал мне, что война между Германией и СССР неизбежна... Инвест (Одзак Хоцуми) сказал мне, что японский генеральный штаб уже обсуждает вопрос о позиции, которая будет занята в случае войны... Все ожидают решения вопроса об отношениях СССР и Германии».

Правящая верхушка Японии в ожидании развязки лихорадочно готовилась к новой ситуации в мире. Военный атташе посольства Франции в Токио 18 июня доносил в центр (Виши): «Атмосфера кажущегося спокойствия, которая царит в настоящее время в Японии, несколько необычна в сравнении с активностью высших органов правительства — таких, как Императорский генеральный штаб, Совет дзусинов (высшие советники императора из числа бывших премьер-министров Японии), Совет министров, которые собираются почти ежедневно».

22 июня 1941 г., получив сообщение о начале германского вторжения в СССР, министр иностранных дел Японии Мацуока спешно прибыл в императорский дворец, где весьма энергично стал убеждать японского монарха как можно скорее нанести удар по Советскому Союзу с востока. В ответ на вопрос императора, означает ли это отказ от выступления на юге, Мацуока ответил, что «сначала надо напасть на Россию». При этом министр добавил: «Нужно начать с севера, а потом пойти на юг. Не войдя в пещеру тигра, не вытащишь тигренка. Нужно решиться».

Эту позицию Мацуока отстаивал и на заседаниях координационного комитета правительства и императорской ставки. Им приводились следующие доводы:

а) необходимо успеть вступить в войну до победы Германии из опасения оказаться обделенными;

б) поскольку на принятие решения в пользу войны с СССР немаловажное влияние оказывала боязнь возможной перспективы одновременной войны против Советского Союза и США, Мацуока убеждал высшее японское руководство и командование в том, что этого удастся избежать дипломатическими средствами;

в) министр иностранных дел высказывал уверенность, что нападение на Советский Союз окажет решающее влияние на окончание войны в Китае, ибо в этом случае правительство Чан Кайши окажется в изоляции.

Хотя предложение о первоначальном ударе в тыл Советскому Союзу базировалось на выводе о краткосрочном характере германской агрессии, учитывалась и возможность затяжной войны, и даже поражения Германии. Считалось, что при всех обстоятельствах Японии лучше вступить в войну на севере, чем идти на риск вооруженного столкновения с США и Великобританией. Сторонники этой концепции полагали, что в случае если Великобритания, поддержанная США, в конце концов одержит победу над Германией, Японию не будут строго судить «за нападение лишь на коммунизм».

Участники заседаний не высказывали возражений против доводов Мацуока. Они соглашались с тем, что германское нападение на СССР с запада представляет весьма выгодную возможность реализовать вынашиваемые годами планы отторжения в пользу Японии его восточных районов. Однако далеко не все разделяли поспешные выводы сторонников немедленного нападения на СССР.

Из стенограммы 32-го заседания координационного комитета правительства и императорской ставки от 25 июня 1941 г.:

«*Мацуока*. Подписание пакта о нейтралитете (с СССР) не окажет воздействия или влияния на Тройственный пакт. Об этом я говорил после моего возвращения в Японию (из Германии и СССР). К тому же со стороны Советского Союза пока нет никакой реакции. Вообще-то я пошел на заключение пакта о нейтралитете, считая, что Германия и Советская Россия все же не начнут войну. Если бы я знал, что они вступят в войну, я бы, вероятно, занял в отношении Германии более дружественную позицию и не стал бы заключать пакт о нейтралитете. Я заявил (послу) Отту, что мы останемся верны нашему союзу, невзирая на положения (советско-японского) пакта, и если решим что-то предпринять, он будет проинформирован мною в случае необходимости. В том же духе мы говорили с советским послом.

Некто (фамилия в стенограмме не указана). Какое впечатление произвели Ваши слова на советского посла?

Мацуока. «Япония сохраняет спокойствие, но ясности — никакой», — сказал он и, как мне кажется, говорил искренне.

Некто. Меня интересует, не сделал ли он вывод, что Япония по-прежнему привержена Тройственному пакту и нелояльна пакту о нейтралитете?

Мацуока. Не думаю, чтобы у него сложилось такое впечатление. Разумеется, с моей стороны ничего не говорилось о разрыве пакта о нейтралитете.

Я не сделал никаких официальных заявлений Отту. Мне хотелось бы, чтобы как можно скорее были приняты решения по вопросам нашей национальной политики. Отт снова говорил о переброске советских войск с Дальнего Востока.

Тодзио. Переброска войск с Дальнего Востока на запад, безусловно, имеет большое значение для Германии, но Японии, разумеется, не стоит слишком переживать по этому поводу. Нам не следует всецело полагаться на Германию.

Военно-морской министр Оикава. От имени флота могу высказать ряд соображений о нашей будущей дипломатии. Я не хочу касаться прошлого. В нынешней щекотливой международной обстановке без консультаций с верховным командованием едва ли уместно рассуждать (и) об отдаленном будущем. Флот уверен в своих силах в случае войны с Соединенными Штатами в союзе с Великобританией, но выражает опасение по поводу войны с США, Британией и СССР одновременно. Представьте, что Советы и американцы действуют вместе и США разворачивают военно-морские и авиационные базы, радиолокационные станции и тому подобное на советской территории. Представьте, что базирующиеся во Владивостоке подводные лодки передислоцируются в США. Это серьезно затруднит проведение морских операций. Во избежание такой ситуации следовало бы не планировать удар по Советской России, а готовиться к продвижению на юг. Флоту не хотелось бы провоцировать Советский Союз.

Мацуока. Вы сказали, что не боитесь войны с США и Великобританией. Почему же Вы против вовлечения в войну Советов?

Оикава. Если выступят Советы, это будет означать ведение войны еще с одним государством, не так ли? В любом случае не стоит предвосхищать будущее.

Мацуока. Я считаю, что мы должны спешить и принять решение, исходя из принципов нашей национальной политики.

Если Германия возьмет верх и завладеет Советским Союзом, мы не сможем воспользоваться плодами победы, ничего не сделав для нее. Нам придется либо пролить кровь, либо прибегнуть к дипломатии. Лучше пролить кровь. Вопрос в том, чего пожелает Япония, когда с Советским Союзом будет покончено. Германию, по всей вероятности, интересует, что собирается делать Япония. Неужели мы не вступим в войну, когда войска противника из Сибири будут переброшены на запад? Разве не должны мы прибегнуть, по крайней мере, к демонстративным действиям?

Военный и военно-морской министры. Существует множество вариантов демонстративных действий. Тот факт, что наша Империя занимает твердые позиции, сам по себе является демонстративным действием, не так ли? Разве мы не намерены реагировать подобным образом?

Мацуока. В любом случае, пожалуйста, поторопитесь и решите, что нам следует предпринять.

Некто. Что бы вы ни предприняли, не допускайте поспешности в действиях».

Советская разведка внимательно следила за ходом обсуждения в японском правительстве вопроса о выступлении Японии против СССР и своевременно информировала центр о возникших в руководстве страны противоречиях. 25 июня военный атташе посольства СССР в Японии доносил начальнику разведуправления генштаба Красной Армии:

«...5. Генералы Араки и Сидо с прогнозами современной войны по-детски заявляют, что Германия разобьет СССР в два-три месяца. Соотношение сил строится арифметически, без политического анализа, без анализа запасов стратегического сырья и промышленных мощностей, следовательно, прогнозы звучат неубедительно и наивно, но народ, читая их, верит, что немцы сильнее.

6. Правительство уже три дня совещается и не может принять решение по вопросу своего отношения к войне, есть слухи, что они хотят протянуть недели три и приглядеться к войне, какое она примет направление. В Правительстве сейчас идет очень сложная борьба — проангличане и проамериканцы были ярыми противниками СССР, но

под влиянием речи Черчилля как будто меняют свои взгляды. Определить позицию правительства сейчас очень трудно...

7. Военщина не высказывает своего мнения по этому вопросу.

8. Американцы и англичане рады сложившейся обстановке и заявляют, что «теперь мы с Вами будем сотрудничать по всем вопросам».

9. Немцы нервничают, недовольны неопределенностью позиции правительства. Всеми силами стремятся втянуть Японию в войну. В ход пушены все средства фашистской клеветы и демагогии.

Вывод: ...Правительству доверять нельзя, оно может пойти на самые неожиданные шаги, даже вопреки здравому учету внутренней обстановки».

Еще до нападения Германии на СССР, 10 июня, руководство военного министерства Японии разработало документ «Курс мероприятий по разрешению нынешних проблем». В нем предусматривалось: воспользовавшись удобным моментом, применить вооруженные силы как на Юге, так и на Севере; сохраняя приверженность Тройственному пакту, в любом случае вопрос об использовании вооруженных сил решать самостоятельно, продолжать боевые действия на континентальном фронте в Китае.

Политика выжидания «наиболее благоприятного момента» для нападения на СССР с востока получила название «теория спелой хурмы». Военный министр Тодзио заявлял на совещаниях правительства и императорской ставки: «Нападение должно произойти тогда, когда Советский Союз, подобно спелой хурме, готов будет пасть на землю...»

ИМПЕРАТОРСКОЕ РЕШЕНИЕ

Положения «Курса мероприятий» легли в основу проекта документа «Программа национальной политики Империи в соответствии с изменениями обстановки», который должен был быть представлен императорскому совещанию. Документ являлся результатом компромисса между сторонниками вышеуказанных трех точек зрения на дальнейшую политику Японии. Хотя в нем провозглашалось, что «независимо от изменений в международном положении Империя будет твердо придерживаться политики построения сферы совмест-

ного процветания Великой Восточной Азии», окончательный выбор первоначального направления вооруженной экспансии сделан не был. Обсуждению этого документа были посвящены предшествовавшие императорскому совещанию заседания координационного совета.

Из стенограммы 33-го заседания координационного комитета правительства и императорской ставки от 26 июня 1941 г.:

«Повестка заседания: Проект документа “Программа национальной политики Империи в соответствии с изменениями обстановки”.

Мацуока. Мне непонятна фраза “предпринять шаги для продвижения на юг” и слово “также” во фразе “также разрешить северную проблему”...

Начальник генерального штаба армии Сугияма. Что Вы хотите понять? Вы хотите понять, что важнее — юг или север?

Мацуока. Совершенно верно.

Сугияма. Нет никакого различия в степени важности. Мы собираемся следить за тем, как будет развиваться ситуация.

Мацуока. Означает ли фраза “предпринять шаги для продвижения на юг”, что мы не предпримем действий на юге в ближайшее время? <...>

Заместитель начальника генерального штаба армии Цукада. Хорошо, выскажусь определенно. Между севером и югом нет различий в степени важности. Очередность и способ (действий) будет зависеть от обстановки. Мы не можем действовать в двух направлениях одновременно. На сегодняшний день мы не можем судить, что будет первым — север или юг...

Мацуока. Что случится, если обстановка не претерпит кардинальных изменений в благоприятном для нас смысле?

Цукада. Мы выступим, если почувствуем, что условия особенно благоприятны, и не сделаем этого, если они будут неблагоприятными. Поэтому мы включаем (в проект документа) слова “особенно благоприятные”. Кроме того, существует различие в точках зрения. Даже если Германии ситуация будет казаться исключительно благоприятной, но она не будет благоприятной для нас, мы не выступим. И наоборот, даже если Германия будет считать условия неблагоприятными, но они будут благоприятны для нас, мы выступим.

Министр внутренних дел Хиранума. Можно вступить в войну, не привлекая армии. Вступление в войну есть вступление в войну, даже если не использовать вооруженные силы. Хотя министр иностранных дел сказал, что состояние войны, т. е. вступление в войну, неотделимо от использования вооруженных сил, нельзя ли все-таки вступить в войну, не привлекая вооруженных сил?

Мацуока. Согласен. Между вступлением в войну и использованием вооруженных сил может существовать временной промежуток...».

Как уже отмечалось, японское руководство серьезно опасалось «опоздать на автобус», т. е. к разделу территории поверженного Советского Союза. Об этом предупреждал посол в Германии Осима, активно толкавший японское правительство к немедленному нападению на СССР.

Из стенограммы 34-го заседания координационного комитета правительства и императорской ставки от 27 июня 1941 г.:

«Мацуока. Я получил несколько сообщений от Осима. Их суть состоит в том, что политика нашей Империи столкнется с трудностями в том случае, если германо-советская война завершится в ближайшем будущем, а британо-германская — осенью или до конца года. Мы не можем слишком долго ждать выявления тенденций развития обстановки...»

Ранее я составил план (координации) дипломатии и военных операций и с тех пор много о них размышлял. Хотя я оценивал вероятность начала германо-советской войны в 50 %, эта война уже разразилась. Я согласен со вчерашним проектом генеральных штабов армии и флота, но у меня есть некоторые соображения с точки зрения дипломатии...

Между Германией и Советским Союзом началась война. Хотя какое-то время Империя может выжидать и следить за развитием обстановки, рано или поздно нам придется принять ответственное решение и как-то выйти из создавшегося положения. Если мы придем к заключению, что германо-советская война вскоре закончится, встанет вопрос о первоначальном направлении удара на север или на юг. Если мы решим, что война закончится быстро, надо нанести сначала удар на севере. Если же мы начнем обсуждать советскую проблему после того, как немцы расправятся с Советами, дипломатическим путем мы

ничего не добьемся. Если мы быстро нападём на Советы, Соединенные Штаты не выступят. США не могут помочь Советской России по одной той причине, что они ненавидят СССР. В общем, Соединенные Штаты не вступят в войну. Хотя я могу в чем-то ошибаться, тем не менее, надо нанести удар сначала на севере, а затем уже идти на юг. Если мы пойдем вначале на юг, нам придется воевать и с Великобританией, и с Соединенными Штатами...

Мною движет не безрассудство. Если мы выступим против СССР, я уверен, что смогу удерживать Соединенные Штаты в течение трех-четырёх месяцев дипломатическими средствами. Если мы будем ждать и наблюдать за развитием событий, как это предлагается в проекте верховного командования, мы будем окружены Великобританией, США и Россией... Мы должны сначала ударить на севере, а затем нанести удар на юге. Ничего не предпринимая, ничего не получишь. Мы должны предпринять решительные действия.

Тодзио. Как соотносится (эта проблема) с китайским инцидентом?

Мацуока. До конца прошлого года я придерживался мнения о том, чтобы сначала выступить на юге, а затем на севере. Я считал, что если мы нанесем удар на юге, китайская проблема будет разрешена. Однако этого не произошло. Мы должны двинуться на север и дойти до Иркутска. Я думаю, что если мы пройдем даже половину этого пути, наши действия смогут повлиять на Чан Кайши, подтолкнув его к заключению мира с Японией.

Тодзио. Считаете ли вы, что мы должны ударить на севере, даже если для этого нам придется отказаться от разрешения китайского инцидента?

Мацуока. Нам следует ударить на севере, даже если мы в некоторой степени отступим в Китае.

Тодзио. Урегулирование китайского инцидента должно быть завершено.

Оикава. Мировая война продлится лет десять. За это время китайский инцидент уйдет в небытие. В течение этого периода мы сможем без труда нанести удар на севере.

Мацуока. Я сторонник нравственных начал в дипломатии. Мы не можем отказаться от Тройственного пакта. Мы смогли бы с самого начала уклониться от заключения пакта о нейтралитете. Если мы намерены говорить об отказе от Тройственного пакта, тогда надо быть

готовыми к неопределенному будущему. Мы должны нанести удар, пока ситуация в советско-германской войне еще не определилась.

Хиранума. Господин Мацуока, подумайте должным образом о проблеме, с которой мы имеем дело. Вы предлагаете незамедлительно вступить в войну против Советов, рассматривая это с точки зрения национальной политики?

Мацуока. Да.

Хиранума. Хотя в наши дни приходится вершить дела в спешке, мы должны быть хорошо подготовлены. Вы говорите об использовании военной силы, но это требует подготовки... Короче говоря, разве нам не требуется время для достижения полной готовности?

Мацуока. Я бы хотел располагать решением о нанесении первоначального удара на севере, и я бы хотел сообщить об этом намерении Германии.

Сугияма. Нравственная и благородная дипломатия — это прекрасно, но в настоящее время наши крупные силы находятся в Китае. Хорошо говорить о честности, однако на практике мы не можем себе этого позволить. Верховное командование должно обеспечить готовность. А мы не можем сейчас решить, будем наносить удар (на севере) или нет. Для приведения в готовность армии нам потребуется от сорока до пятидесяти дней. Необходимо дополнительное время и для организации наших наличных сил и подготовки их к наступательным операциям. К этому времени ситуация на германо-советском фронте должна проясниться. Если условия будут благоприятными, мы будем сражаться.

Мацуока. Я хотел бы принятия решения напасть на Советский Союз.

Сугияма. Нет».

Несмотря на то что премьер-министр Коноэ и военно-морской министр Оикава, а также другие японские руководители не разделяли мнения Мацуока и его сторонников о незамедлительном выступлении против СССР, японский министр иностранных дел был уверен, что ему удастся преодолеть их сопротивление. При этом он опирался на влиятельных японских политиков — министра внутренних дел Хиранума, председателя Тайного совета Хара и других. 26 июня Зорге сообщил в Москву: «...Мацуока сказал германскому послу Отту, что нет сомнения, что после некоторого времени Япония выступит против СССР».

Главным доводом противников Мацуока и его единомышленников была оценка экономического потенциала Японии, уязвимость империи в снабжении стратегическим сырьем, которое предлагалось до войны с СССР получить на юге. С этой целью предлагалось, повременив со вступлением в войну против СССР, быстро оккупировать, по крайней мере, Южный Индокитай. Мацуока же считал, что это чревато столкновением с США и Великобританией.

Из стенограммы 36-го заседания координационного комитета правительства и императорской ставки от 30 июня 1941 г.:

«Мацуока. До сих пор я не ошибался в предсказаниях того, что произойдет в следующие несколько лет. Я предсказываю, что, если мы будем вовлечены в действия на юге, нам придется столкнуться с серьезной проблемой. Может ли начальник генерального штаба армии гарантировать, что этого не произойдет? К тому же, если мы оккупируем Южный Индокитай, возникнут трудности с поставками в Японию нефти, каучука, олова, риса и т.д. Великие люди должны уметь менять свое мнение. Раньше я выступал за движение на юг, а теперь склоняюсь в пользу северного направления.

Начальник управления военных дел военного министерства Японии Муро. Оккупировав Южный Индокитай, мы сможем там получить каучук и олово.

Хиранума. Я полагаю, мы должны идти на север. Вопрос состоит в том, можем ли мы это сделать. Здесь мы должны положиться на мнение военных.

Начальник главного морского штаба Нагано. Что касается флота, то если мы выступим на севере, нам придется переключить всю нынешнюю подготовку с южного направления на северное. Это потребует пятидесяти дней...

Принц Хигасикуни. Что вы можете сказать о планах разрешения северной проблемы?

Премьер-министр Коноэ и начальник генерального штаба армии Сугияма. В нынешних условиях следует принять решение после дальнейшего изучения стратегической обстановки как с политической, так и с военной точек зрения. Мы уже обсудили эту проблему с точки зрения военной стратегии. Но решение о наших планах на севере необходимо принять только после должного учета требований

политической стратегии, определения уровня нашей готовности и ситуации в мире.

Принц Асака. Это похоже на то, как если бы мы сидели на заборе и решали, куда спрыгнуть — на север или на юг. Я считаю, было бы лучше сначала двинуться на север.

Тодзио. Легко принимать решения в абстрактной форме. Трудность принятия решения состоит в том, что мы все еще вовлечены в китайский инцидент. Если бы не было китайского инцидента, было бы легко решать.

Хигасикуни. Каковы будут результаты движения на юг? Что мы будем делать, если Британия, Соединенные Штаты и Советский Союз выступят против нас?

Сугияма. Существует несколько возможных вариантов движения на юг с точки зрения выбора времени и методов, но с точки зрения обеспечения нашего выживания и самообороны мы думаем дойти до Голландской Ост-Индии. Территории не являются нашей целью. Мы намерены продвигаться таким образом, чтобы избежать худшей из возможностей, т. е. одновременного выступления против нас Британии, Соединенных Штатов и Советского Союза. При этом мы не остановимся перед конфронтацией только с Британией и Соединенными Штатами.

Коноэ. Исходя из того, что говорит мне флот, следует, что нам не удастся достичь всех целей одним ударом. На данном этапе мы продвинемся до Французского Индокитая. Затем мы будем идти шаг за шагом.

Асака. Не слишком ли мы осторожны по сравнению с тем, как решает вопросы Германия?

Коноэ. Да, это так, но это вопросы огромной важности для судьбы нашей нации. В отличие от гипотетических ситуаций, к ним нельзя относиться с легкостью».

Из стенограммы 37-го заседания координационного комитета правительства и императорской ставки от 1 июля 1941 г.:

Министр финансов Кавада. Осуществляет ли армия подготовку к войне?

Сугияма. Да, мы проводим подготовку. В первую очередь мы приводим войска в боевую готовность. Затем мы осуществим подготовку к наступательным операциям. В это время мы долж-

ны проявлять большую осторожность, чтобы войска не вышли из подчинения.

Цукада. Мы проводим подготовку, и это правильно, но мы намерены иметь минимальное количество войск, подготовленных к боевым действиям. Мы не собираемся готовить большое количество войск.

Кавада. А что думает флот?

Заместитель начальника главного морского штаба Кондо. Мы должны быть готовы к потере 100 подводных лодок.

Тодзио. Необходимо привести наши соединения и части в Маньчжурии в боевую готовность. Мы должны серьезно позаботиться о том, чтобы это осуществлялось втайне.

Министр торговли и промышленности Кобаяси. Скажу несколько слов о наших ресурсах. Я не считаю, что мы обладаем достаточными возможностями для обеспечения военных действий. Армия и флот могут прибегнуть к использованию вооруженной силы, но мы не имеем сырья и военных материалов для обеспечения войны на суше и на море. Армия, видимо, может провести подготовку. Но поскольку для этого будут реквизированы суда, мы не сможем обеспечивать транспортировку сырья и военных материалов. Все это серьезным образом скажется на расширении наших производственных возможностей и пополнении вооружениями. Я считаю, мы должны предусмотреть такие действия, которые вселяли бы уверенность в отсутствии опасности поражения от Британии, Соединенных Штатов и Советской России. Пойдем ли мы на юг или на север? Я бы хотел, чтобы этот вопрос был тщательно изучен. У Империи нет сырья и материалов. Сейчас мы должны подумать, как обрести уверенность в том, что мы не потерпим поражение, а также как разрешить китайский инцидент».

Императорское совещание, на котором в присутствии монарха (он же главнокомандующий армии и флота) должна была определиться политика Японии в условиях начала советско-германской войны, было назначено на 2 июля 1941 г. Накануне, 1 июля, японское правительство составило послание в адрес правительства СССР, в котором лицемерно заявляло об «искреннем желании поддерживать дружественные отношения с Советским Союзом», о «надежде на скорое окончание советско-германской войны, заинтересованности в том, чтобы война не охватила дальневосточные районы». Верховное

командование Японии охарактеризовало это послание «дипломатической прелюдией начала войны». При этом считалось, что меры по дезинформации советского правительства относительно подлинных планов Японии должны особо активно проводиться накануне предполагавшегося удара по СССР.

Принятая 2 июля на императорском совещании «Программа национальной политики Империи в соответствии с изменениями обстановки» предусматривала продолжение войны в Китае и одновременное завершение подготовки к войне как против США и Великобритании, так и против Советского Союза.

Из стенограммы императорского совещания (Годзэн кайги) 2 июля 1941 г.:

«Повестка обсуждения: «Программа национальной политики Империи в соответствии с изменениями обстановки».

Содержание документа:

Политика.

Независимо от изменений в международном положении Империя будет твердо придерживаться политики построения сферы совместного процветания Великой Восточной Азии, что явится вкладом в достижение мира во всем мире.

Наша Империя будет продолжать свои усилия, направленные на разрешение китайского инцидента, и будет стремиться обеспечить прочную основу безопасности и сохранения нации. Это предусматривает шаги для продвижения на юг и, в зависимости от изменений в обстановке, включает также разрешение северной проблемы.

Наша Империя исполнена решимости устранить все препятствия на пути достижения вышеуказанных целей.

Резюме.

Давление, осуществляемое из южных районов, будет усилено с целью принудить режим Чан Кайши к капитуляции. В соответствующий момент, в зависимости от будущего развития обстановки, наше право воюющей державы будет распространено на чунцинский режим, и враждебный иностранный септльмент перейдет под наш контроль.

С целью гарантировать безопасность и сохранение нации наша Империя будет продолжать все необходимые дипломатические пере-

говоры по поводу южных районов, а также предпринимать другие меры, которые могут потребоваться.

Для достижения вышеуказанных целей будет проводиться подготовка к войне против Великобритании и Соединенных Штатов. Прежде всего, на основе документов «Программа политики в отношении Французского Индокитаю и Таиланда» и «О форсировании политики в отношении Юга» будут предприняты различные меры применительно к Французскому Индокитаю и Таиланду с тем, чтобы форсировать наше продвижение в южные районы. При осуществлении указанных планов наша Империя не остановится перед возможностью оказаться вовлеченной в войну с Великобританией и Соединенными Штатами.

Наше отношение к германо-советской войне будет определяться в соответствии с духом Тройственного пакта. Однако пока мы не будем вмешиваться в этот конфликт. Мы будем скрытно усиливать нашу военную подготовку против Советского Союза, придерживаясь независимой позиции. В это время мы будем вести дипломатические переговоры с большими предосторожностями. Если германо-советская война будет развиваться в направлении, благоприятном для нашей империи, мы, прибегнув к вооруженной силе, разрешим северную проблему и обеспечим безопасность северных границ.

При проведении различных указанных выше политических мероприятий (раздел 3) и особенно при принятии решений об использовании вооруженной силы мы должны быть уверены в отсутствии серьезных препятствий для сохранения нашей основной позиции в отношении войны с Великобританией и Соединенными Штатами.

В соответствии с принятым политическим курсом мы будем дипломатическими и другими методами прилагать усилия к тому, чтобы предотвратить вступление Соединенных Штатов в европейскую войну. Но если Соединенные Штаты вступят в войну, наша Империя будет действовать в соответствии с Тройственным пактом. Однако мы примем самостоятельное решение о времени и способах использования вооруженной силы.

Мы незамедлительно сосредоточим наше внимание на приведении страны в готовность к войне. Особенно будет усилена оборона метрополии.

Конкретные планы осуществления этой программы будут разработаны отдельно.

Выступление премьер-министра Коноэ.

Я хочу разъяснить основные положения сегодняшней повестки обсуждения.

Я считаю, что наиболее насущным для нашей Империи является незамедлительное принятие решения о том, какую политику мы должны проводить в связи с нынешней обстановкой в мире, а именно в связи с началом войны между Германией и Советским Союзом и ее последующим развитием, тенденциями в политике Соединенных Штатов, развитием военной обстановки в Европе и урегулированием китайского инцидента. Правительство и секции армии и флота императорской ставки соответственно провели продолжительное обсуждение этих вопросов. В результате был разработан документ «Программа национальной политики Империи в соответствии с изменением обстановки», который вынесен сегодня на обсуждение.

Сначала я остановлюсь на политическом разделе. Как неоднократно указывалось в Императорских рескриптах, основой нашей национальной политики является установление сферы совместного процветания Великой Восточной Азии, что должно внести вклад в обеспечение всеобщего мира. Я считаю, что эта национальная политика не должна ни в коей мере пересматриваться в зависимости от изменений и развития ситуации в мире.

Не приходится и говорить, что для создания сферы совместного процветания Великой Восточной Азии будет необходимо ускорить разрешение китайского инцидента, вопрос о котором все еще остается открытым. Далее, я также считаю, что для закладывания фундамента безопасности и сохранения нашей нации мы должны, с одной стороны, продвинуться на юг, а с другой — избавиться от наших трудностей на севере. Для этого мы должны в соответствующий момент разрешить северную проблему, воспользовавшись преимуществами ситуации в мире, особенно в связи с развитием германо-советской войны. Эта северная проблема является самой важной не только с точки зрения обороны нашей Империи, но также и для обеспечения стабильности во всей Азии.

Следует ожидать, что стремление достичь этих целей вызовет вмешательство и сопротивление различных государств. Но так как Империя должна, безусловно, достичь этих целей, мы со всей опре-

деленностью заявляем о нашей твердой решимости устранить все препятствия...

Выступление начальника генерального штаба армии Сугияма.

...По поводу решения северной проблемы. Нет необходимости говорить, что мы должны в связи с германо-советской войной действовать в соответствии с духом Тройственного пакта. При этом наиболее подходящим для нас будет некоторое время не участвовать в этой войне, так как мы в настоящее время предпринимает меры для урегулирования китайского инцидента, а наши отношения с Великобританией и США находятся в деликатном состоянии. Но если события германо-советской войны будут благоприятны для нашей Империи, я полагаю, мы используем силу для разрешения проблемы на севере и обеспечения безопасности наших северных границ. Поэтому чрезвычайно важно для нас сохранять втайне необходимую подготовку к военным операциям и обеспечить независимую позицию.

При этом считаю, что, осуществляя различные мероприятия для разрешения северной проблемы, особенно касающиеся использования вооруженных сил, мы должны придавать большое значение сохранению, несмотря на препятствия, нашей национальной позиции обеспечения постоянной готовности к войне с Великобританией и Соединенными Штатами, так как отношение этих стран к Японии не вызывает оптимизма.

Выступление начальника главного морского штаба Нагано.

По поводу разрешения южной проблемы. Я считаю, что в нынешних условиях для того, чтобы поддерживать нашу оборону на юге и добиться самообеспечения в рамках сферы совместного процветания Великой Восточной Азии, наша Империя должна предпринять незамедлительные шаги по неуклонному продвижению в южном направлении, используя в сочетании политические и военные меры в отношении ключевых районов на юге и согласуясь с развитием обстановки.

Однако Великобритания, Соединенные Штаты и Голландия последовательно усиливают свое давление на Японию. Если они будут упорно продолжать создавать для нас препятствия и если наша Империя сочтет невозможным мириться с этим, мы, вероятно, и это следует предвидеть, в конце концов будем вынуждены пойти на войну с Великобританией и Соединенными Штатами. Поэтому мы должны

быть готовы к этому, быть исполнены решимости не останавливаться перед такой возможностью.

...Нельзя предсказать, когда и при каких условиях Соединенные Штаты могут вступить в войну в Европе. Поэтому я считаю необходимым для нас принять независимое решение: когда и каким образом мы должны использовать вооруженные силы против Великобритании и Соединенных Штатов, учитывая при этом существующее на сегодняшний день положение.

Выступление министра иностранных дел Мацуока.

Позвольте изложить вопросы, касающиеся дипломатии. Было определено и остается неизменным, что наша основная национальная политика состоит в создании сферы совместного процветания Великой Восточной Азии, что необходимо для достижения долговременного мира во всем мире. Мы проводили наш внешнеполитический курс, придерживаясь этой национальной политики и учитывая наличие таких проблем, как китайская, отношения с Соединенными Штатами, развитие европейской ситуации и южная проблема. Однако с началом войны между Германией и Советским Союзом возникла новая ситуация. В связи с этим в дипломатическом плане я считаю жизненно важным вновь подтвердить нашу позицию по поводу внешней национальной политики.

Как сейчас заявили начальники генеральных штабов армии и флота, для проведения нашей дипломатии необходимо заблаговременно решить, какие обязательства потребуют от нас использования силы. Однако не вызывает сомнения, что даже если мы в конце концов будем вынуждены прибегнуть к силе, необходимо делать все от нас зависящее, чтобы попытаться достичь наших целей дипломатическими средствами. Например, в разрешении китайского инцидента мы будем, с одной стороны, прилагать усилия для укрепления национального правительства в Нанкине, а с другой, оказывая воздействие на внутреннюю и внешнюю политику чунцинского режима, различными дипломатическими методами принуждать его к капитуляции. Имеется в виду реорганизация этого режима с целью или формирования коалиции с национальным правительством, или склонения его к мирным переговорам.

...Я считаю, что для нас важно быть готовыми к проведению нашей внешней политики в отношении Советского Союза таким обра-

зом, чтобы это отвечало реальностям, на которые указывает верховное командование. В наших отношениях с Соединенными Штатами мы должны проявлять величайшую осторожность в дипломатии, чтобы не допустить вступления Америки в европейскую войну и предотвратить ее столкновение с нашей страной...

Председатель Тайного совета Хара.

Я полагаю, все из вас согласятся, что война между Германией и Советским Союзом действительно является историческим шансом Японии. Поскольку Советский Союз поощряет распространение коммунизма во всем мире, мы будем вынуждены рано или поздно напасть на него. Но так как Империя все еще занята китайским инцидентом, мы не свободны в принятии решения о нападении на Советский Союз, как этого хотелось бы. Тем не менее я полагаю, что мы должны напасть на Советский Союз в удобный момент... Наша Империя хотела бы избежать войны с Великобританией и Соединенными Штатами, пока мы будем заняты войной с Советским Союзом. Наш народ желает сразиться с ним... Я прошу вас, действуя в соответствии с духом Тройственного пакта, оказать всяческое содействие Германии. Направляла ли Германия какие-либо послания с просьбой к нам напасть на Советский Союз?

Мацуока. ...Что касается сотрудничества с Германией в германо-советской войне, Риббентроп запрашивал нас об этом 26 июня, а затем вновь телеграфировал по этому поводу 28 июня. В это время мы обсуждали содержание документа «О форсировании политики в отношении Юга». Мы ожидали войну между Германией и Советским Союзом. Поэтому не следует создавать у Германии впечатление, будто мы уклоняемся от наших обязательств.

Хара. Высказывались какие-либо пожелания со стороны Советского Союза?

Мацуока. Четыре дня спустя после начала войны между Германией и Советским Союзом мы ответили, что война не имеет отношения к Тройственному пакту. И с тех пор Советский Союз не заявлял никаких протестов. Советский Союз запрашивал нас, каково будет отношение Японии к нынешней войне. Мы ответили, что у нас пока не принято решение по этому вопросу.

Несколько дипломатических замечаний по этому вопросу. Даже если наша Империя не примет участия в войне между Германией и

Советским Союзом, это не будет актом предательства по отношению к букве Тройственного пакта. Что касается духа союза, то я думаю, что для нас было бы правильным принять участие в этой войне.

Хара. Кто-то может сказать, что в связи с пактом о нейтралитете для Японии было бы неэтично нападать на Советский Союз. Но Советский Союз и сам привык к несоблюдению соглашений. Если же мы нападём на Советский Союз, никто не сочтёт это предательством. Я с нетерпением жду возможности для нанесения удара по Советскому Союзу. Я прошу армию и правительство сделать это как можно скорее. Советский Союз должен быть уничтожен.

Я хотел бы избежать войны с Соединёнными Штатами. Я не думаю, что Соединённые Штаты предпримут какие-либо действия, если мы нападём на Советский Союз.

У меня есть ещё один вопрос. Было сказано, что, проводя нашу политику в отношении Французского Индокитая, мы готовы, если потребуется, к ведению войны против Великобритании и Соединённых Штатов. Предстоящее овладение базами в Индокитае рассматривается как подготовка к войне с Великобританией и Соединёнными Штатами. Готовы ли мы уже к войне с ними? Я думаю, такая война может начаться, если мы предпримем действия против Индокитая. Каково ваше мнение по этому поводу?

Мацуока. На ваш вопрос ответить трудно. Нас беспокоит то, что офицеры на участках передовой линии настроены воинственно, они убеждены, что мы используем силу. Война против Великобритании и Соединённых Штатов едва ли начнется, если мы будем продвигаться с большими предосторожностями. Конечно же, я упомянул воинственное поведение офицеров, полагаясь на мудрость верховного командования.

Из-за войны между Германией и Советским Союзом германское вторжение в Великобританию будет отложено. Поэтому Великобритания и Соединённые Штаты могут полагать, что Германия не предпримет попытки вторжения на Британские острова. Но я считаю, что Германия, возможно, сделает это, ещё будучи занятой в войне с Советским Союзом. Даже Риббентроп не знал, что война между Германией и Советским Союзом столь близка. Гитлер будет решать один, осуществлять вторжение на Британские острова в ходе германо-советской войны или нет. Если Германия вторгнется в Вели-

кобританию, Соединенные Штаты должны будут всерьез задуматься, принимать ли им активное участие в войне. Или, с другой стороны, они могут предпринять активные действия против Японии с севера. С точки зрения американского национального характера я склоняюсь к вероятности второго варианта. Поэтому сейчас очень трудно выносить какое-то суждение.

Хара. Я хотел бы прояснить для себя, вступят ли Соединенные Штаты в войну, если Япония предпримет действия против Индокитая?

Мацуока. Я не могу исключить такую возможность.

Сугияма. ...Будущее развитие германо-советской войны окажет значительное воздействие на Соединенные Штаты. Если Советский Союз потерпит скорое поражение, сталинский режим, вероятно, развалится, а Соединенные Штаты, видимо, не вступят в войну. Если расчеты Германии не будут оправдываться и война затянется, возможность вступления Америки в войну возрастет. Пока ситуация в войне будет в пользу Германии, я не думаю, что Соединенные Штаты вступят в войну, если Япония и двинется во Французский Индокитай. Разумеется, мы предпочли бы осуществить это мирными средствами. Мы также хотели бы предпринять действия в Таиланде, но это может вызвать серьезные последствия, так как Таиланд расположен рядом с Малайей. В настоящее время мы продвинемся только до Индокитая. Мы проявим осторожность в направлении наших войск в Индокитай, так как это окажет огромное влияние на нашу будущую политику в отношении юга.

Хара. Понимаю. Я полностью согласен с вами. Думаю, правительство и верховное командование единодушны в этом вопросе, т.е. в том, что мы сделаем все от нас зависящее, чтобы избежать столкновения с Великобританией и Соединенными Штатами. Я считаю, что Япония должна избежать военных действий против Соединенных Штатов, по крайней мере, в нынешней ситуации. При этом я также прошу правительство и верховное командование нанести удар по Советскому Союзу как можно скорее. Советский Союз должен быть уничтожен, поэтому я надеюсь, что вы проведете подготовку с целью приблизить начало боевых действий. Мне остается лишь надеяться, что эта политика будет осуществлена, как только будет принято решение. Из приведенных мною доводов следует, что я полностью согласен с вынесенными на сегодняшнее обсуждение предложениями.

Тодзио. Я разделяю мнение господина Хара, председателя Тайного совета. Однако наша Империя сейчас связана китайским инцидентом, и надеюсь, председатель Тайного совета понимает это.

Сугияма. ...Хочу воспользоваться возможностью изложить ситуацию, в которой находится Квантунская армия. Из тридцати дивизий Советского Союза четыре уже отправлены на Запад. Однако Советский Союз все еще обладает (на Дальнем Востоке) явно подавляющей силой, готовой к стратегическому развертыванию. С другой стороны, Квантунская армия находится в положении, о котором я ранее докладывал. Я хочу усилить Квантунскую армию настолько, чтобы она могла защитить себя, способствовать проведению дипломатических переговоров, быть в готовности к наступлению или предпринять наступление, когда появятся благоприятные условия. Я считаю, что результаты войны между Германией и Советским Союзом прояснятся через пятьдесят-шестьдесят дней. За это время мы должны определиться в вопросах разрешения китайского инцидента и переговоров с Великобританией и Соединенными Штатами. Вот почему в наши предложения внесена фраза «пока мы не будем вмешиваться в этот конфликт».

Решением императорского совещания вооруженное нападение на СССР было утверждено в качестве одной из основных военных и политических целей империи. Приняв это решение, японское правительство по сути дела разорвало подписанный лишь два с половиной месяца назад советско-японский Пакт о нейтралитете. В принятом документе Пакт о нейтралитете даже не упоминался.

СТРАТЕГИЯ «СПЕЛОЙ ХУРМЫ»

Пытаясь дезинформировать советскую сторону, в тот же день Мацуока на встрече с советским послом в Токио К.А. Сметаниным заявил, что Япония «намерена строго соблюдать Пакт о нейтралитете». Сразу после этого он встречался с германским послом Оттом для объяснения смысла этого заявления. «Мацуока сказал, — сообщал Отт в Берлин, — что причиной такой формулировки японского заявления советскому послу являлась необходимость ввести русских в заблуждение или, по крайней мере, держать их в состоянии неопределенности, ввиду того что военная подготовка еще не закончилась».

Заверения японского правительства не могли скрыть конкретных действий, предпринимаемых в Японии по подготовке к вероломному удару. Уже на следующий день после императорского совещания, 3 июля, Зорге информировал Москву:

«...Германский военный атташе сказал мне, что японский генеральный штаб наполнен деятельностью с учетом наступления немцев на большого противника и неизбежности поражения Красной Армии.

Он думает, что Япония вступит в войну не позднее чем через 6 недель. Наступление японцев начнется на Владивосток, Хабаровск и Сахалин с высадкой десанта со стороны Сахалина на советское побережье Приморья...

Источник Инвест думает, что Япония вступит в войну через 6 недель. Он также сообщил, что японское правительство решило остаться верным пакту трех держав, но будет придерживаться и пакта о нейтралитете с СССР».

По поводу решений императорского совещания Зорге сообщил 10 июля следующее: «Источник Инвест сказал, что на совещании у императора решено не изменять плана действий против Сайгона (Индокитай), но одновременно решено и подготавливаться к действиям против СССР на случай поражения Красной Армии. Германский посол Отт сказал то же самое — что Япония начнет воевать, если немцы достигнут Свердловска. Германский военный атташе телеграфировал в Берлин, что он убежден в том, что Япония вступит в войну. Но не ранее конца июля или начала августа, и она вступит в войну сразу же, как только закончит подготовку...»

Одновременно Зорге сообщал в Москву, что «германский посол Отт получил приказ толкать Японию в войну как можно скорее».

Сопротивление Красной Армии заставило германское руководство пересмотреть свои взгляды на участие Японии в войне против СССР. Оно стало требовать немедленного вступления Японии в войну. В инструкциях германского министра иностранных дел Риббентропа, на которые ссылался Зорге, послу Отту предписывалось: «Продолжать прилагать усилия к тому, чтобы добиться скорейшего участия Японии в войне против России... Используйте все имеющиеся в вашем распоряжении средства, потому что чем раньше осуществится это участие в войне, тем лучше. Как и прежде, цель, естественно, должна

заклучаться в том, чтобы Германия и Япония встретились на Транссибирской железной дороге до наступления зимы».

Посол Отт телеграфировал 14 июля Риббентропу: «...Я пытаюсь всеми средствами добиться вступления Японии в войну против России в самое ближайшее время... Считаю, что, судя по военным приготовлениям, вступление Японии в войну в самое ближайшее время обеспечено...».

Однако в Токио ждали сообщения о «решающей победе» Германии. Это побудило германское правительство перейти на язык угроз. Берлин довел до сведения японского правительства, что если до 25 июля оно не примет решения, предусматривающего «уважение условий Тройственного пакта и антикоминтерновского соглашения, и не денонсирует русско-японский пакт к этой дате, Германия будет считать себя свободной в своих действиях и после победы над СССР будет искать наилучшие средства, чтобы использовать свое влияние и силы в своих собственных интересах». Тем самым Германия давала понять, что без участия в войне Япония не может рассчитывать на овладение советскими территориями на Дальнем Востоке и в Сибири.

Хотя это вызывало беспокойство в Токио, японское руководство продолжало ожидать наступления «наиболее благоприятного момента» для нападения, заявляя при этом германскому правительству, что Япония останется верной своим обязательствам по Тройственному пакту.

В действительности же Япония готовилась обрушиться на СССР при условии явного поражения советских войск в войне с Германией. Военный министр Тодзио подчеркивал, что нападение должно произойти тогда, когда Советский Союз «уподобится спелой хурме, готовой упасть на землю».

Необходимый для завершения подготовки вооруженных сил империи к вторжению в СССР период японское правительство стремилось использовать для оказания давления на Советский Союз с целью вынудить его пойти на серьезные уступки Японии. Такой курс, кроме всего прочего, был направлен на то, чтобы дать Японии повод для агрессии, если советское правительство не поддастся шантажу. Германский посол в Японии сообщал в Берлин, что японское правительство намерено выдвинуть «решительные требования, которые советское правительство не сможет принять».

В июле японский МИД совместно с руководством сухопутной армии согласовали требования, которые предусматривалось предъявить Советскому Союзу, воспользовавшись его тяжелым положением на советско-германском фронте. Эти требования были сформулированы в принятом 4 августа 1941 г. на заседании правительства и императорской ставки документе «Основные принципы дипломатических переговоров с Советским Союзом». В этом документе предписывалось заставить советскую сторону прекратить советскую помощь Китаю, передать или продать Японии Северный Сахалин, Камчатку, советские территории к востоку от Амура, добиться вывода советских войск со всей территории Дальнего Востока. 5 августа новый японский министр иностранных дел Тоёда Тэйдзиро при встрече с советским послом попытался выдвинуть эти требования к Советскому Союзу.

По существу правящие круги Японии требовали капитуляции Советского Союза еще до японского нападения. Перспектива захвата обширных советских территорий под угрозой нападения устраивала японских генералов, которые, помня уроки Халхин-Гола, опасались вооруженной борьбы с Красной Армией. В июле начальник и заместитель начальника японского генерального штаба разъяснили начальникам отделов генштаба: «Применение оружия имеет своей целью разрешение северных проблем. Однако если они могут быть разрешены путем дипломатических переговоров, за которыми будут стоять наши вооруженные силы, то такое решение вопроса будет более желательно».

Выработанная японским военно-политическим руководством «концепция дипломатии перед началом войны» с СССР предусматривала, что «если в ходе непродолжительных переговоров будут достигнуты политические и стратегические цели, военные действия не будут начаты». С другой стороны, предписывалось «в случае провала переговоров осуществить вооруженное выступление».

В ответ на попытки японского правительства применить методы шантажа и запугивания советское правительство твердо заявило, что в соответствии с договоренностью Япония должна ликвидировать свои концессии на Северном Сахалине, что пакт о нейтралитете не имеет никакого отношения к вопросу о помощи Китаю. Поскольку такой ответ противоречил планам японских правящих кругов, они продолжали подготовку к нанесению удара по СССР.

О том, что Япония всерьез готовится к вступлению в войну на советском Дальнем Востоке, Москве сообщали и американцы. В конце 1940 г. американская разведка раскрыла японские дипломатические шифры. В Белом доме и государственном департаменте получили возможность читать переписку Токио с японскими посольствами в других странах, в том числе в США. 3 июля, на следующий день после императорского совещания, заместитель государственного секретаря США Самнер Уэллес, срочно вызвав советского посла К.А. Уманского, сделал следующее заявление: «По имеющейся у американского правительства достоверной информации, правительство Японии намерено аннулировать свой пакт о нейтралитете с СССР и совершить нападение на СССР. Американское правительство уверено в достоверности этой информации так же, как оно было уверено в подлинности информации, сообщенных советскому послу в январе 1941 г. об агрессивных намерениях Германии в отношении СССР».

Сведения о том, что опасность японского нападения на СССР нарастала, поступали в Москву и из других источников, причем не только от известной группы Зорге. В связи с этим следует отметить появившуюся в последние годы информацию о том, что японскими дипломатическими кодами накануне войны обладали не только американские, но и советские органы разведки. К тому же несколько советских резидентур вели эффективную разведывательную деятельность на территории Китая, в том числе в Маньчжурии. Это позволяло Кремлю быть в курсе многих планов и мероприятий японского правительства.

В условиях реальной опасности для Москвы оказаться в обстановке войны на два отдаленных друг от друга фронта советское руководство было весьма заинтересовано в конкретных действиях США по предотвращению японского нападения на СССР. 8 июля 1941 г. Молотов в телеграмме послу Уманскому писал: «...Нам особенно интересно было бы знать, какие меры американское правительство может и хочет принять для предотвращения или затруднения выступления против нас Японии и какова будет его позиция в случае такого выступления. Мы не хотели бы, однако, придавать слишком официальный характер нашим запросам по этому поводу, но нам представляется вполне естественным, чтобы Вы попросили свидания с Рузвельтом в связи с новым положением, созданным нападением на нас Гитлера...

Вы могли бы указать, что недавнее заявление Уэллеса о желательности избежания новых конфликтов в Тихом океане не обязательно будет понято Японией как предупреждение против конфликта в прилегающих к нам водах и на материке. Спросите Рузвельта, не считает ли он, что более ясным и решительным заявлением, высказанным публично или в дипломатическом порядке непосредственно японскому правительству, Рузвельт мог бы значительно уменьшить шансы выступления Японии».

На состоявшейся 10 июля беседе Уманского с президентом США советский посол, выполняя инструкции Москвы, весьма настойчиво просил Рузвельта четко дать понять японцам, что их направленные против СССР действия побудят Вашингтон предпринять конкретные меры. Сообщая о содержании и ходе беседы, посол доносил в НКВД СССР:

«...Я заявил Рузвельту, что, возможно, позиция Японии еще окончательно не определилась и не ясна самому японскому правительству, внутри которого, по-видимому, происходит борьба, но что именно поэтому было бы крайне важно, чтобы американское правительство “помогло” японскому правительству ориентировать свою политику в мирном направлении, дав публично или дипломатическим путем понять японцам, что всякие авантюры против СССР на море и на материке вызовут со стороны США такие-то и такие-то конкретные мероприятия. Мне кажется, что подобное четкое, недвусмысленное заявление подействовало бы отрезвляюще, достигнув цели, в которых заинтересованы оба наших правительства: воспрепятствовать или по меньшей мере затруднить агрессию Японии против нас, нарушению ею свободы морей в Тихоокеанском бассейне... Однако Рузвельт избежал ответа по вопросу об американском предупреждении Японии. Я заявил Рузвельту, что мы отнеслись с должным вниманием к дружественному сигналу Уэллеса о враждебных по отношению к нам намерениях Японии, но, как видно из моей недавней беседы с Уэллесом и из сообщений прессы, внутри японского правительства еще есть колеблющиеся, и отнюдь не поздно авторитетно нажать на него способами, которые американское правительство сочтет правильным избрать...»

Рузвельт зачитал мне цитаты из трех явно приготовленных для беседы со мной шифровок как подтверждение противоречивой информации о политике Японии:

а. Шифровка из Чунцина сообщает из китайских источников, что японцы взяли твердый курс на нападение на нас, избрав закрытие Сангарского пролива и пролива Лаперуза в качестве первого этапа;

б. Шифровка из не названного мне Рузвельтом источника о том, что японцы сконцентрируются на проникновении в Южный Индокитай, создании там морских и воздушных баз и затем на проникновении в Сиам для последующей атаки в тыл Сингапуру и в Голландскую Индию, и что немцы рекомендуют японцам идти именно в этом направлении, не рисковать на данном этапе столкновением с нами, а связывать американские и английские силы в Тихом океане, выжидая германской «победы» над нами, после которой японцы должны будут ударить по СССР. В качестве «цены» немцы обещают японцам наше Приморье;

в. Шифровка из китайского источника в Берлине сообщает о том, что японцы, как только договорятся через немцев в Виши о расширении их зоны влияния в Индокитае и без военных действий закрепятся там, перейдут к блокаде берегов СССР и затем нападут на него.

Рузвельт заявил, что эта противоречивая информация о намерениях Японии, затрагивающих и американские, и советские интересы, действительно отражает глубокий раскол внутри правящих кругов Японии, часть которых боится упустить выгодный момент для агрессии, а другая часть более реалистически осознает экономическую слабость Японии, истощенность народа, опасается экономических репрессий со стороны американского правительства, боится воздушного удара со стороны СССР. Рузвельт в заключение этой части беседы заявил следующее: «Если все же случится так, что возьмут верх авантюристические элементы, то я надеюсь, что ваша авиация выберет хороший, ветренный день и засыплет картонные города Японии доброй порцией зажигательных бомб. Японский народ не виноват, но, видимо, не будет другого средства дать понять правителям Японии безумие их политики за последние годы. Тогда они поймут. Не сомневаюсь в вашем воздушном превосходстве над японцами. По нашим сведениям, у вас на Дальнем Востоке не менее двух тысяч самолетов, уже проявивших себя в стычках с японцами»».

Американцы фактически старались избежать прямого ответа на поставленный Москвой вопрос о конкретных мерах США, противодействующих нападению Японии на Советский Союз. Высоко-

поставленные представители США в конфиденциальных беседах «успокаивали» советского посла, обещая Москве создание вокруг Японии блокадного кольца. Военно-морской министр США Фрэнк Нокс убеждал Уманского: «С этой задачей наш тихоокеанский флот в нужный момент справится успешно, флот в прекрасном состоянии, наши корабли лучшие в мире. В нашей блокаде будут участвовать и англичане. Да и вы не будете дремать. Японцы этого не могут не понимать».

Уклончивой оставалась позиция США и в вопросе о поставках в СССР вооружения и военных материалов. Это было связано с существовавшими в Вашингтоне прогнозами о неспособности СССР противостоять Германии. «Высшие военные авторитеты, — свидетельствовал Уэллес, — упорно уверяли Рузвельта в том, что СССР не только не сможет сдержать германский натиск сколь-нибудь продолжительный срок, но что немцы неизбежно захватят всю Россию к западу от Урала». В июле аналитиками Белого дома высказывалось мнение о том, что СССР сможет продержаться в войне с Германией самое ограниченное время, а именно — не более 12 недель.

Поэтому Рузвельт и его советники не спешили осложнять американо-японские отношения заявлениями о переходе на сторону Советского Союза в случае его конфликта с Японией. Отказываясь, как и Рузвельт, оказывать прямое давление на Японию, ближайший помощник президента Гарри Гопкинс заявил Молотову во время посещения Москвы в конце июля 1941 г.: «США не любят посылать ноты, дающие понять, что США не нравится то или иное мероприятие, проводимое Японией». Причина уклончивой позиции правительства Рузвельта состояла в том, что на него сильное воздействие оказывали влиятельные изоляционистские круги США, которые выступали не только против политического, но и экономического сотрудничества с СССР. В этой обстановке американская администрация, по сути дела, рекомендовала советскому руководству полагаться в основном на собственные силы.

Глава пятая ПЛАН ВОЙНЫ «КАНТОКУЭН»

ДИРЕКТИВА № 506

В соответствии с решением императорского совещания от 2 июля 1941 г. генеральный штаб армии и военное министерство Японии разработали комплекс широких мероприятий, направленных на форсирование подготовки к проведению наступательных операций против советских вооруженных сил на Дальнем Востоке и в Сибири. В японских секретных документах он получил шифрованное наименование «Кантогун токусю энсю» («Особые маневры Квантунской армии») — сокращенно «Кантокуэн». 11 июля 1941 г. императорская ставка направила в Квантунскую армию и японские армии в Северном Китае специальную директиву №506, в которой подтверждалось, что целью «маневров» является усиление готовности к выступлению против Советского Союза. «Кантокуэн» основывался на оперативно-стратегическом плане войны против СССР, разработанном генеральным штабом на 1940 г.

Опыт поражения на Халхин-Голе заставлял японское командование использовать против СССР крупную группировку войск. Планировалось следующее распределение сил:

— на восточном (приморском) направлении — 1-й фронт (восточный) в составе 19 дивизий (3-я армия — 5 дивизий, 5-я — 4 дивизии, 7-я — 3 дивизии, а также отдельные бригады с частями усиления, на основе которых предусматривалось развернуть семь дивизий для создания 2-й и 8-й армий);

— на северном (амурском) направлении — 4-я армия (3 дивизии);

— на западном (район Большого Хингана) направлении — 6-я армия (4 дивизии).

Резерв командующего Квантунской армии, на которого возлагалось непосредственное руководство действиями войск, составлял 4 дивизии.

Согласно стратегическому замыслу, предполагалось рядом последовательных ударов на избранных направлениях разгромить группировки советских войск в Приморье, Приамурье и Забайкалье, захватить основные коммуникации, военно-промышленные и продовольственные базы и, слолив сопротивление советских войск, принудить их к капитуляции.

Военные действия разбивались на два этапа. На первом планировалось, наступая на уссурийском направлении, нанести поражение советским войскам в Приморье. На втором — захватить опорную базу советского Тихоокеанского флота — Владивосток, оккупировать Хабаровск, затем разгромить советские войска на северном и западном направлениях. Параллельно силами размещенной на острове Хоккайдо 7-й дивизии и смешанной бригады на Южном Сахалине захватить Северный Сахалин и Петропавловск-Камчатский. Предусматривалось также, в зависимости от обстановки, осуществить операции на противоположном Сахалину побережье СССР.

Особое внимание в плане уделялось широкому использованию в военных действиях японских ВВС, которые должны были «уничтожить авиацию противника до начала операции». Ставилась задача за шесть месяцев выйти к Байкалу и завершить войну.

Однако в первой половине июля 1941 г. генеральным штабом и военным министерством был определен другой замысел осуществления операций по плану «Кантокуэн», который был оформлен в документе «Проект операций в нынешних условиях». В отличие от плана 1940—1941 гг., намечалось одновременное наступление силами двух фронтов — восточного и северного. Главный удар группировкой в 20 дивизий наносился на восточном направлении. На первом этапе операции силами трех армий и одной отдельной дивизии планировалось осуществить сходящиеся удары на населенный пункт Манзовка. Затем, после усиления еще тремя дивизиями, войска восточного фронта должны были захватить Хабаровск.

На северном направлении намечалось использовать наиболее боеспособные войска, снятые с китайского фронта. Им надлежало с началом наступления на восточном направлении быстро форсировать Амур и перерезать Транссибирскую железнодорожную магистраль. На этом направлении должны были быть использованы 4 дивизии резерва Квантунской армии. Важной целью операции на северном

направлении являлся захват и удержание железнодорожной станции Рухлово, расположенной вблизи самой северной точки маньчжуро-советской границы.

На западном направлении войска должны были занимать оборону в пограничных укрепленных районах. В случае успеха на восточном и северном направлениях предусматривалось развернуть наступление на западе и захватить советскую территорию до озера Байкал, одновременно осуществив вторжение в Монгольскую Народную Республику. Для этого планировалось привлечь силы, действующие в Китае.

В ходе операций предполагалось захватить Ворошилов (Уссурийск), Владивосток, Благовещенск, Иман, Куйбышевку, Хабаровск, Биробиджан, Бирокан, район Рухлово, Северный Сахалин, Николаевск-на-Амуре, Комсомольск, Советскую Гавань и Петропавловск-Камчатский.

Готовясь к осуществлению плана «Кантокуэн», командование Квантунской армии требовало от центра усиления войск на северном направлении. 8 июля в Токио было сообщено: «Есть уверенность в том, что силами около 14 дивизий мы сможем разгромить противника в Приморье. Однако нет уверенности в победе на северном фронте, имея 6 дивизий в первом эшелоне и 3 — во втором».

Важным свидетельством того, что мероприятия плана «Кантокуэн» были ничем иным, как подготовкой к нападению на СССР, является разработанный к 25 июня японским генеральным штабом и утвержденный ставкой график завершения подготовки и проведения войны.

Принятие решения по мобилизации — 28 июня.

Издание директивы о мобилизации — 5 июля.

Начало переброски и концентрации войск — 20 июля.

Принятие решения о начале войны — 10 августа.

Начало военных действий — 29 августа.

Переброска четырех дивизий из Японии — 5 сентября.

Завершение операций — середина октября.

Как следует из этого графика, план «Кантокуэн» в известной мере был аналогичен немецкому плану «Барбаросса» и так же предполагал «молниеносную войну» против СССР.

В соответствии с графиком 5 июля была издана директива верховного командования о проведении первой очереди мобилизации,

по которой осуществлялось увеличение Квантунской армии на две дивизии (51-я и 57-я). 7 июля император санкционировал секретную мобилизацию 500 тыс. человек, а также судов общим водоизмещением 800 тыс. т. для перевозки военных грузов в Маньчжурию.

Поскольку в решении императорского совещания особо подчеркивалось требование «скрытно» завершить военную подготовку к нападению на СССР, были приняты меры по обеспечению секретности проводимой мобилизации. Она осуществлялась под видом учебных сборов для приписного состава и именовалась «внеочередным призывом». Термин «мобилизация» во всех документах и инструкциях был заменен на «внеочередные формирования». Были строго запрещены всякие проводы в армию и другие принятые в Японии в эти случаях церемонии.

22 июля с нарушением графика лишь на двое суток началась концентрация войск у советской границы. Однако скрыть масштабы секретной мобилизации было невозможно. Ведь во время переброски и сосредоточения войск по плану только через пункты на территории Кореи в день пропускалось до 10 тыс. солдат и офицеров, 3,5 тыс. лошадей. Внимательно следившие за ходом мобилизации германский посол Отт и военный атташе посольства Альфред Кречмер 25 июля 1941 г. сообщили в Берлин, что уже призвано 900 тыс. резервистов в возрасте от 24 до 45 лет. Отмечалось, что в японскую армию призываются лица, владеющие русским языком.

Об этом же сообщал в Москву Зорге. 30 июля он телеграфировал в центр: «Источники Инвест и Интерн (Ётоку Мияги) сказали, что в порядке новой мобилизации в Японии будет призвано более чем 200 000 человек. Таким образом, к середине августа месяца в Японии будет под ружьем около 2 миллионов человек. Начиная со второй половины августа, Япония может начать войну, но только в том случае, если Красная Армия фактически потерпит поражение от немцев, в результате чего оборонительная способность на Дальнем Востоке будет ослаблена. Такова точка зрения группировки Коноэ, но как долго намерен выжидать японский генштаб, это трудно сейчас сказать.

Источник Инвест убежден, что если Красная Армия остановит немцев перед Москвой, в этом случае японцы не выступят».

В Маньчжурию прибывали многочисленные приданные части и подразделения. По плану мобилизации первой и второй очереди, в

сформированные три фронта (восточный, северный и западный) направлялись 629 приданных частей и подразделений, общее число которых соответствовало численности 20 дивизий. Кроме того, военное министерство планировало дальнейшее усиление войск в Маньчжурии еще пятью дивизиями. Значительная часть войск перебрасывалась с китайско-японского фронта. В результате Квантунская армия была удвоена и насчитывала 700 тысяч человек. После проведения второй очереди мобилизации по приказу № 102 от 16 июля 1941 г. на территории Маньчжурии и Кореи было сосредоточено 850 тыс. солдат и офицеров японской армии.

Для участия в войне против СССР директивой ставки № 519 от 24 июля была сформирована так называемая Квантунская армия обороны, выполнявшая роль резерва. В боевую готовность были приведены части 7-й дивизии на Хоккайдо, смешанной бригады на Южном Сахалине, а также воинские формирования на Курильских островах. Как было установлено на Токийском процессе, летом 1941 г. для нападения на СССР верховное командование создало группировку войск, общая численность которой составила около 1 млн военнослужащих.

В 1941 г. значительно увеличилось число выделенных для войны против СССР танков, самолетов, выросло количество артиллерии, кавалерии, инженерных, железнодорожных и тыловых частей. В Квантунской армии и в Корее были созданы запасы боеприпасов, горючего и продовольствия, необходимые для ведения военных действий в течение 2—3 месяцев.

По плану «Кантокуэн», в войне против СССР должны были участвовать войска марионеточных армий Маньчжоу-Го и Внутренней Монголии. Армия Маньчжоу-Го была создана после оккупации Маньчжурии. Все руководство этой армией осуществлялось штабом Квантунской армии. Непосредственное управление было возложено на многочисленных японских военных советников. С целью использования людских ресурсов Маньчжурии в подготовке к войне против СССР японцы накапливали здесь военно-обученные резервы. В 1940 г. в Маньчжоу-Го был введен закон о воинской повинности. В армии были сформированы однотипные по родам войск соединения и специальные части, вооруженные японскими образцами оружия, проведены мероприятия по повышению боеспособности путем

укомплектования этих соединений и частей японскими офицерами и прояпонски настроенными офицерами из местных китайцев. «Все мероприятия по укреплению маньчжурской армии, а также дислокация ее на определенных операционных направлениях свидетельствовали о намерении штаба Квантунской армии использовать эту армию в войне против СССР», — указывалось в материалах Токийского процесса.

Армия оккупированной японцами Внутренней Монголии предназначалась для вторжения в составе японских войск в Монгольскую Народную Республику. По плану «Кантокуэн» предусматривалось «создание обстановки, при которой произошло бы добровольное объединение Внешней Монголии с Внутренней Монголией».

Не были забыты и бежавшие из Советской России белоэмигранты. В составленном в штабе Квантунской армии «Плане подготовки белоэмигрантской молодежи в местах специального поселения» указывалось, что такая подготовка сводится к укреплению антикоммунистического и антисоветского духа, что позволяло бы иметь надежные кадры для проведения диверсионной работы против СССР. С 1938 г. в Маньчжурии существовали сформированные по приказу командования Квантунской армии части белогвардейцев, предназначенные для участия в войне в составе японских войск. В их задачу входило разрушение железных дорог и других коммуникаций, нанесение ударов по базам снабжения в тылу советских войск, ведение разведки, диверсий, антисоветской пропаганды. После принятия плана «Кантокуэн» приказом командующего Квантунской армией из белоэмигрантов были сформированы специальные части для совершения диверсионных актов на советской территории.

Объединить белогвардейские войска в Маньчжурии должен был атаман Г.М. Семенов, который зарекомендовал себя как «активный борец против большевизма». По некоторым данным, во время событий на Халхин-Голе белогвардейские войска во главе с Семеновым находились в составе японских войск и насчитывали 16 тысяч всадников.

На Токийском процессе один из составителей плана войны с СССР генерал Томинага Кёдзи показал: «Наш план внезапного нападения на СССР предусматривал более широкое, чем до войны, использование русских белогвардейцев в качестве агентов для разведки

против Красной Армии в пользу Японии. Русские белоэмигранты должны были состоять переводчиками и проводниками при штабах и соединениях японской армии. И, наконец, они должны были привлекаться к составлению листовок антисоветского пораженческого содержания...» Белогвардейцы использовались и на командных постах в марионеточных армиях.

Действия сухопутных сил планировалось поддержать военно-морским флотом Японии. В его задачу входило обеспечение высадки десантов на Камчатке и Северном Сахалине, уничтожение кораблей Тихоокеанского флота, разгром во взаимодействии с сухопутными силами советской авиации на уссурийском направлении, захват Владивостока и других районов Приморья. 25 июля, получив санкцию императора, военно-морское командование отдало приказ о создании специально для войны против СССР 5-го флота.

Главные силы японской авиации предполагалось использовать на восточном направлении, с тем чтобы подавить советские войска в Приморье и способствовать развитию наступления наземных войск.

Форсирование подготовки к выступлению против Советского Союза сопровождалось усилением пропаганды и идеологической обработки населения и вооруженных сил. Японская печать откровенно извращала причины, характер и ход германо-советской войны. Контролировавшиеся милитаристским руководством органы пропаганды взяли под защиту союзника Японии по Тройственному пакту, пытаясь доказать, будто Германия вовсе не является виновником войны, что она вступила в войну якобы «по необходимости», с целью предупредить нападение со стороны СССР. Отсюда следовал вывод о том, что Япония должна принять участие в борьбе с «коммунистической агрессией». Для «обоснования» этого вывода органы пропаганды изображали СССР страной, стремящейся «поработить Китай и Японию».

Проправительственная печать открыто призывала к военному выступлению против Советского Союза. Так, газета «Кокумин» в день принятия императорским совещанием решения о тайной подготовке к войне против СССР утверждала: «Война между Германией и СССР не является лишь войной этих двух государств, она решает также судьбу Восточной Азии». Не скрывались и цели готовящегося захвата советских земель. Газета «Хоти», говоря об оккупации восточных

территорий Советского Союза, мотивировала это необходимостью содействовать созданию здесь «сферы совместного процветания», овладению ресурсами Сибири.

Для ведения военных действий против вооруженных сил Советского Союза на Дальнем Востоке и в Сибири первоначально планировалось создать группировку в 34 дивизии. Поскольку к началу германо-советской войны в Маньчжурии и Корее насчитывалось лишь 14 кадровых дивизий, предусматривалось перебросить в Квантунскую армию 6 дивизий из метрополии и 14 — с китайского фронта. Однако против этого выступило командование японской экспедиционной армии в Китае, которое заявило, что переброска с китайского фронта на север столь большого числа дивизий «означала бы забвение китайского инцидента». В конце концов, центр вынужден был согласиться с этим доводом.

В конце июня 1941 г. военным министерством и генеральным штабом было принято решение сократить количество выделяемых для войны против СССР дивизий до 25. Затем, в июле, основной удар было решено наносить силами 20 дивизий. Наконец, 31 июля на встрече начальника оперативного управления генштаба Танака Синъити с военным министром Тодзио было окончательно решено выделить для войны против СССР 24 дивизии. Это объяснялось тем, что японское командование намеревалось добиться целей войны против СССР «малой кровью». 1 июля 1941 г. на заседании координационного комитета правительства и императорской ставки заместитель начальника генерального штаба Цукада Ко в подтверждение следования теории «спелой хурмы» заявил: «Мы будем готовиться как следует, но намерены иметь (в Маньчжурии и Корее) минимум войск для ведения военных действий. Мы не собираемся выставлять излишне большое количество соединений».

В действительности же в результате проведения мобилизации, как отмечалось выше, в Маньчжурии и Корее была создана крупная группировка японских войск в 850 тысяч человек. Она не ограничивалась штатной численностью подготовленных дивизий. Причем мобилизованные войска направлялись не во вновь формируемые обычные дивизии, а на увеличение существующих, а также для создания особых дивизий типов «А» и «А-1», которые были примерно в два раза сильнее дивизий обычного состава. Если в обычной дивизии на-

считывалось 13—16 тысяч человек, то дивизии «А» — 24 600, а в дивизии «А-1» — 29 400. Дивизии нового типа имели на вооружении значительно больше орудий, в их составе появились танки.

Усиленные дивизии дислоцировались в Маньчжурии. Из пяти существовавших в японских сухопутных силах дивизий типа «А-1» все пять находились в Квантунской армии. А из 19 дивизий типа «А» после мобилизации в состав Квантунской армии должно было войти 12. Кроме того, здесь были размещены 24 из имевшихся в японской армии 58 бригад. Поскольку в результате проведения мобилизации в Маньчжурии и Корее была создана группировка японских войск в 850 тысяч человек, можно считать, что по численности это соответствовало 58—59 японским обычным пехотным дивизиям. Ведь японский генштаб и командование сухопутных сил при разработке плана войны против СССР исходили из того, что на Дальнем Востоке и в Сибири было дислоцировано около 30 советских дивизий. Поэтому они и стремились к созданию необходимого для проведения наступательных операций двойного превосходства.

Летом 1941 г. Квантунская армия развернула против СССР боевые порядки шести армий и отдельной группы войск, не считая резерва. В соответствии с планом «Кантокуэн» для ведения боевых действий было сформировано три фронта: восточный в составе 4 армий и резерва, северный в составе 2 армий и резерва и западный в составе 2 армий.

К началу августа выделенная для вторжения в Советский Союз группировка была в основном подготовлена. Приближался установленный графиком срок принятия решения о начале войны — 10 августа. Однако правящие круги Японии проявляли нерешительность, ожидая поражения Советского Союза на Западе. В это время посол Отт в телеграмме в Берлин следующим образом оценивал обстановку: «В отношении японского оперативного плана ясности еще нет, однако, вероятно, они не ограничатся наступлением в район Владивостока и севернее, но одновременно будет предпринято также наступление в направлении озера Байкал, а именно: вдоль железной дороги Маньчжурия — Чита и из района Калган через Внешнюю Монголию. Время наступления еще не ясно, но можно предположить, что подготовка к наступлению, по моим соображениям, потребует времени до середины августа. Кроме того, генерал Окамото (Кёфуку) много-

кратно в разговоре упоминал, что Япония выступит лишь тогда, когда немецкие части достигнут Волги».

Так как каждый день политики выжидания сокращал возможность проведения военной кампании в течение 1941 г. (по плану «Кантокуэн» она должна была быть завершена до наступления зимы), армейское руководство в центре и командование Квантунской армии решили ускорить начало японского нападения. 3 августа в военном министерстве был подготовлен документ «Позиция в отношении СССР», которым предписывалось «в случае советского наступления, воспользовавшись моментом, развернуть военные действия с тем, чтобы правительство приняло немедленное решение начать войну». Составители документа «обосновывали» свою позицию тем, будто Советский Союз готовил превентивный удар по Японии. При этом использовалась составленная в штабе Квантунской армии явно провокационная «информация» о том, что войска Красной Армии на Дальнем Востоке якобы изготовились к наступлению, прекратив радиообмен.

Содержание этого документа давало возможность Квантунской армии самостоятельно спровоцировать войну с СССР, возложив при этом ответственность за ее начало на советскую сторону. Провокационная цель этой акции была столь очевидна, что командование флота решительно выступило против нее. Флот потребовал исключить из проекта документа слова «начало войны». 6 августа на заседании координационного комитета правительства и императорской ставки был принят документ «О мерах империи в связи с нынешним состоянием отношений между Японией и СССР». В нем было записано: «В случае фронтального наступления Советского Союза его войска будут отброшены, с тем чтобы не упустить инициативу в результате перехода к оборонительным действиям... Позиция империи в отношении советского нападения будет незамедлительно определена на заседании кабинета министров».

В тот же день этот документ был одобрен императором. После этого в Квантунскую армию была направлена директива ставки № 523, которая гласила: «При действительном нападении русской авиации и невозможности его предотвращения командующий Квантунской армией в целях выполнения стоящей задачи может осуществить силами авиации наступательные действия на русской территории». Этой директивой, по существу, право начать войну с Советским Союзом,

как и во времена Халхин-Гола, предоставлялось командованию Квантунской армии.

Едва ли стоит говорить, что придуманная японскими сторонниками скорейшего нападения на СССР «теория советского превентивного удара» была насквозь лживой и провокационной. В труднейший период первых месяцев Великой Отечественной войны правительство Советского Союза было крайне заинтересовано в недопущении военных действий в восточных районах страны, стремилось избежать войны на два фронта. Красная Армия на Дальнем Востоке готовилась не к «превентивному удару», а к отражению вероломного нападения ближайшего союзника Германии — милитаристской Японии, опасность которого была высока.

ПО МЕРИДИАНУ ОМСКА

К лету 1941 г. в Японии был разработан детальный план оккупации советского Дальнего Востока и Сибири. Разработкой этого плана занимались несколько японских правительственных организаций. Кроме того, исследовательские группы по вопросам эксплуатации ресурсов и управления захваченными территориями существовали практически в каждом министерстве, центральных штаб-квартирах ведущих монополий и финансовых групп. Особенно активно эта деятельность проводилась в таких «новых» концернах, как «Мантэцу», «Мансю дзюко», «Нанъё кайхацу», которые связывали свое будущее процветание в первую очередь с вооруженной экспансией страны за рубежом.

Одним из основных координирующих органов разработки методов ограбления завоеванных территорий было «Исследовательское общество по изучению политики государства», в которое входили члены японского кабинета министров, монополисты, представители командования армии и флота, дипломаты и журналисты. В состав правления «Исследовательского общества» входили адмирал Кобаяси Сэйдзо, генерал-лейтенант Исоя Рэнсукэ, министр внутренних дел Гото Фумио, министр торговли и промышленности Киси Нобусукэ, генерал Такахаси Санкити, начальник юридического департамента правительства Ямакава Тадао, председатель центрального совета предпринимательских организаций Сэнгоку Котаро, президент ком-

пании по освоению Северного Китая Цусима Тосикадзу, президент информационного агентства «Ниссо цусин» Сигэмори Тадаси, советник японского посольства в Германии Миура Кадзуити и др. Активное участие в работе общества принимал военный министр, а затем премьер-министр Тодзио Хидэки. В задачу общества входило «исследование актуальных военных проблем Японии и доклад о результатах этих исследований японскому правительству».

В 1941 г. внутри этого «Исследовательского общества» был образован «Специальный совет по выработке мероприятий управления оккупированными территориями». Совет занимался разработкой оккупационного режима в подлежащих захвату Японией азиатских странах. Первым разработанным этим советом документом был представленный в декабре 1941 г. премьер-министру, военному министру, военно-морскому министру и министру иностранных дел Японии «Доклад о мерах по управлению оккупированными территориями».

Еще 1 октября 1940 г. императорским указом был создан «Институт тотальной войны», который находился в непосредственном подчинении премьер-министра. Институт объединял сторонников агрессивной политики на континенте и на Тихом океане, которые принимали активное участие и в подготовке войны против СССР. Директор этой исследовательской организации генерал-лейтенант Мураками Кэйсаку впоследствии признавал: «Я получал прямые указания премьер-министра Тодзио, касающиеся будущего административного режима на оккупированных территориях Великой Восточной Азии. Проекты составленных в институте планов направлялись премьер-министру и в соответствующие министерства для осуществления на практике».

Наиболее подробно империалистические замыслы Страны восходящего солнца были изложены в подготовленных двумя вышеуказанными организациями документах «Проект мероприятий по строительству сферы процветания в Великой Восточной Азии» и «Первоначальный проект создания сферы процветания в Великой Восточной Азии».

Будущая колониальная империя Японии очерчивалась границами Тихого океана, Центральной Азии и Индийского океана. Все страны этого обширного региона, земли, их народы и ресурсы должны были быть объединены под управлением Японии. Колониальная империя делилась на две основные зоны — центральную и перифе-

рийную. В центральную включались Маньчжурия, Северный Китай, районы нижнего течения реки Янцзы и Приморская область СССР. К периферийной зоне относились Восточная Сибирь, остальной Китай, Индокитай, районы Южных морей, а также Австралия и Индия. В Японии не скрывали этих планов. Так, в газете «Тайё дайниппон» от 5 января 1942 г. открыто излагались замыслы колонизаторов: «Хочется думать, что сфера Великой Восточной Азии будет включать в себя следующие страны: Японию, Маньчжоу-Го, Китай, Дальний Восток России, Французский Индокитай, Бирму, Малайю, Голландскую Индию, Британскую Восточную Индию, Индию, Афганистан, Австралию, Новую Зеландию, Гавайи, Филиппины, острова Тихого и Индийского океанов... Территории народов, которые не в состоянии пользоваться независимостью, и территории, важные в военном отношении, становятся полностью нашими владениями». В действительности в результате войны против СССР в состав японской империи должны были войти не только его дальневосточные территории, но и вся восточная часть Советского Союза, включая озеро Байкал. Об этом прямо говорилось в постановлении японского правительства от 7 декабря 1940 г.

Японские правящие круги опасались, что гитлеровское руководство и германский крупный капитал могут после захвата европейской части СССР двинуться дальше на восток. В связи с этим ставилась задача во что бы то ни стало добиться согласия Германии на включение советского Дальнего Востока и Сибири в состав японской империи. В документе «План административного управления районами Великой Восточной Азии» от декабря 1941 г. указывалось: «Будущее советских территорий следует определить на основе японо-германского соглашения... Однако Приморская область будет присоединена к территории империи, а районы, граничащие с маньчжурской империей, должны находиться под ее влиянием. Управление сибирской железной дорогой будет полностью подчинено Японии и Германии. Пунктом разграничения зон управления намечается Омск».

Завоеванную в результате агрессивных колониальную империю предусматривалось «сохранить на века». В документах в связи с этим указывалось: «...Главные меры по увековечиванию руководящего положения Японии можно свести к двум основным пунктам: это, во-первых, различные мероприятия, призванные обеспечить экономи-

ческое и моральное превосходство японского народа, и, во-вторых, мероприятия по консолидации под руководством японского народа включенных в сферу сопроцветания наций...»

В японских документах нашли проявление алчные устремления крупного капитала, который рассматривал создаваемую «сферу сопроцветания» и входящие в нее страны и народы как объект нещадной эксплуатации. В них, в частности, оговаривалось: «Восточная Сибирь относится к той части земель, которые, естественно, должны быть включены в сферу Великой Восточной Азии по геополитическим соображениям... Кроме того, существуют глубокие экономические доводы относительно восточной части СССР». Так, в отношении намеченных к захвату советских территорий в документе «Программа тотальной войны первого периода. Строительство Восточной Азии» (раздел «Подлежащие оккупации районы и их важнейшие пункты») предусматривалось «удерживать позиции стратегического превосходства и принять безошибочные меры для овладения стратегическими ресурсами».

Документ имел «Приложение № 3», в котором перечислялись «важные пункты оккупации Восточной Сибири».

Приморская область:

а) Владивосток, Маринск, Николаевск, Петропавловск и другие важные районы;

б) стратегическое сырье: Тетюхэ (железные руды), Оха и Эхаби (нефть), Советская Гавань, Артем, Тавричанка, Ворошилов (уголь).

2. Хабаровская область:

а) Хабаровск, Благовещенск, Рухлово и другие районы;

б) стратегическое сырье: Умарита (молибденовые руды), Кивда, Райчихинск, Сахалин (уголь).

3. Читинская область:

а) Чита, Карымская и другие районы;

б) стратегическое сырье: Халекинск (железные руды), Дарасун (свинцовые и цинковые руды), Гутай (молибденовые руды), Букачача, Терновский, Тарбога, Арбагар (уголь).

4. Бурят-Монгольская область:

а) Улан-Удэ и другие стратегические пункты.

В начале военных действий против СССР главной целью будущей военной администрации объявлялось «обеспечение бесперебойности

снабжения армии». Затем предусматривалось «реорганизовать прежнюю плановую экономику, сделать упор на разработку естественных ресурсов, особенно добычу необходимых металлов и получение продовольственных ресурсов, переселить в оккупированные районы японцев, корейцев и маньчжуров, осуществив принудительное выселение местных жителей на север».

Особое внимание уделялось борьбе с коммунистической идеологией. Ставилась задача наряду с оккупацией «упразднить коммунистическую систему, восстановить частную собственность, полностью искоренить коммунистическую политическую систему, запретить все политические организации и политические движения», а также «все коммунистические издания, спектакли, кино, песни и прочее». Предусматривалось повсеместное распространение православия и ламаизма, «внеся в эти религиозные системы соответствующие изменения». Политическая деятельность религиозных объединений не допускалась.

В ходе осуществления подготовки к реализации плана «Кантоуэн» по приказу военного министерства в штабе Квантунской армии был создан отдел по управлению оккупированными советскими территориями. Сначала этот отдел назывался «отделом Хата» по фамилии его начальника генерал-майора Хата Такэсабуро. Затем он был переименован в 5-й отдел штаба Квантунской армии и просуществовал до 1943 г. В него входили сотрудники отдела Советского Союза японского правительственного «Института Восточной Азии», представители правительства Маньчжоу-Го, сотрудники японского концерна «Мантэцу», руководители существовавших в Маньчжурии связанных с армией «специальных компаний». В обязанности отдела входила разработка принципов управления захваченными территориями и подготовка кадров для органов оккупационного управления. Результаты «исследовательской деятельности» отдела направлялись в Токио, где они обобщались.

Основные принципы японского оккупационного режима на территории Советского Союза были изложены в секретном документе «Сводные исследовательские записки за 1943 г.» в разделе «Мероприятия по управлению Сибирью». С самого начала войны в оккупированных районах СССР предусматривалось установить военную администрацию, в обязанность которой входило «создание благопри-

ятных условий для действий оперативных войск». Тем самым намечалось «заложить предварительные основы для управления этими районами как частью сферы сопроцветания». Затем, указывалось в документе, «ликвидируется коммунистическая идеология и коммунистические организации, вместо них вводятся идеи нового порядка в Восточной Азии... Объявляются полностью недействительными прежние законы — это делается простым и сильным военным приказом... местные жители не допускаются к участию в политике».

В ходе оккупации намечалось массовое уничтожение советских людей, превращение оставшихся в живых в подневольную рабочую силу. Предписывалось «пользоваться строго реальной силой, не опускаясь до так называемого принципа умеренности». При этом прямо ставилась задача физически «устранить коммунистов и прочих лиц, которые составляли в прошлом руководящий строй», использовать труд населения оккупированных территорий главным образом на тяжелых работах в рудниках.

Планы оккупационного режима имели ярко выраженную расистскую окраску. В одном из документов выдвигалось требование провести «мероприятия по воспрепятствованию концентрации в Сибири славян, изгоняемых из европейской части России». Подчеркивалась важность пропаганды среди населения оккупированных районов идей исключительности и превосходства японской нации, ее права на руководство поработенными народами. Для этого выдвигалось требование «ликвидировать прежние антияпонские взгляды и внедрить в сознание идеи и реальные факты сферы сопроцветания Великой Восточной Азии, в центре которой находится Япония».

В то же время, учитывая, что советское население на Дальнем Востоке и в Сибири с ненавистью относилось к японским захватчикам, и опасаясь «восстаний коммунистической партии», правящие круги Японии рассчитывали создать, если удастся, видимость самоуправления на оккупированных советских территориях. С этой целью планировалось «провести подготовку русской белоэмиграции с административным уклоном и тем самым выковать из сферы белоэмиграции кадры для различных правительственных органов, местной администрации и для создания различных экономических органов, особенно местных должностных лиц, непосредственно связанных с народом, так чтобы они успешно справились с работой».

Японские разработчики методов утверждения господства Японии в оккупированных частях СССР из опасения начала партизанской войны в своих планах допускали «местное самоуправление в низовых организациях», а также «учреждения, основанные на старых национальных обычаях». На роль марионетки был избран атаман Семенов, который впоследствии признавал: «В 1936 г. я встретился с начальником штаба Квантунской армии генералом Окамура (Ясудзи). От него я выяснил, что японский план вторжения предусматривает присоединить Уссурийский край к Маньчжоу-Го и создать буферное государство от Байкала на восток, сделав меня главой правительства...»

О том, что «самоуправление» в действительности было лишь пропагандистским маневром, свидетельствует и намерение установить в захваченных районах японские генерал-губернаторства. На советский Дальний Восток и в Сибирь намечалось послать вооруженных японских колонистов, которые должны были занять все высшие административные посты для надзора над русским населением.

Содержание планов установления оккупационного режима на советской территории со всей очевидностью показывает, что милитаристское руководство Японии планировало отнюдь не «оборонительную войну против опасности большевизма», как об этом твердила японская пропаганда, а неспровоцированную агрессию, являвшуюся важной составной частью обширной программы борьбы японского империализма за господство в мире.

ОТРЯДЫ МАССОВОГО УНИЧТОЖЕНИЯ

В войне против Советского Союза японское военно-политическое руководство замышляло широкое применение средств массового уничтожения людей — бактериологического и химического оружия. При этом японское правительство сознательно шло на нарушение Женевского протокола от 17 июня 1925 г. «О запрещении применения на войне удушливых, ядовитых и других подобных газов и бактериологических средств». Один из японских идеологов бактериологической войны генерал-лейтенант медицинской службы Исии Сиро заявлял: «Лица, пораженные стрелковым или артиллерийским оружием или подвергшиеся авиационной бомбардировке, после соответствующего лечения могут вернуться в строй. Что касается бактериологического

оружия, то оно передает заразу от человека к человеку, проникает с пищей и водой в организм человека, дает значительно больший эффект, чем стрелковое, артиллерийское или авиационное оружие, выводит из строя массу людей, не поддается лечению и гарантирует, что объект нападения больше в строй не вернется».

Японское руководство не останавливало, что в результате применения преступного бактериологического оружия на смерть обречались миллионы людей не только среди населения воюющих государств, но и среди населения нейтральных стран.

Центры разработки и испытания бактериологического оружия были созданы в 1936 г. по указу императора Японии. Они были размещены на территории оккупированной Маньчжурии, в приближенных к границам Советского Союза районах. Как заявляли японские генералы, из этих районов в войне против СССР использовать бактериологические средства будет легче и удобнее. Бывший командующий Квантунской армии генерал Ямада Отодзо признавал: «...Отряд № 731 был организован в целях подготовки бактериологической войны, главным образом против Советского Союза, а также против Монгольской Народной Республики и Китая».

Секретные лаборатории были замаскированы под названиями «управление по водоснабжению и профилактике частей Квантунской армии» и «иппозепизоотическое управление Квантунской армии». Впоследствии эти военные формирования получили шифрованные наименования «отряд № 731» и «отряд № 100», которые возглавляли соответственно генерал-лейтенант медицинской службы Исии и генерал-майор ветеринарной службы Вакамацу. Обе эти крупные части, насчитывавшие три тысячи человек, были приданы Квантунской армии.

В лабораториях отрядов в огромных количествах выращивались возбудители чумы, холеры, газовой гангрены, сибирской язвы, брюшного тифа и других смертельных болезней. О масштабах деятельности японской фабрики смерти говорит лишь один факт: здесь были подготовлены производственные мощности для изготовления в течение одного месяца до 300 кг бактерий чумы. В «отряде № 731» и его филиалах в массовых масштабах выращивались блохи для последующего заражения их бактериями. Количество предназначенных для использования в качестве бактериологического оружия

блех исчислялось десятками миллионов и измерялось килограммами. Генерал Ямада признавал, что только один «отряд № 731» «мог бы обеспечить своим оружием (всю) японскую армию для ведения бактериологической войны». В этом отряде в течение только одного «производственного цикла» вырабатывались миллионы миллиардов микробов.

Для разработки наиболее смертоносных средств бактериологической войны в отрядах систематически проводились чудовищные по своей жестокости эксперименты над живыми людьми, которых называли «бревнами». С конца 1937 и до лета 1945 г. в лабораториях генерала Исии были умерщвлены более 4 тысяч человек, в том числе русских людей.

Бактериологическое оружие применялось против СССР и МНР во время необъявленной войны на Халхин-Голе. В ходе военных действий японскими войсками использовались как боевые средства бактерии брюшного тифа, паратифа, дизентерии путем заражения реки Халхин-Гол.

В 1939—1940 гг. по специальному секретному указу императора «отряд № 731» был реорганизован и расширен. На стратегических направлениях, выводящих к границе СССР, создавались четыре филиала в городах Хайларе, Сунью, станциях Хайлин и Линькоу. Основная задача филиалов состояла в подготовке к широкому применению бактериологического оружия. С мая 1940 г. Квантунская армия приступила к применению такого оружия против китайских войск и мирного населения Китая. Существуют данные о том, что в 1941—1942 гг. в результате бактериологических атак в Китае неоднократно возникали эпидемии чумы. Их жертвами стали сотни людей.

Подготовка к ведению бактериологической войны еще больше усилилась после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз. Как свидетельствуют «Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия», «в 1941 г., после вероломного нападения гитлеровской Германии на СССР, японские милитаристы, выжидая удобного момента для вступления в войну против Советского Союза, деятельно форсировали развертывание и подготовку в Маньчжурии бактериологических отрядов и их филиалов, созданных для ведения бактериологической войны».

В соответствии с планом «Кантокуэн» была организована специальная подготовка кадров офицеров и унтер-офицеров по освоению и применению бактериологического оружия. Бывший начальник ветеринарной службы Квантунской армии генерал-лейтенант Такахаси Такацу показал на судебном процессе: «После выхода в свет оперативного плана “Кантокуэн” при штабе каждой армии, находившейся в Маньчжурии, были созданы “эпизоотические” отряды. Начальниками этих отрядов были врачи — специалисты-бактериологи, направленные из отряда № 100... Инициатором создания таких отрядов являлось первое оперативное управление генерального штаба японской армии... Задачами эпизоотических отрядов являлись подготовка и ведение бактериологической войны и диверсий против Советского Союза...»

Генерал Исии разъяснял сотрудникам «отряда № 731», что «мероприятия по расширению производства бактериологического оружия необходимы в связи с изменившейся международной обстановкой, т. е. началом войны Германии против Советского Союза и введением в Квантунской армии плана «Кантокуэн»».

После начала германо-советской войны начальник генерального штаба направил в Квантунскую армию приказ, который требовал форсировать работы по исследованию бактерий чумы, как основного средства бактериологической войны. В приказе особо отмечалась необходимость массового выращивания блох — переносчиков чумных болезней. Один из командиров «отряда № 731» Ниси Тосихидэ следующим образом характеризовал готовность Японии к бактериологической войне против СССР: «К моменту нападения Германии в 1941 г. на Советский Союз и сосредоточения Квантунской армии в Маньчжурии на границе Советского Союза, в отряде № 731 научно-исследовательские работы по созданию эффективных средств бактериологического нападения были в основном решены, и дальнейшая деятельность отряда шла по линии усовершенствования процесса массового производства бактерий и способов их распространения. Было установлено, что наиболее эффективным средством нападения являются бактерии чумы».

Были утверждены и приняты на вооружение три основных метода применения бактериологического оружия, а именно: распыление бактерий с самолетов, сбрасывание бактериологических бомб и ме-

тод диверсий. С началом войны предусматривалось распространять на фронте и в тылу противника в больших количествах смертоносные бактерии чумы, холеры, тифа, сапа, сибирской язвы и других заболеваний, заражая населенные пункты, водоемы, колодцы, посеы и скот. Применение бактериологического оружия намечалось на основных стратегических направлениях, соответствующих направлениям главных ударов, намеченных японским планом войны против СССР.

Токийским судебным процессом было установлено, что в 1942 г. отрядами № 731 и № 100 активно велась специальная разведка пограничных районов Советского Союза с целью подготовки к нанесению ударов бактериологическим оружием. В годы войны в диверсионных целях заражались пограничные водоемы в районе Трехречья. На специальном полигоне на станции Аньда проходили «маневры бактериологической войны», в ходе которых использовались специальные аппараты и самолеты. В этих маневрах принимали участие представители штаба Квантунской армии.

Летом 1942 г. на встрече с корреспондентами ведущих японских газет заместитель начальника харбинского отделения спецслужбы полковник Асаока заявлял: «Стратегия Квантунской армии в отношении СССР не изменилась ни на йоту... У меня нет ни малейшего намерения говорить абстрактно... Квантунская армия имеет реальную гарантию того, что война против СССР закончится успешно. Мы уже давно занимаемся разработкой нового оружия с целью применения его в военных действиях против СССР, и вот в последнее время, наконец, производство его налажено и в количественном отношении. Так что мы можем быть вполне удовлетворены... Теперь остается совершенствовать качество, но это вопрос времени».

В ожидании приказа о начале наступательных операций на территории Советского Союза были размножены географические карты советских дальневосточных городов с указанием населенных пунктов, водоемов и других объектов бактериологического нападения. Бактериологическое оружие планировалось применять в первую очередь в районе Хабаровска, Благовещенска, Уссурийска, Читы. Летом 1942 г. в целях отработки методов ведения бактериологической войны против СССР многократно заражались пограничные реки, в частности река Аргунь. «Фактически это была необъявленная бактериологическая война против Советского Союза, которая велась под видом экс-

перимента, — пишет японский публицист Моримура Сэйити. — Подобного рода эксперименты — и более крупные, и более мелкие по масштабу — проводились отрядом № 100 постоянно».

Приготовления к бактериологической войне еще более активизировались в 1944 г., когда японские лидеры рассчитывали с помощью этого преступного оружия добиться перелома в войне в пользу Японии. В Квантунскую армию из генерального штаба были направлены дополнительные указания о форсировании подготовки к бактериологическому нападению. Понимая, что применением обычных средств ведения войны одержать верх над Красной Армией будет трудно, японский генералитет намеревался пустить в ход оружие массового уничтожения. Штабом Квантунской армии была поставлена задача: «Если в начале военных действий против СССР японской армии в силу сложившейся обстановки необходимо будет отступить в район Большого Хингана, то на оставляемой территории все реки, водоемы, колодцы должны быть заражены бактериями или сильнодействующими ядами, все посевы уничтожены, скот истреблен».

В мае 1945 г. генерал Исии отдал распоряжение подчиненному составу, в котором говорилось: «Война между Японией и СССР неизбежна... Отряд должен мобилизовать все силы и в короткий срок увеличить производство бактерий, блох и крыс». Ставилась задача ожидать «день X» — начала широкого применения накопленных арсеналов бактериологического оружия. Это распоряжение было выполнено. По признанию бывшего служащего отряда, в конце войны готовых к употреблению бактерий в «отряде № 731» хранилось столько, что, «если бы они при идеальных условиях были рассеяны по земному шару, этого хватило бы, чтобы уничтожить все человечество». Против населения Советского Союза планировалось применить миллиард зараженных чумой блох. «Если бы одновременно применить этих блох против советских войск, — свидетельствовал он, — а также обрушить их на города — последствия были бы весьма значительные. Это мы все понимали».

Японская армия имела на вооружении различные виды химического оружия, которое разрабатывалось в военных научно-исследовательских институтах. Методы применения этих видов запрещенного оружия разрабатывались в «отряде № 516 химического управления Квантунской армии». В распоряжении японской армии

имелись следующие ядовитые газы: «желтый» № 1 (иприт), «желтый» № 2 (люизит), «чай» (цианистый водород), «синий» (фосген), «красный» (дифенилцианарсин). Обнаруженные в 80-е гг. прошлого столетия документы японской армии свидетельствуют о том, что химическое оружие применялось в войне в Китае. Известно о 375 случаях использования этого оружия. Наиболее массированно оно было применено летом 1938 г. во время крупной операции японской армии в районе китайского города Ухань. Целью операции было скорейшее завершение войны в Китае и сосредоточение внимания на подготовке к войне против СССР. В ходе этой операции было использовано 40 тысяч канистр и боеприпасов с газом дифенилцианарсин, что привело к гибели множества людей. Склады японского химического оружия обнаруживаются на территории Китая и по сей день.

Замыслы применения против населения советских территорий бактериологического и химического оружия свидетельствуют о том, что милитаристская Япония, так же как гитлеровская Германия, стремились вести против СССР тотальную войну с целью массового уничтожения людей.

Глава шестая **НЕСОСТОЯВШИЙСЯ «ДЕНЬ X»**

СОМНЕНИЯ РАЗВЕДКИ

Как отмечалось выше, политика и стратегия Японии в отношении СССР после 22 июня 1941 г. строилась на основе концепции вступления в войну на стороне Германии в момент, наиболее благоприятный для империи. Японские лидеры прямо заявляли на секретных заседаниях правительства и императорской ставки: «Мы выступим, если почувствуем, что условия особо благоприятны, и не выступим, если они будут неблагоприятны». Под «благоприятным моментом» понималась ситуация, когда терпящий поражение от гитлеровских войск Советский Союз не сможет оказать должного сопротивления Японии на Дальнем Востоке.

Германским планом «Барбаросса» война против СССР намечалась как скоротечная кампания. Предусматривалось в ходе летне-осенних операций нанести мощный удар по основным силам Красной Армии, быстро уничтожить их и, стремительно продвигаясь вглубь Советского Союза, занять его важнейшие политические и экономические центры. Особое значение придавалось захвату Москвы и Ленинграда. При этом возможность остановить наступление из-за сопротивления Красной Армии исключалось.

Разработанный японским командованием график проведения войны с СССР увязывался с германским планом «Барбаросса» и также предполагал завершение военных действий осенью 1941 г. При этом в Японии рассматривали германо-советскую войну как редчайшую возможность осуществить вынашиваемые годами замыслы антисоветской агрессии. Наиболее активные сторонники такой войны требовали ни в коем случае не упустить эту возможность.

Прибывший из Европы генерал Ямасита Томофуми в день отдачи приказа о проведении первой очереди мобилизации по пла-

ну «Кантокуэн» 7 июля докладывал военному министру Тодзио: «Мощь германской дивизии вдвое превосходит боевые возможности стрелковой дивизии Советского Союза. По сухопутным силам Германия более чем в два с половиной раза превосходит СССР. По самолетам преимущество в три-четыре раза. В результате внезапного нападения существует большая вероятность уничтожения Красной Армии и быстрого завершения войны». Генерал Ямасита предупреждал о том, что после окончания войны в европейской части Советского Союза Гитлер может двинуться в Сибирь и на Дальний Восток. Он убеждал Тодзио отказаться от теории «спелой хурмы» и захватить восточные районы СССР до окончания германо-советской войны. «Время “спелой хурмы” уже прошло, — говорил Ямасита. — Даже если хурма еще немного горчит, лучше стрясти ее с дерева».

Это мнение разделял и японский посол в Москве Татэкава, который 5 июля сообщил в Токио, что якобы «Красная Армия потеряла веру в победу, и падение Москвы является лишь вопросом времени». Он рекомендовал «самостоятельно решить вопрос о Дальнем Востоке». Однако в Токио решили следовать разработанному графику проведения войны, ожидая, когда «Россия, как спелая хурма, сама упадет в руки». Несмотря на то, что германские войска смогли глубоко продвинуться на территорию Советского Союза и создали угрозу Москве и Ленинграду, в Токио не спешили с выводами о скорой победе Германии. Японское командование внимательно следило за начавшимся в середине июля Смоленским сражением, в результате которого, как признают японские историки, «советские войска упорным сопротивлением задержали продвижение немецкой армии, чем было выиграно время для обороны Москвы».

Ценой огромных жертв Красная Армия к середине июля не только задержала противника, но и смогла на некоторое время на основных направлениях стабилизировать фронт. Так, на западном направлении в июле темп продвижения германских войск составлял 6—7 км в сутки против 30 км в первые дни войны.

Героическое сопротивление Красной Армии и народа срывало планы как гитлеровского, так и японского руководства. Замедление темпов наступления немецко-фашистских войск свидетельствовало о том, что «наиболее благоприятный момент» еще не наступил.

Во второй половине июля, когда подготовка Японии к нападению на СССР осуществлялась полным ходом, среди японского генералитета появились первые признаки сомнений в успехе германского «блицкрига». 16 июля 1941 г. в «Секретном дневнике войны» императорской ставки, в котором оценивались события и обстановка на фронтах Второй мировой войны, была сделана запись: «На советско-германском фронте не отмечается активных действий, тихо». Затем, 21 июля: «В развитии обстановки на германо-советском фронте нет определенности. Похоже на непрекращающийся несколько дней токийский дождь».

Японские стратеги стали серьезнее анализировать перспективы Германии в войне против СССР. «Театр военных действий в России — огромен, и его нельзя сравнивать с Фландрией. Равнинный характер театра войны в России хотя и дает возможность быстрого продвижения для Германии, но, с другой стороны, он способствует правильному отступлению, на что и рассчитывает СССР. Ликвидировать советские войска в этом случае будет не так-то легко. Партизанская война также значительно усиливает обороноспособность СССР».

Поскольку приближалась запланированная дата принятия решения о начале военных операций против СССР, японское руководство пыталось выяснить у германского правительства сроки завершения войны. Посол Осима свидетельствовал после войны: «В июле — начале августа стало известно, что темпы наступления германской армии замедлились. Москва и Ленинград не были захвачены в намеченные сроки. В связи с этим я встретился с Риббентропом, чтобы получить разъяснения. Он пригласил на встречу генерал-фельдмаршала Кейтеля, который заявил, что замедление темпов наступления германской армии объясняется большой протяженностью коммуникаций, в результате чего отстают тыловые части. Поэтому наступление задерживается на три недели».

Подобное разъяснение лишь усилило сомнения японского руководства в способности Германии завершить войну в короткий срок. О трудностях свидетельствовали и участвовавшие требования германских руководителей как можно скорее открыть «второй фронт» на Востоке. Они все более откровенно давали понять Токио, что Японии не удастся воспользоваться плодами победы, если для этого ничего не будет сделано.

Однако японское правительство продолжало заявлять о необходимости длительной подготовки. В действительности же в Токио боялись преждевременного выступления против СССР. 29 июля в «Секретном дневнике войны» было записано: «На советско-германском фронте по-прежнему без изменений. Наступит ли в этом году момент вооруженного разрешения северной проблемы? Не совершил ли Гитлер серьезную ошибку? Последующие 10 дней войны должны определить историю». Имелось в виду время, оставшееся до принятия Японией решения о нападении на Советский Союз.

Ввиду того что «молниеносная война» не состоялась, в Токио стали с большим вниманием относиться к оценке внутрисполитического положения СССР. Еще до начала войны некоторые японские специалисты по Советскому Союзу высказывали сомнения по поводу быстрой капитуляции СССР. Так, например, один из сотрудников японского посольства в Москве, Ёситани, в сентябре 1940 г. предупредил: «Полным абсурдом является мнение, будто Россия развалится изнутри, когда начнется война». 22 июля 1941 г. японские генералы вынуждены были признать в «Секретном дневнике войны»: «С начала войны прошел ровно месяц. Хотя операции германской армии продолжаются, сталинский режим вопреки ожиданиям оказался прочным».

Особенно тщательно анализировал данные о внутрисполитическом положении и внешнеполитической деятельности Советского Союза 5-й отдел разведуправления генштаба (разведка против СССР). Сюда стекались самые разнообразные документы — информация агентурной разведки, разведдонесения Квантунской армии, данные радиоперехвата, шифровки военных атташе, доклады и аналитические справки посольств, разработки исследовательского отдела компании «Мантэцу» и другие материалы.

К началу августа отделом был подготовлен и представлен руководству военного министерства документ под названием «Оценка нынешней обстановки в Советском Союзе». Он состоял из четырех разделов: 1. Оценка государственной структуры Советского Союза (политика государства, прочность государственного строя, особенности русской нации, наличие ресурсов, распределение населения по районам). 2. Дипломатическая стратегия (в частности, отношения с США и Великобританией). 3. Военные вопросы (военная мощь Крас-

ной Армии, ее боеспособность на Дальнем Востоке, сравнение Красной Армии с армиями Германии и Японии). 4. Анализ способности Советского Союза вести войну с Германией, общая оценка развития международной обстановки.

Хотя составители документа продолжали верить в конечную победу Германии, они не могли не считаться с реальной действительностью. В главном выводе доклада указывалось: «Даже если Красная Армия в этом году оставит Москву, она не капитулирует. Намерение Германии быстро завершить решающее сражение не осуществится. Дальнейшее развитие войны не будет выгодным для германской стороны». Комментируя содержание этого вывода, японские исследователи указывают: «В начале августа 5-й отдел разведуправления пришел к выводу, что в течение 1941 г. германская армия не сможет покорить Советский Союз, да и на будущий год перспективы для Германии не самые лучшие. Все говорило о том, что война затянется».

Этот доклад не был определяющим в решении вопроса о начале войны, но он заставил японское руководство более трезво оценивать перспективы германо-советской войны и участия в ней Японии. «Мы должны осознать сложность оценки обстановки», — гласила одна из записей «Секретного дневника войны».

В обстановке провала германского плана «молниеносной войны» правящие круги Японии решили на время вернуться к отброшенному пакту о нейтралитете с Советским Союзом и дожидаться «благоприятного момента» под его прикрытием. При этом продолжались попытки шантажировать советское правительство угрозой его разрыва в случае сближения СССР с США.

Армия в это время продолжала активную подготовку к осуществлению плана «Кантокуэн». Генеральный штаб и военное министерство выступили против включенного в документ японского МИД от 4 августа 1941 г. положения о том, что германо-советская война затягивается.

Из стенограммы 43-го заседания координационного комитета правительства и императорской ставки от 1 августа 1941 г.:

«Повестка обсуждения: “Основные принципы дипломатических переговоров с Советским Союзом”».

Основное содержание обсуждения. Начальник генерального штаба армии доложил об оккупации Французского Индокитая и о направлении войск на север. Затем было изложено содержание документа «Потребности мобилизации ресурсов для проведения войны». Далее министр иностранных дел Тоёда (Тэйдзио) представил документ «Основные принципы дипломатических переговоров с Советским Союзом» и дал общий обзор обстановки. Состоялся некоторый обмен мнениями, однако принятие решения было отложено до следующего заседания.

В ходе обсуждения были высказаны следующие аргументы: империя должна руководствоваться целями, изложенными в Тройственном пакте. Можно сделать поворот на 90 или даже 180 градусов, однако необходимо неуклонно двигаться вперед. Тройственный пакт создает условия для установления нового порядка в Европе и установления японского нового порядка в Восточной Азии. От этого нельзя отказаться. Даже если возникнут внешние препятствия, необходимо придерживаться Тройственного пакта. Представляется невозможным открыто заявить о соблюдении Пакта о нейтралитете или давать твердые обещания на этот счет. Бывший министр иностранных дел Мацуока утверждал, что Пакт о нейтралитете не оказывает влияния на Тройственный пакт. Было бы неверным, отмечали участники совещания, говорить сейчас подобное Советскому Союзу. Общее мнение сводилось к тому, чтобы не принимать позиции Мацуока.

При разъяснении содержания документа «Основные принципы дипломатических переговоров с Советским Союзом» было высказано мнение, что германо-советская война будет длительной. Начальник генерального штаба и военный министр опровергли это, заявив: «Это вовсе не обязательно. Тот факт, что в настоящее время в вооруженной борьбе на германо-советском фронте нет должного продвижения вперед, играет на руку немцам... Весьма вероятно, что война закончится быстрой победой Германии. Советам будет чрезвычайно трудно затягивать войну. Утверждения о том, что германо-советская война затягивается, является поспешным заключением». Военно-морской министр согласился с этим мнением».

Из стенограммы 44-го заседания координационного комитета правительства и императорской ставки от 4 августа 1941 г.:

«Повестка обсуждения: “Основные принципы дипломатических переговоров с Советским Союзом”.

Заместитель министра иностранных дел Ямамото разъяснил точку зрения своего министерства по поводу документа “Основные принципы дипломатических переговоров с Советским Союзом” следующим образом:

“Центральным вопросом является интерпретация нейтралитета. Положения этого соглашения допускают различное их толкование, однако практическая проблема состоит в том, дадим ли мы (открыто) обещание соблюдать нейтралитет или мы согласимся (между собой), что будем сохранять нейтралитет. Мы должны одобрить первое или второе.

Что получится, если мы будем вести переговоры с Советами, исходя из такого подхода? Япония не считает, что существует угроза Восточной Азии”.

Оикава (военно-морской министр). Фактом является то, что в настоящее время Империя имеет два договора — о союзе и о нейтралитете. Это сложная проблема. Нельзя ли вообще не упоминать Пакт о нейтралитете, а в случае переговоров заявить: “Давайте решать те проблемы, которые создают трудности во взаимоотношениях наших двух стран”?

Тодзио (и некоторые другие). Тройственный пакт и Пакт о нейтралитете существуют одновременно. Однако с точки зрения международных отношений Тройственный пакт стоит на первом месте, а Пакт о нейтралитете — на втором. На практике все, что мы должны сделать, это определить, как мы будем подходить к этому вопросу с точки зрения национальной политики.

Было решено, что общая линия будет следующей: можно заявить Советскому Союзу, что, если он будет строго соблюдать Пакт о нейтралитете и не будет создавать угрозу Империи на Дальнем Востоке, мы будем придерживаться Пакта о нейтралитете. Если же Советский Союз не будет соблюдать нейтралитет и не займет дружественной позиции или предоставит свои Приморские области или Камчатку третьей державе, Пакт о нейтралитете не будет иметь силы.

Затем состоялся обмен высказываниями между министром иностранных дел и начальником генерального штаба Сугияма по поводу

сообщений о том, что некоторые части в Маньчжурии изготовились к наступлению. Сугияма отрицал это».

Из стенограммы 45-го заседания координационного комитета правительства и императорской ставки от 6 августа 1941 г.:

«Повестка обсуждения: “О мерах Империи в связи с нынешним состоянием отношений между Японией и Советским Союзом”.

(Резюме: Сначала состоялся общий обмен мнениями. Затем министр иностранных дел доложил о своем разговоре с германским и советским послами. После этого был обсужден и одобрен представленный секциями армии и флота императорской ставки документ “О мерах Империи в связи с нынешним состоянием отношений между Японией и Советским Союзом”).

Министр иностранных дел Тоёда. Вчера я пригласил советского посла и провел с ним беседу на основе первого параграфа документа “Основные принципы дипломатических переговоров с Советским Союзом”. В ответ посол сказал: “У меня были некоторые сомнения по поводу будущего, однако ваше высказывание внесло ясность. Я доложу об этом моему правительству. До сих пор мы следовали пожеланиям Японии и намерены продолжать делать это и в будущем... В любом случае мое правительство и я ценим тот факт, что вы затронули основы вашей внешней политики. Я искренне благодарю вас за откровенные и ясные высказывания”. У меня сложилось впечатление, что он почувствовал облегчение. Я поставил в известность посла Татэкава о содержании этого разговора.

Сегодня, 6 августа, в 9 часов меня посетил посол Германии Отт, который сказал следующее:

Отт. Мне стало известно, что вы говорили с советским послом. О чем был разговор?

Тоёда. Мы говорили о сотрудничестве в вопросах, касающихся наших концессий на Северном Сахалине, чтобы мы могли без помех осуществлять там нашу деятельность...

Отт. Какова будет позиция Японии, если Соединенные Штаты будут направлять оружие Советскому Союзу через Владивосток?

Тоёда. Мы будем вынуждены рассмотреть эту проблему.

Отт. Что вы собираетесь делать с Соединенными Штатами?

Тоёда. Соединенные Штаты возбуждены. Прежде всего, мы попытаемся их успокоить.

Отт. Я слышал, что Япония ведет переговоры о передаче ей районов к востоку от озера Байкал. Что вы можете сказать?

Тоёда. Это неправда».

Из стенограммы 47-го заседания координационного комитета правительства и императорской ставки от 16 августа 1941 г.:

«Из беседы министра иностранных дел Тоёда с германским послом Оттом:

Отт. Я точно не помню, но в одном из посланий бывшего министра иностранных дел Мацуока в Германию было заявлено, что как только Япония почувствует себя готовой, она свергнет коммунистическую систему (в Советском Союзе). Что произошло с этим планом?

Тоёда. Наши нынешние военные приготовления против Советского Союза являются первым шагом на пути к будущим операциям против Советов. Я полагаю, это отвечает духу Тройственного пакта.

Отт. Я считаю ваше заявление о первом шаге на пути к операциям против Советского Союза весьма важным. Я вас хорошо понял».

Итак, главным итогом обсуждения политики в отношении СССР в первой половине августа 1941 г. стали утверждения принципа о первичности для Японии Тройственного пакта и вторичности японо-советского пакта о нейтралитете. Это означало, что в интересах достижения целей Тройственного пакта о разделе мира пактом с СССР можно было пренебречь. Важно было лишь дожидаться решающей победы Германии, после чего нанести удар по Советскому Союзу с востока и захватить его обширные территории.

«СЭНДЗАЙ ИТИГУ» — ОДИН ШАНС В ТЫСЯЧУ ЛЕТ

Хотя политики продолжали ждать «созревания хурмы», военные не желали упускать «золотую возможность» обрушиться совместно с Германией на Советский Союз и сокрушить его. Особое нетерпение проявляло командование Квантунской армии. Её командующий Умэдзу Ёсидзиро передавал в центр: «Благоприятный момент обязательно наступит... Именно сейчас представился редчайший случай, который бывает раз в тысячу лет, для осуществления политики государства в

отношении Советского Союза. Необходимо ухватиться за это... Если будет приказ начать боевые действия, хотелось бы, чтобы руководство операциями было предоставлено Квантунской армии... Еще раз повторяю, что главным является не упустить момент для осуществления политики государства».

Командование Квантунской армии, не желая считаться с реальным положением, требовало от центра немедленного выступления. Начальник штаба Квантунской армии генерал-лейтенант Ёсимото Тэйити убеждал начальника оперативного управления генштаба Танака: «Начало германо-советской войны является ниспосланной нам свыше возможностью разрешить северную проблему. Нужно отбросить теорию “спелой хурмы” и самим создать благоприятный момент... Даже если подготовка недостаточна, выступив этой осенью, можно рассчитывать на успех».

Японское командование считало важным условием вступления в войну против СССР значительное ослабление советских войск на Дальнем Востоке, когда можно будет воевать, не встречая большого сопротивления со стороны Красной Армии. Еще в июне 1941 г. военный министр Тодзио заявил, что Япония выступит тогда, когда «можно будет воевать, не встречая большого сопротивления со стороны русской армии».

В Японии рассчитывали, что в критический для Советского Союза момент войны против Германии советское руководство будет вынуждено перебросить большую часть дислоцированных на востоке страны войск на запад. В этом случае задача японской армии должна была состоять в осуществлении операций против оставшихся регулярных войск и партизан и занятии предназначенных к оккупации советских территорий. Расчет строился на том, что после победы Германии Гитлеру будет трудно «переварить» всю территорию Советского Союза, и он не сможет воспрепятствовать оккупации Японией советского Дальнего Востока и Восточной Сибири даже в случае, если японская оккупация произойдет после поражения Красной Армии на западе.

По замыслу японского генерального штаба, военные действия против СССР должны были начаться при условии сокращения советских дивизий на Дальнем Востоке и в Сибири с 30 до 15, а авиации, бронетанковых, артиллерийских и других частей — на две трети. Считалось, что в результате укомплектования японских дивизий в

Маньчжурии и Корею по штатам военного времени и придания им многочисленных частей и подразделений непосредственного подчинения мощь японской дивизии будет на 25 % превосходить силу советской дивизии. Отсюда делался вывод, что, например, 11 японских дивизий будут соответствовать 15 советским дивизиям, а намеченные для войны с СССР 24 дивизии будут более чем вдвое превосходить мощь оставшейся советской группировки войск.

Однако масштабы переброски советских войск в европейскую часть СССР летом 1941 г. не оправдывали ожидания японского командования. По данным разведуправления японского генштаба от 12 июля 1941 г., за три недели после начала германо-советской войны с Дальнего Востока на запад было переброшено лишь 17 % советских дивизий, а механизированных частей — около одной трети. При этом японская военная разведка сообщала, что взамен убывающих войск Красная Армия восполняется за счет призыва среди местного населения. Обращалось особое внимание на то, что перебрасываются на запад в основном войска Забайкальского военного округа, а на восточном и северном направлениях группировка советских войск практически остается прежней.

Это не позволяло японскому командованию рассчитывать на успех наступления силами лишь 24 дивизий. Поэтому на заседаниях руководства генштаба и военного министерства обсуждался вопрос о выделении для войны с СССР дополнительного числа дивизий. 16 июля 1941 г. японский генштаб заявил, что, «даже если переброска советской дальневосточной армии не будет осуществлена в запланированные сроки, наступление на СССР должно быть начато». Перед войсками была поставлена задача находиться в полной боевой готовности для начала наступления в любой момент. При этом намечалось дальнейшее наращивание войск в Маньчжурии и Корею. Активно обсуждался вопрос об использовании в войне с СССР 30 дивизий общей численностью 1 200 тысяч человек.

В 1941 г. в японских сухопутных силах была 51 дивизия, из которых 27 вели боевые действия в Китае. По новому плану в случае войны с Советским Союзом предусматривалась переброска 6 дивизий с китайского фронта. Этому решительно воспротивилось командование экспедиционной армии в Китае. Ее командующий генерал Хата Сюнроку заявил, что такое сокращение войск на японо-китайском

фронте весьма рискованно и неизбежно приведет к дальнейшему затягиванию войны в Китае. В конце концов центру с этим пришлось согласиться, ибо и без того за годы войны японские войска в Китае были весьма ослаблены. 31 июля от плана использования против СССР 30 дивизий отказались в расчете на то, что рано или поздно советское руководство все же вынуждено будет приступить к масштабной переброске оставшихся на востоке войск на запад.

Сдерживающее воздействие на решение о начале войны оказывало сохранение на Дальнем Востоке большого количества советской военной авиации. К середине июля японский генеральный штаб имел сведения о том, что на запад переброшено лишь 30 советских авиационных эскадрилий. Особое беспокойство вызывало наличие в восточных районах СССР значительного числа самолетов бомбардировочной авиации. Считалось, что в случае нападения Японии на Советский Союз создавалась реальная опасность массированных авиационных бомбовых ударов по городам Японии. Генеральный штаб располагал разведанными о наличии в 1941 г. на советском Дальнем Востоке 60 тяжелых бомбардировщиков, 80 бомбардировщиков дальнего действия, 330 легких бомбардировщиков, 450 истребителей, 60 штурмовиков и 200 самолетов морской авиации. В докладе начальника отдела императорской ставки по проблемам обороны метрополии от 26 июля указывалось: «В случае войны с СССР в результате нескольких бомбовых ударов, в ночное время — десятью, а в дневное — двадцатью-тридцатью самолетами Токио может быть превращен в пепелище».

Японское командование не могло не учитывать и советский опыт материального снабжения войск. Начальник оперативного управления генштаба Танака заявил на Токийском процессе: «Исходя из того факта, что в русско-финляндскую войну зимой 1939 г. русская армия проводила операции, поддерживая линию коммуникаций протяженностью более 200 км при температуре 50 градусов ниже нуля, а также исходя из эффективности русского снабжения во время номонханского инцидента, нельзя было недооценивать способности армии Советского Союза снабжать операции».

Советские войска на Дальнем Востоке и в Сибири оставались грозной силой, способной дать решительный отпор японским войскам. Японское командование помнило сокрушительное поражение

на Халхин-Голе, когда императорская армия на собственном опыте испытала военную мощь Советского Союза. Германский посол в Токио Отт доносил Риббентропу, что на решение Японии о вступлении в войну против СССР оказывают влияние «воспоминания о номонханских событиях, которые до сих пор живы в памяти Квантунской армии».

В Токио понимали, что одно дело нанести удар в спину терпящему поражение противнику и совсем другое — вступить в сражение с подготовленной к современной войне регулярной армией такого мощного государства, как Советский Союз. Оценивая группировку советских войск на Дальнем Востоке, газета «Хоти» подчеркивала в номере от 29 сентября 1941 г.: «Эти войска остаются совершенно безупречными как в смысле обеспечения их новейшим вооружением, так и в смысле великолепной подготовки». 4 сентября 1941 г. другая газета, «Мияко», писала: «Дело еще не дошло до фатального удара по армии Советского Союза. Поэтому нельзя считать безосновательным вывод о том, что Советский Союз — силен».

Обещание Гитлера захватить Москву с задержкой лишь на три недели осталось невыполненным, что не позволяло японскому руководству начать в запланированные сроки военные действия против Советского Союза. Накануне намеченной даты начала войны, 28 августа в «Секретный дневник войны» была внесена полная пессимизма запись: «Даже Гитлер ошибается в оценке Советского Союза. Поэтому что уж говорить о нашем разведуправлении. Война Германии продолжится до конца года... Каково же будущее империи? Перспективы мрачные. Поистине будущее не угадаешь...»

Красная Армия, хотя и несла большие потери, не была разгромлена. Руководство страны в кратчайший срок сумело осуществить перевод народного хозяйства на военные рельсы, передислоцировать индустриальную базу страны в тыл, наладить производство большого количества боевой техники и вооружения, прежде всего танков и самолетов. Важное значение имело развертывание на захваченных гитлеровской армией территориях широкого партизанского движения. На фронтах и в тылу советский народ демонстрировал твердую решимость вести борьбу до победы.

К началу сентября высшее военно-политическое руководство Японии пришло к выводу о невозможности быстрой и эффективной

Японская интервенция на Дальнем Востоке и в Сибири, 1918—1922 гг.

Захват Японией Маньчжурии, 1931 г.

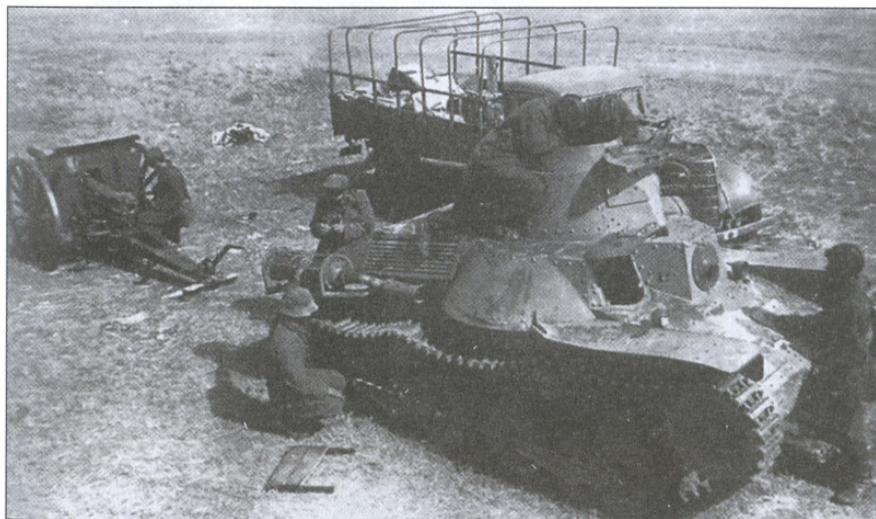
Подписание Антикоминтерновского пакта, 1936 г.

Смотр японских войск в Нанкине, 1937 г.

*Советские пограничники штурмуют сопку Заозерная.
Конфликт у озера Хасан, 1938 г.*

*Красноармейцы изучают трофейную японскую технику,
захваченную во время боев у Халхин-Гола, 1939 г.*

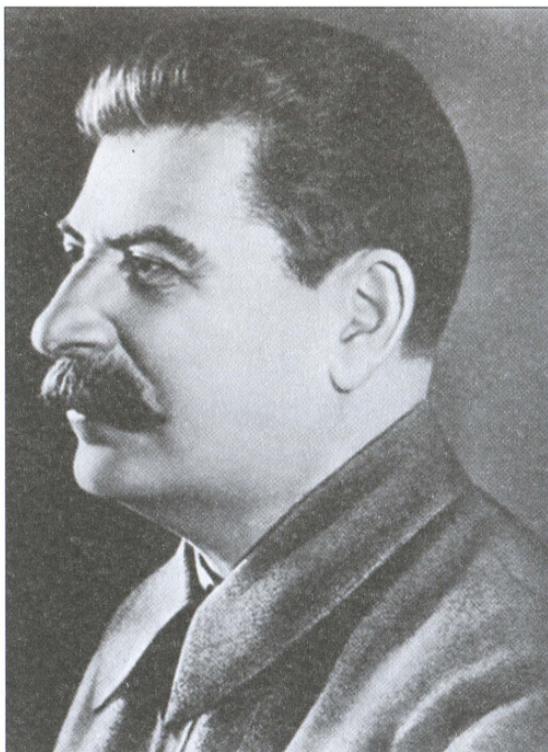

Подписание советско-германского пакта о ненападении, 1939 г.

Подписание советско-японского пакта о нейтралитете, 1941 г.

И.В. Сталин

В.М. Молотов

*Генералиссимус
Чан Кай Ши*

Мао Цзедун

Уинстон Черчилль

Франклин Рузвельт

Г.К. Жуков

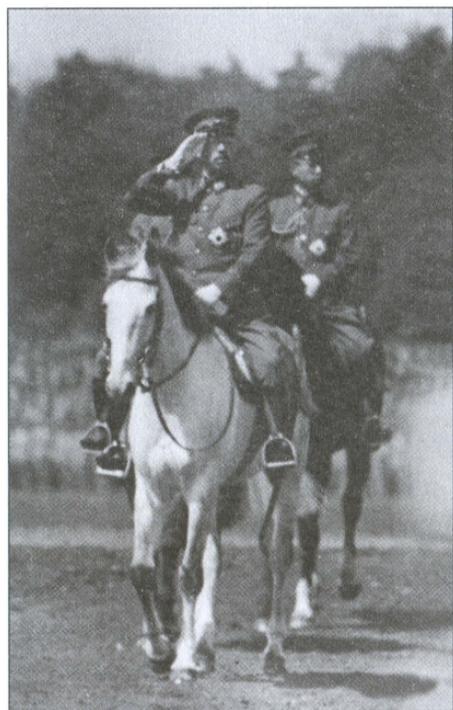
Пухард Зорзе

Мацуока Ёсукэ

*Премьер-министр Японии
Коноэ Фумимаро*

*Сиро Исии —
японский микробиолог
и военный преступник,
создатель отряда № 731*

Император Хирохито

*Премьер-министр Японии
Хирота Хиротакэ*

*Министр иностранных дел Японии
Тоёда Тэйдзиро*

*Премьер министр Японии
Абэ Нобуюки*

*Премьер-министр Японии
Тодзио Хидэки*

*Военный министр Японии
Араки Садао*

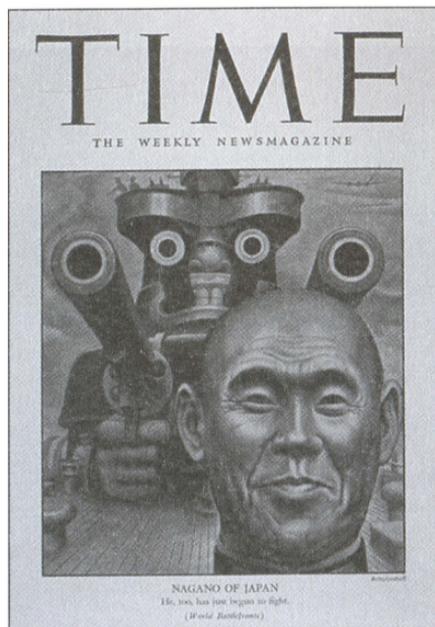
*Военно-морской министр
Оикава Косиро*

*Начальник Генерального штаба армии
Сугияма Хадзимэ*

*Министр внутренних дел
Хиранума Киитиро*

*Начальник Главного морского штаба
Нагано Осами*

*Посол Германии в Японии
Ойген Отт*

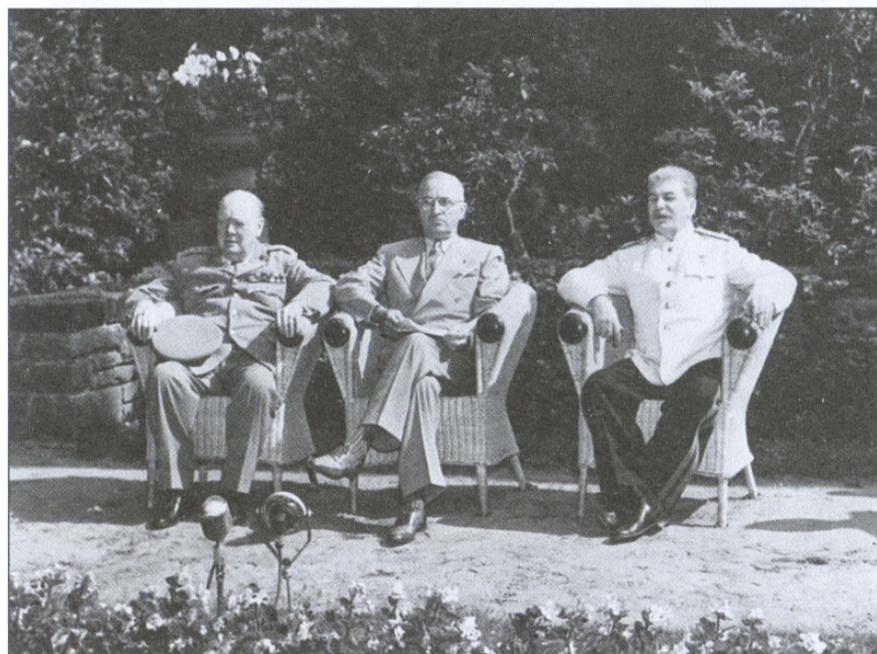
*Командующий Квантунской армией
Умэдзу Ёсидзиро*

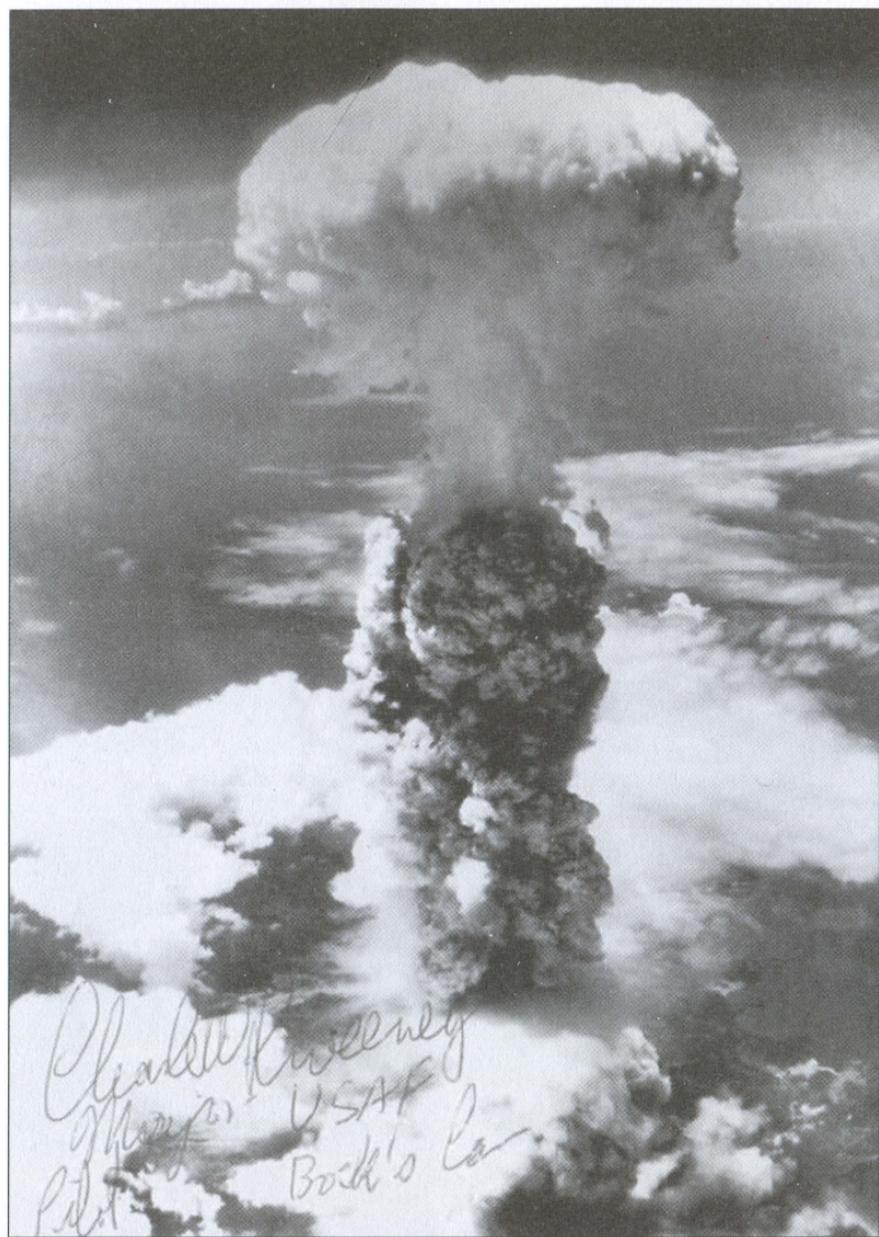
Принц Асака

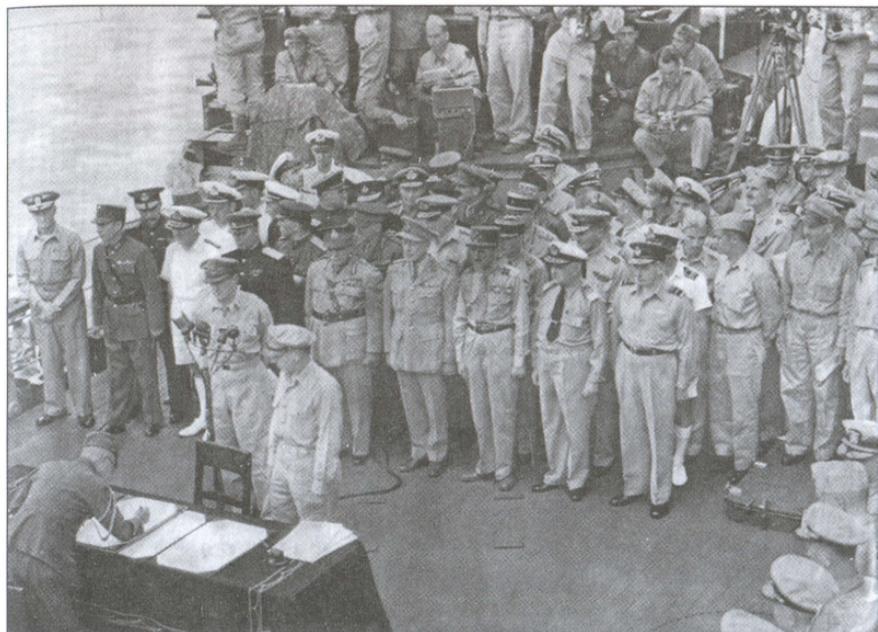
Ялтинская конференция, 1945 г.

Потсдамская конференция, 1945 г.

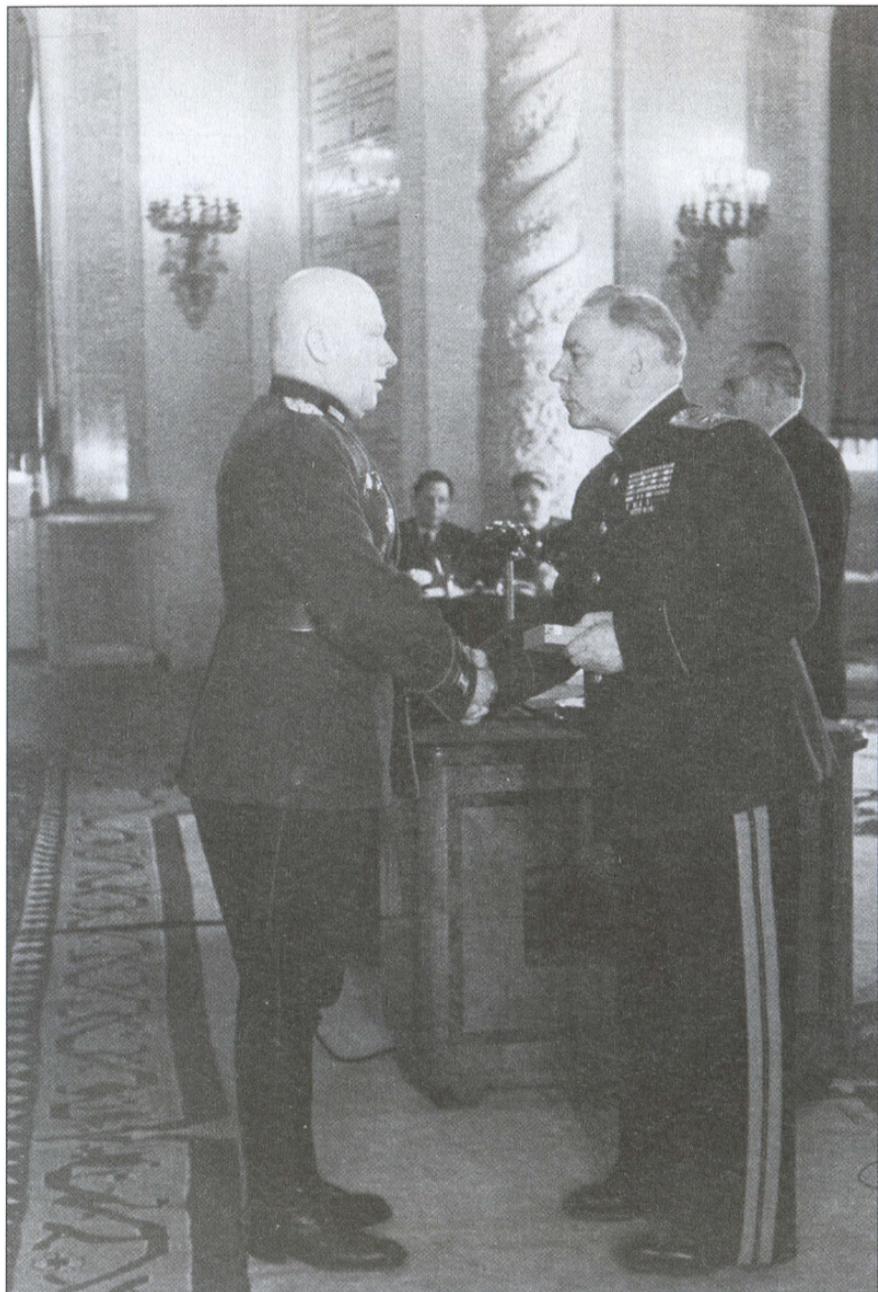
Атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки

*Подписание акта о капитуляции милитаристской Японии,
2 сентября 1945 г.*

Токийский процесс над главными японскими военными преступниками

Вручение в Кремле Маршалом Советского Союза К.Е. Ворошиловым ордена Ленина деду автора этой книги И.Т. Ушакову

войны против СССР в течение 1941 г. Имея опыт интервенции против Советской России в 1918—1922 гг., когда неподготовленные к ведению войны, особенно в сложных условиях сибирской зимы, японские войска несли большие потери и не могли проводить крупные наступательные операции, командование японской армии во всех планах и вооруженных провокациях исходило из необходимости избегать военных действий против СССР зимой. Начальник генерального штаба Сугияма признавал, что «военные операции крупного масштаба на севере в условиях зимы очень затруднительны». В сентябре 1941 г. посол Японии в Берлине Осима разъяснял гитлеровскому руководству, которое все более настойчиво требовало начать войну Японии против СССР: «В это время года (имелись в виду осень и зима) военные действия против Советского Союза можно предпринять лишь в небольших масштабах. Вероятно, будет не слишком трудно занять северную (русскую) часть острова Сахалин. Ввиду того, что советские войска понесли большие потери в боях с немецкими войсками, их, вероятно, также можно оттеснить от границы. Однако нападение на Владивосток, а также любое продвижение в направлении озера Байкал в это время года невозможно, и придется из-за сложившихся обстоятельств отложить это до весны». С этим соглашался и германский посол в Токио, который сообщал в Берлин: «Красная Армия на Дальнем Востоке по-прежнему сохраняет высокую боеспособность, поэтому нельзя ожидать начала военных действий Японии раньше весны. Упорство, которое проявляет Советский Союз в борьбе с Германией, показывает, что даже нападением Японии в августе или сентябре нельзя открыть дорогу в Сибирь в этом году».

Так как «день X» — 29 августа — прошел, а решение о нападении на СССР так и не было принято, стало необходимо внести коррективы в военные планы Японии.

Из стенограммы 50-го заседания координационного комитета правительства и императорской ставки от 3 сентября 1941 г.:

«Повестка обсуждения “Программа осуществления государственной политики Империи”».

Сугияма. Мы не можем развернуть крупномасштабные операции на севере до февраля. Для того чтобы действовать на севере, мы должны быстро провести операции на юге. Даже если мы вы-

ступим немедленно, сейчас, операции продлятся до весны следующего года. Но мы задерживаемся. И поэтому не сможем действовать на севере».

Из стенограммы императорского совещания 6 сентября 1941 г.:

«Повестка обсуждения “Программа осуществления государственной политики Империи”».

Текст документа.

Принимая во внимание чрезвычайно напряженную обстановку, сложившуюся в настоящее время, и в особенности действия, предпринятые в отношении Японии США, Великобританией, Голландией и другими государствами, а также положение Советского Союза, степень возможного использования государственной мощи Империи, мы осуществим предусмотренный “Основными принципами политики Империи в связи с изменением обстановки” курс:

1. В целях обеспечения самообороны и самосохранения наша Империя исполнена решимости при необходимости вступить в войну с Соединенными Штатами, Великобританией и Голландией, завершив подготовку к войне ориентировочно к последней декаде октября.

2. Одновременно наша Империя будет предпринимать в отношении Соединенных Штатов и Великобритании всевозможные дипломатические шаги, стремясь достичь наших целей...

3. В случае отсутствия перспектив удовлетворения наших требований к первой декаде октября дипломатическими средствами мы примем незамедлительное решение о начале боевых действий против Соединенных Штатов, Великобритании и Голландии.

Другие политические мероприятия, выходящие за рамки проблемы движения на юг, будут осуществляться на основе принятой национальной политики. Будут прилагаться особые усилия для предотвращения создания Соединенными Штатами и Советским Союзом объединенного фронта против Японии.

Из выступления начальника главного морского штаба Нагано. Количество важнейших военных материалов, включая нефть, сокращается с каждым днем. Это неизбежно ослабляет нашу национальную оборону и может привести к тому, что при сохранении нынешней ситуации возможность Империи вести активные действия будет уменьшаться день ото дня. В то же время оборона военных объектов аме-

риканцев и англичан, важных районов на Дальнем Востоке, а также военная подготовка этих стран, особенно США, быстрыми темпами усиливаются. Во второй половине следующего года военные приготовления США значительно продвинутся вперед, и нам будет трудно совладать с ними. Поэтому необходимо признать, что для нашей Империи весьма опасно продолжение бездействия, мы с каждым днем упускаем время...

Военно-морские силы, которые Великобритания сможет направить на Дальний Восток, из-за нынешней войны в Европе будут ограниченными. Отсюда следует, что в случае столкновения с американским флотом, учитывая роль авиации и другие факторы, можно быть в большей степени уверенными в нашей победе...

Из выступления Сугияма. По поводу северной проблемы. Я считаю, что пока мы будем вести боевые действия на юге, этот вопрос не должен нас беспокоить. Тем более что с началом германо-советской войны мы усилили нашу подготовку к возможной войне с Советским Союзом и готовы к любым неожиданностям.

В будущем возможно создание коалиции между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Однако в наступающий зимний период крупномасштабные военные операции (на севере) очень затруднительны из-за погодных условий. Даже если Соединенные Штаты и Советский Союз объединят усилия и используют часть своей авиации и подводных лодок, в это время года их боевые возможности будут невелики. Поэтому, если мы воспользуемся зимним периодом и быстро завершим наши военные операции на юге, я считаю, мы сможем в готовности встретить любые изменения на севере, которые могут произойти весной следующего года или в последующий период. С другой стороны, упустив возможности, которые нам предоставляет зимний период, мы не сможем в ходе наших операций на юге обеспечить безопасность на севере.

Наконец, есть еще один вопрос, который я хотел бы особо подчеркнуть. Если мы признаем необходимым начать войну на юге, наша Империя должна немедленно сообщить о своих намерениях Германии и Италии, с тем чтобы иметь соглашение с ними до начала войны и быть уверенными, что Япония, Германия и Италия смогут сотрудничать в достижении общих целей войны. В любом случае мы не должны допустить, чтобы Германия и Италия заключили односто-

ронный мир с Соединенными Штатами и Великобританией. Я считаю это особо важным для ведения войны».

Вслед за одобрением императорским совещанием вышеизложенной программы действий 9 августа 1941 г. был принят документ верховного командования сухопутных сил «Программа операций императорской армии», которым предусматривалось:

- имея в Маньчжурии и Корее 16 дивизий, быть в готовности выступить против СССР;
- продолжать проведение операций в Китае;
- завершить к концу ноября подготовку к войне на юге.

Это был совершенно секретный документ, о содержании которого знал строго ограниченный круг японских руководителей, а именно военный министр, заместитель военного министра, начальник управления по делам армии военного министерства, а также начальник генерального штаба и начальник оперативного управления генштаба. Когда через месяц это решение было официально утверждено на императорском совещании, начальник генерального штаба Сугияма отдал следующее распоряжение: «Отменяется лишь выступление (против СССР) в нынешнем году. Ранней весной следующего года после завершения наступления на юге возможно нанесение удара на севере. Не следует болтать об отмене плана. Надо держать это в секрете. Об этом должны знать лишь немногие в министерствах армии и флота».

Одной из причин такого распоряжения было стремление не допустить ослабления подготовки к нападению на СССР. Демонстрация готовности Японии нанести удар на севере в любой момент должна была быть использована в дипломатических контактах с Москвой с целью добиваться от нее серьезных политических и территориальных уступок. Неохотно соглашаясь с отсрочкой нападения, командование Квантунской армии настаивало, чтобы дипломатические переговоры с СССР велись решительно, японские требования тесно увязывались с обстановкой на германо-советском фронте и выдвигались не по частям, а в полном объеме.

Несмотря на повышенную степень секретности принятых решений, резидент советской разведки Рихард Зорге своевременно добыл благодаря своим японским помощникам эту стратегически чрезвычайно важную для советского руководства информацию. 14 сентября он сообщил в Москву: «По данным источника Инвеста, японское

правительство решило в текущем году не выступать против СССР, однако вооруженные силы будут оставлены в МЧГ (Маньчжоу-Го) на случай выступления весной будущего года в случае поражения СССР к тому времени».

Итак, подготовленное японское нападение на СССР не состоялось летом 1941 г. не в результате соблюдения Японией пакта о нейтралитете, а вследствие провала германского плана «молниеносной войны» и сохранения надежной обороноспособности в восточных районах страны.

ЗИМОЙ — НА ЮГ, ВЕСНОЙ — НА СЕВЕР

Принятое 6 сентября 1941 г. на императорском совещании решение не означало отказа от плана «Кантокуэн», а лишь отодвигало срок его осуществления. Решением предусматривалось, что «в случае выгодного для нашей Империи развития германо-советской войны... северный вопрос будет решен вооруженным путем в ходе или даже до использования силы на юге». Японское командование продолжало внимательно анализировать изменения в группировке советских войск на Дальнем Востоке и в Сибири. 12 сентября Сугияма докладывал императору: «Пока особого ослабления не отмечается, напротив, в ряде районов наблюдается усиление военной подготовки». 26 сентября начальник разведуправления генштаба Окамото Кёфуку был вынужден доложить высшему японскому командованию: «Германский план провести решающее сражение в короткие сроки полностью провалился». При этом он на конкретных цифрах показал, что СССР имеет достаточно сил и боевой техники для продолжения войны.

Было еще одно обстоятельство, заставлявшее японские правящие круги не торопиться с началом наступления против СССР. Готовясь к расширению войны в Восточной Азии и на Тихом океане, японские руководители с беспокойством следили за ходом формирования летом 1941 г. коалиции трех держав — СССР, США и Великобритании, которые, несмотря на существовавшие противоречия, преследовали общие цели борьбы с блоком агрессивных государств. Перед японской дипломатией была поставлена задача по возможности воспрепятствовать созданию такого союза, ибо он затруднял осуществление японской вооруженной экспансии как на северном, так и на южном

направлениях. Японский министр иностранных дел Тоёда убеждал советских дипломатов в Токио в том, что Япония будет строго соблюдать пакт о нейтралитете, если правительство СССР воздержится от каких-либо соглашений с третьими странами. При этом министр на встречах с советским послом Сметаниным без стеснения лгал, заявляя, будто «военные приготовления в Маньчжурии не направлены против СССР».

Подлинные расчеты и намерения японского высшего военно-политического руководства вскрывает документ «Справочные материалы, подготовленные кабинетом министров, военным министерством и министерством военно-морского флота, для ответов на возможные вопросы в ходе императорского совещания 6 сентября 1941 г.». Ниже приводится полный текст этого раскрывающего японскую стратегию документа.

«Является ли война с Великобританией и Соединенными Штатами неизбежной?

План мероприятий нашей Империи по установлению нового порядка в Восточной Азии, центральную проблему которого составляет разрешение китайского инцидента, является твердой политикой, основанной на национальном принципе “Хакко ити у”. (Дословно: восемь углов под одной крышей. Этот древний синтоистский принцип использовался японскими милитаристскими властями в качестве идеологического постулата, обосновывавшего планы достижения господства японской нации над всем миром. — А.К.).

Создание нового порядка будет продолжаться вечно, пока существует наше государство.

Однако становится очевидным, что политика Соединенных Штатов в отношении Японии основывается на стремлении сохранить нынешнее положение. Преследуя цель господства в мире и защиты демократии, США намерены не допустить подъема и развития нашей Империи в Восточной Азии. В этих условиях необходимо признать, что политика Японии и политика Соединенных Штатов несовместимы. Исторически неизбежный конфликт между двумя государствами, который в зависимости от ситуации может достигать напряжения или быть умеренным, в конечном итоге приведет к войне.

Нет необходимости повторять, что до тех пор, пока Соединенные Штаты не изменят своей политики в отношении Японии, наша Им-

перия будет находиться в отчаянном положении, которое в конечном счете вынудит нас к крайнему шагу, а именно к войне в целях самозащиты и сохранения нации. Даже если мы пойдем на уступки Соединенным Штатам, отказавшись частично от нашей национальной политики для достижения временного мира, США по мере усиления их военной мощи, безусловно, будут требовать от нас все больше и больше уступок. В конечном результате наша Империя будет повержена и брошена к ногам Соединенных Штатов.

Каковы цели войны против Соединенных Штатов, Великобритании и Голландии?

Цели войны с Соединенными Штатами, Великобританией и Голландией состоят в устранении влияния этих трех государств в Восточной Азии, образовании сферы для самообороны и самосохранения нашей Империи и установлении нового порядка в Великой Восточной Азии. Другими словами, мы стремимся установить тесные и неразрывные отношения в военной, политической и экономической областях между нашей Империей и странами южного региона, добиться самообороны и самосохранения нашей Империи и одновременно создать новый порядок сосуществования и процветания Великой Восточной Азии. Следовательно, мы должны решительно изгнать враждебные нам государства — Соединенные Штаты, Великобританию и Голландию, которые мешают достижению вышеуказанных целей.

Каковы перспективы войны с Соединенными Штатами и Великобританией, в частности, как мы завершим войну?

Война с Соединенными Штатами и Великобританией будет продолжительной и превратится в войну на выживание. Очень трудно предсказать, как она будет завершена, но почти невозможно предположить, что Соединенные Штаты капитулируют. Однако мы не можем исключать возможность того, что война может закончиться в результате блестящих успехов наших военных операций на юге и капитуляции Великобритании, следствием чего явятся и большие перемены в общественном мнении США. В любом случае мы должны обеспечить несокрушимые позиции. Для этого необходимо добиться стратегического превосходства, оккупировав важные районы на юге, создать экономику, позволяющую в течение длительного времени гарантировать самообеспечение. Все это потребует эксплуатации

богатых природных ресурсов южного региона и использования экономической мощи Восточной Азии. Важным фактором служит также установление связи между Азией и Европой при разгроме англо-американской коалиции совместными усилиями Японии, Германии и Италии. К этому времени мы уже сможем влиять на события и привести войну к ее победному завершению.

Почему мы определили последнюю декаду октября как ориентировочный срок завершения военных приготовлений?

Нет необходимости говорить, что в настоящее время нефть является слабым местом нашей государственной и военной мощи. Сейчас мы постепенно расходуем нефть, которая была накоплена. Если такое положение будет продолжаться, мы сможем обеспечить самоснабжение максимум в течение двух лет. Этот период будет сокращен, если мы предпримем крупномасштабные военные операции. Со временем наши возможности продолжать войну будут уменьшаться, и Империя станет бессильной в военном отношении.

С другой стороны, флот и авиация Соединенных Штатов значительно усилятся и, с точки зрения обороны США, Великобритания и Голландия будут последовательно увеличивать свою мощь на юге. Следовательно, уходящее время будет не только создавать для нас новые трудности в проведении военных операций, но также означать усиление подготовки к войне военно-морского флота США. Это приведет к достижению его превосходства над военно-морской мощью нашей Империи к осени следующего года. В результате мы будем вынуждены капитулировать перед Соединенными Штатами и Великобританией без боя.

С точки зрения погодных условий как для Японии, так и для ее противников будет очень трудно в условиях зимы предпринять крупномасштабные операции на севере. Следовательно, необходимо всемерно подготовиться к войне в максимально короткие сроки, чтобы можно было быстро завершить основные операции на юге в течение зимы и обеспечить свободу военных действий на севере в конце весны следующего года.

Если мы немедленно начнем подготовку к войне, мы сможем в последней декаде октября завершить мобилизацию, реквизировать и оснастить суда и развернуть вооруженные силы на основных стратегических направлениях.

Как мы сможем предотвратить совместные действия Соединенных Штатов и Советского Союза?

По этому поводу не может быть удовлетворительного ответа до тех пор, пока мы не решимся на войну с Соединенными Штатами и Советским Союзом. Мы уже обратились к Советскому Союзу и Соединенным Штатам с требованием прекратить поток помощи СССР через советский Дальний Восток, но безрезультатно.

Каковы перспективы германо-советской войны и ожидаемых операций германской армии?

Существует большая вероятность того, что германская армия разгромит основные полевые армии Советского Союза к концу октября или началу ноября и оккупирует важные районы европейской территории Советского Союза. Часть мощных германских вооруженных сил будет завершать разгром поверженной советской армии. Затем (Германия) начнет операции на Кавказе, Ближнем Востоке и в Северной Африке. Исходя из этого, мы оцениваем ситуацию следующим образом.

Ожидается, что линия фронта этой осенью будет проходить от Белого моря, через западные окраины Москвы до Донецкого бассейна. К этому времени после завершения наступления в европейской части Советского Союза будет начата операция на Кавказе, которая рано или поздно будет продолжена на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Что касается операций против Великобритании, то будут усилены воздушные налеты на ее территорию в связи с передислокацией военно-воздушных сил, которые сейчас используются в войне против Советского Союза. Будут также активизированы военные действия с целью нарушения торговли (Великобритании с другими странами). Однако вторжение на Британские острова будет отложено до весны или лета будущего года, на период после завершения военных действий на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

Каковы должны быть наши отношения с Германией и Италией для проведения войны с Соединенными Штатами и Великобританией?

Поскольку, по всей вероятности, война будет развиваться по указанной выше схеме, наша Империя, естественно, должна быть готова к ее проведению, полагаясь лишь на собственную мощь. Но союз с Германией и Италией важно сохранить сильным и прочным. Следовательно, необходимо достичь с Германией и Италией соглашения

о том, чтобы они не заключали одностороннего мирного договора с Соединенными Штатами и Великобританией. Япония, Германия и Италия должны совместными усилиями поставить Великобританию на колени. В то же время мы должны позаботиться о том, чтобы исключить возможность отказа от проведения операций на юге лишь потому, что это может показаться нежелательным для Германии и Италии.

Как мы должны относиться к северу в связи с осуществлением нашей политики на юге?

Пока мы будем заняты на юге, необходимо предпринять на севере все от нас зависящее, чтобы предотвратить войну на два фронта. В особенности мы должны предотвратить образование Соединенными Штатами и Советским Союзом объединенного фронта против Японии. В результате использования силы на юге наша Империя должна рассматривать сотрудничество США и СССР как дело вполне естественное. Однако такое сотрудничество в военном отношении в зимнее время затруднительно по причине погодных условий.

Вместе с тем, если развитие германо-советской войны будет выгодным для нашей Империи или угроза с севера в результате сотрудничества США и СССР станет весьма серьезной, а также если Советский Союз начнет против нас наступательные действия, а мы не должны допустить этого с точки зрения нашей национальной обороны, возможно, мы применим военную силу для разрешения северной проблемы в ходе или даже до использования силы на юге.

Существует ли возможность столь выгодного для нас развития германо-советской войны, чтобы мы могли использовать военную силу на севере в этом году?

Можно считать, что обстановка, вне всякого сомнения, со временем станет более благоприятной. Однако мы пришли к заключению, что благоприятная ситуация, на которую мы рассчитываем, едва ли сложится до середины зимы.

Почти не вызывает сомнения, что Германия захватит большую часть европейской территории России и что сталинское правительство будет эвакуировано на Урал и за него. Но сталинский режим, вероятно, сразу же не развалится. Хотя в настоящее время обстановка в дальневосточных районах Советского Союза в целом угнетающая, признаков беспорядков нет. Потребуется определенное время, чтобы

влияние поражения в европейской части России распространилось на Дальний Восток и здесь сложилась неустойчивая и близкая к изменениям ситуация.

В то же время к середине зимы для Советского Союза наступит самое опасное время. Нехватка продовольствия и нефти, введение на них ограничений могут резко изменить положение. Очевидно, что, потеряв европейскую территорию России, сталинский режим будет слабеть, утрачивать свою способность вести войну. Поэтому, вне всякого сомнения, рано или поздно обстановка станет благоприятной для нашей Империи. Мы считаем, что это произойдет во второй половине предстоящей зимы.

Однако представляется затруднительным проведение операций в условиях суровой зимы, даже если перед нами откроются хорошие перспективы. Поэтому вооруженные силы будут использованы (на севере) в конце зимы, в начале следующего года».

Как свидетельствуют японские документы, решение о первоначальном выступлении на юге отнюдь не означало отказа от плана нападения на СССР. Японское руководство по-прежнему исходило из стремления добиться своих целей как в борьбе за колониальные владения на юге, так и за счет Советского Союза. С точки зрения стратегических целей и экономических интересов правящие круги Японии считали захваты на севере и на юге в равной степени необходимыми для утверждения своего господства в Восточной Азии и на Тихом океане. На заседании координационного комитета правительства и императорской ставки 26 июня 1941 г. начальник генерального штаба Сугияма и его заместитель Цукада предельно четко высказались по этому поводу, заявив: «север и юг не подразделяются по важности». В японской прессе также подчеркивалось, что «движение на юг и движение на север составляют одно неразрывное целое».

Вооруженное выступление на юге тесно увязывалось с планами последующей агрессии против СССР. Готовясь к войне, японское военно-политическое руководство считало необходимым обеспечить империю запасами горючего, в первую очередь нефтью, а также другим стратегическим сырьем. Начальник отдела ставки полковник Цудзи Масанобу писал после войны: «В начале августа в военном министерстве пришли к выводу о том, что в случае операций против Советского Союза в течение полугода-года будут израсходованы все

запасы нефти... Поэтому, что касается нефти, то, кроме движения на юг, выхода не было». Ведь только в Голландской Индии ежегодно добывалось около 8 млн т нефти, что в 20 раз превышало добычу нефти в Японии. Быстрая оккупация и длительное удержание богатых сырьем территорий на юге рассматривались японским командованием как залог успеха Японии в мировой войне.

Существенной причиной решения о первоначальном нанесении удара на юге было и то, что войну против США и Великобритании предусматривалось провести в основном силами военно-морского флота, который к 1941 г. был значительно усилен. Подготовленный к действиям на юге японский императорский флот состоял из 230 боевых кораблей основных классов, в том числе 10 линкоров, 10 авианосцев, 38 крейсеров, 112 эсминцев, 65 подводных лодок. США же имели на Тихом океане 172 боевых корабля (9 линкоров, 3 авианосца, 24 крейсера, 80 эсминцев, 56 подводных лодок).

В конце июля 1941 г. военный министр Тодзио заявил, что за годы войны в Китае флот потерял 10 % своего состава, в то время как потери армии составили 40 %. Выступление на юге, по замыслам японского командования, можно было провести, не ослабляя нацеленной на Советский Союз группировки войск. Для войны на юге выделялось лишь 10 пехотных дивизий.

Учитывалось также, что сложившаяся осенью 1941 г. обстановка позволяла рассчитывать на успех войны с западными державами. Хотя в целом вооруженные силы США, Великобритании и Голландии обладали значительной мощностью, они не были подготовлены к организованному отпору Японии. Состоявшие в основном из колониальных войск вооруженные силы западных держав в Восточной Азии и на Тихом океане не имели единого командования, были разбросаны, придерживались сугубо оборонительной стратегии. Так, например, оперативный план Тихоокеанского флота США, утвержденный 21 июля 1941 г., не предусматривал серьезных сражений с японским флотом, исходя из неизбежности японо-советской войны. В представленном японскому командованию 30 июля 1941 г. специальной исследовательской группой «Часть 82» предварительном плане войны на юге вскрывалась слабость обороны Малайи, серьезные недостатки в позиции США на Филиппинах и незначительные возможности сопротивления в голландской Восточной Индии.

18 октября 1941 г. к власти в Японии пришел кабинет генерала Тодзио, который твердо взял курс на войну с США и Великобританией, готовясь при этом и к нападению на СССР в «удобный момент». Отличавшийся враждебностью к СССР Тодзио продолжал надеяться на реализацию выдвинутой им теории «спелой хурмы» на севере.

5 ноября императорское совещание приняло документ «Принципы осуществления государственной политики Империи», в котором «в целях построения нового порядка в Великой Восточной Азии» закреплялось решение о начале войны против США, Великобритании и Голландии. В главном пункте документа предписывалось «начать военные действия в начале декабря; к этому времени армии и военно-морскому флоту полностью закончить приготовления к развертыванию операций».

Накануне императорского совещания, выступая на заседании Высшего военного совета Японии, начальник генерального штаба Сугияма особо подчеркивал: «Мероприятия против СССР и стратегия в китайском вопросе должны оставаться прежними... Жизненно необходимо закончить как можно скорее операции на юге и подготовиться на случай каких-либо событий на севере». Он заверял императора в том, что «операции в южной части Тихого океана будут проведены в течение трех месяцев».

После завершения подготовки 15 ноября императорская ставка и правительство Японии приняли документ «Основные принципы ведения войны против США, Великобритании и Голландии». В нем были определены цели войны, районы захвата территорий, формы оккупационного режима, методы ведения психологической и экономической войны и т.д. Вслед за этим началось развертывание ударных сил японского флота. 26 ноября 1941 г. при соблюдении строжайших мер скрытности авианосное соединение японского императорского флота взяло курс на Пёрл-Харбор (Гавайские острова). 30 ноября император Хирохито отдал секретный приказ о начале войны.

7 декабря (8 декабря по токийскому времени) 1941 г. японские флот и армия, напав на основные базы США и Великобритании, развернули широкие военные действия на Тихом океане и в Восточной Азии.

8 декабря в Японии был опубликован императорский эдикт об объявлении войны Соединенным Штатам и Великобритании. В нем

провозглашалось: «Мы, Император Японии, восседающий по воле неба на престоле, занимаемом единой династией с незапамятных времен, сим объявляем всем нашим верным и храбрым подданным: мы объявляем войну Соединенным Штатам Америки и Британской Империи». В эдикте в качестве обоснования начала войны выдвигался разрыв США и Великобританией экономических отношений с Японией, что, как указывалось, создало «серьезную угрозу самому существованию нашей Империи». Представляя развязанную войну как «самооборону», император заявлял, что у империи «нет другого выхода, как прибегнуть к оружию и уничтожить все препятствия, стоящие на ее пути».

В действительности же межимпериалистическая война была начата японскими правящими кругами в стремлении не упустить столь желанный и давно ожидаемый «благоприятный момент» для установления своего господства в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Осенью 1941 г. японское правительство пришло к единодушному мнению о том, что для выступления на юге «лучший момент никогда не наступит». Быстрое достижение экономических целей на юге должно было обеспечить успех в борьбе с другим соперником Японии — Советским Союзом.

Глава седьмая

ВООРУЖЕННЫЙ НЕЙТРАЛИТЕТ

«КАНТОКУЭН» ОБРАЗЦА 1942 Г.

Приняв решение о первоначальном наступлении против США и Великобритании на юге, японское правительство не отказалось от замысла напасть на Советский Союз еще в 1941 г. Как отмечалось выше, война на юге не должна была оказать серьезного влияния на продолжение военных действий в Китае и подготовку армии к операциям против СССР. При наступлении «особо благоприятного момента» на севере японское командование не исключало возможности проведения войны одновременно на двух фронтах — южном и северном.

В генеральном штабе был разработан вариант плана «Кантокуэн», который надлежало осуществить в случае падения Москвы и резко-го изменения в пользу Японии соотношения сил на Дальнем Востоке. Учитывая сложность проведения в осенне-зимний период наступательных операций на всех фронтах, генштаб предусматривал нанесение первоначально удара на восточном направлении. После вторжения в Приморье войска восточного фронта должны были наступать на Хабаровск и захватить город до наступления холодов. В это время войскам северного и западного фронтов надлежало закрепиться соответственно в районах Малого и Большого Хингана и ожидать наступления весны. С началом таяния льда планировалось форсировать Амур и развивать наступление на запад из района Рухлово — Большой Хинган в направлении озера Байкал. В развитие этого замысла командование Квантунской армии предлагало с началом наступления на восточном фронте силами двух-трех дивизий еще осенью форсировать Амур в районе Хабаровска, чтобы облегчить захват города. Операции по захвату Северного Сахалина, Камчатки и других дальневосточных районов, а также оккупацию МНР предусматривалось осуществить в соответствии с прежним замыслом плана «Кантокуэн».

Несмотря на подготовку к ведению масштабных военных действий на юге, военно-морской флот сохранял созданную специально для войны с СССР группировку сил. Они были сведены в 5-й флот, который базировался в районе северного порта Оминато.

Выделенные для войны с СССР японские войска не включались в планы войны на юге и готовились к действиям на севере. В официальных японских источниках указывается, что в обстановке начала войны с США и Великобританией, продолжая военные действия в Китае, Япония сохраняла для войны с Советским Союзом до 40 % дивизий в Маньчжурии, Корее и метрополии. По данным же Токийского трибунала, к 5 декабря 1941 г. для нападения на СССР было подготовлено около 50 % японских пехотных дивизий, 75—80 % кавалерийских частей, около 65 % танковых полков, половина артиллерии и авиации сухопутных сил.

Наиболее антисоветски настроенные политические и военные деятели Японии считали, что империя уже готова к тому, чтобы обрушиться на Советский Союз с востока. Они продолжали призывать к немедленному наступлению, открыто заявляя в прессе, что «Япония должна сыграть свою роль в деле окончания германо-советской войны». Влиятельный японский журнал «Кайдзо» поместил в ноябрьском номере статью «Новый этап германо-советской войны и Япония», в которой говорилось: «Япония радуется победам своего союзника — Германии и желает ей дальнейших успехов. Япония, несомненно, должна использовать международную обстановку, сложившуюся благодаря победам Германии, в целях выполнения своего собственного великого дела...»

Хотя к концу ноября ценой огромных усилий гитлеровские войска приблизились к Москве, вопреки ожиданиям японского командования даже в этот критический период Красная Армия на Дальнем Востоке серьезно ослаблена не была. Поэтому после тщательного анализа обстановки японское командование пришло к выводу о целесообразности следовать ранее принятому решению о переносе выступления против СССР на весну 1942 г. 3 декабря императорская ставка направила в Квантунскую армию приказ № 587, в котором указывалось: «Для обеспечения Империи ресурсами и создания нового порядка в Великой Восточной Азии принято решение начать войну с США, Великобританией и Голландией. Предусматривается быстро провести

наступление в важных районах на юге и одновременно разрешить китайский инцидент; в это время не допускать войны с Россией». К приказу была приложена директива ставки № 1048, в которой ставилась задача Квантунской армии: «В соответствии со складывающейся обстановкой осуществить усиление подготовки к операциям против России. Быть в готовности начать боевые действия весной 1942 г.». Командованию Квантунской армии приказывалось представить соображения относительно выполнения директивы ставки.

Мнение командования Квантунской армии сводилось к тому, чтобы начать операции против СССР в середине 1942 г. Но сказывалась и озабоченность незавершенностью войны в Китае. Командующий армии генерал Умэдзу Ёсидзиро, подчеркивая важность решения «китайского вопроса», в то же время считал, что «с точки зрения войны в целом за операциями на юге целесообразно осуществить наступление против СССР». Среди японского командования армии сохранялась надежда на то, что Германии все же удастся захватить Москву еще зимой. В этом случае японское выступление могло начаться до наступления весны. Поэтому 3 декабря ставкой был отдан также приказ № 575 командующему экспедиционной армии в Китае о возможной переброске войск на север. Зная о возражениях командования этой армии против ослабления китайского фронта, ставка заявляла о необходимости подготовки войск на севере «на случай вступления России в войну», хотя в действительности такая возможность центральным японским командованием исключалась. В секретном оперативном приказе командующего объединенным флотом адмирала Ямамото Исороку от 1 ноября 1941 г. указывалось: «...Если Империя не нападет на Советский Союз, то мы уверены, что Советский Союз не начнет военных действий». Это мнение разделяли и другие японские высшие руководители, включая премьер-министра Тодзио.

Приказом № 575 предписывалось в случае начала военных действий против СССР в первую очередь захватить район Уссури, после чего начать наступление и на северном фронте. Для этого, как отмечалось выше, Квантунская армия должна была быть усилена шестью дивизиями с китайского фронта. Для предстоящего прорыва советской линии обороны зимой 1941/42 г. и форсирования Амура, Уссури и других водных преград в Квантунскую армию направлялись

дополнительные артиллерийские и инженерные части. 10 января 1942 г. генеральный штаб издал директиву № 1073, предписывавшую командованию сухопутных войск направлять на север части, высвобождающиеся после операций на юге.

В Квантунской армии понимали, что решение о переносе нападения на весну 1942 г. носило общий характер, и продолжали готовиться к ожидавшемуся переломному моменту в германо-советской войне, когда падение Москвы должно было стать сигналом для начала японской агрессии на советском Дальнем Востоке. После получения приказа ставки от 3 декабря начальник штаба Квантунской армии на совещании командиров соединений дал следующие указания: «Для завершения проводимой подготовки к операциям против Советского Союза каждая армия и соединение первой линии должны прилагать все усилия к тому, чтобы, наблюдая за постоянно происходящими изменениями военного положения Советского Союза и Монголии, иметь возможность в любой момент установить истинное положение. Это особенно относится к настоящим условиям, когда все более и более возникает необходимость установить признаки переломного момента в обстановке».

Однако наступивший в декабре 1941 г. перелом в войне был совершенно иного содержания, нежели представлялось японским стратегам. Развернувшееся в декабре контрнаступление Красной Армии завершилось разгромом рвавшихся к Москве гитлеровских армий. Тем самым было ознаменовано начало коренного перелома в Великой Отечественной и во Второй мировой войне в целом. Результаты битвы под Москвой продемонстрировали всему миру, что стратегия «молниеносной войны» в схватке с СССР потерпела окончательный крах. Был развеян миф о непобедимости германской армии.

Разгром гитлеровских войск под Москвой явился серьезным ударом и по японским планам вероломного нападения на СССР. Провал плана «Барбаросса» явился убедительным свидетельством того, что Советский Союз обладал значительной мощью для продолжения войны, а Красная Армия способна наносить сокрушительные удары по агрессорам как на западе, так и на востоке. Это пугало японские правящие круги, заставляло их с большей осторожностью оценивать перспективы развития Второй мировой войны, в особенности положение на германо-советском фронте.

15 января 1942 г. император Хирохито потребовал от начальника генерального штаба Сугияма доклад о результатах советского контрнаступления под Москвой. В своем докладе Сугияма, дав оценку положения Советского Союза, особо подчеркнул: «СССР, сохранив около 40 % своего промышленного потенциала, последовательно восстанавливает производство, и мы не должны недооценивать его». Затем, 22 января, отвечая на вопрос императора о сроках проведения операций против СССР, начальник генштаба заявил, что, по его мнению, «в настоящее время, до лета сего года нецелесообразно проводить наступательные операции на севере».

Составители японской «Официальной истории войны в Великой Восточной Азии» отмечают прямую связь результатов победы Красной Армии под Москвой с вынужденным решением японского правительства пересматривать сроки начала нападения на СССР. Они пишут: «Сплочение Красной Армии с населением под руководством Сталина для защиты своей страны было весьма прочным. Москва и Ленинград упорно удерживались, Красная Армия сохраняла высокий боевой дух, не наблюдалось никаких признаков внутреннего развала. Ожидавшийся нами момент для решения вопроса о Советском Союзе с течением времени отдалялся... Провал зимней кампании германской армии определил крах большой стратегии Германии в борьбе против СССР. В результате зимнего контрнаступления Красная Армия добилась перелома в ходе войны».

К началу 1942 г. в Японии стали сознавать, что одновременное ведение войны на юге и на севере чревато опасными последствиями. Было подтверждено решение на время операций на юге «поддерживать спокойствие на севере». Тем не менее, план «Кантокуэн» отменен не был.

Достигнутые в первом периоде операций против вооруженных сил США и Великобритании военные успехи породили у японского командования уверенность в скором завершении войны на юге. В первые месяцы 1942 г. в Токио пришли к выводу, что в результате захвата источников стратегического сырья Япония сможет вести против СССР длительную войну. 18 февраля 1942 г. японский «Институт тотальной войны» представил правительству стратегическую программу такой войны. «В случае войны с Советским Союзом, — говорилось в ней, — использовать стратегическую обстановку на главных

театрах войны противника и отдаленность от основных оперативных баз, нанести максимально сильный первый удар, быстро уничтожить наличные силы и части усиления противника, стремясь к разрешению военного конфликта в короткий срок, а затем, захватив важные районы, вести затяжную войну».

Одновременно японским генеральным штабом был составлен оперативный план наступательных операций на 1942 г., который оставался действующим вплоть до 1944 г. Являвшийся с 1940 по 1944 г. офицером оперативного управления генштаба подполковник Сэдзима Рюдзо давал на Токийском процессе показания: «Как и предыдущие оперативные планы, план 1942 г. был наступательным. Операции должны были начаться внезапно. По плану в Маньчжурии намечалось сосредоточить около 30 дивизий. Первый фронт состоял из 2-й, 3-й, 5-й и 20-й армий и имел задачу нанести главный удар в направлении Ворошилова. Эти четыре армии должны были одновременно провести решающее сражение в окрестностях Ворошилова. Во второй фронт входили 4-я и 8-я армии. Его задача состояла в наступлении на направлении Свободный — Куйбышевка с целью разгромить советские войска и перерезать железную дорогу».

На основе этого плана, направленного в Квантунскую армию, продолжалась подготовка к наступательным операциям. Об этом свидетельствовал заместитель начальника штаба Квантунской армии генерал-майор Мацумура Томокацу: «Генеральный штаб дал указание Квантунской армии составить план операций против СССР с общей целью оккупировать советское Приморье и уничтожить там авиационные базы. Направлением главного удара был определен Ворошилов. В указаниях генштаба Квантунской армии предписывалось вслед за оккупацией Приморья быть готовой к проведению последующих операций».

Штаб Квантунской армии разработал график проведения операций против СССР весной 1942 года:

— начало сосредоточения и развертывания войск — день X минус 5 дней;

— завершение развертывания — день X минус 2 дня;

— переход границы — день X;

— выход на южный берег реки Суйфыньхэ (Пограничная) — день X плюс 8—10 дней;

— завершение первого этапа наступления — день X плюс 21.

По плану генштаба решение о начале войны должно было быть принято в марте, а начало боевых действий намечалось на май 1942 г. Для осуществления такого графика перед войсками Квантунской армии ставилась задача «опередить противника в подготовке к войне и создать положение, позволявшее по своему усмотрению нанести первыми удар в момент, благоприятный для разрешения северной проблемы».

Однако к весне 1942 г. ожидавшегося японским командованием значительного сокращения численности советских войск на Дальнем Востоке и в Сибири не произошло. В феврале разведуправление генерального штаба представило данные, согласно которым «переброска советских войск с востока на запад не вела к ослаблению группировки Красной Армии, пополнявшейся за счет местных резервов».

В связи с этим командование армии обратилось к императору с рекомендацией приостановить военные действия на юге, закрепить в оккупированных районах, с тем чтобы перебросить на север четыре дивизии. Вокруг этого предложения возникли споры. Сторонники продолжения операций на юге требовали увеличения численности сухопутных сил для ведения военных действий на островах Тихого океана и на подступах к Австралии с целью нарушить коммуникации между США и Австралией. В конце концов было достигнуто согласие армейского и военно-морского командования провести на юге ряд операций по захвату островов Самоа, Фиджи, Новой Каледонии, что не требовало значительного количества сухопутных сил.

По планам японского генерального штаба предусматривалось оставить на южном направлении только такое количество войск, которое обеспечивало бы поддержание общественного порядка и проведение операций на внешних рубежах. Высвобождавшиеся войска, как того требовала директива № 1073, должны были быть переброшены в Маньчжурию и Китай, а также частично в метрополию. Весной 1942 г. Квантунская армия была вновь усилена (сюда были направлены дополнительно две дивизии), достигнув своей максимальной численности.

Увеличение войск в Маньчжурии было непосредственно связано с планами выступления Японии на севере в ходе ожидавшейся летней военной кампании Германии, на которую сторонники войны с СССР

возлагали большие надежды. В середине июля развернулось наступление германской армии на южном участке германо-советского фронта с целью прорваться к Волге в районе Сталинграда, захватить этот важный стратегический пункт и крупный промышленный район и тем самым отрезать центр СССР от Кавказа с его нефтью и другими ресурсами.

Весьма заинтересованное в помощи Японии с востока гитлеровское руководство всячески подталкивало Токио к скорейшему удару по СССР. 15 мая 1942 г. Риббентроп телеграфировал японскому правительству: «Без сомнения, для захвата сибирских приморских провинций и Владивостока, так жизненно необходимых для безопасности Японии, никогда не будет настолько благоприятного случая, как в настоящий момент, когда комбинированные силы России предельно напряжены на европейском фронте».

Успех немецкого наступления должен был стать сигналом к началу японского выступления против СССР. Для этого генеральный штаб сухопутных сил разработал план «Операция № 51», согласно которому против советских войск на Дальнем Востоке предусматривалось использовать 16 пехотных дивизий Квантунской армии, а также 3 пехотные дивизии, дислоцировавшиеся в Корее. Кроме того, намечалось перебросить в Маньчжурию 7 пехотных дивизий из Японии и 4 — из Китая. На первом этапе операции из 30 выделявшихся дивизий планировалось использовать 24: на восточном направлении — 17, на северном — 6, на западном — 1. В наступлении на восточном и северном направлениях должна была принять участие 1-я танковая армия в составе 3 танковых дивизий.

Замысел операции состоял в том, чтобы путем нанесения внезапного авиационного удара по аэродромам уничтожить советскую авиацию и, добившись господства в воздухе, силами 1-го фронта (3 полевые армии) прорвать линию обороны советских войск на восточном направлении — южнее и севернее озера Ханка и захватить Приморье. Одновременно силами 2-го фронта (2 полевые армии) форсировать Амур, прорвать линию обороны советских войск на северном направлении — западнее и восточнее Благовещенска и, овладев железной дорогой на участке Свободный — Завитинск, не допустить подхода подкреплений с запада. Осуществить операцию предполагалось в течение двух месяцев.

Однако наличие этого плана не означало, что в японском руководстве было единодушное мнение о вступлении в войну с Советским Союзом. Серьезное поражение японцев в июне 1942 г. в сражении за остров Мидуэй свидетельствовало о том, что война на юге против США и Великобритании потребует концентрации всех сил империи. 20 июля 1942 г. начальник оперативного управления генштаба Танака записал в своем дневнике: «В настоящее время необходимо решить вопрос о принципах руководства войной в целом. Видимо, в 1942—1943 гг. целесообразно будет избегать решающих сражений, вести затяжную войну. Операцию против Советского Союза в настоящее время проводить нецелесообразно». Не рекомендовал выступать на севере и посол Японии в СССР Татэкава.

Сталинградская битва завершилась сокрушительным поражением германских войск. С ноября 1942 по конец марта 1943 г. Красная Армия разгромила 100 немецких дивизий, или более 40 % всех сил, действовавших против СССР. Общие потери Германии ее союзников на германо-советском фронте составили около 1,7 млн человек, более 3500 танков, 24 тыс. орудий и 4300 самолетов. После Сталинградской битвы японское военно-политическое руководство было вынуждено в очередной раз отложить планы военных действий против СССР. Подтверждались предсказания разведуправления японского генштаба о том, что и в 1942 г. стратегия «спелой хурмы» не даст своих плодов.

Тем не менее, в Японии продолжали надеяться на приход «благоприятного момента» для сокрушения Советского Союза. Планом операций против советских войск на Дальнем Востоке на 1943 г. предусматривалось наступление из районов Маньчжурии основными силами на восточном направлении (17 пехотных дивизий) и частью сил (5 пехотных и 2 танковые дивизии) — на северном.

Не менялись и установки на продолжение подготовки к войне против СССР военно-морского флота. В директиве начальника главного морского штаба № 209 от 25 марта 1943 г. предписывалось: «1. Объединенному флоту в самом начале войны силами авиации флота, используя и часть самолетов наземного базирования, подавить вражескую авиацию в районе Камчатки и южной части Сихотэ-Алиня... 2. Силы флота, основу которых составляет 5-й флот, должны во взаимодействии с сухопутными войсками внезапно захватить в самом начале войны порты Оха и Петропавловск».

Однако шансов на реализацию планов войны с Красной Армией становилось все меньше. В обстановке поражений гитлеровских войск на германо-советском фронте, затягивания войны на юге и продолжения военных действий в Китае японское верховное командование уже в 1942 г. стало склоняться к мысли о том, что «до окончания войны против США и Великобритании выступление на севере опасно». Разведка подтверждала вывод о том, что «период ожидания созревания хурмы» уже прошел.

Крах германского плана «молниеносной войны» против Советского Союза убеждал правящие круги Японии в том, что японский план «Кантокуэн» в случае попытки его реализации постигнет та же участь. Видя, что вопреки ожиданиям война на юге будет затяжной, в Токио решили отложить сроки разрешения «северной проблемы» на более отдаленный период, когда перспективы мировой войны окончательно определятся. Еще 24 апреля 1942 г. японским генштабом был подготовлен секретный документ «Основной курс разрешения северной проблемы». В нем говорилось: «Сохраняя высокую бдительность и готовясь к созданию обстановки, позволяющей ответить на изменение положения в любой момент, ускорить подготовку к операциям для самостоятельного разрешения проблемы на севере в 1944 г.».

Последние надежды на успех в войне стран-участниц Тройственного пакта в Токио связывали с генеральным наступлением германских войск летом 1943 г. В то время японский генеральный штаб еще не исключал возможности присоединения к германо-советской войне. Начальник генштаба Сугияма заявлял императору: «Положение Германии может резко изменить к лучшему нападение Японии на СССР».

Курская битва, результаты которой продемонстрировали военное, экономическое и моральное превосходство Советского Союза, его народа и армии над гитлеровской Германией и ее сателлитами, обозначила крах стратегии агрессивных держав мира.

Японскому военно-политическому руководству не оставалось ничего другого, как признать, что планам Японии сокрушить Советский Союз не суждено осуществиться. После Курской битвы японский генеральный штаб впервые за всю историю своего существования приступил к составлению на 1944 г. плана, в котором предусматривались оборонительные действия в случае войны с Советским Союзом.

ПОСОБНИЧЕСТВО ГЕРМАНИИ

Откладывая в силу указанных выше причин подготовленное прямое вооруженное выступление против Советского Союза, милитаристская Япония делала все возможное, чтобы способствовать агрессии Германии.

В своем отношении к германо-советской войне японские правящие круги неизменно исходили из положений Тройственного пакта. 11 декабря 1941 г. между Японией, Германией и Италией было подписано соглашение о совместном ведении войны. В нем предусматривалось, что три страны будут вести войну «всеми средствами, имеющимися в их распоряжении, до полной победы». При этом имелось в виду достижение победы как над США и Великобританией, так и над Советским Союзом. В соглашении подтверждалось, что стороны будут сотрудничать «в деле установления нового порядка в духе Тройственного пакта, заключенного 27 сентября 1940 г.»

Земли, на которых замышлялось установить «новый порядок», включали практически всю территорию Советского Союза. Рассчитывая на совместную победу над СССР, Берлин, Токио и Рим в договорном порядке «разделили» между собой советское государство, заключив 18 января 1942 г. соглашение на этот счет. Для достижения целей агрессии три государства договаривались объединить и координировать военные действия. В преамбуле этого секретного документа говорилось: «В духе Тройственного пакта от 27 сентября 1940 г. и в связи с соглашением от 11 декабря 1941 г. вооруженные силы Германии и Италии, а также армия и флот Японии заключают военное соглашение для обеспечения сотрудничества в операциях и сокрушения как можно быстрее военной мощи противников».

В соответствии с соглашением зоной военных действий вооруженных сил Японии объявлялась часть Азиатского континента восточнее 70 градуса восточной долготы, т. е. захвату японской армией подлежали обширные районы Западной Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока. По существу это было официальным оформлением ранее согласованного расчленения территории Советского Союза на германскую и японскую зоны оккупации с прохождением линии раздела по меридиану Омска. В соглашении закреплялась договоренность осуществлять «взаимные контакты для согласования важных вопросов планирования операций».

Сосредоточив у восточных советских границ миллионную группировку войск, Токио вынуждал советское правительство и командование даже в самые тяжелые периоды вооруженной борьбы с гитлеровскими захватчиками держать на Дальнем Востоке и в Сибири крупные силы и средства. Тем самым оказывалась весьма серьезная помощь Германии. Этот факт не могут отрицать официальные японские историографы. Они признают: «В основе отношений Японии и Германии лежала общая цель — сокрушить Советский Союз... В военном министерстве считали, что Япония должна способствовать военным успехам германской армии... Под верностью Тройственному пакту понималось стремление не уступать Великобритании и США, обуздать их силы в Восточной Азии, сковать советские войска на Дальнем Востоке и, воспользовавшись удобным моментом, разгромить их».

В готовности к отражению японского нападения, которое могло начаться в любой момент, из 5 493 тысяч человек общего состава Вооруженных сил Советского Союза и у южных границ находилось 1 568 тысяч, или свыше 28 %. Из 4 495 танков, имевшихся на вооружении Красной Армии в то время, на Дальнем Востоке и у южных границ СССР находился 2 541 танк, из 5 274 самолетов там же оставался 2 951 самолет. Угроза войны со стороны милитаристской Японии вынуждала советское правительство и в последующий период сохранять на востоке страны войска и технику, необходимые на германо-советском фронте.

Проводимые в военные годы антисоветская политика и стратегия Японии вели к затягиванию Великой Отечественной войны и Второй мировой войны в целом, увеличению жертв советского и других народов. Свидетельством того, что эти политика и стратегия расценивались гитлеровской Германией как важный военный вклад в вооруженную борьбу с Советским Союзом, является содержание одной из телеграмм германского посла в Токио Отта Риббентропу: «Я имею удовольствие заявить, что Япония готовится ко всякого рода случайностям в отношении СССР для того, чтобы объединить свои силы с Германией... Я думаю, что вряд ли есть необходимость добавлять, что японское правительство всегда имеет в виду расширение военных приготовлений, наряду с другими мероприятиями, для осуществления этой цели, а также для того, чтобы связать силы Советской России на Дальнем Востоке, которые она могла бы использовать в войне с Германией...»

Задача сковывания советских войск на Дальнем Востоке выполнялась Японией на протяжении всего периода Великой Отечественной войны. В телеграмме японского министерства иностранных дел от 30 ноября 1941 г. послу Осима поручалось заверить гитлеровское руководство в том, что «двигаясь на юг, Япония вовсе не имеет в виду ослабление давления на Советский Союз».

Берлин высоко оценивал столь важную форму помощи Японии в войне против СССР. Министр иностранных дел Германии Риббентроп в телеграмме японскому правительству от 15 мая 1942 г., подчеркивая эффективность японской политики сковывания советских войск на Дальнем Востоке, отмечал, что «Россия должна держать войска в Восточной Сибири в ожидании японо-русского столкновения».

Лживо заверяя советское правительство в стремлении «поддерживать спокойствие в японо-советских отношениях», в действительности японское руководство сознательно нагнетало напряженность на дальневосточных рубежах СССР. В годы войны вооруженные вылазки японской военщины, несмотря на наличие пакта о нейтралитете, не только не сократились, а наоборот, их число возросло. В общей сложности части и соединения Квантунской армии во время войны 779 раз нарушали сухопутную границу, а самолеты ВВС Японии 433 раза вторгались в воздушное пространство Советского Союза. Советская территория нередко подвергалась обстрелу, совершались другие враждебные акты.

Враждебные акты Японии по отношению СССР в 1942—1943 годах

	1942 г.	1943 г.
Нарушение границы японскими военнослужащими (подразделениями, группами и в одиночку)	229	414
Нарушение территориальных вод СССР японскими судами	64	123
Задержание советских судов	36	39
Нарушение границы СССР японскими самолетами	82	119
Заброска шпионов на территорию СССР (всего задержано)	222	140
Пересброска банд на территорию СССР	—	2
Обстрелы территории СССР, граждан, пограничников, судов	24	24

Это были целенаправленные провокационные действия. Свидетельством того является данное японским генеральным штабом летом 1941 г. обещание германскому командованию «проводить подрывную деятельность на Дальнем Востоке против Советского Союза, особенно со стороны Монголии и со стороны Маньчжоу-Го, в первую очередь в районе, прилегающему к озеру Байкал». Обязательство о сотрудничестве в проведении подрывной деятельности военного характера было закреплено в вышеуказанном военном соглашении Японии, Германии и Италии от 18 января 1942 г. Это было подтверждено японским послом в Берлине Осима, который показал на Токийском процессе, что между генеральными штабами трех стран существовало специальное соглашение о таком сотрудничестве. Осима признал также, что во время пребывания в Берлине он систематически обсуждал с Гиммлером мероприятия по проведению тайной подрывной деятельности против Советского Союза и его руководителей.

Соглашением предусматривалось и «сотрудничество в сборе и оценке важной для проведения операций информации». Японский дипломатический аппарат в СССР всемерно использовался для добывания секретных сведений о военно-промышленном потенциале Вооруженных силах Советского Союза. Добытые данные регулярно поступали из Токио в Берлин. В одной из телеграмм Риббентроп благодарил японское правительство за ценную информацию и высказывал пожелание систематически «получать таким образом еще больше сведений из России».

Японская военная разведка активно добывала шпионские сведения для германской армии. Это было подтверждено на Токийском процессе генерал-майором Мацумура, который с октября 1941 по август 1943 г. был начальником русского отдела разведуправления генерального штаба. В своих показаниях он показал: «Мною систематически передавались для полковника Кречмера (военный атташе германского посольства в Токио) сведения о силах Красной Армии, о дислокации ее частей на Дальнем Востоке, о военном потенциале СССР. Для Кречмера мною передавались сведения об уходе советских дивизий с Дальнего Востока на запад, о передвижении соединений Красной Армии внутри страны, о развертывании эвакуированной советской военной промышленности. Все эти сведения составлялись на

основании донесений, поступавших в японский генеральный штаб от японского военного атташе в Москве, и из других источников».

В мае 1945 г. в Берлине был задержан сотрудник японского посольства Нохара, у которого оказались документы, содержащие секретные сведения о численности и дислокации частей Красной Армии, а также данные о состоянии военной промышленности СССР. В своих показаниях Нохара сообщил, что такого рода сведения в течение 1941—1945 гг. регулярно поступали в германское министерство иностранных дел от японских послов в Москве Татэкава и Сато (Наотакэ). После войны представители германской армии также признавали, что поступавшие из Японии сведения широко использовались ими в военных операциях против советских войск.

Явным нарушением пакта о нейтралитете с СССР были многочисленные случаи нападения японского флота на советские торговые суда, причем не только в прилегающих к Японии водах, но и в нейтральных портах и даже в территориальных водах Советского Союза. Это являлось согласованными с германским командованием военными действиями. В одном из пунктов военного соглашения Японии, Германии и Италии закреплялась договоренность о «совместном планировании войны на море против кораблей противника». В этих целях предусматривалось взаимодействие путем предоставления военно-морских баз, взаимного обеспечения военных кораблей договаривающихся государств материальными средствами, продовольствием, выделения мест отдыха для команд, доков для ремонта кораблей и т.д.

Военно-морские базы Японии использовались действовавшими против советского флота германскими рейдерами, которые с началом войны находились в прилегающих к Японскому морю водах. По данным командования ВМФ СССР, в японских водах и портах в годы войны находилось 15 немецких, 9 итальянских и один финский корабль, которые могли быть использованы в качестве рейдеров.

По существу Япония вела на море против СССР необъявленную войну. Еще 6 декабря 1941 г. министерство иностранных дел Японии дало указание послу в Берлине Осима сообщить об этом германскому правительству. В телеграмме говорилось: «Объясните, что в случае возникновения войны с Соединенными Штатами мы будем захватывать все американские суда, предназначенные для Советской России.

Если Риббентроп будет настаивать (на вступлении Японии в войну против СССР), сделайте заявление о том, что Япония не допустит транспортировки военных материалов из США в СССР через японские воды...» Впоследствии японское правительство докладывало германскому министерству иностранных дел о каждой враждебной акции Японии в отношении СССР на море.

С целью осложнить морские перевозки необходимого для советского населения продовольствия и сырья для промышленности японские власти закрыли Сангарский пролив, что вынудило советские торговые суда пользоваться более опасными морскими путями. Японский императорский флот по существу блокировал Владивосток и другие советские дальневосточные порты. «Чинимые советскому судоходству препятствия были совершенно сознательными и запланированными действиями в целях осложнить положение Советского Союза в войне с Германией... Это было не чем иным, как прямыми агрессивными действиями против СССР», — отмечали японские авторы.

Незаконное задержание советских судов, их потопление, захват и задержание под арестом команд, несмотря на неоднократные протесты советского правительства, продолжались до конца войны. Это было не только грубым нарушением пакта о нейтралитете и Портсмутского договора от 1905 г., на действенности которого настаивал Токио, но и нарушением общепризнанных норм международного права. Подводными лодками японского флота были потоплены такие крупные советские суда, как «Ангарстрой», «Кола», «Ильмень», «Перекоп», «Майкоп» и другие.

Приведем лишь некоторые факты.

14 декабря 1941 г. советские пароходы «Кречет», «Свирьстрой», «Сергей Лазо», «Симферополь», находясь в Гонконге на ремонте, подверглись японскому вооруженному нападению. Эти суда имели советские опознавательные знаки, на них были государственные флаги СССР. В результате обстрела судов с берега «Кречет» был затоплен, а другие суда получили серьезные повреждения. Захватив советские суда, японцы вывесили на них японские флаги.

17—18 декабря 1941 г. японским военным самолетом был потоплен пароход «Перекоп». Это было невооруженное судно с лесом на борту. Нападение было совершено ясным днем. Команда, захва-

ченная японскими военными служащими, задерживалась в течение полугода лет.

17 апреля 1942 г. советский пароход «Киров» был задержан японской подводной лодкой и насильно приведен в Токийский залив. На пароходе было продовольствие.

29 апреля 1943 г. был задержан и приведен в японский порт Омикано пароход «Ингуль». Команде не позволяли вернуться на родину в течение двух месяцев.

20 июля 1943 г. у мыса Соя был захвачен советский пароход «Двина», который задерживался в Японии 35 дней. Команда подвергалась различного рода издевательствам и физическому насилию.

Всего за период с июня 1941 по 1945 г. японский военно-морской флот задержал 178 и потопил 18 торговых судов, нанеся убытки советскому судоходству на сумму 637 млн рублей.

В то же время на протяжении всей войны Япония регулярно снабжала Германию крайне дефицитными стратегическими материалами из захваченных на юге районов. В Германию до последних дней войны поступали на японских кораблях и подводных лодках вольфрам, натуральный каучук, цветные металлы. 20 января 1943 г. между Японией, Германией и Италией было подписано дополнительное соглашение об экономическом сотрудничестве и торговле, в котором стороны обязались оказывать друг другу помощь «всеми имеющимися экономическими мерами». Предусматривались обмен товарами, промышленным оборудованием, а также финансовая взаимопомощь. На основе существовавших соглашений в Токио, Берлине и Риме во время войны работали военные и экономические комиссии.

После капитуляции фашистской Италии 30 сентября 1943 г. японо-германские связи еще более упрочились. Участники императорского совещания тогда заявили: «Империя должна еще сильнее укрепить блок с Германией и энергично двигаться вперед к завершению совместной войны». 15 ноября 1943 г. в Токио состоялась конференция представителей Японии и Германии, на которой были приняты решения о координации стратегических планов. В апреле 1944 г. в Токио проходили заседания японо-германской смешанной комиссии, где обсуждались вопросы дальнейшего укрепления военного союза с Германией.

Сменивший на посту премьер-министра Тодзио генерал Койсо Куниаки заявил 23 июля 1944 г. что «Япония будет продолжать укреплять свои связи с Германией для достижения общих военных целей». В январе 1945 г. министр иностранных дел Японии Сигэмицу Мамору в выступлении на сессии парламента открыто заявил, что «японское правительство намерено вести войну вместе со своими союзниками до конца и любой ценой». Но это уже была только риторика. В действительности правящие круги всерьез задумывались о том, как достойно завершить войну.

«МИРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ» ТОКИО

В 1943 г. положение Японии на тихоокеанском театре военных действий продолжало ухудшаться. В начале февраля японские войска после длительных боев вынуждены были оставить имевшие важное стратегическое значение острова Гуадалканал (Соломоновы острова). Это совпало с капитуляцией германских войск в Сталинграде.

Понимая, что определившийся перелом во Второй мировой войне произошел не в пользу стран «оси» (Германия, Япония, Италия), японское правительство решило прибегнуть к дипломатическим маневрам с целью попытаться выйти из войны на условиях выгодного Токио компромисса. Для этого был разработан план «посредничества» Японии в организации мирных переговоров между Германией и СССР. По замыслам японцев, в случае согласия Москвы на такие переговоры, даже если они не приведут к перемирию, сам факт подобных контактов СССР и Германии должен был посеять подозрения и недоверие к Кремлю со стороны правительств США и Великобритании. В случае же успеха задуманного японцы рассчитывали на создание ситуации, когда, если прекратится война на основном фронте — советском, все силы Германии будут обращены против западных союзников. А это в свою очередь ослабит американские и английские силы на Тихом океане, что позволит Японии добиться здесь изменения обстановки в свою пользу. В январе 1943 г. в Анкаре состоялось совещание руководителей японских информационных бюро в Европе, которое определило, что основная задача этих бюро должна заключаться в том, чтобы прекратить германо-советскую войну путем соглашения между Германией и СССР.

Первые попытки осуществить этот план были предприняты после поражения Германии в Сталинградской битве. Не исключено, что японцы постарались организовать утечку информации для американцев. Во всяком случае, уже 5 февраля помощник президента США Гарри Гопкинс, конечно, не без ведома Рузвельта, счел необходимым через советского посла поставить Москву в известность о том, что «будто бы немцы в последнее время делали настойчивые представления Японии и сам Гитлер говорил с японским послом о прекращении американских поставок во Владивосток. Япония будто бы ответила вопросом, зачем Германия ввязалась в войну с Союзом и почему она не старается заключить мир с СССР и сделать его своим союзником».

Отреагировал на эту информацию и Рузвельт, который в тот же день в поздравительной телеграмме Сталину по случаю победы советских войск под Сталинградом особо подчеркнул необходимость «приложить всю энергию к тому, чтобы добиться окончательного поражения и безоговорочной капитуляции общего врага». В ответ Сталин выразил уверенность, что «совместные боевые действия вооруженных сил Соединенных Штатов, Великобритании и Советского Союза в скором времени приведут к победе над нашим общим врагом». Тем самым было дано понять, что ни о каком «перемирии» с Германией речь идти не может.

В августе 1943 г. в Берлине состоялось очередное совещание руководителей японских информационных бюро в Европе. Его участники пришли к выводу, что Германия, по-видимому, проиграла войну и ее поражение — лишь вопрос времени. К такому же выводу стали склоняться и наиболее здравомыслящие политики в Токио. При этом японское руководство учитывало, что после победы над Германией, а то и до нее, Советский Союз может прийти на помощь союзникам по антифашистской коалиции и в целях скорейшего завершения войны выступить против Японии. Поэтому сторонники «замирения» Германии с СССР активизировали свои дипломатические маневры. МИД Японии дал указание своему посольству в Москве попытаться реализовать этот план. Однако в Кремле твердо придерживались союзнических договоренностей, которые не допускали сепаратных переговоров. Поэтому попытка выполнявшего указание Токио посла Японии в СССР Сато Наотакэ затронуть в беседе с Молотовым

10 сентября 1943 г. вопрос о посреднической миссии Японии была решительно пресечена советской стороной. Не проявил интереса к японской дипломатической инициативе и Гитлер, который понимал, что после совершенных германскими войсками и оккупационной администрацией чудовищных преступлений против советского народа ни о каком компромиссном мире не могло быть и речи.

После провала попыток выступить посредником в переговорах между Германией и СССР о перемирии японское правительство поставило перед своей дипломатией задачу добиться подтверждения советским правительством сохранения положений пакта о нейтралитете 1941 г. Было решено в обмен на такое подтверждение, а также на согласие СССР подписать новую рыболовную конвенцию на выгодных Японии условиях вернуться к переговорам о ликвидации японских угольной и нефтяной концессий на Северном Сахалине.

Как отмечалось выше, японское правительство при заключении пакта о нейтралитете в апреле 1941 г. взяло на себя обязательство ликвидировать эти концессии не позже октября текущего года. Однако, воспользовавшись тяжелым положением Советского Союза после начала германской агрессии, правительство Японии вероломно нарушило свои обязательства, заявив в декабре 1941 г., что «для японской стороны решить вопрос о ликвидации концессий стало затруднительным». Токио строил расчет на том, что советское руководство ради соблюдения Японией нейтралитета согласится «забыть» договоренности о ликвидации концессий. Более того, МИД Японии попытался добиться согласия советского правительства на продление еще на пять лет прав проведения японцами на Северном Сахалине разведки нефти. Хотя это предложение было отвергнуто Москвой, японские концессионеры продолжали эксплуатировать недра Северного Сахалина, получая столь необходимые Японии нефть и уголь. Не желая обострять до крайности советско-японские отношения вокруг концессий, что могло быть использовано японским правительством и военными кругами как повод для развязывания войны, советское руководство вынуждено было мириться с создавшимся положением.

Однако по мере упрочения позиций СССР на советско-германском фронте, возрастания его роли на международной арене правительство СССР стало требовать выполнения Японией своих обязательств. В июне 1943 г. японскому послу в СССР Сато была вручена памятная

записка, в которой говорилось: «Советское правительство считает необходимым настаивать на выполнении японским правительством всех обязательств, вытекающих из пакта о нейтралитете».

В стремлении не допустить выхода СССР из договора о нейтралитете 19 июня 1943 г. координационный комитет правительства и императорской ставки принял принципиальное решение о ликвидации концессий. Однако вместе с официальным сообщением об этом советскому правительству японская сторона выдвинула ряд условий, включая компенсацию за неиспользованное время эксплуатации концессий до 1970 г. Более того, Япония потребовала поставлять ей в течение десяти лет ежегодно по 200 тысяч т нефти и по 100 тысяч т угля. Фактически японцы хотели получать нефти в два раза больше, чем сами ежегодно добывали на Северном Сахалине.

Переговоры шли медленно и продолжались до марта 1944 г. Однако было очевидно, что японское правительство не желает ухудшения отношений с СССР и сознательно первоначально завысило свои условия, с тем, чтобы затем, отказавшись от них, представить достигнутые договоренности как «жест доброй воли» в адрес Москвы. Стремление продемонстрировать «дружелюбие» Советскому Союзу было связано с опасениями японского правительства о возможных договоренностях союзников на Тегеранской конференции глав правительств СССР, США и Великобритании. Хотя японцы едва ли могли знать о данном на этой встрече «большой тройки» Сталиным обещании выступить против Японии после победы над Германией, подозрения на этот счет в Токио существовали.

Во время состоявшейся 2 февраля 1944 г. беседы с послом США Авереллом Гарриманом Сталин отмечал, что «японцы очень перепуганы, они очень беспокоятся за будущее». Он говорил: «Мы имеем с японцами договор о нейтралитете, который был заключен около трех лет назад. Этот договор был опубликован. Но кроме этого договора состоялся обмен письмами, которые японцы просили нас не публиковать. В этих письмах шла речь о том, что японцы обязуются отказаться до окончания срока от своих концессий на Сахалине: от угольной и от нефтяной. Нас особенно интересуют нефтяные концессии, так как на Сахалине много нефти. При обмене письмами японцы обязались отказаться от концессий в течение шести месяцев, т. е. до октября 1941 года. Но они этого не сделали до настоящего време-

ни, несмотря на то, что мы несколько раз ставили перед ними этот вопрос. А теперь японцы сами обратились к нам и говорят, что они хотели бы урегулировать это дело».

Гарриман заметил, что это очень хорошее известие.

Сталин продолжал: «Наши люди, имеющие дело с японцами, сообщают, что японцы всячески стараются расположить нас в их пользу. Японцы идут на большие уступки, и поэтому не исключено, что по вопросу о концессиях скоро будет заключен договор.

Другой случай был во время приема в Токио по случаю Нового года. Мы не имеем в Японии военного атташе; там имеются лишь некоторые сотрудники аппарата военного атташе. И вот на этом приеме к одному нашему подполковнику подошел начальник генерального штаба японской армии Сугияма. Сугияма был, очевидно, навеселе и стал говорить этому подполковнику, что он не дипломат и что он хочет поговорить с ним откровенно. Сугияма сказал, что немцы для него никакого значения не имеют, что договор между Японией и Германией — пустая бумажка. При этом Сугияма спросил, может ли он поехать в Москву, чтобы встретиться со Сталиным... Мы, конечно, ничего не ответили и не собираемся ничего отвечать японцам. Но сам факт обращения Сугияма к какому-то подполковнику характерен. Это значит, что японцы боятся...»

Протокол о передаче Советскому Союзу японских нефтяной и угольной концессий на Северном Сахалине был подписан 30 марта 1944 г. Одновременно был подписан протокол о сохранении в силе еще на пятилетний срок рыболовной конвенции 1928 г. В этом протоколе в значительной степени были закреплены положения, которые СССР отстаивал в ходе рыболовных переговоров.

30 сентября 1944 г. в Токио на императорском совещании был утвержден документ «Основная программа руководства войной», предусматривавший укрепление обороны оккупированных территорий и метрополии. На этом совещании была названа «последняя линия обороны» — от Курильских островов до территории Бирмы. В целом руководство Японии делало ставку на затягивание войны. Перейдя к стратегической обороне, они рассчитывали стабилизировать фронты, выиграть время для пополнения военно-экономического потенциала, а также по возможности нарушить союзническую коалицию СССР, США и Великобритании.

Однако военная ситуация складывалась не в пользу Японии. В середине 1944 г. осознание неизбежности поражения стран «оси» в борьбе с коалицией союзников крепло не только у политиков Японии, но, что было весьма важно, и у высших военных чинов. Особую активность в поиске пути достижения почетного мира как для Германии, так и для Японии проявил назначенный 22 июля 1944 г. военным министром фельдмаршал Сугияма, ранее занимавший пост начальника генерального штаба. Он настойчиво предлагал вернуться к попыткам выступить посредником на переговорах о прекращении германо-советской войны.

Как отмечалось выше, советское правительство решительно отвергло подобное предложение японцев, сделанное в первый раз еще в 1943 г. Позиция СССР по этому вопросу была четко определена в приказе Верховного Главнокомандующего от 1 мая 1943 г. В нем указывалось: «Болтовня о мире в лагере фашистов говорит лишь о том, что они переживают тяжелый кризис. Но о каком мире может быть речь с империалистическими разбойниками из немецко-фашистского лагеря, залившими кровью Европу и покрывшими ее виселицами? Разве не ясно, что только полный разгром гитлеровских армий и безоговорочная капитуляция гитлеровской Германии могут привести Европу к миру? Не потому ли болтают немецкие фашисты о мире, что они чувствуют приближение грядущей катастрофы?» Эти слова можно было в полной мере отнести и к милитаристской Японии, залившей кровью Азиатский континент.

В 1943 г. советское правительство отказалось принять предложение Японии о приеме в Москве специальной «миротворческой миссии», заявив: «При существующей обстановке в условиях нынешней войны Советское правительство считает возможность перемирия или мира с гитлеровской Германией или ее сателлитами в Европе совершенно исключенной».

Несмотря на заявленную советским правительством твердую позицию по поводу перемирия, спустя год Сугияма и его единомышленники сочли возможным вновь предложить СССР свои «услуги», считая, что изменившаяся обстановка якобы этому способствует. 5 сентября 1944 г. Сугияма на заседании Высшего совета по руководству войной следующим образом оценил ситуацию и шансы на успех посреднической роли Японии: «Командование сухопутных

сил, основываясь на данных разведки, считает, что Советский Союз с начала войны с Германией уже потерял более 15 млн человеческих жизней, лишился большей части материальных средств и испытывает усталость от войны. К тому же международная обстановка такова, что наблюдаются противоречия между СССР и Великобританией в Средиземном море, в Юго-Восточной Европе, районе северных морей и других местах. Не исключена даже возможность военного столкновения между США и СССР. С другой стороны, хотя Гитлер вновь планирует наступление на Восточном фронте, он вполне сознает невыгодность продолжения войны с СССР. Таково реальное положение, существующее между Германией и Советским Союзом. Именно поэтому складывается благоприятный момент для активной посреднической помощи Японии в достижении перемирия между Германией и СССР».

Вскоре японское правительство предприняло конкретные шаги, направленные на организацию такого посредничества, направив через японского посла Сато предложение советскому правительству о посылке в Москву специальной японской миссии. Японское правительство мотивировало свое предложение желанием обменяться мнениями по вопросам японо-советских отношений.

Посольству СССР в Вашингтоне было поручено информировать об этом американское правительство. В телеграмме Молотова от 23 сентября 1944 г. послу А.А. Громыко поручалось конфиденциально довести до сведения американцев, что «Советское правительство, зная хорошо, что указанная миссия имеет своей задачей не столько вопрос об отношениях между Японией и СССР, сколько выяснение вопроса о возможности заключения сепаратного мира между Германией и СССР, отклонило предложение японского правительства».

В Токио понимали, что если после разгрома Германии Советский Союз окажет помощь союзникам в войне на Дальнем Востоке, у японского правительства не будет другого выхода, кроме капитуляции. Поэтому было решено прибегнуть к активной дипломатии по всем направлениям. Были предприняты попытки заключить компромиссный мир с Китаем, а также с США и Великобританией. Однако они не увенчались успехом. Тогда родилась идея попытаться использовать СССР для организации перемирия в Тихоокеанской войне.

Считалось, что даже если этот план провалится, Москве будет продемонстрировано стремление Токио к установлению мира. По мнению японского правительства, сам факт участия СССР в переговорах об окончании войны исключал бы его вступление в войну против Японии. Министр иностранных дел Сигэмицу Мамору рекомендовал правительству «в случае разгрома Германии или заключения ею сепаратного мира... не теряя времени, предпринять усилия для изменения обстановки в лучшую сторону, используя с этой целью Советский Союз».

Однако в Токио не могли не учитывать, что проводившаяся Японией на протяжении войны враждебная по отношению к СССР политика едва ли позволит использовать Москву для достижения почетного мира. Поэтому японская дипломатия прилагала усилия с тем, чтобы создать видимость якобы искреннего стремления открыть новую страницу в японо-советских отношениях. С этой целью в сентябре 1944 г. Сигэмицу разработал документ «Проект предварительного плана для японо-советских переговоров». Главной целью переговоров было добиться подтверждения Советским Союзом обязательств, предусмотренных пактом о нейтралитете. Такое подтверждение предполагалось оформить либо продлением действия пакта, либо заключением нового соглашения, желательно о ненападении.

Для того чтобы облегчить реализацию плана переговоров, было решено «заинтересовать» советское правительство уступками, на которые могла бы пойти Япония в обмен на сохранение Советским Союзом нейтралитета и согласие выступить посредником в переговорах о перемирии с США и Великобританией. Перечень таких уступок первоначально был разработан одновременно с планом переговоров в сентябре 1944 г.

Предполагаемые уступки сводились к следующему:

1. Разрешение на проход советских торговых судов через пролив Цугару.
2. Заключение между Японией, Маньчжоу-Го и Советским Союзом соглашения о торговле.
3. Расширение советского влияния в Китае и других районах «сферы процветания».
4. Демилитаризация советско-маньчжурской границы.

5. Использование Советским Союзом Северо-Маньчжурской железной дороги.

6. Признание советской сферы интересов в Маньчжурии.

7. Отказ Японии от договора о рыболовстве.

8. Уступка Южного Сахалина.

9. Уступка Курильских островов.

10. Отмена Антикоминтерновского пакта.

11. Отмена Тройственного пакта».

Согласие на те или иные уступки предусматривалось в зависимости от хода японо-советских переговоров. Так, отказ от Южного Сахалина и Курильских островов допускался в крайнем случае, а именно «при резком ухудшении японо-советских отношений» и возникновении опасности вступления Советского Союза в войну против Японии.

Глава восьмая **КАПИТУЛЯЦИЯ НА «МИССУРИ»**

СУДЬБА ЯПОНИИ РЕШИЛАСЬ В ЯЛТЕ

Уже на следующий день после нападения японского флота на Пёрл-Харбор президент США Рузвельт высказал советскому правительству пожелание об участии СССР в войне с Японией. Позиция Сталина была сформулирована в телеграмме Молотова послу СССР в Вашингтоне М.М. Литвинову от 10 декабря 1941 г. В ней поручалось передать Рузвельту следующее: «Мы не считаем возможным объявить в данный момент состояние войны с Японией, и вынуждены держаться нейтралитета, пока Япония будет соблюдать советско-японский пакт о нейтралитете.

Мотивы.

Первое: советско-японский пакт обязывает нас к нейтралитету, и мы не имеем пока основания не выполнять свое обязательство по этому пакту. Мы не считаем возможным взять на себя инициативу нарушения пакта, ибо мы сами всегда осуждали правительства, нарушающие договоры.

Второе: в настоящий момент, когда мы ведем тяжелую войну с Германией и почти все наши силы сосредоточены против Германии, включая сюда половину войск с Дальнего Востока, мы считали бы неразумным и опасным для СССР объявить теперь состояние войны с Японией и вести войну на два фронта. Советский народ и советское общественное мнение не поняли бы и не одобрили бы политики объявления войны Японии в настоящий момент, когда враг еще не изгнан с территории СССР, а народное хозяйство СССР переживает максимальное напряжение...

Наша общественность вполне сознает, что объявление состояния войны с Японией со стороны СССР ослабило бы сопротивление СССР гитлеровским войскам и пошло бы на пользу гитлеровской

Германии. Мы думаем, что главным нашим врагом является все же гитлеровская Германия. Ослабление сопротивления СССР германской агрессии привело бы к усилению держав оси в ущерб СССР и всем нашим союзникам».

Получив это послание Сталина, Рузвельт 11 декабря во время встречи с советским послом заявил, что он об этом решении сожалеет, но на месте Советского Союза поступил бы так же. Вместе с тем Рузвельт просил советских руководителей не объявлять публично о решении соблюдать нейтралитет с Японией, создать у японцев впечатление, что вопрос остается как бы нерешенным.

С просьбой помочь в войне с Японией обращались к Сталину и руководители правительства Великобритании. 20 декабря 1941 г. прибывший в Москву министр иностранных дел Великобритании Энтони Иден во время беседы в Кремле просил Сталина сказать, «может ли, и когда, Англия рассчитывать на известную помощь ей против Японии». При этом Иден, выразив понимание того, что «такая помощь в настоящий момент (для СССР) едва ли мыслима», спрашивал, «как будет обстоять дело, например, весной?» Тогда Сталин пообещал возобновить весной разговоры с Англией на тему дальневосточной ситуации.

Впоследствии Вашингтон и Лондон продолжали зондаж позиции Сталина по поводу оказания военной помощи в борьбе с Японией, желая в первую очередь добиться согласия советского руководства на предоставления в Приморье или на Камчатке мест для размещения авиабаз США, с которых можно было бы наносить по японской территории массированные бомбовые удары. Однако ухудшившаяся летом 1942 г. обстановка на юге страны, где германские войска развернули новое широкомасштабное наступление, заставляла Москву сохранять нейтралитет с Японией.

Настойчивость правительства США была понятна. Ведь получить американцы возможность регулярно бомбить Японию с баз на советской территории, тихоокеанская война могла завершиться в считанные месяцы. Но в этом случае было не избежать советско-японской войны в весьма сложный для СССР период. Сталин терпеливо разъяснял американцам: «Наши отношения с Японией регулируются пактом о нейтралитете. Японцы несколько раз заверяли нас, что они не намерены нарушать этого пакта. Но в нашей стране невозможно найти хотя

бы одного человека, который поверил бы этим заверениям. Японцы могут нарушить этот пакт и напасть на СССР в любой момент. Между Японией и СССР существуют в настоящее время отношения, которые можно было бы назвать вооруженным миром». При этом, отвечая на предложения помощи США в случае нападения Японии на СССР, советский лидер ее отклонял, заявляя, что «сейчас мы нуждаемся в помощи против Германии, с которой воюем».

Возможность сотрудничества СССР и США в интересах войны против Японии не исключалась не только японцами, но и германским руководством. При этом Берлин использовал опасность для Японии такого развития ситуации с целью подталкивания Токио к нападению на СССР «до размещения на территории советского Дальнего Востока американской военной авиации». 9 июля 1942 г. Риббентроп запугивал японского посла Осима тем, что Владивосток может стать базой американцев для нанесения ударов по Токио. При этом он заявлял, что 60 или 80 советских подводных лодок, находящихся во Владивостоке, якобы не могут причинить никакого вреда японскому флоту. Разъясняя стратегию Гитлера в отношении японско-советской войны, Риббентроп говорил: «До сих пор Гитлер считал, что Япония, достигнув таких больших успехов, должна сначала укрепиться на новых территориях, а затем уже совершить нападение на Россию... Однако сейчас он пришел к выводу, что наступил благоприятный момент для того, чтобы Япония вступила в общую борьбу с Россией... Если Япония стремительным ударом захватит Владивосток, а возможно, и территорию Советского Союза вплоть до озера Байкал, положение русских на обоих фронтах будет необычайно тяжелым. Таким образом, конец войны будет предрешен». На это Осима отвечал, что «сам он уверен в необходимости нападения Японии на Россию».

Но в Токио продолжали выжидать. В ответе японского правительства германскому правительству от 30 июля 1942 г. сообщалось, что «выступление Японии против СССР приведет к чересчур большому распылению сил Японии», что японское правительство «предполагает в сложившейся ситуации ограничиться военными операциями на юге Китая». По словам японского посла, одним из серьезных доводов против японского наступления на СССР было «опасение, что во время этой операции США получают базы в Восточной Азии, с которых смогут бомбить Токио». При этом было заявлено, что ответ японского

правительства не является окончательным и «может быть, выступление против России окажется возможным еще до октября, а если нет, то не ранее следующей весны».

Вопрос о возможности участия СССР в войне с Японией затрагивался госсекретарем США Корделлом Хэллом на проходившей 19—30 октября 1943 г. Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. Сталин заявил тогда о готовности помочь нанести поражение Японии после разгрома Германии.

По случаю завершения работы конференции в Кремле был дан обед. Во время обеда Сталин конфиденциально сообщил Хэллу о решении советского правительства принять участие в войне с Японией. Он сказал госсекретарю: «Советское правительство рассмотрело вопрос о положении на Дальнем Востоке и приняло решение сразу же после окончания войны в Европе, когда союзники нанесут поражение гитлеровской Германии, выступить против Японии. Господин Хэлл может передать это президенту Рузвельту как нашу официальную позицию. Но пока мы хотим держать это в секрете».

Характеризуя занятую Сталиным позицию по дальневосточному вопросу, Хэлл сообщил в Вашингтон, что глава советского правительства «проявил глубокое стремление к сотрудничеству с США и Великобританией». Как писал Хэлл в своих мемуарах, Сталин сделал это заявление «уверенно, совершенно бескорыстно, не требуя ничего взамен». При этом он считал слова советского руководителя «заявлением исключительной важности».

Сталин считал возможным официально подтвердить решение советского правительства лично Рузвельту и Черчиллю во время проходившей с 28 ноября по 1 декабря 1943 г. встречи «большой тройки» в Тегеране. Тогда он заявил: «Мы, русские, приветствуем успехи, которые одерживались и одерживаются англо-американскими войсками на Тихом океане. К сожалению, мы пока не можем присоединить своих усилий к усилиям наших англо-американских друзей, потому что наши силы заняты на Западе и у нас не хватает сил для каких-либо операций против Японии. Наши силы на Дальнем Востоке более или менее достаточны лишь для того, чтобы вести оборону, но для наступательных операций надо эти силы увеличить, по крайней мере, в три раза. Это может иметь место, когда мы заставим Германию капитулировать. Тогда — общим фронтом против Японии».

Несмотря на то, что обещание Сталина носило общий характер и в Тегеране не было сделано даже совместной протокольной записи на этот счет, американцы и англичане с энтузиазмом восприняли слова советского лидера о том, что выступление СССР против Японии может состояться через шесть месяцев после капитуляции Германии. Рузвельт не мог скрыть своего удовлетворения занятой Сталиным позиции и сразу попытался добиться от советского лидера решения ряда военных вопросов, связанных с предполагавшимися совместными действиями против Японии. Речь шла о предварительном планировании военно-воздушных операций в северо-западной части Тихого океана. При этом президент предложил начать такое планирование «незамедлительно». 29 ноября 1943 г. Рузвельт говорил Сталину: «Мы считаем, что в целях сокращения сроков войны бомбардировка Японии с баз вашего Приморского края немедленно после начала военных действий между СССР и Японией будет иметь весьма большое значение, поскольку это предоставит нам возможность разрушить военные и промышленные центры».

Хотя обещание Сталина в Тегеране было сделано в общей форме и он уклонился от обсуждения конкретных вопросов координации будущих совместных операций на Дальнем Востоке, командование вооруженных сил США со всей серьезностью восприняло слова советского лидера. Заявление Сталина имело далеко идущие последствия. Достаточно сказать, что с учетом позиции Москвы значительные коррективы были внесены в военные планы США и Великобритании. Перспектива участия СССР в войне с Японией создавала для США принципиально новую ситуацию. О том, насколько для Вашингтона было важно участие СССР в войне, свидетельствует документ, составленный американцами перед Тегеранской конференцией. В нем отмечалось: «...Наиболее важным фактором, с которым должны считаться США в своих отношениях с Россией, является война на Тихом океане. Если Россия будет союзником в войне против Японии, война может быть закончена значительно быстрее и с меньшими людскими и материальными потерями. Если же войну на Тихом океане придется вести при недружественной или отрицательной позиции России, трудности неимоверно возрастут и операции могут оказаться бесплодными». Как отмечал американский историк Морис Мэтлофф, заявление Сталина на Тегеранской конференции «наилучшим путем

решало эту проблему и снимало столь беспокоивший Рузвельта и Маршалла (генерал, советник президента по вопросам стратегии и тактики) вопрос».

Черчилль признавал, что согласие Советского Союза вступить в войну против Японии меняло обстановку на Дальнем Востоке, и запланированные ранее операции в Юго-Восточной Азии в значительной степени потеряли свою ценность. Отказавшись от широкомасштабного наступления американско-английских войск в Юго-Восточной Азии, западные союзники в дальнейшем стратегическом планировании исходили из того, что СССР возьмет на свои плечи разгром японских войск на материке, а США и Великобритания будут действовать в основном силами военно-морского флота и военной авиации.

Хотя Сталин заявил о выступлении СССР против Японии через шесть месяцев после разгрома Германии, западные союзники продолжали рассчитывать на немедленное нанесение Советским Союзом, по крайней мере, воздушных ударов по японской метрополии сразу же после окончания боевых действий в Европе. На этом особенно настаивал Черчилль, который 27 сентября 1944 г. писал Сталину: «Я искренне желаю и я знаю, что этого желает и Президент, вмешательства Советов в японскую войну, как было обещано Вами в Тегеране, как только германская армия будет разбита и уничтожена. Открытие русского военного фронта против японцев заставило бы их гореть и истекать кровью, особенно в воздухе, так что это значительно ускорило бы их поражение. Судя по тому, что я узнал о внутреннем положении Японии, а также о чувстве безнадежности, гнетущем ее народ, я считаю вполне возможным, что, как только нацисты будут разгромлены, трехсторонние призывы к Японии капитулировать, исходящие от наших трех великих держав, могут быть решающими. Конечно, мы должны тщательно рассмотреть все эти планы вместе. Я был бы рад приехать в Москву в октябре, если я смогу отлучиться отсюда...»

В своем ответном послании от 30 сентября Сталин подтвердил данное обещание, заявив: «Что касается Японии, то наша позиция остается той же, что была в Тегеране».

В октябре 1944 г. после очередной беседы со Сталиным посол США Гарриман информировал Вашингтон о том, что СССР не толь-

ко дал согласие на вступление в войну, но и обязался направить на Дальний Восток максимальные силы.

7 ноября Рузвельт в четвертый раз был избран на пост президента США. Свообразным подарком Сталина стало упоминание им Японии в докладе, посвященном 27-й годовщине Октябрьской революции, как «агрессивного государства». Тем самым, по существу, было выражено отношение к Японии как к государству, враждебному целям и задачам Советского Союза по скорейшему достижению мира. Этот шаг был по достоинству оценен американцами. «Гарриман не скрывал, — писал советский посол в Вашингтоне Громыко, — что ему больше всего понравилось то место доклада Сталина, где он упоминает о Японии. Такая прямота, по словам Гарримана, в настоящее время явилась даже несколько неожиданной...»

По мере того как приближался срок новой встречи лидеров «большой тройки», шла подготовка к конференции, вырабатывались позиции сторон. Хотя на Ялтинскую (Крымскую) конференцию были вынесены такие важные вопросы, как завершение войны против Германии, послевоенное устройство Европы, территориальные вопросы, учреждение Организации Объединенных Наций, особое значение американские лидеры придавали обсуждению вопроса о полномасштабном участии СССР в войне с Японией. Государственный секретарь США Эдуард Стеттиниус признавал, что на Ялтинской конференции делегация США хотела прежде всего вступления СССР в войну против Японии.

В связи с поставленным Сталиным вопросом о задачах советских Вооруженных сил в войне с Японией 28 сентября 1944 г. Рузвельт одобрил стратегический план, по которому на СССР возлагалось выполнение следующих задач: «Прервать транспортную связь между японской метрополией и Азиатским континентом; разгромить японские войска в Маньчжурии и уничтожить их авиационные части и соединения; обеспечить господство в воздухе над Южным Сахалином и Хоккайдо». Выполнение этих задач требовало от Советского Союза больших усилий, новых человеческих жертв и материальных потерь, которые и без того были огромны. Сознывая это, лидеры США и Великобритании с пониманием относились к тем политическим условиям вступления в войну, которые выдвигало советское правительство.

Заседания «большой тройки» — Сталина, Рузвельта и Черчилля — в Ливадийском дворце под Ялтой проходили с 4 по 12 февраля 1945 г. Хотя вопрос об участии СССР в войне с Японией был в перечне проблем на последнем месте и до 8 февраля в ходе ежедневных совещаний практически не затрагивался, западные союзники считали его приоритетным. Рузвельт, похоже, откладывал его обсуждение на конец конференции сознательно, стремясь сначала договориться со Сталиным по другим проблемам, а уж затем на базе достигнутых договоренностей в атмосфере согласия ставить вопрос о Японии. При этом он сразу после начала работы конференции дал понять Сталину, что рассчитывает окончательно решить вопрос о вступлении СССР в войну с Японией.

Тактика Рузвельта на конференции полностью оправдалась. Видя конструктивную позицию американского президента практически по всем рассматривавшимся вопросам, Сталин был готов отвечать взаимностью. Тем более что по вопросу о вступлении СССР в войну решение уже было принято. По сути дела, оставалось лишь определить конкретные сроки объявления Советским Союзом войны Японии.

Объединенный комитет начальников штабов США (ОКНШ) настоятельно просил Рузвельта добиться скорейшего вступления СССР в войну. Накануне отъезда президента в Ялту высшие чины американских вооруженных сил представили ему документ, в котором, в частности, говорилось: «...Мы желаем вступления России в войну как можно скорее в меру ее способности вести наступательные операции и готовы оказать максимально возможную поддержку, не нанеся ущерба нашим основным операциям против Японии...»

Соглашаясь с тем, что вступление СССР в войну против Японии может состояться лишь после окончательного разгрома Германии, главы правительств США и Великобритании не скрывали от Сталина своей заинтересованности в том, чтобы это произошло как можно раньше. Из официальных американских документов следует, что «основная задача американского правительства состояла в том, чтобы добиться скорейшего вступления СССР в войну с Японией, с тем чтобы не допустить передислокации Квантунской армии в метрополию в момент вторжения».

Сталин с пониманием отнесся к этим опасениям. Если в Тегеране он дал принципиальное согласие вступить в войну против Японии

«через шесть месяцев после завершения войны в Европе», то в Ялте, несмотря на большие сложности переброски советских войск на Восток, это срок был сокращен вдвое. Войну с Японией Сталин пообещал начать «через два-три месяца после капитуляции Германии». Это решение с большим удовлетворением было воспринято союзниками.

Практически все основные вопросы, связанные со вступлением СССР в войну были согласованы во время встречи Сталина с Рузвельтом 8 февраля 1945 г.

Эта беседа носила весьма откровенный характер и во многом предопределила будущие события. Весьма существенным было заявление Рузвельта о том, что он не хочет высаживать войска в Японии и пойдет на такой шаг только в случае крайней необходимости. Тем самым прямо давалось понять, что проведение крупномасштабных наземных операций против японских войск, в первую очередь в Маньчжурии, будет возложено на вооруженные силы Советского Союза. Свое нежелание сражаться с японцами президент открыто объяснял стремлением обойтись без больших потерь. Услышав твердое обещание Сталина вступить в войну, Рузвельт, как это и было запланировано, полностью согласился с заявленными советской стороной территориальными условиями и даже обещал помочь в их реализации.

11 февраля 1945 г. в Ливадийском дворце Сталиным, Рузвельтом и Черчиллем было подписано Ялтинское соглашение трех великих держав по вопросам Дальнего Востока. Текст соглашения гласил:

«Руководители трех великих держав — Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании — согласились в том, что через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне союзников при условии:

1. Сохранения status quo (статус-кво) Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики).

2. Возвращения принадлежавших России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г., а именно:

а) возвращения Советскому Союзу южной части о. Сахалина и всех прилегающей к ней островов;

б) интернационализации торгового порта Дайрен с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза в этом порту и

восстановления аренды на Порт-Артур как на военно-морскую базу СССР;

в) совместной эксплуатации Восточно-Китайской железной дороги, дающей выход на Дайрен, на началах организации смешанного Советско-Китайского Общества с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза, при этом имеется в виду, что Китай сохраняет в Маньчжурии полный суверенитет.

3. Передачи Советскому Союзу Курильских островов.

Предполагается, что соглашение относительно Внешней Монголии и вышеупомянутых портов и железных дорог потребуют согласия генералиссимуса Чан Кайши. По совету Маршала И.В. Сталина Президент примет меры к тому, чтобы было получено такое согласие.

Главы правительств трех великих держав согласились в том, что эти претензии Советского Союза должны быть безусловно удовлетворены после победы над Японией.

Со своей стороны Советский Союз выражает готовность заключить с Национальным Китайским Правительством пакт о дружбе и союзе между СССР и Китаем для оказания ему помощи своими вооруженными силами в целях освобождения Китая от японского ига.

И. СТАЛИН

ФРАНКЛИН РУЗВЕЛЬТ

УИНСТОН ЧЕРЧИЛЬ».

1945 год, 11 февраля

Таким образом, без какого-либо торга и разногласий союзники четко определили условия, на которых СССР соглашался вступить в войну с Японией, и официально подтвердили, что эти условия будут выполнены «безусловно». Документ об участии Советского Союза в войне полностью отвечал интересам разгрома Японии без кровопролитных сражений с огромными жертвами. Получив гарантии столь необходимого им выступления СССР против Японии, в большем выигрыше считали себя американцы и англичане. Участие мощных сухопутных сил СССР в войне на Востоке рассматривалось весной 1945 г. в Вашингтоне и Лондоне как важнейшее условие победы над Японией в кратчайшие сроки и с минимальными потерями. Поэтому утверждения о том, что в Ялте Рузвельт якобы пошел на «неоправданные уступки» Сталину, «купил» его участие

в войне, представляются неубедительными и далекими от понимания реально складывавшейся к весне 1945 г. военно-стратегической обстановки в мире.

АТОМНАЯ БОМБА ИЛИ СОВЕТСКИЙ БЛИЦКРИГ?

Японские официальные историки утверждают, что правительство Японии вплоть до окончания войны ничего не знало о достигнутых в Ялте соглашениях по вопросам Дальнего Востока. Однако существуют указания на то, что японская разведка располагала сведениями о договоренностях в Крыму, касавшихся Японии. Так, например, в 1985 г. в Японии были опубликованы воспоминания шифровальщицы японского представительства в Стокгольме Онодэра Юрико, которая утверждала, что разведанные о содержании ялтинских соглашений о Японии были своевременно переданы в японский МИД.

Едва ли случайным совпадением является то, что 14 февраля 1945 г., через два дня после завершения Ялтинской конференции, трижды возглавлявший японское правительство влиятельный политический деятель Японии князь Коноэ Фумимаро спешно составил и представил императору Хирохито секретный доклад, в котором призывал японского монарха «как можно скорее закончить войну». При этом с особой тревогой указывалось на «замыслы Советского Союза в отношении Восточной Азии». Коноэ предупреждал, что «существует серьезная опасность вмешательства в недалеком будущем Советского Союза во внутренние дела Японии». Главный смысл доклада Коноэ сводился к тому, чтобы до вступления в войну СССР успеть капитулировать перед США и Великобританией, «общественное мнение которых еще не дошло до требования изменения нашего государственного строя».

15 февраля руководители японской разведки проинформировали участников заседания Высшего совета по руководству войной о том, что «Советский Союз намерен обеспечить себе право голоса в решении вопросов будущего Восточной Азии». Прозвучало предупреждение, что к весне СССР может расторгнуть пакт о нейтралитете и присоединиться к союзникам в войне против Японии. На следующий день об этом говорил императору министр иностранных дел Сигэмицу: «Дни нацистской Германии сочтены. Ялтинская конференция

подтвердила единство Великобритании, США и Советского Союза». Министр рекомендовал Хирохито не полагаться на пакт о нейтралитете. Генерал Тодзио также предупреждал монарха о возможности выступления СССР против Японии, оценив такую возможность как «50 на 50».

Однако император, сознавая, что вступление в войну СССР будет означать неизбежное и быстрое поражение Японии, не оставлял надежды на привлечение Москвы в качестве посредника для достижения перемирия с США.

Хотя далеко не все японские руководители верили в успех привлечения СССР на сторону Японии, японский МИД сразу после Ялтинской конференции предпринял попытки через советского посла в Японии Я.А. Малика изложить советским руководителям японское предложение о посредничестве. Однако по указанию Москвы посол избегал прямых ответов на японский зондаж.

Японский зондаж, кроме всего прочего, преследовал цель поссорить Советский Союз с Соединенными Штатами и Великобританией, нарушить их союз. По замыслам японского руководства, сам факт советско-японских дипломатических контактов по вопросу о перемирии мог быть истолкован западными державами как односторонняя закулисная деятельность Москвы для сговора с Японией за спиной Вашингтона и Лондона. В принятом 20 апреля 1945 г. Высшим советом по руководству войной документе «Общие принципы мероприятий в случае капитуляции Германии» прямо ставилась задача: «Приложить усилия к тому, чтобы умелой пропагандой разобщить США, Великобританию и СССР и подорвать решимость США и Великобритании вести войну». Важность таких усилий возросла после объявления о денонсации советско-японского пакта.

Готовясь к войне с Японией, советское правительство стремилось соблюсти нормы международного права. 5 апреля 1945 г. правительству Японии было официально объявлено о денонсации советско-японского пакта о нейтралитете от 13 апреля 1941 г. В заявлении советского правительства указывалось, что пакт был подписан до нападения Германии на СССР и до возникновения войны между Японией, с одной стороны, и Великобританией и США — с другой. Текст заявления гласил: «С того времени обстановка изменилась в корне. Германия напала на СССР, а Япония, союзница Германии, помога-

ет последней в ее войне против СССР. Кроме того, Япония воюет с США и Англией, которые являются союзниками Советского Союза.

При таком положении Пакт о нейтралитете между Японией и СССР потерял смысл, и продление этого Пакта стало невозможным...

В соответствии со статьей 3 упомянутого пакта, предусматривающей право денонсации за один год до истечения пятилетнего срока действия Пакта, Советское правительство настоящим заявляет... о своем желании денонсировать Пакт от 13 апреля 1941 г.».

Денонсировав пакт о нейтралитете, советское правительство за четыре месяца до вступления в войну фактически информировало японское правительство о возможности участия СССР в войне с Японией с целью скорейшего завершения Второй мировой войны. Естественно, о возможном сроке вступления в войну японскому правительству не сообщалось. Более того, стремясь по возможности обеспечить скрытность подготовки вооруженных сил к вступлению в войну, советская сторона, отвечая на японский вопрос, соглашалась, что действие пакта о нейтралитете может сохраняться до истечения пятилетнего срока.

Нельзя исключать, что при этом советское правительство допускало ситуацию, когда японское правительство прекратит войну еще до вступления в нее Советского Союза. Официальное объявление о денонсации пакта рассматривалось в Москве как серьезное предупреждение японскому правительству, призванное убедить его в бесполезности продолжения войны.

О том, что японское правительство связывало неизбежность поражения лишь с вступлением в войну СССР, свидетельствует намерение продолжать борьбу с США и Великобританией «до победного конца». 23 апреля 1945 г. новый министр иностранных дел Японии Того Сигэнори заявил представителям императорской ставки: «Если Японии удастся одержать победу на Окинаве, Советский Союз убедится, что у нас все еще имеются значительные резервы. Поэтому, воспользовавшись подобной ситуацией, можно будет построить фундамент для деятельности нашей дипломатии».

Попытки «договориться» с Советским Союзом заметно активизировались после капитуляции Германии. В это время японское командование, потерпев поражение на Окинаве, начало спешно готовиться к сражению за метрополию. А для этого необходимо было сохранить

Квантунскую армию, которую при резком осложнении положения планировалось перебросить на территорию Японии. Поскольку вступление в войну СССР могло нарушить эти планы, японское высшее командование еще более решительно требовало от правительства сделать все возможное, чтобы удержать Москву от этого шага.

15 мая на заседании Высшего совета по руководству войной было принято решение добиваться начала японо-советских переговоров. Для этого считалось необходимым демонстрировать Советскому Союзу «позитивный характер» политики нейтралитета и склонять СССР к посредничеству в деле окончания войны на приемлемых для Японии условиях. Японское руководство демонстративно аннулировало все японо-германские соглашения и дало указание прессе поддерживать дипломатические шаги японского правительства в отношении СССР.

Однако обстановка складывалась явно не в пользу Японии. Советское правительство, понимая существо японских замыслов, продолжало уклоняться от попыток Токио вовлечь СССР в официальные переговоры. 6 июня на очередном заседании Высшего совета по руководству войной была дана весьма пессимистическая оценка складывавшегося положения. В представленном членам совета анализе ситуации говорилось: «Путем последовательно проводимых мер Советский Союз подготавливает почву по линии дипломатии, чтобы при необходимости иметь возможность выступить против Империи; одновременно он усиливает военные приготовления на Дальнем Востоке. Существует большая вероятность того, что Советский Союз предпримет военные действия против Японии... Советский Союз может вступить в войну против Японии после летнего или осеннего периода».

Тем не менее, у японского правительства и командования оставались надежды на резкое ухудшение советско-американских и советско-английских отношений. Участники совещания с нескрываемым удовлетворением отмечали, что «после окончания войны против Германии сотрудничество между США и Великобританией, с одной стороны, и Советским Союзом — с другой, ослабевает». При этом японские лидеры тешили себя надеждой на то, что, в конце концов, советское руководство поймет выгоду для себя от затягивания войны между Японией и США и Великобританией, в которой обе стороны

лишь ослабляют друг друга. Поэтому ставилась задача использовать все возможности для поиска какой-либо договоренности с Советским Союзом.

Вместе с тем на заседании Высшего совета по руководству войной 6 июня был подтвержден курс Японии на продолжение войны. В принятом на заседании решении указывалось: «Империя должна твердо придерживаться курса на затяжной характер войны, не считаясь ни с какими жертвами. Это не может не вызвать к концу текущего года значительных колебаний в решимости противника продолжать войну». Из этого следует, что «мирная дипломатия» Японии в отношении СССР преследовала цель избежать капитуляции, сохранить в стране существующий режим и продолжать войну до тех пор, пока США и Великобритания не пойдут на уступки в определении условий перемирия. В Токио всерьез рассчитывали на принятие США и Великобританией компромиссных условий мира, которые, в частности, предусматривали сохранение за Японией Кореи и Тайваня.

Следует отметить, что японские расчеты на разлад среди коалиции союзников имели определенные основания. После смерти Рузвельта в апреле 1945 г. его место президента США занял Гарри Трумэн. Как отмечал А.А. Громыко, после этого «брешь в политической жизни США образовалась зияющая. Международные последствия ее оказались огромными: К власти в США пришел Трумэн, бывший вице-президент. Как политик он до этого светил вроде Луны — отраженным светом. В советско-американских отношениях почти сразу же стали проявляться серьезные натянутости».

Во время вступления в должность Трумэн был проинформирован о секретных работах по созданию атомной бомбы. Перспектива появления у США супероружия породила у новой американской администрации надежду, что война может быть завершена в результате атомной бомбардировки. Однако уверенности в том, что атомная бомба может быть применена в ближайшее время, не было. Поэтому у США сохранялась заинтересованность в том, чтобы Сталин выполнил данное на Ялтинской конференции обещание вступить в войну с Японией.

В США и Великобритании готовились к упорным продолжительным сражениям на театрах Тихоокеанской войны. В решениях англо-американской конференции в Квебеке, состоявшейся 11—16 сентя-

бря 1944 г., окончание войны с Японией планировалось не раньше чем через 18 месяцев после поражения Германии. Эти расчеты оставались в силе и накануне Ялтинской конференции. Поэтому в подготовленной с участием военных памятке для президента Рузвельта и американской делегации особо подчеркивалось: «Мы отчаянно нуждаемся в Советском Союзе для войны с Японией по завершении войны в Европе».

Незадолго до Ялтинской конференции Рузвельту доложили, что первая атомная бомба будет готова примерно к 1 августа, а вторая — к концу 1945 г. Однако в Вашингтоне исходили из того, что одна или несколько атомных бомб не смогут сыграть решающей роли в разгроме Японии. Эту роль должны были сыграть советские войска, способные разгромить Квантунскую армию и, сковав японские соединения в Китае, лишить тем самым японское командование возможности использовать их для обороны метрополии.

Всего этого не мог не учитывать и новый президент США. Когда к лету 1945 г. из секретных лабораторий поступили сведения о том, что работы по созданию нового оружия вступили в завершающую стадию, в администрации США возобладало стремление скорейшим нанесением атомных ударов по Японии опередить вступление СССР в войну и устранить его от послевоенного урегулирования на Дальнем Востоке. Но американские генералы продолжали настаивать на обязательном привлечении СССР к разгрому Японии. Военный министр США Генри Стимсон в памятной записке предупреждал Трумэна 2 июля 1945 г.: «Начав вторжение, нам придется, по моему мнению, завершать его даже еще более жестокими сражениями, чем те, которые имели место в Германии. В результате мы понесем огромные потери и будем вынуждены оставить Японию». По чисто военным соображениям американское командование не могло отказаться от помощи Советского Союза, поскольку не было уверено в том, что атомная бомба положит конец войне.

Несмотря на успешное испытание атомной бомбы, в ходе проходившей во второй половине июня 1945 г. Потсдамской конференции глав трех держав — СССР, США и Великобритании Трумэн прямо заявил, что «США ожидают помощи от СССР в войне против Японии». В ответ Сталин сказал, что «Советский Союз будет готов вступить в действие к середине августа и что он сдержит свое слово».

Советский Союз присоединился к опубликованной 26 августа Потсдамской декларации, которая призывала японское правительство немедленно капитулировать и предупреждала, что «иначе Японии ждет быстрый и полный разгром». В первом пункте декларации было заявлено, что «Японии дается возможность окончить эту войну». Однако японское правительство не пожелало воспользоваться этой возможностью, проигнорировав Потсдамскую декларацию. Занятая Токио позиция затягивала окончание войны, вела народы к новым жертвам и лишениям.

8 августа 1945 г. советское правительство в строгом соответствии с ялтинским соглашением объявило Японии войну. В сообщении ТАСС, в частности, говорилось: «...Учитывая отказ Японии капитулировать, союзники обратились к Советскому правительству с предложением включиться в войну против японской агрессии и тем самым сократить сроки окончания войны, сократить количество жертв и содействовать скорейшему восстановлению всеобщего мира... Советское правительство заявляет, что с завтрашнего дня, т. е. с 9-го августа, Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Японией».

Вступлению Советского Союза в войну предшествовала атомная бомбардировка 6 августа японского города Хиросима. Затем, уже после начала боевых действий советских войск, 9 августа, атомным ударом был уничтожен город Нагасаки.

В полдень 15 августа 1945 г. японцы впервые услышали по радио голос своего монарха. Являвшийся согласно официальной государственной религии Синто прямым потомком богов император Хирохито объявил подданным о решении прекратить войну. В качестве обоснования невозможности дальнейшего сопротивления было указано на использование противником новой супербомбы. Тем самым давалось понять, что Япония не сдастся, потерпев поражение в честном сражении с противником, а вынуждена уступить перед неодолимой силой невиданного ранее оружия. В связи с этим в Японии до сих пор считается, что применение американцами атомных бомб явилось «тэнью» — волей провидения, милостью небес, позволившей священной нации Ямато выйти из войны с честью, не потеряв лица.

Однако, как свидетельствуют факты и документы, не атомные бомбы вынудили японское правительство согласиться на капитуляцию. Японские руководители скрыли от народа сообщение о приме-

нении американцами обладающего огромной мощью атомного оружия и продолжали готовить население к решающему сражению на своей территории «до последнего японца». Вопрос о бомбардировке Хиросимы не был даже обсужден на заседании Высшего совета по руководству войной. Предупреждение президента Трумэна от 7 августа по американскому радио о готовности США нанести новые атомные удары было расценено японским правительством как пропаганда союзников.

Невзирая на атомные бомбардировки, сторонники «партии войны» продолжали развернутую по всей стране подготовку населения к отпору врагу в случае вторжения — женщин, детей и стариков обучали приемам борьбы с применением бамбуковых копий, в горах создавались базы партизанской войны. Создатель отрядов смертников-камикадзе заместитель начальника главного морского штаба вице-адмирал Ониси Такидзиро, категорически выступая против капитуляции, заявлял на заседании правительства: «Пожертвовав жизнями 20 миллионов японцев в специальных атаках, мы добьемся безусловной победы». При этом он подчеркивал, что камикадзе не обязательно быть пилотом, а достаточно просто «быть готовым нанести ценой своей жизни эффективный удар по противнику».

До последнего существовали и надежды на использование сохранившей свою боеспособность Квантунской армии. Рассматривался вариант в случае высадки американских войск на Японские острова переправить императора и его семью в Маньчжоу-Го, чтобы продолжить здесь сопротивление. При этом считалось, что американцы не будут подвергать атомной бомбардировке территорию союзного Китая. Подобные расчеты были перечеркнуты блицкригом советских войск в Маньчжурии.

9 августа на экстренном заседании Высшего военного совета по руководству войной премьер-министр Японии Судзуки Кантаро со всей определенностью заявил: «Вступление сегодня утром в войну Советского Союза ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным продолжение войны».

Участие СССР в войне вынудило японскую верхушку согласиться с капитуляцией не только вследствие неизбежного военного поражения, но и по политико-идеологическим причинам. Как уже отмечалось, японская аристократия и помещичье-буржуазные круги

усматривали в поражении от социалистического Советского Союза опасность «коммунистической революции в Японии». Эти опасения оказали весьма важное влияние при обосновании необходимости капитулировать как можно скорее. Премьер-министр Судзуки, выступая против попыток военных затянуть принятие окончательного решения о капитуляции, заявил 14 августа на императорском совещании, что «необходимо положить конец войне, пока мы имеем дело с американцами». Серьезное опасение за сохранение в Японии монархической власти прозвучало в рескрипте императора «К солдатам и матросам» от 17 августа 1945 г. В нем Хирохито, уже не упоминая американские атомные бомбы и уничтожение японских городов, в качестве основной причины капитуляции назвал вступление в войну СССР. Было со всей определенностью заявлено: «Теперь, когда в войну против нас вступил и Советский Союз, продолжать сопротивление... означает поставить под угрозу самую основу существования нашей Империи».

Без вступления в войну СССР американцы не смогли бы быстро покорить Японию с помощью атомного оружия. По расчетам американских штабов, для обеспечения высадки десантов на Японские острова требовалось по меньшей мере девять атомных бомб. После ударов по Хиросиме и Нагасаки у США больше не было готовых атомных бомб, производство же новых требовало длительного времени. «Эти бомбы, сброшенные нами, — свидетельствовал военный министр США Стимсон, — были единственными, которыми мы располагали, а темпы производства их в то время были весьма низкими». Не следует забывать и то, что в ответ на атомные удары японцы могли обрушить на США накопленное в секретных лабораториях в огромных количествах бактериологическое оружие.

Факты истории заставляют даже непримиримых критиков политики Сталина признавать очевидное. Так, в изданном в 2005 г. многостраничном научном исследовании причин принятия японским правительством решения о капитуляции профессор Калифорнийского университета (США), этнический японец Хасэгава Цуёси признает определяющее влияние вступления Советского Союза в войну на решение императора принять условия капитуляции. В выводной части своего труда «Racing the Enemy. Stalin, Truman, and the Surrender of Japan» он пишет: «Сброшенные на Хиросиму и Нагасаки две атомные бомбы не являлись определяющими при принятии Японией решения

капитулировать. Несмотря на сокрушительную мощь атомных бомб, их было недостаточно для изменения вектора японской дипломатии. Это позволило сделать советское вторжение. Без вступления Советского Союза в войну японцы продолжали бы сражаться до тех пор, пока на них не были бы сброшены многочисленные атомные бомбы, не осуществилась бы успешная высадка союзников на острова собственно Японии, или продолжались бы воздушные бомбардировки в условиях морской блокады, что исключило бы возможность дальнейшего сопротивления».

2 сентября 1945 г. в Токийском заливе на борту американского линкора «Миссури» состоялась церемония подписания акта о капитуляции Японии, ознаменовавшая также окончание Второй мировой войны. Правительство милитаристской Японии признавало свое полное поражение и соглашалось с условиями капитуляции, выдвинутыми победителями. Текст акта о капитуляции гласил:

1. Мы, действуя по приказу и от имени императора, японского правительства и японского императорского генерального штаба, настоящим принимаем условия декларации, опубликованной 26 июля в Потсдаме главами правительств Соединенных Штатов, Китая и Великобритании, к которой впоследствии присоединился и СССР, каковые четыре державы будут впоследствии именоваться союзными державами.

Настоящим мы заявляем о безоговорочной капитуляции союзным державам японского императорского генерального штаба, всех японских вооруженных сил и всех вооруженных сил под японским контролем вне зависимости от того, где они находятся.

Настоящим мы приказываем всем японским войскам, где бы они ни находились, и японскому народу немедленно прекратить военные действия, сохранять и не допускать повреждения всех судов, самолетов и военного и гражданского имущества, а также выполнять все требования, которые могут быть предъявлены верховным командующим союзных держав или органами японского правительства по его указаниям.

Настоящим мы приказываем японскому императорскому генеральному штабу немедленно издать приказы командующим всех японских войск и войск, находящимся под японским контролем, где бы они ни находились, безоговорочно капитулировать лично, а также

обеспечить безоговорочную капитуляцию всех войск, находящихся под их командованием.

Все гражданские, военные и морские официальные лица должны повиноваться и выполнять все указания, приказы и директивы, которые верховный командующий союзных держав сочтет необходимым для осуществления данной капитуляции и которые будут изданы им самим или же по его уполномочию; мы предписываем всем этим официальным лицам оставаться на своих постах и по-прежнему выполнять свои не боевые обязанности, за исключением тех случаев, когда они будут освобождены от них особым указом, изданным верховным командующим союзных держав или по его уполномочию.

Настоящим мы даем обязательство, что японское правительство и его преемники будут честно выполнять условия Потсдамской декларации, отдавать те распоряжения и предпринимать те действия, которые в целях осуществления этой декларации потребует верховный главнокомандующий союзных держав или любой другой назначенный союзными державами представитель.

Настоящим мы предписываем японскому императорскому правительству и японскому императорскому генеральному штабу немедленно освободить всех союзных военнопленных и интернированных гражданских лиц, находящихся сейчас под контролем японцев, и обеспечить их защиту, содержание и уход за ними, а также немедленную доставку их в указанные места.

Власть императора и японского правительства управлять государством будет подчинена верховному главнокомандующему союзных держав, который будет предпринимать такие шаги, какие он сочтет необходимым для осуществления этих условий капитуляции.

Подписано в Токийском заливе, Япония, 2 сентября 1945 года в 9 часов 04 минуты.

На основании приказа и от имени Его величества
императора Великой Японской империи
и от имени японского правительства
Сигэмицу Мамору

На основании приказа и от имени
Японской императорской Главной ставки
Умэдзу Ёсидзиро

Принято в Токийском заливе, Япония, в 9 часов 08 минут 2 сентября 1945 года в интересах Соединенных Штатов Америки, Китайской Республики, Соединенного Королевства и Союза Советских Социалистических Республик, а также в интересах других союзных государств, находящихся в состоянии войны с Японией.

Верховный главнокомандующий союзных держав

Дуглас Макартур

Представитель Соединенных Штатов Америки

Ч.В. Нимиц

Представитель Китайской Республики

Су Юнчан

Представитель Соединенного Королевства

Брус Фрэзер

Представитель Союза Советских Социалистических Республик

Кузьма Николаевич Деревянко

Затем акт подписывают представитель Австралии генерал Томас Блэми, главнокомандующий австралийскими войсками, представители Канады, Франции, Голландии, Новой Зеландии.

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ИТОГИ ВОЙНЫ

После поражения царизма в японско-русской войне Япония отторгла от России южную половину острова Сахалин, навязав ей с помощью американского правительства несправедливые условия Портсмутского мирного договора 1905 г. Содержание этого договора аннулировало все заключенные ранее между двумя странами договоры, что лишало Японию права ссылаться на них.

В результате экспансионистской политики Япония закрыла для российского флота не только свободный выход в Тихий океан, но и доступ к портам Камчатки и Чукотки. В годы вооруженной интервенции против Советской России Япония захватила и северную часть Сахалина, оккупация которой продолжалась до 1925 г.

Советское правительство официально заявляло, что не считает себя связанным условиями Портсмутского договора. При заключении 20 января 1925 г. установившей дипломатические отношения Конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР

и Японией уполномоченный Советского Союза Л.М. Карахан особо подчеркнул, что «признание его Правительством действительности Портсмутского договора от 5 сентября 1905 года никоим образом не означает, что Правительство Союза разделяет с бывшим царским правительством политическую ответственность за заключение названного договора». Конвенция не решала вопрос о территориальном размежевании СССР и Японии, ибо японское правительство продолжало удерживать ранее принадлежавшие России земли Южного Сахалина и Курильских островов. Более того, в последующие годы милитаристская Япония превратила эти территории в военные плацдармы, с которых постоянно угрожала Советскому Союзу, развернула на них активную подготовку к войне против СССР, что наиболее ярко проявилось в годы Второй мировой войны.

Вопрос о намерении советского правительства добиваться восстановления исторической справедливости в отношении принадлежавших ранее России южной части Сахалина и Курильских островов возник при обсуждении условий заключения между СССР и Японией пакта о ненападении. Как отмечалось выше, 18 ноября 1940 г. во время очередной беседы с послом Японии в Советском Союзе Татэгава нарком иностранных дел СССР Молотов указал, что общественное мнение в СССР будет связывать вопрос о заключении пакта о ненападении с Японией с вопросом о возвращении утраченных ранее территорий — Южного Сахалина и Курильских островов. Было заявлено, что если Япония не готова к постановке этих вопросов, то было бы целесообразно говорить о заключении пакта не о ненападении, а о нейтралитете, не предусматривающего разрешения территориальных проблем.

На следующий день Молотов направил послу СССР в Японии Сметанину телеграмму следующего содержания: «...Я заявил, что последнее предложение японского правительства о пакте о ненападении может вызвать известные затруднения со стороны самой же Японии. Дело в том, что, как известно, заключение пакта о ненападении с Германией в 1939 году привело к тому, что СССР вернул ряд территорий, ранее утраченных нашей страной, а поэтому общественное мнение нашей страны заключение пакта о ненападении с Японией также, естественно, будет связывать с вопросом о возвращении Советскому Союзу таких утраченных ранее территорий, как Южный Сахалин, Курильские остро-

ва и уж, во всяком случае, на первый раз как минимум встанет вопрос о продаже некоторой группы северной части Курильских островов. Если Япония считает целесообразным поднимать эти территориальные вопросы, то тогда можно будет говорить относительно заключения пакта о ненападении. Но так как я не уверен, что Япония будет считать это целесообразным, то со своей стороны считаю возможным сейчас не будоражить много вопросов, а заключить вместо пакта о ненападении пакт о нейтралитете и подписать отдельно протокол о ликвидации японских нефтяной и угольной концессий...

Татэкава, не возражая против предложения о заключении пакта о нейтралитете, заявил, что, по его мнению, этот пакт также может улучшить советско-японские отношения. На мой вопрос, считает ли Татэкава мои предложения о пакте и о протоколе приемлемыми в качестве базы для переговоров, Татэкава ответил, что лично он считает эти предложения базой для переговоров и сообщит об этих предложениях в Токио».

Ответ из японской столицы поступил уже через два дня. Министр иностранных дел Японии Мацуока предписал послу: «Рассмотрение вопроса о ликвидации концессий затруднительно. Вместо этого предложите продать Северный Сахалин». В беседе с Молотовым 21 ноября японский посол сообщил, что его правительство считает проект протокола о ликвидации концессий «абсолютно неприемлемым».

Выполняя указание МИД, Татэкава заявил Молотову: «Так как продажа Россией Аляски США уменьшила споры и конфликты между двумя странами, то он (посол) твердо уверен, что и продажа Северного Сахалина положила бы конец спорам и конфликтам между обеими странами и способствовала бы установлению длительного мира между Японией и СССР».

Касаясь предложения о продаже Северного Сахалина, Молотов ответил, что по этому вопросу ему нечего добавить к тому, что он публично говорил 29 марта 1940 г. на сессии Верховного Совета СССР. В этом выступлении Молотов иронически коснулся предложения одного из членов японского парламента о продаже Северного Сахалина и в свою очередь заявил, что «в СССР нашлись бы покупатели на Южный Сахалин».

Молотов сказал Татэкава, что в этом выступлении дан исчерпывающий ответ как о продаже Приморья и Сахалина, так и других тер-

риторий, и поэтому такого рода предложения могут рассматриваться только как шутка.

Отвергая японские предложения о продаже Северного Сахалина, Молотов со своей стороны развивал мысль о целесообразности выкупа у Японии ранее принадлежавших России территорий Южного Сахалина и Курильских островов. Он говорил: «У Японии имеется много островов, которые ей не нужны, а у нас на Дальнем Востоке островов нет... Поэтому советская сторона может ставить вопрос о покупке Южного Сахалина и Курильских островов за соответствующую цену... Если Япония согласилась бы на продажу, то можно было бы договориться по всем другим вопросам, и у Японии были бы свободные руки для действий на Юге, ибо, как известно, Германия, заключив с СССР пакт о ненападении и обеспечив себе тыл, добилась на Западе больших успехов...»

После этого Татэкава в откровенной форме заявил, что международная обстановка развивается в пользу СССР и нет ничего удивительного в том, что СССР хочет этим воспользоваться. Однако он считает, что когда говорится о продаже Курильских островов, то это является слишком большим требованием.

Не желая осложнять переговоры территориальными проблемами, Молотов счел целесообразным оставить эту тему, заявив, что «речь сейчас идет не о продаже некоторых островов в связи с пактом о ненападении, и вопрос, который он ставил попутно, (мы) не считаем актуальным». Однако, как показали последующие события, заявленная тогда в качестве зондажа советская позиция по территориальному вопросу была серьезно воспринята японским правительством.

При встрече в апреле 1941 г. со Сталиным министр Мацуока, выполняя инструкции своего правительства, вновь попытался затронуть вопрос о продаже Японии Северного Сахалина.

Из записи беседы Сталина с Мацуока 12 апреля 1941 г.:

«...Мацуока говорит, что ставил вопрос о продаже Японии Северного Сахалина, что было бы коренным разрешением вопроса, но так как советская сторона не принимает этого предложения, то нужно найти другой выход и идти по линии протокола. Мацуока заявляет, что он имел инструкцию, в которой говорилось о продаже Северного Сахалина, но так как СССР не соглашается, то ничего не поделаешь.

Тов. Сталин подходит к карте и, указывая на Приморье и его выходы в океан, говорит: Япония держит в руках все выходы Советского Приморья в океан — пролив Курильский у Южного мыса Камчатки, пролив Лаперуза к югу от Сахалина, пролив Цусимский у Кореи. Теперь вы хотите взять Северный Сахалин и вовсе закупорить Советский Союз. Вы что, говорит тов. Сталин, улыбаясь, хотите нас задушить? Какая же это дружба?

Мацуока говорит, что это было бы нужно для создания нового порядка в Азии. Кроме того, говорит Мацуока, Япония не возражает против того, чтобы СССР вышел через Индию к теплому морю. В Индии, добавляет Мацуока, имеются индусы, которыми Япония может руководить, чтобы они не мешали этому. В заключение Мацуока говорит, указывая по карте на СССР, что ему непонятно, почему СССР, имеющий огромную территорию, не хочет уступить небольшую территорию в таком холодном месте.

Тов. Сталин спрашивает: а зачем вам нужны холодные районы Сахалина?

Мацуока отвечает, что это создаст спокойствие в этом районе, а кроме того, Япония согласна на выход СССР к теплому морю.

Тов. Сталин отвечает, что это дает спокойствие Японии, а СССР придется вести войну здесь (указывает на Индию). Это не годится.

Далее Мацуока, указывая на район южных морей и Индонезии, говорит, что если СССР что-либо нужно в этом районе, то Япония может доставить СССР каучук и другие продукты. Мацуока говорит, что Япония хочет помогать СССР, а не мешать.

Тов. Сталин отвечает, что взять Северный Сахалин — значит мешать Советскому Союзу жить».

Вопрос о восстановлении территориальных прав СССР на Дальнем Востоке между лидерами «большой тройки» обсуждался во время Тегеранской конференции. Причем инициативу такой постановки вопроса проявили западные союзники, в частности, Черчилль начал с того, «чтобы советский флот плавал свободно во всех морях и океанах». Отвечая на вопрос Сталина, что может быть сделано для России на Дальнем Востоке, Рузвельт предложил превратить, например, Дайрен в свободный порт. Сталин, заметив, что СССР фактически заперт японцами на Дальнем Востоке, отвечал, что «Порт-Артур боль-

ше подходит в качестве военно-морской базы». Как бы подводя итог предварительному обсуждению этого вопроса, Черчилль заявил, что «совершенно очевидным является тот факт, что Россия должна иметь выход в теплые моря». При этом, помня, что в результате поражения в японско-русской войне 1904—1905 гг. Россия лишилась части своей территории на Дальнем Востоке, он особо отметил, что «управление миром должно быть сосредоточено в руках наций, которые полностью удовлетворены и не имеют никаких претензий».

Во время беседы зашел разговор об отношении Сталина к Каирской декларации США, Великобритании и Китая, в которой, в частности, отмечалось, что Япония должна быть лишена всех захваченных и оккупированных территорий. Советский руководитель заявил, что «русские, конечно, могли бы к этому коммюнике кое-что добавить, но после того, как они станут активно участвовать в военных действиях на Дальнем Востоке».

Как отмечалось выше, окончательно политические условия участия Советского Союза в войне против Японии были сформулированы и закреплены на Ялтинской конференции глав правительств СССР, США и Великобритании.

Готовясь к конференции, 14 декабря 1944 г. посол США в Москве Гарриман на встрече со Сталиным сообщил, что президент просил его поставить перед маршалом Сталиным политические вопросы, относящиеся к Дальнему Востоку. Так как во время этой встречи условия вступления СССР в войну были изложены Сталиным наиболее полно и именно они легли в основу переговоров в Ялте по дальневосточному вопросу, приведем подробнее содержание беседы:

«...Гарриман заявляет, что президент просил его поставить перед маршалом Сталиным политические вопросы, относящиеся к Дальнему Востоку, о чем маршал Сталин говорил ему, Гарриману, в октябре. Так как намеченная на ноябрь встреча маршала Сталина с президентом не состоялась, он, Гарриман, уполномочен президентом обсудить эти вопросы с маршалом Сталиным сейчас или позднее, когда будет удобно маршалу Сталину.

Сталин говорит, что он готов изложить Гарриману пожелания Советского Союза. Советский Союз хотел бы получить Южный Сахалин, т. е. вернуть то, что было передано Японии по Портсмутскому договору, а также получить Курильские острова. Кроме того, в Теге-

ранее президент по собственной инициативе поднял вопрос о предоставлении Советскому Союзу выхода к теплым морям на Дальнем Востоке. При этом президент говорил о Порт-Артуре и Дайрене, которыми пользовалась раньше Россия на условиях аренды. Советский Союз хотел бы восстановить пользование на условиях аренды этими портами, а также ведущей к ним через Мукден, Чанчунь, Харбин железной дорогой, которая сокращает Советскому Союзу пути сообщения с Владивостоком. При этом Китай должен полностью сохранить свой суверенитет на территориях, по которым проходят эти дороги. Далее Советское правительство желает, чтобы было полностью сохранено статус-кво Внешней Монголии.

Гарриман говорит, что ему кажется, что президент в Тегеране имел в виду интернационализацию Дайрена и Порт-Артура, так как это более соответствовало бы современным идеям. Однако он, Гарриман, не помнит этого точно.

Сталин отвечает, что этот вопрос может быть обсужден.

Гарриман заявляет, что он передаст президенту высказанные маршалом Сталиным пожелания».

Стремление Сталина вернуть СССР ранее принадлежавшие России дальневосточные территории не было продиктовано намерением получить их в виде «платы» за участие в войне с Японией. Советское правительство никогда не отказывалось от этих земель, считая их российскими по праву первооткрытия и освоения. Сталин считал, что рано или поздно эти территории должны быть возвращены и включены в состав СССР. В связи с этим весьма характерен эпизод, приведенный известным советским писателем Константином Симоновым. Он писал: «Когда в конце 30-х гг. было принято решение о строительстве океанского военно-морского флота на Дальнем Востоке, первый заместитель наркома Военно-морского флота СССР И.С. Исаков выразил Сталину свое недоумение по поводу этого решения правительства, считая его бессмысленным, так как Япония, владея южной частью острова Сахалин, блокирует все выходы этого флота в океан. Сталин спокойно заметил: “Подождите, будет вам и Южный Сахалин”».

Выдвинутые Сталиным предложения рассматривались американскими специалистами из госдепартамента. Не желая признавать права России на Южный Сахалин и Курильские острова, чиновники госде-

партамента разработали для президента материалы, в которых предлагалось передать после войны эти территории под международную опеку. Однако Рузвельт не проявил интереса к этому предложению. Он отмахнулся, заметив, чтобы к нему «не приставали с пустяками». Рузвельт выдвинутые Сталиным условия отнюдь не считал чрезмерными. Известно высказывание американского президента о том, что ему «представляется резонным предложение со стороны советского союзника». «Русские, — заявил Рузвельт, — хотят вернуть то, что у них было отторгнуто».

Направляясь в Ялту, Сталин еще не знал, как отреагирует Рузвельт на выдвинутые советской стороной условия вступления СССР в войну с Японией, в частности по вопросам, затрагивавшим интересы Китая. Можно сказать, от того, какую позицию займут союзники по дальневосточным проблемам, во многом зависел политический климат на заседаниях конференции. Это понимал и Рузвельт. Стремясь не раздражать советского лидера мелкими вопросами, а сосредоточиться в первую очередь на координации действий в войне против Японии, он счел целесообразным еще до начала обсуждения дальневосточных проблем письменно сообщить Сталину о согласии с политическими условиями и пожеланиями СССР. Как вспоминал тогдашний посол в США Громыко, уже утром следующего дня после открытия конференции Сталин через специального посыльного получил «весьма срочный пакет от президента». Вот как описывает этот эпизод Громыко:

«Когда я вошел в его кабинет, Сталин там был один. Поздоровавшись, я спросил:

— Как вы себя чувствуете после довольно напряженного начала конференции?

Сталин ответил:

— Вполне нормально.

Но я заметил, что его занимают совсем другие заботы, а не тема о личном самочувствии.

Сталин протянул мне какую-то бумагу и сказал:

— Вот письмо от Рузвельта. Я только что его получил.

А затем, чуть помедлив, добавил:

— Я хотел бы, чтобы вы перевели мне это письмо устно. Хочу до заседания хотя бы на слух знать его содержание.

Я с ходу сделал перевод. Сталин, по мере того как я говорил, просил повторить содержание той или иной фразы. Письмо посвящалось Курильским островам и Сахалину. Рузвельт сообщал о признании правительством США прав Советского Союза на находившуюся под японской оккупацией половину острова Сахалин и Курильские острова.

Этим письмом Сталин остался весьма доволен. Он расхаживал по кабинету и повторял вслух:

— Хорошо, очень хорошо!

Я заметил:

— Занятой теперь позицией США как бы реабилитируют себя в наших глазах за то, что они сочувствовали Японии в 1905 году. Тогда в Портсмуте после русско-японской войны велись мирные переговоры между японской делегацией и делегацией России, которую возглавлял глава правительства граф Витте. В то время США, по существу, помогали Японии оторвать от России ее территории.

По всему было видно, что Сталин мнение о попытке США “реабилитировать себя” полностью разделяет.

Он несколько минут помолчал, обдумывая содержание письма. Потом начал высказывать свои мысли вслух. Он заявил:

— Это хорошо, что Рузвельт пришел к такому выводу.

Закончил Сталин эту тему разговора словами:

— Америка заняла хорошую позицию. Это важно и с точки зрения будущих отношений с Соединенными Штатами.

... Не скрою, выходя из кабинета, я подумал, что настроение Сталина, его удовлетворенность позицией правительства США, изложенной в письме Рузвельта, конечно же, окажут большое влияние на Крымскую встречу трех...

Сталин с каким-то, я бы сказал, особым удовлетворением держал в руке письмо Рузвельта, после того как ознакомился с его содержанием. Несколько раз он прошелся с ним по комнате, служившей кабинетом, как будто не желал выпускать из рук то, что получил. Он продолжал держать письмо в руке и в тот момент, когда я от него уходил...

Можно сказать, что позиция президента США и его администрации по вопросу о Сахалине и Курильских островах, а также по вопросу о втором фронте в немалой степени объясняла отношение Сталина к Рузвельту и как к человеку».

Воспротивиться решению «большой тройки» в Ялте по вопросу о возвращении СССР Южного Сахалина и Курильских островов не смог и занявший после кончины Рузвельта его место антисоветски настроенный новый президент США Гарри Трумэн.

Пункт 8-й Потсдамской декларации определял территориальные границы Японии после ее капитуляции. Он гласил: «Условия Каирской декларации должны быть выполнены, японский суверенитет будет ограничен островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и менее крупными островами, которые мы укажем». Приняв условия Потсдамской декларации при подписании акта о безоговорочной капитуляции, японское правительство от имени императора согласилось с этим положением.

Послевоенные границы японского государства были определены Меморандумом главнокомандующего союзных держав японскому императорскому правительству № 677 от 29 января 1946 г. В меморандуме указывалось:

«3. Для целей настоящей директивы территория Японии определяется в составе: четырех главных островов Японии (Хоккайдо, Хонсю, Кюсю и Сикоку) и приблизительно 1000 мелких прилегающих островов, включая острова Цусима и острова Рюкю (Нансэй) севернее 30° северной широты (за исключением острова Кутиносима), и исключая: а) о-в Унуре (Уллунг), Лианкорт Рокс (о-ва Такэ) и о-в Квельпарт (Сайсю или Тэдзю), б) остров Рюкю (Нансэй) южнее 30° северной широты (включая о-в Кутиносима), группы островов Идзу, Нампо, Бонин (Огасавара) и Волкано (Кадзан или Иво), а также все другие отдаленные тихоокеанские острова, включая группу островов Дайто (Охигаси или Оагари) и остров Прес Вела (Окинотори), Маркус (Минамитори) и Ганджес (Наканотори), в) Курильские (Тисима) острова, группу островов Хабомаи (Хабомандзё), включая острова Сусио, Юри, Акиюри, Сибоцу и Тараку, а также остров Сикотан.

4. Следующие районы особо исключаются из государственной и административной юрисдикции японского императорского правительства:

а) все тихоокеанские острова, захваченные или оккупированные по мандату, или же приобретенные Японией иным способом с начала мировой войны 1914 года,

б) Маньчжурия, Формоза и Пескадорские острова,

- в) Корея,
- д) Карафуто (Сахалин).

5. Определение территории Японии, содержащееся в настоящей директиве, будет относиться ко всем будущим директивам, меморандумам и приказам штаба главнокомандующего, если оно не будет каким-либо образом уточнено».

Вслед за этим Президиум Верховного Совета СССР 2 февраля 1946 г. издал Указ:

«1. Установить, что с 20 сентября 1945 года вся земля с ее недрами, лесами и водами на территории южной части острова Сахалина и Курильских островов является государственной собственностью СССР, т. е. всенародным достоянием.

Образовать на территории Южного Сахалина и Курильских островов Южно-Сахалинскую область с центром в городе Тойохара с включением ее в состав Хабаровского края РСФСР».

Тем самым были выполнены ялтинские договоренности о возвращении СССР ранее принадлежавших России земель. В своем обращении к советскому народу от 2 сентября 1945 г. Сталин отмечал:

«...Япония же воспользовалась поражением царской России для того, чтобы отхватить от России Южный Сахалин, утвердиться на Курильских островах и, таким образом, закрыть на замок для нашей страны на востоке все выходы в океан, — следовательно, также все выходы к портам советской Камчатки и советской Чукотки. Было ясно, что Япония ставит себе задачу отторгнуть от России весь ее Дальний Восток...

Южный Сахалин и Курильские острова отойдут к Советскому Союзу, и отныне они будут служить не средством отрыва Советского Союза от океана и базой японского нападения на наш Дальний Восток, а средством прямой связи Советского Союза с океаном и базой обороны нашей страны от японской агрессии».

Окончательное международное оформление исключения территорий Южного Сахалина и Курильских островов закреплено в Сан-Францисском мирном договоре, заключенном 8 сентября 1951 г. В нем записано: «Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова и на ту часть острова Сахалин и прилегающих к нему островов, суверенитет над которыми

ми Япония приобрела по Портсмутскому договору от 5 сентября 1905 года».

Одновременно статья 8-я Сан-Францисского мирного договора гласит: «Япония признает полную силу всех договоров, заключенных Союзными Державами в настоящее время или в будущем, для прекращения состояния войны, начатой 1 сентября 1939 года, а также любые другие соглашения Союзных Держав, заключенные для восстановления мира или в связи с восстановлением мира».

В связи с этим выдвигаемое современным японским правительством несогласие с решениями Ялтинской конференции противоречит данному обязательству и может рассматриваться как попытка добиться пересмотра территориальных итогов Второй мировой войны.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Итак, факты и документы неопровержимо свидетельствуют о том, что подписание японо-советского пакта о нейтралитете накануне германской агрессии против СССР было продиктовано стремлением японского правительства выиграть время для выяснения перспектив развития Великой Отечественной войны и принятия самостоятельного, независимого от Германии решения об участии в этой войне.

Политическое решение высшего японского руководства о внезапном нападении на СССР в случае успеха немецких войск на германо-советском фронте и развернутая летом 1941 г. активная подготовка японского удара по Советскому Союзу с востока явились нарушением положений пакта о нейтралитете, что лишило Японию права ссылаться на него.

Тщательно подготовленное японское нападение на СССР не состоялось не в результате соблюдения Японией пакта о нейтралитете, а вследствие провала германского плана «молниеносной войны» и сохранения высокой обороноспособности Советского Союза в восточных районах страны.

Этого не могут отрицать добросовестные японские историки. Они указывают, что заявления бывших японских военных о «слабости» Квантунской армии, ее боязни «превентивного удара Советов», оборонительном характере плана «Кантокуэн» могут ввести в заблуждение лишь несведущего читателя. «Летом 1941 г. мощь Квантунской армии достигла пика, и ее называли в Японии “непобедимой” — в то время считалось, что она является самым сильным фронтовым объединением. И действительно, с точки зрения тогдашнего уровня экономического производства Японии эта армия оправдывала название “самой передовой и современной”», — свидетельствовал автор ряда работ об участии Японии во Второй мировой войне Гомикава Дзюмпэй. Проанализировав ставшие доступными после войны документы, он приходит к выводу о том, что нападение на СССР в 1941 г. «не

было осуществлено по причине отсутствия необходимых условий, а не в результате соблюдения Японией пакта о нейтралитете».

Объективные оценки политики милитаристской Японии в отношении Советского Союза накануне и в годы мировой войны дал в своих работах известный японский военный историк Фудзивара Акира. От отмечал: «Японская армия и японские правящие круги намеревались всецело использовать союз (Тройственный пакт) для войны против Советского Союза... Вторжение Гитлера в СССР и участие в антисоветской войне Японии рассматривались как исключительно благоприятная возможность сокрушить оплот революции... Маневры «Кантокуэн», в ходе которых была осуществлена небывалая в истории армии мобилизация, проводились не из предосторожности, а для того, чтобы быть готовыми в любой момент начать войну... Составленный график подготовки к операциям осуществлялся с опозданием лишь на двое суток... Нападение Японии на СССР не произошло потому, что она не имела уверенности в победе над сильным в военном отношении Советским Союзом... Поражение немецкой армии в январе 1943 г. под Сталинградом лишило Японию надежд на успешное для Третьего рейха развитие германо-советской войны».

Историкам правонационалистической ориентации все труднее изыскивать аргументы для отстаивания ложной концепции о соблюдении милитаристской Японией пакта о нейтралитете с СССР. Им оказывается не под силу отрицать, что этот пакт был нарушен не Советским Союзом, а Японией. Так, например, начальник военно-исторической службы японского управления национальной обороны (ныне министерства обороны) Номура Минору под давлением документов вынужден был признать, что, готовясь к нападению на СССР, Япония пошла на «преступное покушение» и совершила преследуемое по закону «не доведенное до конца преступление», которое выразилось в нарушении японо-советского пакта о нейтралитете.

Призывом отказаться от фальсификации истории советско-японских отношений в годы войны прозвучало высказывание профессора Токийского университета Онума Ясуаки, который заявил: «Японская сторона под кодовым названием “Особые маневры Квантунской армии” — “Кантокуэн” осуществляла массовую мобилизацию с замыслами напасть на Советский Союз в момент, когда положение Германии будет выгодным. Так как эта подготовка именовалась

“маневрами”, в Японии мало известен факт о том, что в действительности это была подготовка к войне. Я считаю, что на этот вопрос необходимо обратить особое внимание. Ведь, когда Советский Союз упоминает о “Кантокуэн”, в японском обществе это воспринимается как нерезонное заявление. Однако факты есть факты. Я считаю, что следует признать: “Кантокуэн” не были обычными маневрами, а были подготовкой к войне».

Даже отстаивающие проправительственные позиции составители насчитывающей свыше ста томов японской «Официальной истории войны в Великой Восточной Азии» вынуждены признавать, что запланированное японское нападение не состоялось из опасения потерпеть поражение от сохранявших боеспособность советских войск. Они пишут: «Советский Союз, ведя оборонительную войну против Германии, не ослабил свои военные силы на Востоке, сохранив группировку, равную Квантунской армии. Таким образом, Советскому Союзу удалось достичь цели — оборона на Востоке, избежав войны... Главным фактором явилось то, что Советский Союз, обладая огромной территорией и многочисленным населением, за годы предвоенных пятилеток превратился в мощную экономическую и военную державу».

Многолетний опыт общения с японской аудиторией самого различного характера убеждает, что усилиями пропаганды в этой стране создано и сохраняется предвзятое в целом негативное отношение к политике Советского Союза, а ныне России. При этом в основе недружелюбия и недоверия к соседу на севере лежат не нынешние проблемы взаимоотношений, а восприятие исторического прошлого. Практически во время каждого выступления с лекцией или докладом среди японцев неизменно находятся люди, поднимающие вопросы «нарушения пакта о нейтралитете», «оккупации северных территорий», содержания в «сибирских лагерях» солдат и офицеров разгромленной советскими войсками Квантунской армии. Замечено, что многие из приводимых с нашей стороны контраргументов, документов и фактов не известны широкой японской общественности. Японские средства массовой информации нередко для поддержания сформированной концепции «виновности Советского Союза за нападение на Японию» селективно подходят к публикации документов о вероломной политике и стратегии Токио в годы войны. Нехотя при-

знают существование «неудобных» фактов и документов и многие японские историки. Те же японские ученые, кто пытается объективно рассмотреть историческое прошлое, предлагают альтернативные официальным концепциям выходы из тупика противоречий вокруг пресловутого «территориального вопроса», подвергаются обструкции и ostrакизму.

Учитывая, что проблемы прошлого напрямую затрагивают современные межгосударственные отношения, представляется желательным и даже необходимым находить пути сближения позиций сторон, выработки и обнародования в обеих странах согласованных концепций, основанных не на эмоциях, а на реальных фактах и документах. В связи с этим заслуживает внимания идея создания под эгидой правительств РФ и Японии, состоящей из авторитетных ученых комиссии по вызывающим разногласия проблемам истории. Опыт работы таких комиссий между Японией, с одной стороны, и КНР и Республикой Корея — с другой показывает, что даже при существовании, казалось бы, непримиримых разногласий в оценке тех или иных событий прошлого можно, отсекая крайности, находить объективные компромиссные оценки. В противном случае наши страны и народы обречены еще на долгую бесплодную и вредную во всех отношениях конфронтацию.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ДОКУМЕНТ № 1¹

Секретно
экз. № 1

Передано В.М. Молотовым японскому послу г. Сато
5 апреля 1945 г.

Пакт о нейтралитете между Советским Союзом и Японией был заключён 13 апреля 1941 года, т.е. до нападения Германии на СССР и до возникновения войны между Японией, с одной стороны, и Англией и Соединёнными Штатами Америки, с другой.

С того времени обстановка изменилась в корне. Германия напала на СССР, а Япония, союзница Германии, помогает последней в её войне против СССР. Кроме того, Япония воюет с США и Англией, которые являются союзниками Советского Союза.

При таком положении Пакт о нейтралитете между Японией и СССР потерял смысл, и продление этого Пакта стало невозможным.

В силу сказанного выше и в соответствии со статьёй 3-ей упомянутого Пакта, предусматривающей право денонсации за один год до истечения пятилетнего срока действия Пакта, Советское Правительство настоящим заявляет Правительству Японии о своём желании денонсировать Пакт от 13 апреля 1941 года.

5 апреля 1945 года.

Разослано: тт. Сталину, Молотову, Микояну, Берия, Маленкову, Вышинскому, Деканозову, Лозовскому, 6-ам № 514-М

Опубликовано 6.IV.1945 г.

АП РФ.Ф. 3. Оп.66.Д. 1021.Л.1.

¹ Документы с 1 по 10 даны по журналу «Родина» № 9, 2010 г.

ДОКУМЕНТ № 2

Сов. секретно
экз. № 1

ТОВАРИЦУ СТАЛИНУ

Представляю справку о боевых потерях войск и флота на Дальнем Востоке за период с 9 по 29 августа 1945 года.

Приложение: — справка на 3-х листах.

ГЕНЕРАЛ АРМИИ
(АНТОНОВ)
29 августа 1945 г.
№ 14748

Сов. секретно
СПРАВКА

о боевых потерях войск и флота на Дальнем Востоке с 9 по 29.8.1945 года

Наименование потерь	Заб. фр. с 9 по 20.8	1 ДВФ с 9 по 24.8	2 ДВФ с 9 по 27.8	ТОФ с 9 по 29.8	ВСЕГО
<u>Офицеров:</u>					
убито	97	410	59		566
ранено	166	792	226		1184
пропало без вести	18	—	23		41
Итого:	281	1202	308		1791
<u>Серж. и рядов.:</u>					
убито	843	2844	1900		5587
ранено	2261	8783	3009		14 053
пропало без вести	132	104	508		744
Итого:	3236	11731	5417		20 384
<u>ВСЕГО:</u>					
убито	940	3254	1959	383	6536
ранено	2427	9575	3235	780	16 017
пропало без вести	150	104	531	101	886
ВСЕГО людей	3517	12 933	5725	1264	23 439

Наименование потерь	Заб. фр.	1 ДВФ	2 ДВФ	ТОФ	ВСЕГО
Лошадей	66	260	101	—	427
Орудий	—	8	12	—	20
Миномётов	—	17	10	—	27
ПТР	—	—	2	—	2
Станк. пулемёт.	1	—	8	—	9
Ручн. пулемёт.	—	—	25	—	25
Винтовок	—	—	55	—	55
Автоматов	—	—	38	—	38
Танков и СУ	4	29	20	—	53
Бронемашин	1	2	—	—	3
Самолётов	10	34	12	33	89
Тракторов	—	—	1	—	1
Автомашин	—	—	14	—	14

ТИХООКЕАНСКИЙ ФЛОТ

Наименование потерь	Потоплено	Поврежд.	ВСЕГО
Торпедных катеров	1	4	5
Сторожевых катеров	2	1	3
Катерных тральщиков	1	—	1
Десантных судов	5	11	16
Минных заградителей	—	1	1
Сторожевых кораблей	—	1	1
Больших охотников	—	2	2
Гидрографических кораблей	—	1	1
Тральщиков	—	4	4
Транспортов	—	4	4
Танкеров	—	1	1
Подводных лодок (предположительно потоплено)	1	—	1
Итого:	10	30	40

ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК
(ШТЕМЕНКО)

29 августа 1945 г.

АП РФ.Ф. 3. Оп. 66. Д. 1062. Л. 30—33.

ДОКУМЕНТ № 3

Строго секретно

№ П46/223
Тов. Горкину
2.IX.1945 г.

Выписка из протокола № 46 заседания Политбюро ЦК ВКП(б)

Решение от 2 сентября 1945 г.

223. Об объявлении 3 сентября праздником Победы над Японией

Утвердить проект Указа Президиума Верховного Совета СССР об объявлении 3 сентября праздником Победы над Японией (см. приложение).

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Опубликовано 3.IX.1945 г.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР Об объявлении 3 сентября ПРАЗДНИКОМ ПОБЕДЫ над Японией

В ознаменование победы над Японией установить, что 3 сентября является днём всенародного торжества — ПРАЗДНИКОМ ПОБЕДЫ над Японией.

3 сентября считать нерабочим днём.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
М.КАЛИНИН
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
А. ГОРКИН

Москва, Кремль, 2 сентября 1945 г.

АП РФ.Ф. 3. Оп. 66. Д. 1062. Л. 40—41.

ДОКУМЕНТ № 4

Сов. секретно

ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ

Докладываем:

За последнее время на территории Маньчжурии, в районах расположения наших войск активизировалась деятельность различного рода нелегальных китайских бандитских отрядов, именующих себя Гоминьдановскими войсками. Эти отряды, выходя на наши коммуникации, нарушают работу железных дорог, нападают на отдельных военнослужащих и небольшие команды наших войск и зверски убивают их.

Неоднократные представления тов. МАЛИНОВСКОГО представителю китайского командования в ЧАНЬЧУНЕ в отношении этой враждебной деятельности нелегальных отрядов китайского правительства, не достигают цели, так как китайское командование упорно отрицает свою связь с ними.

Тов. МАЛИНОВСКИМ было принято решение, решительными действиями ликвидировать бандитские отряды и прочие нелегальные формирования китайцев.

Для этой цели было создано десять подвижных отрядов, численностью до 600 человек каждый, усиленных артиллерией и самоходными установками. Действия подвижных отрядов спланированы по времени и охватывают все основные районы расположения наших войск на северо-востоке Маньчжурии.

Все отряды 18 февраля с.г. одновременно начали операции по ликвидации банд.

За период с 18 по 25.2 подвижные отряды имели столкновения с 20 ю бандами, численностью от 20 до 1000 человек каждая. Из этого количества 11 бандитских отрядов разгромлены полностью, а остальные рассеяны. Убито и расстреляно до 1900 бандитов, взято в плен 497 человек.

За этот же период у бандитов захвачено:

винтовок	719,
станковых и ручных пулемётов	17

и значительное количество различных боеприпасов.

Потери наших отрядов:

убито 23 человека,

ранено 29 человек.

Действия отрядов Забайкальско-Амурского округа продолжаются.

Тов. МЕРЕЦКОВУ даны указания о представлении плана ликвидации банд, действующих в районах МУДАНЬЦЗЯН, ГИРИН, ЯНЬЦЗИ.

БУЛГАНИН

АНТОНОВ

«26» февраля 1946 года

АП РФ.Ф. 3. Оп. 66. Д. 1062. Л. 131—132.

ДОКУМЕНТ № 5

Совершенно
секретно

«5» июня 1946 г.

№ 2365/к

гор. Москва

Товарищу СТАЛИНУ И. В.

782 военнопленных б[ывшей] японской армии, содержащиеся в Семёновском лагере МВД (Приморский край) и 11 б[ывших] японских офицеров из лагеря МВД № 188 (Тамбовская область) приняли обращения к японским военнопленным, японскому народу и Международному военному трибуналу, в которых они разоблачают агрессивную политику японского правительства, требуют предания суду и сурового наказания военных преступников, в том числе и императора, и призывают находящихся в СССР военнопленных японцев и японский народ к организованному выступлению за создание в Японии демократического правительства.

Переведённые с японского обращения военнопленных японцев прилагаются.

Подлинник обращения бывших японских офицеров из лагеря № 188 от 15 мая 1946 года находится в МВД СССР; японский текст обращения военнопленных Семёновского лагеря от 12 мая 1946 года — в УМВД Приморского края.

МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
(С. КРУГЛОВ)

Перевод с японского

ОБРАЩЕНИЕ

военнопленных японских солдат и офицеров Семёновского лагеря МВД Приморского края ко всем военнопленным японским солдатам и офицерам, находящимся в Советском Союзе и к японскому народу

Мы, военнопленные японские солдаты и офицеры, находясь в Советском Союзе, много передумали о судьбе нашей родины и убедились в том, что японское агрессивное правительство на всём протяжении своего существования ставило своей целью захват чужих земель и порабощение народов. Японское правительство вело длительную несправедливую войну с Китаем и проводило агрессивную политику в отношении Советского Союза.

Военные преступники Японии несут и должны нести ответственность за совершённые ими преступления перед своим народом и перед народами Азии.

Японское агрессивное правительство вело несправедливые захватнические войны с целью наживы отдельной кучки буржуазии, капиталистов и милитаристов вопреки интересам народа и отечества.

Несправедливая война принесла японскому народу и народу на захваченной территории нищету, разорение и голод, а также большое количество жертв, калек, сирот, вдов и т.д.

Мы, военнопленные солдаты и офицеры, убедились в том, что пока будет у власти стоять крупная буржуазия и верхушки военщины, японский народ не избежит длительного разорения, нищеты и голода.

Мы, военнопленные солдаты и офицеры, порываем всякую связь с японским агрессивным правительством и требуем создания нового демократического правительства с включением всех демократических элементов, которые опирались бы на доверие народа, стояли за народ — за мир, восстановили всё разрушенное длительной войной, устранили нищету и голод японского народа и вели бы японский народ к дальнейшему развитию и процветанию вместе с другими народами мира.

Мы обращаемся ко всем военнопленным японским солдатам и офицерам и японскому народу поддержать наше обращение и организовано требовать создания нового демократического правительства с включением всех демократических элементов, а также предания военному суду всех военных преступников, в том числе и императора, как основного виновника возникновения этой войны.

Просим наше обращение опубликовать в газетах Японии и в газете «Ниппон-Симбун».

12 мая 1946 года

Обращение подписали 782 военнопленных солдата и офицера.

АП РФ.Ф. 3. Оп. 66. Д. 1066. Л. 4—6.

ДОКУМЕНТ № 6

Совершенно
секретно
экз. № 1

9 июня 1946 г.

№ 2439/к

гор. Москва

Товарищу СТАЛИНУ И. В.

Министерство внутренних дел Союза ССР представляет русский текст собственноручных показаний военнопленных генералов японской армии, содержащихся в лагерях МВД:

1. Показания военнопленного японского полного генерала ЯМАДА Отозо от 8—9 апреля 1946 года, бывшего командующего Квантунской армии.

В своих показаниях ЯМАДА сообщает, что с 1937 года Квантунская армия имела оперативный план войны против СССР наступательного характера под названием «Канн-Току-Эн». В соответствии с этим планом во 2-ой половине 1941 года Квантунская армия была развернута до штатов, близких к военному времени.

2. Показания военнопленного японского полного генерала КИТА Сейичи от 20—23 апреля 1946 года, бывшего командующего 1-м фронтом Квантунской армии.

КИТА показывает, что согласно плану войны японского генерального штаба под наименованием «ОЦУ», Квантунская армия готовилась к нападению на Советский Союз и, после нападения Германии на СССР, Квантунская армия была усилена вновь прибывшими из Японии частями и вооружением.

КИТА заявляет, что Квантунская армия имела наступательный план войны до середины 1944 года, а зато в связи с поражением Японии на Тихом океане, она перешла к разработке плана войны против СССР оборонительного характера.

Кроме этого КИТА сообщил о строительстве в Маньчжурии военных объектов и назвал конкретных военных преступников.

Собственноручные показания ЯМАДА и КИТА на японском языке находятся в УМВД по Хабаровскому краю.

МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
(С. КРУГЛОВ)

Перевод с японского

СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ

военнопленного японского генерала быв. командующего Квантунской армии

ЯМАДА ОТОЗО

8-9 апреля 1946 года

<...>

Для ознакомления офицеров японской армии с оперативным искусством советских войск в 1932 году была выпущена «Красная книга», а для солдат — брошюра, содержащая в себе «общие сведения о советской армии». В брошюре указывались: состояние советской армии, типы самолётов, танков, свойства самолётов и танков, тенденции в боевой тактике, обычные методы ведения операций, особенности войсковых частей. Особенное внимание уделялось положительным и отрицательным сторонам. Книжка была предназначена для обучения частей и для справки офицерам.

Несколько слов относительно использования русских белоэмигрантов. Эта работа находилась в руках отделений «Осведомительного бюро» Квантунской армии, называвшихся разведкой. Отделения «осведомительного бюро» подчинялись командующему соответствующей армии по месту нахождения. В основном собиралась информация, касающаяся внутреннего положения. Главный штаб «осведомительного бюро» находился в Харбине. Харбинское отделение разведки оказывало содействие в подготовке кадров разведки, а также в оказании технической помощи. Штаб «осведомительного бюро» в Харбине занимался также подготовкой шпионов и диверсантов. Естественно, что белоэмигранты должны были использоваться, во время войны против СССР, для сбора информации и для диверсионных действий. Мне не приходилось встречаться лично с лицами возглавлявшими белоэмигрантские организации — СЕМЁНОВЫМ, КИСЛИЦЫНЫМ и РОДЗАЕВСКИМ. Я был в Харбине в августе 1944 года и мне генерал ДОО — начальник военной миссии особого отдела Квантунской армии — докладывал о существующей в Харбине школе диверсантов из белоэмигрантов. Отряды диверсантов состояли при каждой военной миссии в Маньчжурии.

2-я секция штаба Квантунской армии руководила работой «Осведомительного бюро». Руководство белой эмиграцией велось на секретные средства. Как правило, расходами ведали начальник штаба и заинтересованные работники. Мне известно, что на станции Хэндаохэцзы имелись отряды лесной полиции, сформированные из белых эмигрантов. Помимо этого часть белогвардейцев была организована в воинские отряды, вливавшиеся в маньчжурскую армию.

Они находились в казармах близ станции Сунгари вторая. В 1945 г. эти отряды были распущены.

<...>

С поста начальника связи «Палаты возрождения великой Восточной Азии» я был отозван в марте 1940 года и назначен на должность командира 14-й дивизии, находившейся в городе Уцуномия (Япония).

В сентябре 1940 года я получил секретный приказ от начальника генерального штаба принца КАНИН о переброске 14-й дивизии в Маньчжурию, так как по плану Квантунская армия должна быть увеличена и доведена до 15-ти дивизий. Я в октябре 1940 года с дивизией прибыл в Цицикар (Маньчжурия). Это увеличение Квантунской армии являлось подготовкой Японии к войне против СССР, так как для охраны внутреннего порядка Маньчжурии такой численности войск не требовалось.

Кроме этих моих предположений, в ноябре 1940 года, находясь с дивизией в Цицикаре, я получил от командующего 6-й армии тайное распоряжение, где говорилось, что в случае, если начнётся война с СССР, то 14-я дивизия должна использовать равнину Хайлара, а для этого необходимо, чтобы офицеры были хорошо осведомлены о местности в районе Хайлара и главное внимание проводимого обучения с отрядами обратить на затяжную оборону против хорошо вооружённой Красной Армии.

Кроме того, штабом 6-й армии, расположенной в Хайла-ре в конце 1940 года были два раза проведены манёвры по карте района Хайлара, изучая военно-оперативные действия против Советского Союза. На этих манёврах я и мои офицеры принимали участие. Я также проводил в дивизии обучение, сосредотачивая главное внимание бойцов на войне с СССР.

В 1941 году, после возникновения советско-германской войны, генеральный штаб для усиления приготовлений к военным действиям против СССР, произвёл большое пополнение Квантунской армии людским, конским составом и артиллерией, которые были присланы из Японии. Это пополнение производилось по плану, имевшему наименование «Канн-току-эн».

По этому плану летом в 1941 году Квантунская армия по численности и вооружению была доведена до крайних пределов. Во-

первых, к имеющимся 13-ти пехотным дивизиям были присланы из Японии новые две дивизии. Кроме того, каждая дивизия пополнена была людским составом на 5000 человек и конским на 3 с половиной тысячи голов.

Таким образом, до пополнения по плану «Канн-току-эн» Квантунская армия имела

13 пехотных дивизий с числом бойцов	195 000 человек
2 танковых дивизии с числом 400 танков и	30 000 бойцов
1 авиационная армия, 1000 самолётов и	24 000 -//-
28 батальонов погранотрядов, численностью	19 600 -//-
5 бригад железнодорожной охраны, численностью	17 500 -//-
и в тыловых частях насчитывалось	100 000 человек
Всего	386 100

После пополнения по плану «Канн-току-эн» Квантунская армия имела людского состава 600 000 человек. Конский состав до пополнения по плану «Канн-току-эн» насчитывался в 40 000 голов, после же пополнения 80 000 голов. Что же касается артиллерии, то в 14-й дивизии, которой командовал я до пополнения по плану «Канн-току-эн» имелось 36 орудий, а после же пополнения стало 48 орудий. Надо полагать, что все остальные дивизии Квантунской армии также соответственно пополнялись артиллерией.

Во время этого увеличения Квантунской армии был издан приказ Верховной ставки о немедленном проведении приготовлений к войне против СССР. Такой приказ был издан в конце июня 1941 года, но номера этого приказа я не знаю, ибо сам его не читал, а только слышал о нём от работников штаба Квантунской армии. В это время я от командующего 6-й армии, в которую входила 14-я дивизия никаких иных инструкций, кроме приказа о немедленном проведении боевого обучения и строевых занятий, не получал. Однако сам командующий 6-й армии, руководя 23-й дивизией, расположенной в Хайларе поспешно вёл приготовления к военно-оперативным действиям, сооружая позиции полевого сражения на восточных возвышенностях Хайлара.

Вся обстановка летом 1941 года в Квантунской армии носила характер спешного приготовления к войне против СССР, однако в

то же время между Японией и Америкой, вследствие оккупации японскими войсками Французского Индо-Китая, отношения стали резко обостряться. Создалось напряжённое положение, поставившее Японию на распутье, т.е. японское правительство не знало против кого ей нужно выступить раньше — против СССР или против Америки.

В июне 1941 года в Токио на совещании в личном присутствии императора были приняты три положения:

1. Придерживаться самостоятельной политики в советско-германской войне.

2. Проводить приготовления к военно-оперативным действиям на юге.

3. На границе с СССР — соблюдать спокойствие.

Но в то же время в Квантунскую армию по плану «Кан-току-эн» шло из Японии пополнение и этим Япония сильно возбудила против себя Советский Союз.

<...>

ПЛАН НАСТУПЛЕНИЯ

Наступательным планом «0ЦУ» предусматривался захват всего Дальнего Востока до озера Байкал. И этот план наступления делился на четыре стадии.

В первой стадии 4-я армия и Н-ская армия 2-го фронта в районе СУНЬУ и Хэйхэ, демонстративно производят на границе с СССР усиленные маневры с периодическим обстрелом советской территории, этим самым делают вид подготовки к наступлению, но наступление не ведут, а только сковывают этим самым в этом районе Красную Армию и сдерживают её, если Красная Армия попытается перейти в наступление.

6-я армия, закрепившись на позициях Хайлара и Аршаны всемерно удерживает эти позиции в том случае, если в этих районах Красная Армия перейдёт в наступление с Читинского направления и в районе станции Маньчжурия, а в это время в Приморье армии 1-го фронта переходят в решительное наступление по следующему плану:

а) 5-я армия тремя пехотными дивизиями и одной танковой дивизией ведут наступление от Хулинь, оккупируют район Имана.

После этого одной частью укрепляют этот район с севера, а главные силы поворачивают на юг и принимают участки с главными силами фронта под Ворошиловом.

б) 2-я армия двумя дивизиями ведёт наступление от Ханьчунь, пересекает границу, поворачивает на север и по району Южной Усури движется к Ворошилову, согласуя свои действия с главными силами фронта.

в) 20-я армия 5-ю пехотными и одной танковой дивизиями ведёт наступление от Дунань на юг, следуя по западном берегу озера Ханка к Ворошилову.

г) 3-я армия тремя дивизиями наступает от Дунин на Гродеково и здесь присоединяется к главным силам фронта. Все эти силы со всех сторон сжимают Красную Армию в Ворошилове. Захватывают Ворошилов, после чего одной частью, которая координирует свои действия с японскими морскими силами, расположенными в Гензане, окружают и захватывают Владивосток. Этим заканчивается первая стадия наступления, основная цель которого сводилась к полному захвату советского Приморья, и тем самым обеспечить безопасность, как собственно Японии, так и промышленных районов Маньчжурии от воздушных налётов советской авиации из районов Приморья.

2-я стадия наступления

При условии успешного завершения первой стадии наступления, то одна часть оставляется в Приморье для закрепления положения на оккупированной территории, а главные силы 1-го фронта поворачиваются на север и движутся вдоль линии железной дороги на Хабаровск. Отдельная дивизия, расположенная в Цзямусы, занимает позицию против Ленинска и в этом районе прикрывает фланги 1-го фронта.

В это время 4-я и Н-ская армия 2-го фронта, координируя свои действия с действиями 1-го фронта, начинают наступление с Хэйхэ и близ лежащих районов, форсируют Амур, захватывают Благовещенск, Куйбышевку и гор. Свободный, разрушают Сибирскую железнодорожную магистраль, бросают для прикрытия одну часть на запад, а главными силами поворачиваются на восток и движутся вдоль железной дороги к Хабаровску.

Здесь армии 1-го и 2-го фронтов, координируя свои действия, сжимают Красную Армию с двух сторон, вступают в решительный бой и захватывают Хабаровск.

Этим заканчивается 2-я стадия наступления.

3-я стадия наступления

По взятии Хабаровска армии 2-го фронта быстро меняют направление на запад, значительно пополняются и проводят приготовления к дальнейшим наступательным операциям на Забайкалье.

6-я армия, расположенная в Хайларе, в это время также пополняется тремя дивизиями, доводя свою мощь до четырёх дивизий и готовится к наступлению. Армии же 1-го фронта обеспечивают важные районы Приморья и тыл для 2-го фронта, а главные силы последнего, закончив полностью приготовления, начинают наступление от Свободного на запад вдоль Сибирской железной дороги по направлению к Чите. Как только главные силы армий 2-го фронта достигнут границу в районе станции Маньчжурия и Трёхречья и, координируя свои действия с главными силами 2-го фронта, двигается к Чите и южным его районам.

С захватом гор. Читы и его окрестностей, армии 2-го фронта закрепляются в важнейших пунктах западнее Читы и на этом заканчивается 3-я стадия наступления.

В IV-й стадии наступления должны были завершить захват Забайкалья до озера Байкал, но план этой IV-й стадии наступления мне неизвестен.

ОПЕРАЦИОННЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ПО ВНЕШНЕЙ МОНГОЛИИ

В третьей стадии войны одновременно с переходом в наступление дивизий 6-й армии, Аршанский отряд (численностью около одной дивизии) переходит в непосредственное подчинение 2-му фронту, соединяется с одной дивизией маньчжоуговских монгол и ведёт наступление от Аршань на Тамцакбулак, через Баин-Тумэн, Баян-Ула-Самон по направлению к Чите. Наступая в восточной ча-

сти Внешней Монголии, этот отряд одновременно прикрывает левый фланг 2-го фронта.

Верховная ставка, координируя наступательные действия всех сил, должна была бросить один корпус механизированных частей из Северного Китая, начав операционные действия от Калгана к Улан-Батору, но с планом развития дальнейших наступательных действий я не знаком и поэтому описать их лишён возможности.

Такой в общих чертах план нападения на Советский Союз был составлен японским генеральным штабом совместно с штабом Квантунской армии на 1942 год, который ежегодно пересоставлялся и эта программа военных мероприятий Японии существовала до середины 1944 года и только в силу затруднительного положения, в которое попала Япония на фронтах великой восточно-азиатской войны, осуществить ей этого плана не удалось.

Настоящие мои собственноручные показания подтверждаю своей подписью:

п.п. Бывший командующий 1-го фронта Квантунской армии
генерал (КИТА СЕЙИЧИ)

ДОПРОСИЛ:

Подполковник (Деревянкин)

С японского перевел:

Переводчик (Щебенков)

АП РФ.Ф. 3. Оп. 66. Д. 1071. Л. 53—54, 71—72, 97—100, 103—107.

ДОКУМЕНТ № 7

Совершенно
секретно
экз. № 1

«12» января 1947 г.

№191/к

гор. Москва

Товарищу СТАЛИНУ И. В.

Министерство Внутренних дел Союза ССР представляет Вам протокол допроса военнопленного майора японской армии МОРИТА Макото.

МОРИТА в своих показаниях сообщил, что по инициативе подполковника 1-го отдела штаба Квантунской армии принца ТАКЕДА, в 1944 году в составе Квантунской армии была сформирована специальная бригада смертников.

На случай войны Японии с Советским Союзом бригада должна была проникнуть в тыл Советской Армии для совершения террористических актов над генералами и офицерами, уничтожения боевой техники, складов боеприпасов и продовольствия, средств связи, путей сообщения и аэродромов.

Первоначально бригада смертников состояла из 5 тысяч солдат и офицеров, но к началу военных действий с Советской Армией достигла 8 тысяч человек.

По приказу штаба Квантунской армии, помимо бригады, при каждой пехотной дивизии создавался батальон смертников.

Для активной борьбы с Советской Армией бригада смертников в июле 1945 года спешно строила на территории Маньчжурии опорные пункты вместимостью от 30 до 150 человек, с запасом продовольствия на 6 месяцев и боеприпасов на 2 месяца.

Строительство проходило скрытно от местного населения в горно-лесистой местности, удобной для внезапных нападений на пути сообщения, тылы и боевую технику Советской Армии.

Данные показания МОРИТА подтверждаются показаниями военнопленных из бригады смертников полковника СУДО и полковника КИНОСИТА.

МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
(С. КРУГЛОВ)

ДОКУМЕНТ № 8

Сов. секретно
экз. № 1

«23» апреля 1949 г.

№ 1717/к

гор. Москва

Товарищу СТАЛИНУ И. В.

В результате агентурно-следственных мероприятий, проводимых МВД СССР по изучению военнопленных японцев, содержащихся в лагерях МВД, выявлено более 200 бывших работников так называемого противоэпидемического отряда № 731 и его филиалов, которые под прикрытием снабжения водой Квантунской армии занимались изысканием

В числе выявленных находятся руководящие работники указанного отряда:

Генерал-лейтенант медицинской службы КАДЗИЦУКА Рюудзи, бывший начальник санаторной службы Квантунской армии.

Генерал-лейтенант ветеринарной службы ТАКАХАСИ Такацу, бывший начальник ветеринарной службы Квантунской армии.

Генерал-майор медицинской службы САТОО Сюдзи, бывший начальник противоэпидемического отряда в Южном Китае.

Генерал-майор медицинской службы КАВАСИМА Киоси, бывший начальник производственного отдела отряда.

Подполковник медицинской службы НИСИ Тосихидэ, бывший начальник учебно-просветительного отдела отряда.

Майор медицинской службы КАРАСАВА Томио, бывший начальник секции производственного отдела отряда.

Майор медицинской службы ОНОУЭ Масао, бывший начальник филиала отряда.

Следствием установлено следующее:

Отряд № 731 был создан, как показывает генерал-майор медицинской службы КАВАСИМА, «по высочайшему указу императора Японии ХИРОХИТО в 1936 году». Главный штаб отряда находился в 25 километрах от города Харбина, в местечке именуемом японски Хейбо, по-китайски Пин-фань, и под видом противоэпидемической работы занимался подготовкой Японии к бактериальной войне против СССР.

Отряд возглавлял генерал-лейтенант медицинской службы, профессор-бактериолог ИСИИ Сиро, который в настоящее время находится в Токио.

В июне месяце 1941 года КАВАСИМА присутствовал на одном из совещаний начальников отделов отряда, происходившем на станции Пин-фань, созванном генералом ИСИИ, после его очередной поездки в Токио.

Как показывает КАВАСИМА, ИСИИ обратился к присутствующим примерно со следующим заявлением:

«Началась война Германии с Советским Союзом: в Квантунской армии введён план «Канн-Току-Эн». Этим планом предусмотрена подготовка военных мероприятий против Советского Союза, в связи с чем Квантунская армия должна иметь в полной боевой готовности и своё новое бактериальное оружие, чтобы иметь возможность, в нужный момент использовать его против СССР».

Помимо отряда № 731 указом императора предусматривалось создание пяти филиалов отряда в городах Хайлине, Линкоу, Сунь-У, Хайларе и Дайрене.

Касаясь структурного построения и особенностей отряда генерал-майор КАВАСИМА показал:

«Отряд № 731 вёл научно-исследовательские работы, связанные с вопросами ведения бактериальной войны. Это были совершенно секретные функции.

Отряд разделялся на отделы, причём отделами, имевшими наиболее тесное отношение к вопросам подготовки бактериальной войны, являлись 1-й исследовательский, 2-й опытный и 4-й производственный отделы.

Отряд тщательно охранялся и доступ в него был только с разрешения командующего Квантунской армии.

Отряд был окружён земляным валом, с проволочным ограждением, с внешней стороны были проведены электрические провода, по которым проходил ток высокого напряжения. Помимо этого вокруг отряда была создана специальная запретная зона.

Отряд № 731 представлял не только научно-экспериментальную лабораторию, но и крупную производственную базу по массовому изготовлению средств бактериального нападения. Для этой цели отряд имел свой аэродром, отряд авиации, специальный полигон, предприятия по изготовлению специальных бомб и артиллерийских снарядов, приспособленных для разбрасывания бактерий и заражённых блох.

При отряде находилась тюрьма, где содержались заключённые, над которыми производились научные эксперименты. На территории отряда был крематорий для сжигания трупов.

Отряд № 731 занимался изготовлением бактерий лёгочной и бубонной чумы, тифа, паратифа, сибирской язвы, холеры, дизентерии и изыскивал возбудителя новой болезни, именуемой «Сонго» кровотокающей инфекционной лихорадки.

В целях изучения возможного применения бактерий чумы, холеры, тифа и других видов патогенных возбудителей, как боевого средства массового уничтожения людей, в отряд № 731 ежегодно доставлялось японской жандармерией 500—600 живых людей, предназначенных для бактериальных опытов.

Подобного рода опыты производились в лабораториях отряда, а также на полигоне в районе станции Аньда в 100 км северо-западнее станции Пин-фань, где испытывались и изыскивались способы боевого применения авиационных бомб, начинённых бактериями.

По этому поводу генерал-майор медицинской службы КАВА-СИМА на допросе показал:

«Производившиеся отрядом № 731 опыты преследовали цель подготовки бактериального нападения на противника. Опыты по искусственному заражению смертоносными бактериями чумы, холеры, сапа, тифа, дизентерии и кровотокающей инфекционной лихорадки производились преимущественно на живых людях.

Для этого при отряде и его лабораториях был специально оборудован стационар, в комнатах которого постоянно содержалось сто и более человек, подвергавшихся искусственному заражению.

За время моей работы в отряде с апреля 1941 по март 1943 года в должности начальника производственного отдела было подвергнуто экспериментам до 300 китайцев, которые доставлялись японской жандармерией.

Заражение людей производилось через рот, уколами и посредством насекомых в лабораториях и на опытных полевых участках. Опыты по массовому заражению производились с самолётов и специальных вышек, путём сбрасывания бомб, начинённых бактериями или заражёнными насекомыми. При производстве отдельных экспериментов смертность достигала 100%».

Допрошенный майор медицинской службы КАРАСАВА Томно показал:

«Как руководителю группы по изготовлению микробактерий мне известно, что для выращивания этих бактерий были заготовлены десятки тонн питательной среды из различных препаратов, таких как «цустин» (химическое вещество) и другие.

В 1939 году майор НАЙТО, профессор Токийской военно-медицинской школы, совместно с генералом ИСИИ разработал аппарат по массовому изготовлению бактериоматериала механическим путём, исключаящим возможность проникновения посторонних микроорганизмов.

В отряде № 731 интенсивно производились бактерии чумы и сибирской язвы, как наиболее эффективные. Эти бактерии предназначались, главным образом для заражения оставляемой противнику территории. Для диверсионных актов в тылу противника отряд ИСИИ изготовлял портативные термосы с ампулами бактерий».

Бывший начальник санитарной службы Квантунской армии генерал-лейтенант медицинской службы КАДЗИЦУКА Рюудзи в своих показаниях подтвердил, что отряд № 731 действительно занимался изысканием активных средств бактериальной войны и способов их распространения. Для этой цели отряд проводил изготовление бактерий чумы и сибирской язвы, как наиболее эффективных средств и, кроме того, изыскивал возбудителя новой болезни, именуемой «Сонго» кровоточащей инфекционной лихорадки.

Бывший начальник штаба Квантунской армии генерал-лейтенант ХАТА Хикосабуро на допросе показал, что исследовательской работой в области подготовки бактериальных средств войны руководили 1-й Оперативный отдел Генерального штаба Японии и Военно-Медицинское Управление.

ХАТА Хикосабуро подтверждает, что японские правящие круги, предвидя возможность развития газовой и бактериальной войны, создали при штабе Квантунской армии специальный отряд по предупреждению эпидемических заболеваний в Маньчжурии, ХАТА отрицает наличие наступательного плана применения бактериальных средств, но признаёт намерения Генерального штаба Японии использовать эти средства в диверсионных целях в глубоком тылу противника.

Как показал ХАТА отряды, аналогичные отряду № 731, были созданы в японской экспедиционной армии в Китае и в армии, действовавшей в районах южных морей.

Из показаний военнопленных японцев: генерал-майора медицинской службы КАВАСИМА, подполковника медицинской службы НИСИ майоров медицинской службы КАРАСАВА и ОНОУЭ, ефрейтора САЙТО и других установлено, что бактериологические опыты японцами проводились и над советскими гражданами оказавшимися на территории Маньчжурии по различным причинам.

Военнопленные японцы, бывшие сотрудники Харбинской военной миссии и жандармских органов: майор ИИДЗИМА, капитан КИМУР и сержант ЯМАГУЧИ подтвердили на допросах, что ими лично в разное время направлялись для истребления в отряд № 731 сотни людей, в том числе и советские граждане.

Сержант ЯМАГУЧИ показал:

«Для уничтожения в отряд № 731 мною лично было доставлено из различных мест заключения свыше 120 арестованных лиц различных национальностей, в том числе до 10 человек советских граждан, как военнослужащих, так и гражданских лиц, насильно захваченных во время пограничных конфликтов или сбежавших с территории СССР, а также граждан Советского Союза, проживавших в городе Харбине. Эти лица направлялись в отряд № 731 потому, что не желали давать показания, что они являются советскими агентами, а также отказывались от сотрудничества с японскими разведорганами».

Допрошенный начальник Сахалинского жандармского отряда капитан КИМУРА показал:

«В отряд № 731 жандармерия направляла для истребления тех лиц, которые отказывались служить японским интересам и отказывались давать сведения о Советском Союзе, что могли сделать только те, которые ранее проживали в СССР или являлись советскими гражданами и патриотами своей Родины.

С тем, чтобы замести следы, боясь разоблачений за насильный захват советского гражданина, за издевательства и пытки во время допроса и другие незаконные действия против советского человека, японская жандармерия производила такие «особые отправки»

в данный отряд под видом того, что отправляемый болен заразной болезнью и требуется его изоляция.

В среднем ежемесячно органами жандармерии отправлялось в отряд 150—180 человек, из них, мне запомнилось около 20 случаев отправки советских граждан для истребления.

Я подтверждаю, что я лично подписал 3 справки на советских граждан, китайцев по национальности, с представлением их к «особой отправке» в отряд № 731, после того, как их допрашивали, применяли к ним избиения и, наконец, пытались их завербовать. После всего этого было неудобно передавать советским властям, чтобы не вызвать осложнений и недоразумений, поэтому были приняты меры к тому, чтобы их ликвидировать в отряде без всяких осложнений».

Как установлено предварительным следствием, отряд № 731 получал подопытных людей, главным образом, из лагеря для советских граждан, оказавшихся в Маньчжурии по ряду причин, именовавшегося лагерем «Хогоин».

Выявленный среди военнопленных японцев, содержащихся в лагере МВД Хабаровского края, майор ИИДЗИМА, бывший начальник лагеря «Хогоин», на допросе показал:

«Я признаю свою вину за совершённые мною преступные действия как начальник лагеря.

Я подтверждаю, что допрос советских граждан, содержащихся в лагере «Хогоин», следователями лагеря проводился с применением к ним всевозможных пыток, людям насильно наливали в рот и в нос воду в большом количестве, били их палками и прочее.

Я также подтверждаю, что по распоряжению бывшего начальника Харбинской военной миссии генерал-майора АКИКУСА и его заместителя подполковника ЯМАСИТА Цутому мною было отправлено в отряд № 731 около 30 советских граждан».

Аналогичные показания дали военнопленные японцы: ТАНИЗАКИ, САТО, ТАГУЧИ и ИГАРАСИ, которые, будучи следователями лагеря «Хогоин», допрашивали советских граждан с применением мер физического воздействия. Все эти преступники 14 апреля 1948 года Военным Трибуналом войск МВД Хабаровского округа осуждены на сроки от 15 до 20 лет ИТЛ каждый.

Следствием также установлено, что бактериальные средства применялись японцами не только в отряде № 731, но и в разные периоды японо-китайской войны против китайских войск и мирного гражданского населения.

Как показал майор медицинской службы КАРАСАВА, бактерии чумы применялись в августе-декабре 1940 года в районе Ханчжоу против китайских войск путём сбрасывания с самолётов специальных снарядов.

Вторично начальник отряда № 731 ИССИИ Сиро применил бактерии тифа и чумы в 1942 году в районе Цунсянь в момент отступления японцев под нажимом китайских войск.

Допрошенный по данному вопросу генерал-майор медицинской службы КАВАСИМА показал:

«Мне известно о трёх случаях применения нами бактерий в полевых условиях для борьбы против китайских войск. О первом случае я знаю со слов ИССИИ. Исполняя обязанности начальника общего отдела, в 1941 году я был на докладе у генерала ИССИИ. К моему приходу в его кабинете находились полковник ООТА и ещё два офицера, фамилии которых я не помню. Просматривая бумаги ИССИИ показал нам статью, опубликованную в китайском медицинском журнале за 1940 год. В этой статье описывалась сильная вспышка эпидемии чумы в районе Нимбо (южнее Шанхая). Автор статьи указывал на особый характер вспышки эпидемии чумы, отмечая, что обычно распространение чумы среди людей сопровождается эпидемией среди грызунов, а в данном случае этого не было.

Основываясь на этом обстоятельстве, автор статьи указывал на необходимость специального изучения причин возникновения вспышки эпидемии чумы.

Комментируя статью, ИССИИ удовлетворенно заявил что это сообщение китайского журнала подтверждает успешность эксперимента, применённого под его руководством особым отрядом в районе Нинбо.

По словам ИССИИ, для того, чтобы вызвать в этом районе эпидемию чумы среди китайского населения и военнослужащих китайской армии он практиковал разбрасывание с самолёта блох, заражённых чумой.

Таким образом я узнал, что ещё в 1940 году ИСИИ в районе Нинбо применял этот способ бактериальной войны, практической разработке и применению которого впоследствии была в значительной мере подчинена деятельность отряда №731..

Кроме того мне известно, что в 1941 году средства бактериальной войны были применены отрядом бактериологов, выделенным из состава нашего противозидемического отряда, в районе Центрального Китая. Этой операцией руководил полковник ООТА. По возвращении ООТА из Центрального Китая я беседовал с ним о целях и результатах его командировки. ООТА рассказал мне, что над городом Чандэ (около озера Дунтинху) экспедицией были сброшены с самолётов блохи, заражённые чумой.

Я понял, что это было сделано с целью нарушить коммуникации китайских войск, важным пунктом которых являлся Чандэ.

Третий известный мне случай применения бактериальных средств войны относится к лету 1942 года.

Вернувшись из Токио, генерал ИСИИ в конце мая или в начале июня 1942 года созвал секретное совещание, на котором кроме меня присутствовали все начальники отделов. Генерал ИСИИ заявил, что на основании полученных от генерального штаба в Токио указаний, часть отряда должна быть командирована в ближайшее время в Центральный Китай для проведения бактериальной атаки против китайских войск. Эта бактериальная атака должна быть проведена вблизи железнодорожной линии Чжэган. Экспедиция в Центральный Китай состоялась на основании приказа командующего Квантунской армии УМЕДЗУ Иосидзиро. Этот приказ я читал сам».

КАВАСИМА далее показывает, что о деятельности экспедиции в Центральном Китае в сентябре 1942 года ему стало известно от полковника НАКАТОМЭ и подчинённого ему майора СУДЗУКИ. Экспедиция, руководимая лично генералом ИСИИ, свою задачу выполнила. Бактериями чумы, холеры, тифа и паратифа были заражены водоемы и колодцы, а населённые пункты территории в момент отступления японских войск подвергались заражению бактериями чумы.

В связи с капитуляцией японской армии, бывший командующий Квантунской армии генерал ЯМАДА, в целях сокрытия следов де-

тельности отряда № 731, дал приказ личному составу эвакуироваться в Южную Корею, а помещение отряда уничтожить.

Допрошенный генерал-лейтенант медицинской службы КАД-ЗИЦУ Рюдзи показал, что в целях сохранения в секрете работы отряда № 731, по приказу командующего Квантунской армии генерала ЯМАДА личный состав отряда был эвакуирован, а здания взорваны и сожжены.

Одновременно с уничтожением служебных помещений отряда была также уничтожена и тюрьма, в которой находилось до 500 человек подопытных заключённых, что подтверждается показаниями непосредственного исполнителя приказа об уничтожении помещения отряда военнопленного японца старшего ефрейтора КАВАМИ-НАМИ:

«20 августа 1945 года я по приказу командования руководил взрывом всех важнейших объектов отряда № 731. В момент взрыва в тюрьме находилось около 500 человек заключённых».

Начальник штаба Забайкало-Амурского Военного округа генерал-лейтенант тов. ТРОЦЕНКО на запрос об отряде № 731, 14 февраля 1947 года сообщил:

«По данным санитарной разведки, после занятия войсками фронта г. Ванъемяо в августе 1945 года на юго-западной окраине города вблизи японского военного городка было обнаружено полусгоревшее каменное здание (это было единственное сожжённое здание в г. Ванъемяо).

С восточной стороны здания на расстоянии 15 метров размещалось деревянное строение — склад химикалий и лабораторное оборудование. В складе хранились большие запасы лабораторной посуды (пробирки, чашки Петри, Пастеровские пипетки и пр.), питательных сред (агар-агар, пептон). Там же в транспортной установке стояла мощная дез-камера и рентгено-установка.

С западной стороны в 15 метрах от здания размещался аптечный склад. Между аптечным складом и складом химикалий размещались два примитивных строения, по-видимому для мелкого скота (коз, овец).

С этой же стороны, в двух-трёх метрах от стены в траве, на площади 5 на 30 метров валялись груды набитой лабораторной посуды (пробирки, чашки Петри), причём большинство из них с питатель-

ными средами и ясно выраженными бактериальными культурами. Судя по форме колоний культуры были брюшно-тифозные и паратифозные.

Основное здание двухэтажное: аптека, клиническая лаборатория, пять комнат типа госпитальных палат, уборная, душевая, мощная телефонная станция. Мощная операционная и предоперационная, склад лабораторного и научного оборудования, стерилизационная с вмонтированным в стену большим автоклавом и больших размеров моечная комната для лабораторной посуды.

На втором этаже, сгоревшем во время пожара, по остаткам обуглившейся лабораторной посуды, структуре комнат, моечных корыт для посуды и проч. можно сделать вывод, что здесь размещалась крупная бактериологическая лаборатория.

В оставшихся шкафах и сейфах в здании никаких документов обнаружено не было.

В 1945 году в г. Ванъемяо была вспышка чумы. По заключению китайских и японских врачей г. Ванъемяо в течение последних 10 лет был вне зоны заболевания чумой.

Вспышка чумы могла явиться следствием того, что:

а) были выпущены из клеток подопытные крысы, заражённые чумой;

б) многочисленная лабораторная посуда с неубитыми бактериями была выброшена возле здания, китайцы могли подбирать эту посуду, занести её домой, чем вызвать заболевания. Следует отметить, что первые заболевания чумой среди населения появились в пунктах близлежащих к зданию бывшей санитарно-бактериологической лаборатории».

О генерал-лейтенанте ИСИИ Сиро МВД СССР известно следующее:

В феврале месяце 1947 года к советскому представителю в Токио генерал-лейтенанту тов. ДЕРЕВЯНКО обратились из штаба МАКАРТУРА с просьбой о передаче им двух японских генералов, находящихся в плену в СССР, КИТАДЗАВА Тэйдзиро и ИКЭТАНИ Хандзиро, для предания их суду, как известных им военных преступников. МИД СССР было поручено тов. ДЕРЕВЯНКО дать ответ штабу МАКАРТУРА, что Советское Правительство согласно передать военнопленных японских генералов КИТАДЗАВА и

ИКЭТАНИ американцам, при условии получения от штаба МАКАРТУРА взамен их, бывшего начальника противоэпидемического отряда № 731 генерал-лейтенанта медицинской службы ИСИИ Сиро и полковника ООТА, бывш. начальника 4 отдела этого же отряда. Однако ответ на это предложение от американцев последовал отрицательный.

МВД СССР считает целесообразным провести над руководящими работниками противоэпидемического отряда открытый судебный процесс.

На рядовых работников этого отряда, по согласованию с органами прокуратуры, дела рассматривать на закрытых судебных заседаниях Военных Трибуналов.

Докладывая, прошу Вашего решения.

МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
(С. Круглов)

АП РФ.Ф. 3. Оп. 66. Д. 1065. Л. 11—21.

ДОКУМЕНТ № 9

Секретно
экз. № 1

ЦК КПСС

В процессе работы Комиссии ЦК КПСС, выезжавшей в город Хабаровск в связи с отказом от выхода на работы и неповиновением японских военных преступников, содержащихся в лагере № 16 было проверено в порядке надзора 350 уголовных дел, по которым осуждено 800 японских граждан, и изучены материалы, характеризующие поведение этих заключённых в лагере, и состояние их здоровья.

Проверкой дел установлено, что часть содержащихся в лагере заключённых осуждена за несение военной службы в специальных формированиях японской армии, занимавшихся войсковой радиоразведкой и подготовкой диверсантов-подрывников на случай во-

енных действий против СССР, за службу в японских военных миссиях в Маньчжурии в качестве переводчиков русского языка.

Учитывая, что в настоящее время порядок в лагере восстановлен: заключённые японские преступники прекратили голодовку, приступили к работе и повинуются администрации лагеря; что часть из них является престарелыми, инвалидами и страдает неизлечимым недугом, а также, что 28 заключённых, входящих в группу демократов, не принимали участия в противодействиях администрации лагеря и хорошо проявили себя за время пребывания в лагере, — целесообразно освободить от отбывания наказания и репатриировать в Японию 85 заключённых японцев. В частности, 9 заключённых, страдающих неизлечимым недугом; 8 заключённых, имеющих возраст свыше 55 лет; 28 заключённых, входящих в группу демократов; 40 заключённых, осуждённых за службу в японской армии или за службу переводчиками в японских военных миссиях, в отношении которых возможно ограничиться отбытым сроком наказания по характеру совершённого ими преступления.

Досрочное освобождение указанных японских преступников полагал бы необходимым произвести в порядке частной амнистии Указом Президиума Верховного Совета СССР.

Приложение: список на 25 листах.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР СССР
(Р. РУДЕНКО)

«19» мая 1956 года
№ 102лс

АП РФ.Ф. 3. Оп. 66. Д. 1068. Л. 56—57.

ДОКУМЕНТ № 10

Строго секретно
№ П29/ХХХУ

Выписка из протокола № 29 заседания Президиума ЦК
от 20 июля 1956 г.

О возобновлении переговоров о нормализации советско-японских отношений.

3. Утвердить Директивы делегации СССР на советско-японских переговорах (прилагается).

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Из приложения:

3. Заявить, что если будет достигнута договорённость о заключении мирного договора или восстановлении дипломатических отношений, все осуждённые в Советском Союзе японские граждане будут освобождены из мест заключения и им будет разрешено возвратиться на родину (проект Указа Президиума Верховного Совета СССР об амнистии японских граждан, осуждённых в Советском Союзе, прилагается).

Проект

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Об амнистии японских граждан, осуждённых в Советском Союзе

В связи с прекращением состояния войны между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией и установлением между ними мирных отношений, а также руководствуясь принципами гуманности, Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Освободить из мест заключения всех осуждённых японских граждан.

2. Разрешить всем освобождённым из мест заключения японским гражданам возвратиться на родину.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

К. Ворошилов

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

Н. Пегов

Москва, Кремль

« » 1956 года

Копия

ПРАВИТЕЛЬСТВУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Благодарственное послание¹

Демократическая группа 4-го отделения лагеря японцев, Хабаровск

По случаю возвращения на родину наша демократическая группа передаёт Правительству Советского Союза и Центральному Комитету коммунистической партии сердечную благодарность. Мы выражаем глубокую благодарность местной администрации лагеря, проявлявшей о нас постоянную заботу.

С момента своего осуждения мы всегда прилагали силы к тому, чтобы искупить свою вину перед советским народом искренним трудом под лозунгом критики военных преступлений. Ибо те, кто подлинно стремится к миру, считают, что нет искренности без того, чтобы искупить свои военные преступления.

Исходя из этого, они считали, что только решительным преодолением ошибок первой постыдной половины жизни можно прожить вторую половину, посвятив её созданию будущей демократической Японии. Нет большей радости сознавать проявление такой высокой чуткости, выраженное в нашем досрочном освобождении из заключения и вызванной признанием советским правительством наших усилий за 11 лет.

Прошедшие 11 лет в этом смысле были фактически для нас школой возрождения. Школа жизни для людей, несущих ответствен-

¹ Письмо передано через Тюремный отдел МВД СССР группой досрочно освобожденных из заключения японских граждан, которые 16 августа с.г. были в порту Находка переданы представителям японского Красного Креста.

ность за военные преступления, ни в коей мере не была лёгкой. Здесь имеются в виду не столько мучения нашей совести, сколько жестокая борьба не на жизнь, а насмерть с офицерами бывшей Квантунской армии и жандармами, у значительного числа которых сохранялся дух реваншизма. Приказ о досрочном освобождении является для нас аттестатом за 10 лет этой школы.

Получив такое радостное известие, мы одновременно с передачей нашей благодарности советскому правительству приносим извинения народу Советского Союза, дружественной нам страны, за те многие хлопоты, которые мы доставили как военные преступники.

Вместе с этим мы торжественно обещаем, что, практически применяя советскую действительность, не будем не только снова участвовать в агрессивной войне против СССР или каких-либо других стран, но и соглашаться на неё; мы обещаем, что вторую половину своей жизни посвятим борьбе за дружбу между японским и советским народами, за демократизацию Японии и мир.

<...>

По возвращении на родину мы под руководством партии рабочего класса Японии, японской компартии, будем бороться рядовыми солдатами за мир и независимость.

Спасибо советскому правительству за то, что оно открыло глаза нам, военным преступникам.

Да здравствует великий Союз Советских Социалистических Республик!

Да здравствует советский народ, героический строитель коммунизма!

Да здравствует великая коммунистическая партия Советского Союза!

Да здравствует дружба между японским и советским народами!

Августа 1956 года
Демократическая группа

Асахара Китанага
Макино Иоситоми
Сайто Такада

Хаара Курода
Хироока Иосиока
Мицумура Хаяси
Сасаки Эндо
Кимура Харада
Комацу Ябуки
Сато Юдзу
Ямасита Сида
Маэда Накадзима
Укава

НБ-3834
23/Х-1956 г.

АП РФ.Ф. 3. Оп. 66. Д. 1068. Л. 83—88.

ДОКУМЕНТ № 11

ИЗ ВСТУПИТЕЛЬНОЙ РЕЧИ ОБВИНИТЕЛЯ ОТ СОВЕТСКОГО СОЮЗА — ЧЛЕНА- КОРРЕСПОНДЕНТА АКАДЕМИИ НАУК СССР С.А. ГОЛУНСКОГО НА ТОКИЙСКОМ ПРОЦЕССЕ

В изложении

8 октября 1946 г. на заседании Международного военного трибунала в Токио обвинитель от СССР С.А. Голунский выступил с речью, в которой обосновал часть обвинения, касающуюся японской агрессии против Советского Союза.

«Мы, — заявил С.А. Голунский, — обвиняем людей, которые сидят здесь на скамье подсудимых, в совершении ряда преступлений в период между 1928 и 1945 годами».

Прежде чем перейти к этому периоду, обвинитель привел факты, характеризующие японскую агрессию против нашей страны. С.А. Голунский указал, что вероломное нападение японцев на русскую эскадру в Порт-Артуре в 1904 году вызвало суровое осуждение всего мира и явилось одним из поводов для заключения на второй Гаагской конференции в 1907 году конвенции о порядке начала во-

енных действий. Нападение японцев на Перл-Харбор в 1941 году в точности воспроизводит схему, по которой было осуществлено нападение на Порт-Артур. Это — не случайное совпадение, это — метод японской агрессивной политики, это — японская военная доктрина, на которой обучались целые поколения японских офицеров.

Напомнив затем о японской интервенции на советском Дальнем Востоке в 1918—1922 гг., С.А. Голунский заявил, что хотя тогда попытка захвата советских дальневосточных территорий Японии не удалась, но мечта об этом продолжала жить среди японской военщины и японских империалистических политиков до самого последнего времени и мотивировала собой целый ряд их агрессивных действий в продолжение всего периода, охватываемого обвинительным актом.

В течение всего периода, охватываемого обвинительным актом, характер и формы японской агрессии против Советского Союза менялись. Оставалась неизменной только основная цель — так или иначе, тем или иным способом захватить столько советских территорий, сколько удастся, и нанести такой удар по Советской стране, какой только окажется возможным. Обвинитель разбил для удобства рассмотрения все время, охватываемое обвинительным актом, на четыре периода: а) период с 1928 года до захвата Маньчжурии; б) период с 1931 по 1936 год; в) период с 1936 года до начала войны в Европе; г) последний период вплоть до капитуляции Японии.

Характеризуя первый период, обвинитель напомнил, что в 1925 году в Пекине была заключена между Советской Россией и Японией конвенция об основных принципах мирных взаимоотношений между обеими странами. Однако обязательства, вытекающие из этой конвенции, с самого начала грубо нарушались Японией. «Мы, — говорит обвинитель, — представим Трибуналу доказательства того, что начиная с 1928 года японские военные деятели и генеральный штаб Японии в целом уже планировали агрессивную войну против Советского Союза, выжидая лишь удобного случая для развязывания этой войны. Военные деятели Японии, однако, понимали, что, не имея солидного плацдарма, трудно рассчитывать на успешное ведение войны против Советского Союза. Поэтому основная забота японской военщины в период с 1928 до 1931 год заключалась в приобретении такого плацдарма. Понятно, что их

взгляды обращались прежде всего к Маньчжурии, которая могла быть успешно превращена в плацдарм для развертывания дальнейшей японской агрессии против Китая, Советского Союза.

Готовясь к этому первому шагу, японская военщина в течение всего времени с 1928 по 1931 год, как, впрочем, и после этого, планировала и осуществляла подпольную подрывную деятельность, направленную против Советского Союза.

Мы представим суду доказательства, свидетельствующие о том, что такая диверсионная, подрывная деятельность японской агентуры против Советской страны осуществлялась по заранее продуманным и разработанным планам, по прямым указаниям японской военщины».

Перейдя ко второму периоду, С.А.Голунский сказал, что захват Маньчжурии в 1931 году явился очень важным этапом в развертывании японской агрессии не только против Китая, но и против СССР. Больше того, захват Маньчжурии имел громадное значение для подготовки всей японской агрессии вообще. В конце 1931 года Советское правительство сделало японскому правительству предложение заключить пакт о ненападении и возобновило это предложение в 1932 году. Японское правительство отклонило его. Отказ подписать предложенный Советским Союзом пакт бесспорно доказывает, что все те военные приготовления, которые японское командование стало проводить сразу же после захвата Маньчжурии, не имели оборонительного характера и что цель этих приготовлений заключалась в том, чтобы превратить Маньчжурию и Корею в плацдарм для ведения агрессивной войны против Советского Союза.

«В течение того же периода, — продолжал обвинитель, — Япония принимала все меры к тому, чтобы установить свое военное, политическое и экономическое господство во Внутренней Монголии с тем, чтобы распространить его впоследствии также и на Внешнюю Монголию, на территории которой в 1922 году образовалась Монгольская Народная Республика. Японская военщина планировала захват Монгольской Народной Республики, чтобы превратить ее в плацдарм для нанесения удара по жизненным коммуникациям Советского Союза».

Обвинитель указал, что предупреждение со стороны Советского правительства: в случае нападения Японии на Монгольскую Народ-

ную Республику Советский Союз окажет ей помощь своими вооруженными силами — заставило японских агрессоров призадуматься, но отнюдь не отказаться от своих агрессивных планов. Им стало ясно, что одними своими силами им вряд ли удастся осуществить свои захватнические намерения в отношении МНР и Советского Дальнего Востока. Надо было искать союзников в Европе. К этому времени на европейском горизонте уже отчетливо выявились как явно агрессивные державы, родственные Японии по своему антидемократическому духу, — Германия и Италия.

25 ноября 1936 г. был подписан «антикоминтерновский пакт». Тогда еще не было известно точное содержание секретного соглашения, приложенного к этому пакту, которое теперь предъявляется трибуналу. «Теперь мы точно знаем, — говорит обвинитель, — что оно было прямо направлено против Советского Союза. В то время Япония, так же как и Германия, пыталась убедить мир, что подписанный ими пакт есть орудие чисто идеологической борьбы с влиянием Коминтерна. Но уже и тогда всему миру было ясно, что разговоры о борьбе с влиянием Коминтерна — это только ширма, прикрывающая действительный сговор агрессивных государств о совместной агрессии против демократических держав». Обвинитель указал, что за заключение этого пакта личную ответственность несут все подсудимые, и прежде всего тогдашний премьер Хирота и бывший председатель тайного совета Хиранума.

Затем обвинитель перешел к характеристике третьего периода. Он указал, что после того, как «антикоминтерновский пакт» был использован как средство объединения сил агрессоров против демократических держав, Япония стала стремиться к еще более тесному сближению с гитлеровской Германией и фашистской Италией. Указав, что начавшиеся в январе 1938 года переговоры Японии с Германией и Италией о заключении формального военного и политического союза велись безрезультатно более полутора лет вследствие выявившихся расхождений во взглядах между Японией и Германией относительно ближайших планов их совместной агрессии, обвинитель продолжил: «Здесь, на этом процессе, при допросе свидетелей Сидэхара, Угаки, Окада и других вырисовывалась совершенно нелепая картина. Нам предлагали поверить, что решительно все в Японии — и правительство, включая и во-

енного министра, и придворные круги, и вообще весь правящий класс Японии, — в общем все, за исключением нескольких полковников и майоров Квантунской армии, были против агрессии, возмущались ею, делали все, что могли, чтобы приостановить ее, а между тем японские войска в течение целых десяти лет совершали новые и новые нападения, захватывали все новые и новые территории. Мы представим Трибуналу доказательства того, что нападения японских войск на советскую территорию и территорию МНР были осуществлены с ведома и согласия японского правительства и с его полного одобрения, как это, впрочем, было и на других этапах японской агрессии».

Обрисовав уроки, полученные японцами при Хасане и на реке Халхин-Гол, обвинитель указал, что в результате этих событий японские империалисты поняли, что только своими силами им с Советским Союзом не справиться, и взгляды руководителей японской агрессии стали «со все большим вожделением останавливаться на германском бронированном кулаке». Летом 1940 года возобновились переговоры между Германией и Италией, с одной стороны, и Японией, с другой стороны, о заключении военного и политического союза. Переговоры эти привели к заключению 27 сентября 1940 г. трехстороннего пакта, который окончательно оформил заговор агрессивных держав против демократического мира, и в частности против СССР. Этот пакт представляется трибуналу. Плодами этого заговора была целая серия преступных действий крупного международного масштаба. «Мы докажем, — говорит обвинитель, — что одной из жертв этого заговора намечался с самого начала Советский Союз и что реализация этого заговора принесла огромный ущерб интересам Советского Союза.

Мы представим Трибуналу доказательства, из которых будет совершенно ясно, что действительное значение тройственного пакта в области советско-японских отношений понималось руководителями японской агрессии таким образом:

1) если возникнет война между Германией и Советским Союзом, то пакт даст возможность Японии самой захватить те советские территории, которые давно уже возбуждали японский аппетит;

2) если война между Германией и СССР не возникнет, то надо будет постараться запугать Советский Союз бронированным не-

мецким кулаком, так как на опыте уже выяснилось, что собственный японский кулак для Советского Союза не страшен.

Расчет этот казался японским империалистам безошибочным. Они ошиблись только в том, что и германская военная машина разбилась вдребезги о военную мощь Советского Союза».

Перейдя к последнему периоду, вплоть до капитуляции Японии, обвинитель напомнил, что 13 апреля Мацуока подписал от имени Японии пакт о нейтралитете с СССР.

«Доказательства, которые мы представим Трибуналу, — заявил обвинитель, — покажут, что, заключая этот пакт, японское правительство не собиралось соблюдать его и нарушило его сразу же, как только Германия напала на Советский Союз. Мы также представим Трибуналу доказательства, которые покажут, что Япония в этот момент не напала на СССР лишь потому, что обстановка, сложившаяся летом 1941 года, казалась руководителям японской агрессии ещё недостаточно подходящей. Мацуока надеялся обмануть Советское правительство и рассчитывал, что, как только начнётся война с Германией, Советский Союз, полагаясь на этот пакт, перебросит все свои войска с Дальнего Востока на Западный фронт, и тогда вся Восточная Сибирь и Приморье станут легкой добычей Японии. Но эта попытка не удалась. При тяжелом положении на Западном фронте в первые месяцы войны с Германией Советский Союз не ослабил своей обороны на Дальнем Востоке, несмотря на то, что японское правительство в июле—августе 1941 года неоднократно давало заверения в своем намерении соблюдать пакт о нейтралитете.

Мы представим Трибуналу доказательства того, что на совещании руководящих военных и политических деятелей Японии в личном присутствии императора и под его председательством 2 июля 1941 г. было решено следующее:

1. Япония не будет вмешиваться в войну с СССР только “пока” и применит оружие, “если германо-советская война будет развиваться в пользу Японии”.

2. До тех пор Япония будет под прикрытием дипломатических переговоров “скрытно вести вооруженную подготовку против СССР”.

В осуществление этого решения японским генеральным штабом и штабом Квантунской армии был выработан особый план се-

кретной мобилизации, зашифрованный названием “Кан Току Эн”, что буквально означало: “Особые маневры Квантунской армии”. Согласно этому плану, численность Квантунской армии должна была быть увеличена в течение двух месяцев вдвое — с 300 тыс. до 600 тыс. человек.

План этот проводился в жизнь в самом спешном порядке. Среди японской военщины в то время был распространен лозунг “Не опоздать на автобус”.

Немцы обещали разгромить Советский Союз не позже чем в два месяца, и японские заправилы рассуждали так: зачем нам лезть сейчас напролом и нести потери в боях с Красной Армией, к тому же в Восточной Сибири нет нефти, которая нам нужна. Мы пока захватим на юге все, что нам нужно, а к осени, когда немцы разобьют Красную Армию и в Советском Союзе наступит дезорганизация, мы легко заберем все то, что захотим. А пока мы будем вести дипломатические переговоры, будем клясться в верности пакту о нейтралитете, чтобы пустить пыль в глаза Советскому Союзу и замаскировать от него наши военные приготовления».

Далее С.А. Голунский отметил, что советское обвинение представит доказательства того, что в августе 1941 года нападение на Советский Союз намечалось уже на лето 1942 года, причем предполагалось всю Восточную Сибирь включить в район так называемой великой Восточной Азии.

Границы этой великой Восточной Азии, которая, согласно тройственному пакту, отдавалась на съедение Японии, рассматривались руководителями японской агрессии, как нечто очень эластичное.

На втором заседании Тайного совета 12 октября 1942 г., на котором обсуждался вопрос о создании министерства по делам великой Восточной Азии, Тодзио спросили, каковы же пределы сферы великой Восточной Азии. В ответ на этот вопрос Тодзио назвал те территории, которые к этому времени уже были захвачены Японией, и добавил, что в эту сферу должны войти также новые территории, оккупируемые в ходе войны, и что таким образом эта сфера будет расширяться с увеличением оккупированных территорий.

Другими словами, в состав великой Восточной Азии будет включено все то, что удастся проглотить.

«Мы представим Трибуналу, — сказал обвинитель, — документальные доказательства, из которых будет видно, что из советских территорий предполагалось проглотить все, что не будет проглочено Германией. Так, сибирскую магистраль предполагалось поделить: к западу от Омска — Германии, а к востоку — Японии.

В период 1941—1942 гг. в Токио разрабатывались не только оперативные планы военного нападения на Советский Союз, но и планы военного управления теми советскими территориями, которые предполагалось оккупировать. Мы представим эти планы Трибуналу. Из них будет видно, как предполагалось применить на практике японскую расовую теорию, как намечалось организовать массовое переселение на оккупированную территорию японцев и разрабатывались специальные меры для предотвращения концентрации в Сибири славян, “вытесняемых с запада”. Все эти планы и расчеты строились на твердой уверенности в окончательной победе Германии».

Обвинитель указывает, что ставка на победу Германии и на поражение Красной Армии была неизменным условием, которое фигурировало во всех расчетах японских политиков, когда они развивали свои агрессивные планы не только против Советского Союза, но также против Соединенных Штатов и Великобритании. И эта ставка была бита. Время шло, но победа Германии в Европе и Японии — на Тихом океане не наступала. Наоборот, японские вооруженные силы все глубже и глубже увязали в войне, а Красная Армия по-прежнему твердо стояла на советских границах, и тот благоприятный момент для нападения на СССР, которого все время ждали и не могли дождаться японские завоеватели, не приходил.

Обвинитель подчеркивает, что это не значит, что Япония, хотя и поневоле, соблюдала пакт о нейтралитете с Советским Союзом. Япония преднамеренно и систематически нарушала этот пакт и оказала Германии очень серьезную помощь. Несмотря на большую потребность в войсках на других фронтах, Япония все больше и больше усиливала свои вооруженные силы на советской границе. В 1942 году в Маньчжурии было сосредоточено 1 млн. 100 тыс. войск, т.е. почти 35 % всей японской армии, включая танковые и авиационные части.

Указав, что японское правительство знало, что СССР не собирается напасть на Японию, обвинитель продолжал:

«Если бы Япония честно соблюдала свой договор о нейтралитете с Советским Союзом, если бы она не вынуждала его держать, по собственному признанию японского командования, очень большие вооруженные силы на границах с Маньчжурией, то СССР имел бы возможность с самого начала использовать эти силы в войне с Германией. Это не только изменило бы весь ход советско-германской войны, но, по всей вероятности, весь ход второй мировой войны был бы совершенно другим. Что же касается советско-германской войны, то совершенно бесспорно, что эта война кончилась бы гораздо скорее и с гораздо меньшими жертвами для Советского Союза.

Правда, с другой стороны, если бы вся эта миллионная армия, которую японское правительство и японское командование в продолжение всей войны держало в Маньчжурии, со всей ее военной техникой была брошена в бой на Филиппинах, на Новой Гвинее и на других фронтах, то задача союзных армий на этих фронтах была бы, конечно, существенно затруднена. Однако это никак не является смягчающим обстоятельством для обвиняемых». Обвинитель указал, что Япония нарушала пакт о нейтралитете с Советским Союзом также путем передачи Германии в течение всей войны военной информации о Советском Союзе. Япония топила советские суда и всячески препятствовала советскому судоходству на Дальнем Востоке.

После безоговорочной капитуляции Германии японские политики и стратеги поняли, что с «новым порядком» в Европе покончено раз и навсегда. Однако и после этого они не захотели сложить оружие, рассчитывая на то, что, имея еще нетронутую отборную армию Маньчжурии и большие силы на японских островах, они могут потроговаться и не только спасти свою шкуру, но и сохранить средства для того, чтобы начать планировать и готовить новую агрессивную войну. Поэтому они отвергли Потсдамскую декларацию, призывавшую Японию к безоговорочной капитуляции, и обратились к Советскому правительству с просьбой о посредничестве.

Но демократические страны, наученные горьким опытом, твердо стояли на своем решении не идти ни на какие сделки с агрессором. Они не могли пойти ни на что другое, кроме безоговорочной капи-

туляции Японии, от которой японское правительство отказывалось. Такой отказ означал затяжку войны на неопределенное время. Вот почему Советский Союз отверг просьбу японского правительства о посредничестве, как беспредметную, и по просьбе своих союзников — США и Великобритании, — верный своему союзническому долгу, желая всемерно ускорить окончание войны, от которой человечество уже шесть лет истекало кровью, объявил войну японскому агрессору.

Советский Союз преследовал при этом также и цель: дать возможность японскому народу избавиться от тех опасностей и разрушений, которые были пережиты Германией после ее отказа от безоговорочной капитуляции.

Свою речь С.А. Голунский закончил следующими словами: «Понадобился сокрушительный удар Красной Армии по сосредоточенным в Маньчжурии отборным японским войскам, чтобы зарвавшиеся японские империалисты, наконец, поняли, что они проиграли войну. Они поняли, что они побиты, да и трудно было не понять этого при том положении, в каком оказалась разгромленная и окруженная со всех сторон Япония, но они до сих пор не признают и не хотят признать, что они совершили преступление. Они все как один заявили здесь на суде, что не считают себя виновными ни в чем. Это еще раз подчеркивает, что, если бы они оказались на свободе, если бы в их руках оказались необходимые средства, они опять стали бы действовать точно так же, как они действовали до сих пор».

В конце речи С.А. Голунский представил Международному трибуналу помощников обвинителя от Советского Союза, которые представят доказательства обвинения.

ДОКУМЕНТ № 12

ИЗ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ РЕЧИ ОБВИНИТЕЛЯ ОТ СОВЕТСКОГО СОЮЗА — ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТНИКА ЮСТИЦИИ 2-ГО КЛАССА А.Н. ВАСИЛЬЕВА НА ТОКИЙСКОМ ПРОЦЕССЕ

«Господин Председатель и господа члены Трибунала, близится момент, когда вами будет вынесен приговор по делу главных японских военных преступников.

Рассмотрение этого дела, занявшее столь длительное время, должно увенчаться актом, достойным высокой цели, во имя которой организован Международный военный трибунал.

Эта цель — осудить японскую агрессию против миролюбивых народов, сурово покарать главных японских военных преступников и этим помочь превращению Японии в мирное демократическое государство и предохранить мир от новой агрессии, предостеречь тех, кто, ослепленный сумасбродной идеей мирового господства, идеями захвата чужих земель и покорения народов, захотел бы осуществить что-либо подобное тому, во имя чего развивали свою преступную деятельность японские сподвижники Гитлера.

Империалистическая Япония, которая была на протяжении многих лет очагом агрессии на Востоке, гитлеровская Германия и фашистская Италия, вступив в заговор, развязали вторую мировую войну и поставили человечество и его цивилизацию на край гибели.

Советский Союз принял на себя главный удар агрессоров и сыграл решающую роль в их разгроме, в спасении человечества от фашистского варварства. Поэтому и как ближайший сосед Японии, Советский Союз заинтересован в радикальной ликвидации японского очага агрессии. Ликвидация японской агрессии означает в пределах компетенции Трибунала прежде всего суровое осуждение группы заговорщиков, находящихся на скамье подсудимых. Подсудимые и теперь еще не сложили оружия. Они продолжают активно защищать свою преступную агрессивную политику.

Представшие перед трибуналом заговорщики опасны еще и тем, что вокруг них концентрируются самые реакционные элементы Японии в лице бывших генералов, разведчиков, дипломатов, которые, выступая в суде в качестве свидетелей, изо всех сил стараются выгородить своих бывших хозяев.

Пусть все это будет учтено Трибуналом при вынесении приговора.

Как обвинитель от СССР, поддерживая в полном объеме обвинительного акта обвинение, предъявленное всем подсудимым, считаю своей особой задачей обосновать обвинение, в агрессии, направленной против Советского Союза.

Японская агрессия против СССР имеет глубокие корни в прошлом. Агрессивные действия, которые инкриминированы главным

японским военным преступникам, тесно связаны с войной Японии против России в 1904—1905 гг. и с японской интервенцией на Дальнем Востоке в 1918—1922 гг.

Агрессивная политика Японии на Дальнем Востоке уже в начале XX века была явно направлена в ущерб русскому государству, имея целью закрыть для нашей страны на Востоке все выходы к океану, захватить Сахалин и отторгнуть от России весь ее Дальний Восток. Одним из проявлений этой политики Японии было вероломное нападение на русский флот без объявления войны 8 февраля 1904 г. В результате войны 1904—1905 гг. Япония захватила южную часть русского острова Сахалин.

В 1918 году японские империалисты вновь напали на нашу страну, оккупировали советский Дальний Восток и четыре года грабили наш народ. Общеизвестны злодеяния, совершавшиеся японскими интервентами на советском Дальнем Востоке.

Благодаря героической борьбе русского народа японские империалисты вынуждены были убраться с советского Дальнего Востока. Однако реализация агрессивных замыслов японских милитаристов против СССР была только отложена до удобного момента.

Агрессивная политика против Советского Союза являлась программой японской правящей клики.

Идеологическая подготовка войны велась под дымовой завесой пресловутого лозунга создания “великой восточноазиатской сферы процветания”. В многочисленных “исследовательских бюро”, “институтах” и “обществах”, созданных заговорщиками, планировалось ограбление народов, о покорении которых мечтали агрессоры, и освоение территорий, которые они намеревались захватить.

В политической жизни Японии всегда занимали большое место организации особого типа, которые формально считались частными обществами, но деятельность которых фактически направлялась правительственными органами и в свою очередь определяла и направляла работу японского государственного аппарата.

Одной из таких организаций было “Общество по изучению государственной политики” (“Кокусаку кэнкю кай”). Среди членов общества мы находим четырех подсудимых на этом процессе: Того, Кайя, Муто и Сато, но в курсе всех “изысканий” общества были и другие подсудимые, в частности Тодзио.

При обыске на квартире бывшего начальника бюро общих дел этого общества Яцуги были обнаружены копии наиболее секретных документов генерального штаба и военного министерства по организации управления на территориях, намечаемых к захвату. По показаниям Яцуги, эти документы были получены для составления проекта “10-летнего плана построения сферы процветания великой Восточной Азии”.

В октябре 1941 года общество специально занималось изучением вопроса “о посылке вооруженных японских колонистов в оккупированные районы СССР” и использовании белоэмигрантов в оккупированных районах Советского Союза. В мае 1943 года общество издало проект “10-летнего плана построения сферы процветания”.

В плане указывалось:

“Будущее советской территории. Этот вопрос будет разрешен японо-германским соглашением, в настоящее время его решить трудно. Тем не менее Приморская область будет присоединена к территориальным владениям империи... Сибирская железная дорога будет поставлена целиком под контроль Германии и Японии. При этом линия разграничения между ними проходит в Омске”.

Наряду с обществом “Кокусаку кэнкю кай” разработкой захватнических планов против СССР занимался так называемый Институт тотальной войны. В изысканиях института за 1943 год содержались “Мероприятия по управлению Сибирью, включая Внешнюю Монголию”, которыми предусматривалось:

“В оккупированных районах должна быть введена военная администрация... Имея целью внедрение нашей мощи, пользоваться строго реальной силой, не спускаясь до так называемого принципа умеренности”.

Из проекта создания сферы процветания великой Восточной Азии, разработанного институтом, видно, что под действие террористического режима должны были подпасть все дальневосточные области Советского Союза и восточная часть Сибири.

Идея агрессивной войны против СССР составляла неотъемлемую часть государственной политики Японии. Свидетель Такэбэ показал, что в 1933 году подсудимый Араки — в то время военный министр, — выступая на совещании губернаторов с призывом к скорейшему нападению на Советский Союз, заявил:

“...В проведении своей государственной политики Япония неизбежно должна столкнуться с Советским Союзом, поэтому Японии необходимо военным путем овладеть территориями Приморья, Забайкалья и Сибири”.

В Японии велась разнузданная пропаганда войны против СССР, которая усилилась после разбойничьего нападения Германии на Советский Союз.

Подсудимый Хасимото в газете “Тайо дайниппон” от 5 января 1942 г. писал, что сфера великой Восточной Азии будет включать среди других территорий также Дальний Восток СССР.

Бывший японский посол в Германии, подсудимый Осима, 18 апреля 1943 г. заявил Риббентропу:

“...Одно неоспоримо, что уже 20 лет все планы генерального штаба разрабатывались для наступления на Россию...”

В 1928—1931 гг. генеральный штаб Японии имел наступательные планы войны против СССР, зашифрованные под названием “Оцу” и предусматривавшие захват Советского Приморья с использованием территории Маньчжурии и Кореи в качестве плацдарма.

Свидетель — генерал-лейтенант Миякэ, бывший начальник штаба Квантунской армии (1928—1932 годы), показал:

“План операций, которые должны были привести к оккупации Маньчжурии, являлся одной из важнейших составных частей общего плана операций японских войск против СССР”.

В сентябре 1931 года японские агрессоры захватили Маньчжурию и немедленно приступили к подготовке ее в качестве плацдарма для вторжения на советскую территорию.

Подсудимый Хирота в бытность его японским послом в Москве в 1931 году передал начальнику генерального штаба Японии свои предложения.

“...Придерживаться твердой политики по отношению к СССР и быть готовым воевать с Советским Союзом в любой момент” — с целью “захвата Дальнего Востока, Сибири”.

Военный атташе в СССР Касахара направил в генеральный штаб Японии 29 марта 1931 г. доклад, в котором писал:

“Нам недостаточно разбить Советский Союз в бою. Нам нужно будет вести войну на сокрушение...”

В 1931 году Советское правительство обратилось к правительству Японии с предложением заключить пакт о ненападении. Японское правительство 13 декабря 1932 г. ответило отказом. Верное своей мирной политике, Советское правительство вновь подтвердило свое предложение о заключении пакта в ноте от 4 января 1933 г., отметив, что предыдущее предложение “не было вызвано соображениями момента и вытекает из всей его мирной политики, потому остается в силе и в дальнейшем”. Это второе предложение также было японскими правящими кругами отклонено.

Отказавшись от заключения с СССР пакта о ненападении, японские, империалисты продолжали подготовку войны против Советского Союза.

О плане войны против СССР на 1939 год подполковник японского генерального штаба армии Сэдзима показал:

“Основной замысел японского командования заключался в том, чтобы сосредоточить в Восточной Маньчжурии главные военные силы и... захватить Ворошилов, Владивосток и Иман, а затем Хабаровск, Благовещенск и Куйбышевку”.

По плану 1941 года, составленному до нападения Германии на СССР, как видно из показаний того же Сэзими, намечалось:

“На первом этапе войны занять города: Ворошилов, Владивосток, Благовещенск, Иман, Куйбышевку и район Рухлово. На втором этапе — Северный Сахалин, Петропавловск-на-Камчатке, Николаевск-на-Амуре, Комсомольск, Советскую Гавань”».

Далее А.Н.Васильев останавливается на мероприятиях японского правительства по увеличению численности вооруженных сил, и в частности Квантунской армии. Численный состав Квантунской армии с 1931 по 1937 год был увеличен более чем в пять раз. К 1943 году армия имела до 1 млн. 100 тыс. человек. Количество танков против 1937 года удвоилось, а самолетов и артиллерии — более чем утроилось. За этот же период времени были увеличены и силы японской армии в Корее.

Строились новые железные и автомобильные дороги, большая часть которых имела стратегическое назначение и вела к границам Советского Союза.

Общее количество аэродромов и посадочных площадок в Маньчжурии в 1941 году достигло 287. В Корее в 1931 году было 8 аэро-

дромов и посадочных площадок, а в 1941 году их стало 53. Многие рыболовецкие порты в Корее и Маньчжурии были превращены в базы военно-морского флота Японии.

Японские империалисты активно проводили идеологическую и военную подготовку населения Маньчжурии к захватнической войне против СССР. Этим целям служило созданное и контролируемое командующим Квантунской армией общество «Киова кай».

Японский генерал Миякэ, который являлся одним из инициаторов создания этого общества, при допросе показал:

«Для действий в военной обстановке организация создавала специальные боевые группы, предназначавшиеся для активной деятельности в тылу Красной Армии».

Японские империалисты, — заявил обвинитель — систематически вели подрывную деятельность против СССР.

В 1928 году видный разведчик Канда (впоследствии генерал-лейтенант и начальник русского отделения генерального штаба) представил в японский генеральный штаб доклад, в котором предусматривалось: разжигание национальной вражды между народами Советского Союза, разложение дисциплины в армии, срыв ее мобилизации, дезорганизация работы военных предприятий, разрушение транспорта, особенно Сибирской железной дороги. В качестве одной из основных задач имелось в виду подстрекательство соседних с СССР государств к проведению враждебных Советскому Союзу военных и экономических мероприятий.

В приложении к докладу указаны мероприятия по созданию за границей белоэмигрантских организаций для враждебной деятельности против СССР.

В апреле 1929 года бывший начальник 2-го отдела японского генерального штаба армии — подсудимый Мацуи провел в Берлине совещание японских военных атташе ряда европейских государств, на котором был обсужден вопрос о развертывании подрывной деятельности против Советского Союза.

Начиная с 1932 года в Харбине и в других городах Маньчжурии японскими военными миссиями были созданы организации белоэмигрантов, объединенные в декабре 1934 года в «Бюро по делам российских эмигрантов».

Японская милитаристская клика систематически организовывала акты саботажа, диверсий на Китайско-Восточной железной дороге в Маньчжурии (КВЖД), чтобы заставить Советский Союз отказаться от своих прав на железную дорогу.

После оккупации Маньчжурии подрывная деятельность японских империалистов на КВЖД еще более усилилась и сделала совершенно невозможной нормальную эксплуатацию дороги, причем вследствие всевозможных провокаций создавалась явная угроза миру на Дальнем Востоке. Это вынудило Советское правительство поставить вопрос о продаже КВЖД.

Граница между так называемым Маньчжоу-го и Советским Союзом с момента захвата Маньчжурии японцами была местом непрекращающихся происшествий и столкновений, провоцируемых японцами.

В период с 1941 по 1943 год количество нарушений советской границы из года в год возрастало.

Подрывная деятельность японских империалистов против Советского Союза значительно усилилась в годы, предшествовавшие второй мировой войне.

Из представленной трибуналу записи беседы подсудимого Осима с Гиммлером 31 января 1939 г. видно, что Осима проводил активную подрывную деятельность против СССР и засылал на территорию Советского Союза террористов с заданием совершать террористические акты против руководителей» Советского правительства. После заключения в апреле 1941 года договора о нейтралитете с Советским Союзом подрывная деятельность японских империалистов против СССР не только не прекратилась, но даже усилилась.

В июне 1943 года в Харбине было проведено совещание информационного отдела Квантунской армии (переименованная харбинская военная миссия). В одном из документов этого совещания сказано: «Белогвардейцы, независимо от пола и их желания, должны широко привлекаться для войны против СССР и особенно для тайной войны».

В 1938 году японские империалисты совершили нападение на СССР в районе озера Хапан на стыке границ СССР, Маньчжурии, Кореи с целью окружения Владивостока.

29 июля 1938 г. превосходящие силы японцев, нарушив границу, атаковали высоту Безымянная, но были отбиты. В ночь на 31 июля японцы уже силами пехотного полка атаковали высоту Заозерная. В дальнейшем японцы ввели в бой свою 19-ю пехотную дивизию, усиленную тяжелой артиллерией и подкреплением в 2 тыс. штыков. Японская артиллерия выпустила по советской территории 12 тыс. снарядов. В результате ввода в действие частей Советской Армии 11 августа 1938 г. японцы были разгромлены и изгнаны с территории СССР.

В 1939 году японские империалисты повторили свое нападение уже в другом месте, в районе Монгольской Народной Республики, около реки Халхин-Гол, с целью прорваться на советскую территорию, перерезать Сибирскую железнодорожную магистраль и отрезать советский Дальний Восток.

Японская военщина, разрабатывая планы против СССР, всегда уделяла особое внимание монгольскому плацдарму.

28 марта 1936 г. подсудимый Итагаки, в то время начальник штаба Квантунской армии, говорил в беседе с Арита: «Если Внешняя Монголия будет присоединена к Японии и Маньчжурии, то безопасности Советского Дальнего Востока будет нанесен сильнейший удар. В случае необходимости можно будет вытеснить влияние СССР с Дальнего Востока почти без борьбы. Поэтому армия планирует распространение влияния Японии и Маньчжурии на Внешнюю Монголию всеми средствами, имеющимися в ее распоряжении».

12 марта 1936 г. Советским Союзом и Монгольской Народной Республикой был подписан протокол о взаимопомощи.

Таким образом, развязывая агрессивную войну на территории Монгольской Народной Республики, японская империалистическая клика хорошо знала, что эти военные действия будут одновременно военными действиями против СССР. В качестве предлога для начала военных действий японские милитаристы заявили претензию на участок территории МНР на восточном берегу реки Халхин-Гол, мотивировав свою претензию тем, что граница якобы проходит не восточнее реки, а по самой реке.

В подтверждение они состряпали в 1935 году подложную карту, хотя до этого времени сами показывали на картах линию границы в этом районе правильно.

Но в 1935 году, планируя агрессию против СССР и МНР, японские империалисты произвольно перенесли линию границы с востока от реки на самую реку Халхин-Гол. Тем самым японские агрессоры часть монгольской территории пытались изобразить как якобы принадлежащую Маньчжурии, что для них должно было послужить предлогом для агрессии.

11 мая 1939 г. японо-баргутская кавалерийская часть численностью до 300 человек перешла государственную границу и напала на монгольский пограничный пост.

Даже свидетели защиты признали, что бои на Халхин-Голе являлись военными действиями больших масштабов, а не «пограничным инцидентом», каким защита теперь пытается изобразить японскую агрессию на Халхин-Голе.

Военные действия продолжались с мая по сентябрь 1939 года и были прекращены только после полного разгрома японо-маньчжурских войск. Монгольские и советские войска, разгромив японо-маньчжурские силы, остановились на линии государственной границы.

Усилению агрессивной политики по отношению к Советскому Союзу способствовало вступление Японии в заговор с нацистской Германией и фашистской Италией. Этот заговор был оформлен 25 ноября 1936 г. заключением «антикоминтерновского пакта» между Японией и Германией, к которому в 1937 году присоединилась и Италия. Этот пакт был направлен в первую очередь против СССР. Он был дополнен специальным секретным соглашением, ст. 1 которого предусматривала совместные меры борьбы против Советского Союза.

Окончательным оформлением военно-политического блока Германии, Италии и Японии и новым этапом заговора государств-агрессоров явилось заключение пакта трех держав, который также был направлен в первую очередь против СССР. Принц Коноэ в своих мемуарах пишет: «Это был план превращения трехстороннего антикоминтерновского пакта, который был в то время в силе, в военный союз, направленный в основном против СССР». 27 сентября 1940 г. был подписан пакт трех держав. 22 июня 1941 г., т.е. менее чем через год после заключения пакта, СССР подвергся вероломному нападению. Это было частью общего заговора агрессоров

против свободолюбивых народов. При этом Германия, Италия и их сателлиты вели непосредственные действия против Советского Союза, а Япония активно выполняла свои обязательства по заговору против СССР. Риббентроп в беседе с Осима 23 февраля 1941 г. сообщил ему, что Германия весной 1941 года будет располагать 240 дивизиями, и посвятил в перспективу «немецко-русского конфликта», который, по его словам, «имел бы следствием гигантскую победу немцев и означал бы конец советского режима».

В беседе с Мацуока 27 марта 1941 г. Риббентроп сделал следующее заявление: «На востоке Германия держит войска, которые в любое время готовы выступить против России, и если Россия займет позицию, враждебную Германии, то фюрер разобьет Россию. В Германии уверены, что война с Россией закончится окончательным разгромом русских армий и крушением государственного строя».

В тот же день в беседе с Мацуока Гитлер в присутствии Осима, Отта и Риббентропа подтвердил это.

Мацуока обещал германскому правительству, что Япония присоединится к войне против СССР. В беседе с Риббентропом от 29 марта 1941 г. Мацуока заявил: «Япония всегда была лояльным союзником, который целиком отдаст себя общему делу».

13 апреля 1941 г. японское правительство заключило с Советским Союзом пакт о нейтралитете. Этот пакт был заключен с вероломной целью, так как японское правительство не намеревалось его соблюдать, о чем свидетельствуют следующие факты.

В телеграмме от 5 мая 1941 г. германскому послу в Токио Риббентроп сослался на заявление Мацуока: «Никакой японский премьер-министр или министр иностранных дел не сумеет заставить Японию остаться нейтральной, если между Германией и СССР возникнет конфликт. В этом случае Япония принуждена будет, естественно, напасть на Россию на стороне Германии. Тут не поможет никакой пакт о нейтралитете».

В телеграмме от 20 мая 1941 г. Осима сообщил Мацуока: «Германское правительство придало особое значение заявлению министра иностранных дел Мацуока, сделанному им Отту, о том, что Япония будет воевать с СССР в случае, если начнется русско-германская война».

Вскоре после нападения Германии на СССР Мацуока заявил послу СССР в Японии, что «основой внешней политики Японии является тройственный пакт, и если нынешняя война и пакт о нейтралитете будут находиться в противоречии с этой основой и с тройственным пактом, то пакт о нейтралитете не будет иметь силы».

Сущность японской политики по отношению к Советскому Союзу была определена в секретном решении, принятом 2 июля 1941 г. на совещании японских государственных деятелей с участием императора. Решение гласило: «Хотя наше отношение к германо-советской войне определяется духом оси Рим — Берлин — Токио, мы некоторое время не будем вмешиваться в нее, но примем по собственной инициативе меры, тайно вооружаясь для войны с СССР. Тем временем мы будем продолжать вести дипломатические переговоры с большими предосторожностями. Если ход германо-советской войны примет благоприятный для Японии оборот, мы применим оружие для решения северных проблем».

Во исполнение решения этого совещания был разработан особый секретный план подготовки войны против СССР, зашифрованный под названием «Кан Току Эн» (особые маневры японской Квантунской армии).

Свидетель — офицер Японского генерального штаба Сэдзима — показал, что летом 1941 года в Японии была скрытно проведена мобилизация и для усиления Квантунской армии отправлено до 300 тыс. человек.

Сопrotивление, которое оказывала германским войскам Советская Армия, спутало карты агрессоров и сорвало их планы. Это вызвало тревогу у японского правительства, которое предъявило претензии к Германии.

Вот показания Осима: «Примерно в конце июля — начале августа 1941 года мне стало известно о замедлении темпов наступления германской армии... Москва и Ленинград не были взяты немцами в предусмотренные планом сроки. По этому поводу я обратился за разъяснениями к Риббентропу. Тот пригласил для дачи объяснений Кейтеля, который рассказал мне, что замедление темпов наступления германской армии вызвано большой растянутостью коммуникаций и отставанием тыловых частей и учреждений и что в связи с этим темпы наступления замедлятся примерно на три недели».

В телеграмме от 4 сентября 1941 г. Отт сообщил в Берлин: «Ввиду сопротивления, оказываемого русской армией такой армии, как немецкая, японский генеральный штаб, по-видимому, не верит, что сможет достигнуть решительных успехов в борьбе с Россией до наступления зимы... Императорская ставка пришла в последние дни к решению — отложить на время действия против СССР».

Прошли обещанные нацистским фельдмаршалом Кейтелем три недели и даже больше, а положение не менялось.

В телеграмме от 4 октября 1941 г. в Берлин Отт сообщил: «Военных действий Японии против все еще сильной в боевом отношении Дальневосточной армии раньше будущей весны ожидать нельзя... Упорство, которое показал СССР в борьбе с Германией, заставляет предполагать, что японское нападение, если его начать в августе или сентябре, не открыло бы в этом году дорогу через Сибирь».

В телеграмме в Берлин от 17 ноября 1941 г. констатируется, что придется отложить военные действия Японии против СССР до весны.

Однако военные приготовления отнюдь не прекращались.

В 1942 году японский генеральный штаб разработал новый наступательный план войны против СССР, который существенно не изменялся до весны 1944 года. О его содержании дал показания свидетель — офицер генштаба Сэдзима: «Как и все предыдущие планы войны против СССР, план 1942 года был наступательным. Война против Советского Союза должна была начаться внезапно. Этот план предусматривал сосредоточение в Маньчжурии около 30 дивизий».

При такой готовности к нападению дело было, если говорить о его военной стороне, за подачей команды. Но ожидавшаяся японским правительством ситуация продолжала оставаться явно неблагоприятной и в 1942 году.

1943 год также не принес желательных для Германии и Японии изменений в военной обстановке. И 1944 год, не говоря уже о 1945 годе, был еще менее благоприятным для нападения Японии на СССР. Разгром гитлеровской Германии, а затем и Японии в 1945 году положил конец заговору агрессоров.

Хотя Японии не удалось выступить на стороне Германии в войне против Советского Союза, она в течение всего периода германо-

советской войны оказывала активную помощь Германии, сковывая силы Советской Армии на Дальнем Востоке.

В телеграмме в Токио от 15 мая 1942 г. Риббентроп признал, что сам по себе факт концентрации японских войск на советско-маньчжурской границе облегчал положение Германии, «поскольку Россия, во всяком случае, должна держать войска в Восточной Сибири для предупреждения японо-русского конфликта».

Наряду с этим с первых же дней после вероломного нападения Германии на СССР японское правительство снабжало Германию разведывательными данными о хозяйственном, политическом и военном положении СССР, используя для этого свой военный и дипломатический аппарат.

В телеграмме от 15 июля 1941 г. Риббентроп поручил Отту: «Поблагодарите японское министерство иностранных дел за пересылку нам телеграфного отчета японского посла в Москве... Было бы хорошо, — говорится далее в телеграмме, — если бы мы и впредь могли постоянно получать таким путем известия из России».

Обвинитель делает выводы из рассмотренных Трибуналом доказательств:

«В целях оказания помощи Германии японское правительство чинило всевозможные препятствия советскому судоходству на Дальнем Востоке, запретив советским судам пользоваться наиболее безопасным Сан-гарским проливом. В результате при следовании через более опасный Корейский пролив погибли от подводных лодок советские суда “Ангарстрой”, “Кола”, “Ильмень”. Кроме того, японские власти незаконно задерживали советские суда и организовывали пиратские нападения на них, что уже являлось прямыми актами агрессии.

За период с августа 1941 года по 1944 год включительно японскими вооруженными силами было задержано 178 советских торговых судов, в том числе три с применением оружия.

В декабре 1941 года японскими вооруженными силами было совершено нападение на советские суда “Кречет”, “Свирьстрой”, “Сергей Лазо” и “Симферополь”, находившиеся в порту Гонконг на ремонте. На этих судах были ясно обозначены советские опознавательные знаки и флаги. Тем не менее эти пароходы подверглись артиллерийскому обстрелу, в результате которого пароход “Кречет”

затонул, пароходы “Свирьстрой”, “Сергей Лазо”, “Симферополь” повреждены, а имущество расхищено.

Точно установлено, что именно японские самолеты в декабре 1941 года атаковали и потопили советские пароходы “Перекоп” и “Майкоп”».

Далее обвинитель дал характеристику преступной деятельности таких виднейших представителей японской милитаристской клики, как бывший премьер-министр Японии Тодзио, начальник генерального штаба армии Японии Умэдзу, бывшие министры и послы Араки, Итагаки, Хиранума, Минами, Сигэмицу, Хирота, Осима, Хасимото и Того, которые играли главную роль в подготовке к осуществлению агрессии против СССР и несут за это наибольшую ответственность.

В заключение А.Н. Васильев заявил, что побуждаемая к агрессивным действиям капиталистическими монополиями, известными под названием дзайбацу, заинтересованными в захватнических войнах, милитаристская клика Японии совместно со своими союзниками — нацистской Германией и фашистской Италией — составила чудовищный заговор против человечества, готовила порабощение и истребление народов. В осуществление своего изуверского плана японские милитаристы развязали вторую мировую войну, ввергли мир в бездну несчастий и страданий.

Когда немецко-фашистские захватчики жгли и грабили города и села Советского Союза, мучили и убивали население временно оккупированных районов СССР, это был результат осуществления общего заговора, в котором состояли подсудимые, это стало возможным благодаря той помощи, которую империалистическая Япония оказывала нацистской Германии.

«Поэтому, господа судьи, — сказал А.Н. Васильев, — когда вы будете принимать свое решение, вы не можете не учитывать того, что главные японские военные преступники вершили свое преступление вместе со своими сообщниками из гитлеровской клики и что империалистическая Япония должна разделить ответственность гитлеровской Германии за все совершенные ею злодеяния.

Миллионы погибших на полях сражений и замученных в фашистских застенках; миллионы женщин, детей и стариков, истребленных в мирных городах и селах, подвергшихся захвату; много-

миллиардные убытки, понесенные народами всего мира в результате огромных разрушений, вызванных агрессивной войной; гибель колоссальных культурных и исторических ценностей, варварски уничтоженных, — таков счет, предъявляемый человечеством к империалистической Японии, сообщнице гитлеровской Германии.

Суд народов уже вынес свой приговор главным нацистским военным преступникам.

Теперь весь мир ждет вашего справедливого приговора главным японским военным преступникам, ответственным за море невинно пролитой человеческой крови, за миллионы и миллионы жертв варварской агрессии японских милитаристов.

Ваш приговор должен послужить грозным предупреждением для каждого, кто вздумает разжечь пожар новой войны».

ДОКУМЕНТ № 13

ИЗ ПРИГОВОРА МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА ДЛЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ПО ДЕЛУ ГЛАВНЫХ ЯПОНСКИХ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ

«НАЦИОНАЛЬНАЯ ОБОРОНА»

Интересно отметить трактовку термина «национальная оборона», данную Араки. Он указывал, что этот термин означает не только физическую оборону Японии, но включает также защиту «Кодо», т.е. «императорского пути». Это был другой способ выражения того, что завоевание соседних стран при помощи силы оружия оправдывается как «национальная оборона».

Примерно в то же время в 1933 году Араки, бывший тогда военным министром, отказался от эвфемизма «национальная оборона» и прямо высказал на совещании губернаторов префектур то, что он думает о Советском Союзе. Он сказал: «Япония должна неизбежно столкнуться с Советским Союзом. Поэтому для Японии необходимо обеспечить себе путем военного захвата территории Приморья, Забайкалья и Сибири».

Определение «национальная оборона», данное Араки, было принято кабинетом Сайто в качестве основы его политики в Мань-

чжурии. Как уже было показано, руководители Японии всегда стремились оправдать свои агрессивные военные авантюры, объявляя их оборонительными. Именно в этом направлении происходило строительство Маньчжурии как «жизненной линии» Японии.

Обмен дипломатическими документами

На тот факт, что политика Японии в отношении СССР была не оборонительной, а наступательной или агрессивной, указывают дипломатические документы, обмен которыми произошел в период 1931—1933 гг. В течение этого периода Советское правительство дважды делало японскому правительству официальное предложение о заключении пакта о ненападении и нейтралитете. В советском заявлении, сделанном в 1931 году японскому министру иностранных дел Иосидзава и послу Хирота, подчеркивалось, что заключение пакта о ненападении будет служить «выражением миролюбивой политики и намерений правительства и он был бы особенно кстати теперь, когда будущее японо-советских отношений является предметом спекуляции в Западной Европе и Америке. Подписание пакта положило бы конец этим спекуляциям».

Японское правительство в течение года не отвечало на это предложение. Только 13 сентября 1932 г. советский посол в Японии получил от министра иностранных дел Утида ответ, в котором предложение отклонялось на том основании, что «официальное начало переговоров по этому вопросу между двумя странами в данном случае считается несвоевременным».

4 января 1933 г. Советское правительство повторило свое предложение о заключении пакта, указав, что предыдущее предложение не вызывалось соображениями момента, а являлось результатом его миролюбивой политики и поэтому сохраняет силу и на будущее. Японское правительство в мае 1933 года еще раз отклонило предложение Советского Союза.

Следует отметить, что Япония отклонила это предложение, несмотря на то, что японское правительство в то время было уверено в том, что это предложение является искренним выражением миролюбивой политики Советского Союза на Дальнем Востоке.

В секретном меморандуме, написанном начальником бюро европейско-американских дел — подсудимым Того в апреле 1933 года, го-

ворилось: «Желание Советского Союза заключить с Японией пакт о ненападении вызвано его стремлением обеспечить безопасность своих дальневосточных территорий от все возрастающей угрозы, которую он испытывает со времени японского продвижения в Маньчжурии».

К декабрю 1933 года Квантунская армия составила планы и продолжала вести подготовку к тому дню, когда Япония использует Маньчжурию в качестве плацдарма для нападения на СССР.

Дальнейшие замыслы против СССР

В 1935 году кабинет Окада, который в предыдущем году снова пришел к власти, оказал поддержку экономическим планам армии в Маньчжоу-го, хотя Хирота отрицал, что японские намерения являются агрессивными.

В ноябре 1935 года Сиратори, в то время являвшийся посланником в Скандинавских странах, написал послу в Бельгии Арита письмо, в котором указывал, что «в настоящее время для Советской России наиболее желательно иметь дружественные отношения с иностранными державами. Поэтому страны, граничащие с Советской Россией и имеющие вопросы, которые должны быть раньше или позже урегулированы с Россией, должны не упускать настоящего удобного момента». Он предложил потребовать от Советского Союза «с решительностью» в качестве «минимальных» уступок разоружения Владивостока и т.д., потребовать, чтобы СССР «не держал ни одного солдата в районе озера Байкал».

В качестве радикального разрешения проблем, стоящих между Японией и СССР, Сиратори предложил следующее:

«...для того чтобы навсегда уничтожить угрозу со стороны России, необходимо сделать ее слабой капиталистической республикой и строго контролировать ее естественные ресурсы... В настоящее время шансы для этого хороши».

Февральский военно-фашистский путч

Мы уже рассмотрели падение кабинета Окада, вызванное мятежом в армии в Токио 26 февраля 1936 г. Армия была против кабинета за его недостаточно агрессивную позицию.

27 февраля, через день после путча, японское консульство в Амуре разъяснило, что целью мятежа была смена кабинета и замена его военным кабинетом и что группа молодых военных стремилась к тому, чтобы Япония заняла весь Китай и подготовилась к немедленной войне с Советским Союзом до победного конца, с тем чтобы Япония могла стать единственной силой в Азии.

Декларация 1936 года о «национальной политике»

В августе 1936 года премьер-министр Хирота вместе с министром иностранных дел, военным министром, военно-морским министром и министром финансов сформулировали декларацию о «национальной политике» Японии. Это — важный и знаменательный документ, направленный, между прочим, на «обеспечение внедрения (японской) империи в восточный континент, а также на экспансию в район Южных морей, путем совместных усилий дипломатического искусства и «национальной обороны».

Знаменательно возрождение термина «национальная оборона». В качестве одного из практических шагов Япония «должна была стремиться уничтожить русскую угрозу на севере для того, чтобы осуществить прочное развитие Маньчжурии и для создания прочной обороны Японии и Маньчжурии».

В этой декларации указывалось, что размеры военной мощи должны быть такими, которые необходимы для того, чтобы «противостоять тем военным силам, которые Россия сможет выставить и использовать на Дальнем Востоке».

Особое внимание должно было уделяться упрочению военной мощи в Корее и Маньчжурии, с тем чтобы Япония могла «нанести удар русским в самом начале войны».

Что касается размаха приготовлений к войне, которые должны были развернуться в связи с решением о «национальной политике», то было постановлено, что рост военных сил должен быть доведен до создания механизированных боевых соединений, достаточно мощных для того, чтобы нанести сокрушительный удар самой мощной армии, которую СССР мог бы развернуть вдоль своих восточных границ.

Изучение этой декларации о японской «национальной политике» в сопоставлении с господствовавшими в то время обстоятель-

ствами показывает намерение напасть на Советский Союз с целью захвата части его территории.

Более того, к осуществлению этой цели нужно было подготовиться и осуществить ее под тем предлогом, что она носит оборонительный характер.

Планы, представленные в 1937 году армией в соответствии с декларацией о «национальной политике» от августа 1936 года, были явно продиктованы ожидавшейся войной против СССР. План развития важнейших отраслей промышленности, изданный в мае 1937 года, предусматривал «успешное развитие, обеспечивающее реальное руководство Восточной Азией».

Программа, изданная в июне 1937 года с той же целью, предусматривает, что к 1941 году должно быть достигнуто самообеспечение «для того, чтобы быть готовым к историческому этапу в развитии судьбы Японии, который должен быть достигнут, невзирая ни на какие трудности».

План роста производства военных материалов преследовал ту же цель и предусматривал, что экономика Японии «будет рационально развиваться путем объединения руководства в руках военной администрации». План предусматривал, что следует уделять внимание подготовке к быстрому переходу с мирных рельсов на военные.

Эти планы армии, хотя они непосредственно предшествовали началу войны в Китае при Лугоуцяо, были направлены не только на эту войну. Окада показал Трибуналу, что эти планы разрабатывались в противовес советскому пятилетнему плану и должны были утвердить мощь Японии, направленную против СССР.

Изучение планов, относящихся к наиболее крупным промышленным предприятиям, а также предприятиям, непосредственно производящим военные материалы, показывает, что формально они должны были обеспечить «мощь национальной обороны».

Как упоминалось выше, «национальная оборона» означала для японских милитаристов экспансию на континенте Азии при помощи вооруженных сил. Рассматриваемые сейчас планы показывают намерение армии достигнуть этого результата. Ясно, что эти планы носили не оборонительный, а наступательный характер и были направлены против СССР.

Мы уже говорили о предложениях военного атташе в Москве, сделанных в 1932 году, и о предложениях Судзуки такого же содержания, сделанных в 1933 году. Политические маневры в Северном Китае проводились на основе лозунга «антикоммунизма». Решение о «национальной политике» от августа 1936 года ясно указывало на военную мощь Советского Союза, как на критерий развития военной мощи Японии. К моменту издания планов армии 1937 года была получена рекомендация Тодзио о том, что, принимая во внимание положение в Китае и состояние военной подготовленности против СССР, было бы желательно напасть на Китай для того, чтобы освободить тыл Квантунской армии от угрозы до того, как будут предприняты действия против СССР.

В это время, а именно в июле 1937 года, Хасимото в газетной статье призывал развивать военно-воздушные силы, которые должны были быть использованы в качестве костяка вооружений Японии в войне против СССР.

Призыв к войне против СССР

В 1938 году, т.е. в то время, когда, как мы уже видели, над прессой Японии эффективно осуществлялся контроль со стороны армии, министр просвещения Араки, как сообщалось, на заседании политико-экономического общества в Осака сказал, что решимости Японии воевать до конца с Китаем и Советским Союзом достаточно для того, чтобы вести эту борьбу в течение более десяти лет».

В том же 1938 году командующий Квантунской армией генерал Уэда, обсуждая положение в Северном Китае, говорил о «быстро приближающейся войне с Советской Россией».

И, наконец, стремление быстро закончить войну в Китае, которое проявляли армия вообще и генеральный штаб в частности, было несомненно продиктовано близостью войны, которую армия планировала против СССР.

Пакт «Антикоминтерн»

Отношения с Германией, которая в середине 30 х годов XX века проявила себя как основная агрессивная сила в Европе, имели осо-

бое значение для Японии, учитывая ее стремление начать войну против СССР.

Еще в марте 1934 года, когда подсудимый Осима был послан в Германию в качестве военного атташе, он получил от генерального штаба инструкцию наблюдать за германо-советскими отношениями и выяснить, что может сделать Германия в случае войны Японии с Советским Союзом.

Весной 1935 года Осима и Риббентроп начали переговоры о германо-японском союзе. С начала декабря 1935 года подполковник Вакамацу, который специально был послан японским генеральным штабом, принял участие в этих переговорах.

Поскольку предполагаемое соглашение имело общую политическую направленность и подписание его не входило в компетенцию армии, этот вопрос был передан на рассмотрение правительства, и с 1936 года переговорами стал ведать японский посол Мусякодзи.

25 ноября 1936 г. Япония и Германия подписали так называемый пакт «Антикоминтерн». Пакт состоял из текста договора и из секретного соглашения. Для внешнего мира опубликован был только текст договора. В нем говорилось, что договаривающиеся стороны согласились информировать друг друга о деятельности Коммунистического интернационала, совещаться о необходимых мерах обороны и принимать такие меры в тесном сотрудничестве и совместно приглашать третьи державы участвовать в оборонительных мерах в соответствии с пактом или присоединиться к этому пакту.

Как предусматривалось самим секретным соглашением, оно должно было держаться в тайне. В действительности агрессивные государства никогда не опубликовывали его, и оно стало известно союзным державам только из захваченных секретных документов.

В заявлении, опубликованном в прессе, японское министерство иностранных дел отрицало существование каких бы то ни было секретных статей, приложенных к пакту, и заявило, что пакт является выражением сотрудничества особого рода между двумя странами в их борьбе против Коминтерна как такового; что японское правительство не имеет в виду создание международного блока; что «настоящее соглашение не направлено против Советского Союза или специально против какой-либо другой страны».

Целью пакта было создание союза между Японией и Германией.

Как было указано бывшим государственным секретарем Соединенных Штатов Кордэллом Хэллом, «хотя пакт внешне был заключен для самообороны против коммунизма, фактически он являлся подготовительным шагом для дальнейших мер насильственной экспансии со стороны разбойничьих государств».

Наше мнение, сложившееся независимо от этого высказывания, такое же.

Пакт в первую очередь был направлен против СССР. Секретное соглашение создало ограниченный военный и политический союз Германии и Японии против СССР. Обе стороны обязались не заключать без взаимного согласия каких-либо политических соглашений с СССР, несовместимых с духом этого пакта. Через год, 6 ноября 1937 г., Италия присоединилась к пакту «Антикоминтерн».

Формально пакт предусматривал взаимное обязательство Японии и Германии только на случай неспровоцированного нападения на одну из них со стороны СССР и ограничивал обязательство неопознанием в таком случае какой-либо помощи Советскому Союзу.

Фактически в то время не было никаких доказательств агрессивных намерений со стороны СССР в отношении Германии и Японии.

Таким образом, заключение пакта на случай неспровоцированного нападения со стороны СССР представляется нам не имеющим никакого оправдания.

То, что пакт в действительности не был оборонительным соглашением, видно из широкого толкования обязательств сторон по секретному соглашению. Германия и Япония истолковывали эти обязательства таким образом с самого начала. Так, японский посол в Германии Мусьякодзи в своей телеграмме, посланной в октябре 1936 года с согласия и ведома Риббентропа, сообщал министру иностранных дел Арита, что он «твердо убежден в том, что только дух вышеупомянутого секретного соглашения будет решающим для будущей политики Германии в отношении СССР».

Министр иностранных дел Арита выступил в том же духе на заседании Тайного совета 25 ноября 1936 г., который под председательством Хиранума одобрил пакт «Антикоминтерн».

Арита в следующих словах изложил основные цели пакта:

«Отныне Советская Россия должна понимать, что ей приходится стоять лицом к лицу с Германией и Японией...»

Тот факт, что союз между Германией и Японией против СССР не был оборонительным по своему характеру, подтверждается также тем, что заключение Германией пакта о ненападении с СССР 23 августа 1939 г. рассматривалось японскими лидерами как явное нарушение Германией своих обязательств по пакту «Антикоминтерн».

В письме министра иностранных дел Японии японскому послу в Берлине от 26 августа 1939 г., которое должно было быть передано германскому министру иностранных дел, указывалось, что японское правительство рассматривает пакт о ненападении и договор, который недавно был заключен между германским правительством и правительством Союза Советских Социалистических Республик, как противоречащий секретному соглашению, приложенному к пакту «Антикоминтерн».

Основная цель пакта «Антикоминтерн» заключалась в окружении Советского Союза. Это частично признал один из его авторов — Риббентроп, когда он сказал: «В самом деле, политическое давление на Советскую Россию, в той или иной степени, являлось основой этого пакта».

Когда 25 ноября 1941 г. истек срок действия пакта «Антикоминтерн», который, как первоначально было обусловлено, должен был оставаться в силе в течение пяти лет, и он был продлен, то секретное соглашение не было возобновлено. На сей раз необходимости в этом не было. Обязательства по секретному соглашению были предусмотрены пактом трех держав, заключенным до продления срока действия пакта «Антикоминтерн».

Пакт «Антикоминтерн» составлял основу политики Японии в отношении СССР в последующие годы. Этот военный союз с Германией играл важную роль в политике Японии против СССР. Премьер-министр Хиранума в своем обращении к Гитлеру 4 мая 1939 г. специально отметил: «...я испытываю большое удовлетворение оттого, что пакт “Антикоминтерн”, существующий между обеими странами, оказался столь действенным в проведении поставленных перед ними задач».

Союз трех держав

Желание Японии реализовать свои захватнические планы на континенте стимулировало ее политику, направленную на установление более тесных связей с Германией. Оно нашло свое выражение в союзе трех держав, заключенном 27 сентября 1940 г.

Обстоятельства, при которых был заключен этот союз, были детально обсуждены в одном из первых разделов данного приговора. Здесь мы лишь кратко сошлемся на них. Хотя его применение и не ограничивалось только СССР, однако Япония на более ранней стадии переговоров особенно интересовалась СССР. Переговоры начались еще в середине 1938 года. В течение полутора лет они не приносили никаких результатов, так как Германия, занятая широкими агрессивными планами в Европе, стремилась к военному союзу, направленному против всех потенциальных противников. Япония, с другой стороны, хотела, чтобы этот союз стал дальнейшим развитием пакта «Антикоминтерн», направленного в основном, если не целиком, против СССР. Принц Коноэ в своих мемуарах, описывая этот более ранний период, указал, что «это был план превращения трехстороннего пакта “Антикоминтерн”, который был в то время в силе, в военный союз, направленный в основном против СССР».

Подсудимый Осима, один из самых активных участников переговоров, показал, что инструкции, полученные им от японского генерального штаба в июне 1938 года, предусматривали заключение союза, направленного целиком против СССР.

В апреле 1939 года Риббентроп в своей телеграмме германскому послу в Токио заявил, что японцы «просили определенного соглашения германского правительства на то, чтобы после подписания и опубликования пакта они смогли бы сделать заявление английскому, французскому и американскому послам примерно следующего содержания: пакт возник из пакта “Антикоминтерн”. Договаривающиеся стороны рассматривали при этом Россию, как врага; Англия, Франция и Америка не должны опасаться этого пакта».

Хотя в самом документе специально не упоминается тот факт, что он был направлен против СССР, однако это не вызывало никаких сомнений у японской армии в сентябре 1940 года, когда был подписан пакт трех держав. Оговорка, изложенная в ст. 5 и гласив-

шая, что «приведенные выше статьи данного соглашения ни в коей мере не затрагивают существующих в настоящее время политических отношений между каждым и любым участником пакта и Советским Союзом», была неискренней.

Японский посол в Берлине Курусу в телеграмме от 26 марта 1940 г., отправленной в Токио, заявил: «Германское правительство намеревается дать указания германской прессе о том, чтобы особо подчеркивался тот факт, что договор не предусматривает войны с Россией. Но с другой стороны, Германия концентрирует войска в восточных районах с тем, чтобы сковать Россию».

Министр иностранных дел Мацуока, говоря о ст. 5 пакта на заседании исследовательского комитета Тайного совета 26 сентября 1940 г., заявил: «Хотя и существует договор о ненападении, однако Япония окажет помощь Германии в случае советско-германской войны, а Германия окажет помощь Японии в случае русско-японской войны. Что касается слова “существующего”, то я отвечу отрицательно, если полагают, что теперешнее положение Советского Союза не может быть изменено. Оно просто означает, что рассматриваемый пакт не пытается изменить его». Такую же оценку союзу дал его автор Риббентроп: «... Эта палка будет иметь два конца — против России и против Америки».

22 июня 1941 г., т.е. менее чем год спустя после заключения союза трех держав, Германия вторглась в СССР. Несмотря на пакт о нейтралитете с Советским Союзом, Япония, как будет указано ниже, оказывала помощь Германии, хотя она и воздерживалась от открытой войны против СССР.

Нападение японцев на маньчжурской границе

В 1938 и 1939 годах Япония предприняла наступательные операции через границу Маньчжурии в районе озера Хасан на востоке и у Но-монгана (Халхин-Гол) на западе. Об этом более подробно будет сказано ниже.

Пакт о нейтралитете между Японией и Советским Союзом

13 апреля 1941 г. Япония и СССР заключили пакт о нейтралитете. Этот вопрос целесообразно обсудить ниже, но мы упоминаем

о нем здесь потому, что японцы игнорировали его в вопросах, на которых мы сейчас остановимся.

Германия нападает на СССР в июне 1941 года

После нападения Германии на СССР в июне 1941 года имели место настойчивые призывы к захвату русских территорий на Дальнем Востоке.

Это нападение Германии, безусловно, стимулировало захватническую политику Японии против Советского Союза. Японские правящие круги считали победу Германии над СССР неизбежной и быстрой и полагали, что она предоставит Японии удобный случай осуществить на практике свои агрессивные планы против Советского Союза.

Вначале ввиду первых успехов немцев в их войне против СССР у японских милитаристов было стремление ускорить нападение на СССР.

Германский посол Отт в своей телеграмме от 22 июня 1941 г., когда Германия напала на СССР, сообщил о своей беседе с Мацуока и указал, что он (Мацуока), как и прежде, считает, что Япония не может в течение долгого времени оставаться нейтральной в ходе этого конфликта... В конце беседы Мацуока получил еще одну телеграмму от Осима, в которой говорилось о том, что министр иностранных дел Германии обращал внимание на то, что русские войска якобы отведены с Дальнего Востока. Мацуока сразу же ответил, что он немедленно предложит контрмеры.

Японцы даже опасались того, что Япония может опоздать со своей военной подготовкой к нападению. Подобные опасения были выражены в телеграмме от 31 июля 1941 г. (№ 433) министра иностранных дел Тойода японскому послу в Вашингтоне: «Ясно, что русско-германская война предоставила Японии отличную возможность разрешить северный вопрос, и мы действительно продолжаем нашу подготовку к тому, чтобы использовать эту возможность... Если русско-германская война будет протекать слишком быстро, то наша империя неизбежно не будет иметь времени, чтобы предпринять эффективные действия».

Тайное совещание военных и политических лидеров Японии в присутствии императора 2 июля 1941 г. решило: «Хотя наше отно-

шение к советско-германской войне определяется духом оси Рим — Берлин — Токио, однако мы некоторое время не будем вмешиваться в нее, но примем по собственной инициативе меры к тайному вооружению для войны против Советского Союза. Тем временем мы будем продолжать дипломатические переговоры с большими предосторожностями и, если ход советско-германской войны примет благоприятный для Японии оборот, то мы применим оружие для решения северных проблем и этим обеспечим стабильность положения в северных районах».

Это решение говорит о том, что, несмотря на пакт о нейтралитете с СССР, Япония считала себя связанной с Германией, как участник заговора против СССР, и выжидала благоприятного момента для того, чтобы воспользоваться им. Во всяком случае она намеревалась приурочить свое нападение на СССР к наиболее благоприятному моменту в советско-германской войне.

Тот факт, что подготовка усилилась после этого совещания, подтверждается телеграммой германского посла Отта, отправленной из Токио в Берлин 3 июля 1941 г.

В начале советско-германской войны Сметанин, советский посол в Японии, встретился с Мацуока и задал ему основной вопрос об отношении Японии к войне. Сметанин спросил его, будет ли Япония сохранять нейтралитет, как это делает СССР в соответствии с пактом о нейтралитете, заключенным 13 апреля 1941 г. между СССР и Японией. Мацуока уклонился от прямого ответа на этот вопрос и заявил, что его отношение к этой проблеме уже было выражено (22 апреля того же года) в его заявлении, сделанном им после возвращения из Европы.

Одновременно с этим он подчеркнул, что пакт трех держав лежит в основе внешней политики Японии, а если данная война и пакт о нейтралитете вступят в противоречия с основами японской политики и с пактом трех держав, то пакт о нейтралитете «не будет оставаться в силе». Отт, ссылаясь на эту беседу, о которой он был информирован, в своей телеграмме от 3 июля сообщал: «Мацуока сказал, что причиной такой формулировки японского заявления советскому послу являлась необходимость ввести русских в заблуждение или по крайней мере держать их в состоянии неопределенности — ввиду того, что военная подготовка еще не закончилась.

В настоящее время Сметанин не знает о поспешной подготовке, которая проводится против СССР и на которую сделаны намеки в решении правительства, переданном нам».

В то время Германия настаивала на том, чтобы Япония как можно быстрее напала на СССР. В своей телеграмме от 10 июля 1941 г., отправленной в адрес германского посла в Токио, Риббентроп заявил: «Кроме того, я прошу вас продолжать прилагать усилия к тому, чтобы добиться скорейшего участия Японии в войне против России, о чем уже говорилось в моей телеграмме Мацуока; используйте все имеющиеся в вашем распоряжении средства, потому что чем раньше осуществится это участие в войне, тем лучше. Как и прежде, цель, естественно, должна заключаться в том, чтобы Германия и Япония встретились на Транссибирской железной дороге до наступления зимы. В результате краха России позиция держав оси на международной арене настолько гигантски возрастет, что вопрос поражения Англии, т.е. полное уничтожение Британских островов, станет лишь вопросом времени».

Японское министерство иностранных дел во всяком случае считало, что японские планы войны против СССР настолько близки к осуществлению, что обсуждало вопрос об удобном предлоге для спровоцирования войны. В своей телеграмме от 1 августа 1941 г. Отт сообщил, что, когда во время беседы в министерстве иностранных дел с Ямамото (Ямамото — заместитель министра иностранных дел Японии) он «постарался узнать, хочет ли Япония начать свое активное продвижение с предъявления требований Советскому правительству, заместитель министра охарактеризовал этот путь как лучший способ найти оправдательный предлог для начала русско-японских военных действий при наличии соглашения о нейтралитете. Он лично является сторонником таких решительных требований, чтобы Советское правительство не смогло принять их; он, видимо, имеет в виду требование территориальных уступок».

Провал первоначальной германской кампании против СССР заставил Японию отложить осуществление своей собственной наступательной программы. Обстановка на советско-германском фронте призывала к осторожности.

В начале августа ввиду замедления темпа большого наступления германской армии Осима спросил Риббентропа о причине

этого замедления. Риббентроп предложил ему обратиться к Кейтелю, который объяснил, что продвижение германской армии задерживается ввиду большой протяженности коммуникаций, в результате которых тыловые части отстают, и что вследствие этого наступление задержалось примерно на три недели по сравнению с планом.

Ход советско-германской войны продолжал оказывать влияние на непосредственную политику Японии, но не на ее далеко идущую политику.

Отт в телеграмме от 4 сентября 1941 г., отправленной в Берлин, заявил: «Ввиду сопротивления, оказываемого русской армией такой армии, как немецкая, японский генеральный штаб не верит, что сможет достичь решающего успеха в войне против России до наступления зимы. Сюда также присоединяются воспоминания о Номонганских (Халхин-Голских) событиях, которые до сих пор живы в памяти Квантунской армии». Ввиду этого «императорская ставка недавно приняла решение отложить на время действия против Советского Союза».

В телеграмме от 4 октября 1941 г. Отт информировал Риббентропа о том, что «ведения Японией войны против Дальневосточной армии, которая все еще считается сильной в боевом отношении, нельзя ожидать раньше весны... Упорство, которое проявил Советский Союз в борьбе с Германией, показывает, что даже нападением Японии в августе или сентябре нельзя открыть дорогу на Сибирь в этом году».

Отложив момент нападения на СССР, Япония, однако, продолжала рассматривать это нападение как одну из основных целей своей политики и не ослабляла ни своей целеустремленности, ни своей подготовки к этому наступлению.

Во время конфиденциальных бесед с германским и итальянским послами 15 августа 1941 г. японский министр иностранных дел, говоря о японо-советском пакте о нейтралитете и о предположении русских, что Япония не вступит в войну, заявил: «...Ввиду того, что в настоящее время проводится в жизнь подготовка к военной экспансии империи, я считаю, что в существующих в настоящее время условиях вышеупомянутая договоренность с Советским Союзом является лучшим способом сделать первые шаги, направленные на

осуществление будущих планов в отношении Советского Союза, которые мы предпримем совместно с германским правительством» и что «это лишь временная договоренность, — другими словами, она будет своего рода сдерживающим началом для Советского Союза до тех пор, пока не будет закончена подготовка».

В перехваченной телеграмме из Токио в Берлин от 30 ноября 1941 г., отправленной, вероятно, японским министерством иностранных дел японскому послу, последнему предлагалось встретиться с Гитлером и Риббентропом. В телеграмме указывалось: «Скажите, что, проводя в настоящее время продвижение на юг, мы не намереваемся ослаблять наше давление на Советский Союз... однако именно в настоящее время нам выгодно двигаться на юг, и пока мы предпочли бы воздержаться от каких-либо прямых действий на севере».

Однако лидеры Японии не отказались от своих стремлений и планов. В августе 1941 года пресса сообщила о том, что Араки заявил генеральному секретарю ассоциации помощи трону: «Далее обратимся к сибирской экспедиции... Можно сказать, что нынешнее стремление Японии к господству на континенте ведет свое начало от сибирской экспедиции».

Такая же идея была высказана Тодзио в 1942 году после его вступления на пост премьер-министра, когда в беседе с германским послом Оттом он заявил, что Япония является смертельным врагом России, что Владивосток представляет собой постоянную угрозу Японии с фланга и что в ходе этой войны (т.е. войны между Германией и СССР) имеется возможность устранить эту угрозу. Он хвастливо заявлял, что это нетрудно сделать, так как имеется отличная Квантунская армия, состоящая из лучших частей.

Япония откладывает нападение на СССР

Риббентроп в телеграмме от 15 мая 1942 г., посланной в Токио, выразил свое желание, чтобы Япония «приняла решение напасть на Владивосток в самое ближайшее время».

Он заявил, что «в основе этого лежит та предпосылка, что Япония обладает достаточными силами для проведения операции подобного характера и не должна будет оттягивать другие части, что

ослабило бы ее позиции в отношении Англии и Америки, как, например, в Бирме.

Если Япония не располагает силами, достаточными для успешного проведения таких операций, то ей, естественно, целесообразнее сохранять нейтральное отношение с Советской Россией. Это также облегчает наш труд, поскольку Россия во всяком случае должна держать войска в Восточной Сибири в ожидании русско-японского конфликта».

В конце 1942 года в связи с обстановкой на советско-германском фронте желание Германии, чтобы Япония вступила в войну с СССР, стало еще более настоятельным.

«Сфера сопроцветания великой Восточной Азии» включает часть Сибири

Трибунал считает, что агрессивная война против СССР предусматривалась и планировалась Японией в течение рассматриваемого периода, что она была одним из основных элементов японской национальной политики и что ее целью был захват территорий СССР на Дальнем Востоке.

ПЛАНИРОВАНИЕ И ПОДГОТОВКА ВОЙНЫ ПРОТИВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Маньчжурия как плацдарм против СССР

Воинственная политика Японии по отношению к СССР нашла свое отражение в японских военных планах. Военные планы японского генерального штаба с начала рассматриваемого периода предусматривают в качестве первых мероприятий оккупацию Маньчжурии. В японских военных планах захват Маньчжурии рассматривался не только как этап в завоевании Китая, но также как средство обеспечения плацдарма для наступательных военных операций против Советского Союза.

Кавабэ Торасиро, который был в то время офицером генерального штаба, показал, что план войны против СССР, разработанный в 1930 году, когда подсудимый Хата был начальником первого

управления генерального штаба, предусматривал военные операции против СССР на советско-маньчжурской границе. Это было до оккупации Маньчжурии Японией.

Подсудимый Минами и Мацуи также подтвердили перед Трибуналом, что Маньчжурия рассматривалась как военный плацдарм, необходимый для Японии в случае войны с СССР.

16 марта 1931 г. Хата направил полковника Судзуки в инспекционную поездку по районам Северной Маньчжурии и Северной Кореи с учетом операций, согласно плану «Оцу», направленному против СССР, и плану «Хэй», направленному против Китая.

В секретном докладе, представленном этим офицером о результатах этой поездки, была дана подробная информация в связи с планом «Оцу», который предусматривал оккупацию советского Приморья.

Захват Маньчжурии в 1931 году обеспечил базы для нападения на СССР на широком фронте с целью захвата всего советского Дальнего Востока.

Касахара Юкио, японский военный атташе в Советском Союзе, в секретном докладе, представленном генеральному штабу весной 1931 года, высказывался за войну с СССР и писал о ее целях следующее: «...мы должны продвинуться по крайней мере до озера Байкал... Если мы остановимся на линии озера Байкал, империя должна будет решиться и быть готовой рассматривать дальневосточные провинции, которые она захватит, как часть собственной территории империи...»

При перекрестном допросе свидетель Касахара, признав подлинность этого документа, показал, что он предлагал генеральному штабу как можно скорее начать войну против Советского Союза и предложил увеличить вооружение для того, чтобы быть готовым к войне в любой момент. Весной 1932 года Касахара был переведен в генеральный штаб, где он занимал пост начальника русского отдела второго управления. 15 июля 1932 г., вскоре после этого назначения, Касахара через подполковника Канда послал сообщение Кавабэ Тораширо, который был в то время военным атташе в Москве, по поводу важного решения генерального штаба; «...подготовка (армии и флота) завершена. В целях укрепления Маньчжурии война против России необходима для Японии». Во время перекрестного допроса свидетель Касахара объяснил, что в генеральном штабе «между

начальником отдела и отделений существовала договоренность о том, что подготовка к войне с Россией должна быть завершена к 1934 году».

Когда было принято это решение, подсудимый Умэдзу был начальником управления общих дел, а Тодзио и Осима были начальниками отделов генерального штаба. Муто был сотрудником второго управления генерального штаба.

Планы войны против СССР

Как при оккупации Маньчжурии в 1931 году, так и при вторжении в остальную часть Китая в 1937 году, всегда имелась в виду возможность войны с СССР.

Стратегия была направлена на подготовку нападения на СССР. Это подчеркивал подсудимый Тодзио, бывший в то время начальником штаба Квантунской армии, в июне 1937 года, т.е. непосредственно перед началом нападения на Китай, в телеграмме, присланной вице-военному министру Умэдзу и генеральному штабу: «Оценивая настоящее положение в Китае с точки зрения военной подготовки против Советской России, я убежден в том, что, если наша военная мощь позволит, мы должны нанести первый удар по нанкинскому правительству, чтобы избавиться от угрозы нашему тылу».

Подобным же образом и при захвате Маньчжурии в 1931 году и при вторжении в остальную часть Китая в 1937 году военные планы Японии против Китая и против Советского Союза координировались генеральным штабом, японским военным министерством и штабом Квантунской армии.

Перед трибуналом подсудимый Муто признал, что, когда он был начальником первого отдела генерального штаба, он занимался изучением плана 1938 года. Военные планы японского генерального штаба на 1939 и 1941 годы были направлены на захват советских территорий. Основу военного плана 1939 года составляла концентрация японских главных сил в Восточной Маньчжурии для осуществления наступательных операций. Квантунская армия должна была оккупировать советские города Ворошилов, Владивосток, Иман и затем Хабаровск, Благовещенск и Куйбышевку.

План 1941 года, составленный до нападения Германии на СССР, предусматривал осуществление тех же целей. На первом этапе войны предполагалось захватить города Ворошилов, Владивосток, Благовещенск, Иман и Куйбышевку, а на следующем этапе оккупировать Северный Сахалин, Петропавловск-на-Камчатке, Николаевск-на-Амуре, Комсомольск и Совгавань.

О наступательном характере этих планов и мероприятий свидетельствует секретный оперативный приказ командующего объединенным флотом адмирала Ямамото от 1 ноября 1941 г., в котором говорилось: «...Если империя не нападет на Советский Союз, то мы уверены, что Советский Союз не начнет военные действия». Эта же точка зрения была высказана Тодзио на заседании исследовательского комитета при Тайном совете 8 декабря 1941 г.: «...Советская Россия занята сейчас войной против Германии, поэтому она не воспользуется японским продвижением на юге».

Хотя говорили о том, что эти планы были «обычными» планами «стратегической обороны» и т.д., все же ясно, что они были наступательными, а не оборонительными. Возможно, что при определенных обстоятельствах оборонительная стратегия оправдывает наступательные операции и, может быть, требует их проведения. Однако рассмотрение характера этих планов и военной политики Японии в отношении СССР приводит к заключению о том, что эти планы были агрессивными планами, а не планами «стратегической обороны».

Они были «оборонительными» только в искаженном смысле слова, о чем уже говорилось, поскольку предусматривали защиту «императорского пути», т.е. экспансию Японии за счет своих соседей на азиатском континенте.

Активные приготовления к войне против СССР

Непосредственно после захвата Маньчжурии Япония начала размещать там свои основные вооруженные силы.

Основной целью обучения этих войск была главным образом их подготовка к военным операциям против Советского Союза и Китая. Танака, бывший начальник отдела военной службы и начальник бюро военной службы военного министерства, подсчитал, что в Маньчжурии было обучено 2,5 млн. японских солдат.

В 1936 году начальник штаба Квантунской армии Тодзио в планах размещения метеорологической службы в Чахаре указал, что целью этой службы было: «обеспечивать для Японии и Маньчжурии более точное предсказание погоды и в связи с этим укреплять систему аэронавигационной и метеорологической службы в качестве мероприятий по подготовке войны с Советской Россией».

Во время перекрестного допроса подсудимый Минами, бывший командующий Квантунской армией, признал, что железные дороги Маньчжурии строились по направлению к советской границе и что они могли быть использованы в стратегических целях, хотя он и утверждал, что «их основной целью было освоение Северной Маньчжурии».

В январе 1938 года, штаб Квантунской армии, возглавлявшийся Тодзио, разработал «план основных мероприятий по созданию нового Китая». В этом документе, посланном военному министру, указывается, что необходимо убедить местное население «участвовать в проведении подготовки к надвигающейся войне против Советской России». Тодзио предусматривал использование района Монголия — Синьцзян «в качестве плацдарма для вторжения во Внешнюю Монголию».

В секретной телеграмме, посланной военному министру в мае 1938 года, Тодзио, бывший в то время начальником штаба Квантунской армии, писал, что компания Южно-маньчжурской железной дороги «получает указания от армии сотрудничать с ней в деле проведения национальной политики Маньчжоу-го и в деле осуществления оперативной подготовки и прочее против Советского Союза».

Командование армии не допустило того, чтобы пакт о нейтралитете, подписанный в апреле 1941 года, ослабил подготовку к войне с СССР. Так, начальник штаба Квантунской армии в своей речи на совещании командиров в апреле 1941 года, говоря о японо-советском пакте о нейтралитете, сказал: «В соответствии с настоящим положением империи это является дипломатической мерой, рассчитанной на поддержание мира между Японией и Советским Союзом в настоящий момент, в интересах укрепления тройственного союза. Вопрос о том, можно ли этот пакт (о

нейтралитете) сделать эффективным, зависит от будущих намерений этих стран. Нельзя думать о том, что мы можем сейчас же вступить в дружественные сношения (с Советским Союзом), учитывая позицию, занимаемую в настоящее время. Следовательно, для того чтобы сделать этот пакт эффективным, наша армия совершенно не может разрешить ослабления своих приготовлений к военным операциям. Эффективность этого пакта будет тем сильнее, чем более активными и обширными будут эти приготовления. Армия не внесет никаких изменений в проводившуюся ею ранее политику».

«Как в Японии, так и в Маньчжоу-го имеются люди, которые часто говорят о том, что военные приготовления против Советской России могут быть сокращены ввиду заключения пакта о нейтралитете. Однако, как говорилось раньше, не только не должно быть никаких изменений в нашей политике, проводившейся до сих пор в вопросе военных приготовлений против Советской России, но поскольку сейчас особенно необходимо занять четкую и независимую позицию в отношении вопросов идеологии, использования контрразведки и других видов военной хитрости, то следует незамедлительно довести до сознания наших подчиненных эту задачу».

Этот текст был взят из захваченного военного, совершенно секретного документа.

В этом отчете не говорится о присутствии на совещании Умэдзу, бывшего в то время командующим Квантунской армией. Возможно, он присутствовал. Но речь, имеющая такое важное значение, речь, которая была записана и запись которой сохранена, должна была быть по крайней мере одобрена им.

На аналогичном совещании 5 декабря 1941 г. начальник штаба Квантунской армии дал инструкции командирам соединений закончить приготовления к операциям против Советского Союза и следить за всеми изменениями военной обстановки на советском Дальнем Востоке и в Монголии в связи с ходом советско-германской войны с тем, чтобы вовремя использовать поворотный момент в военной обстановке. Эта речь была произнесена в то время, когда Умэдзу все еще был командующим Квантунской армией.

Активные приготовления к войне после нападения Германии на СССР

После нападения Германии на Советский Союз Япония усилила общие приготовления к войне против СССР.

Хотя в то время Япония уже вела затяжную войну с Китаем, она надеялась воспользоваться войной в Европе для осуществления своих замыслов в отношении СССР. Это повлекло за собой секретную мобилизацию и увеличение численности Квантунской армии.

Летом 1941 года, согласно плану, была проведена секретная мобилизация, и в состав Квантунской армии было включено 300 тыс. человек и приданы две новые дивизии и различные специальные части.

К январю 1942 года численность Квантунской армии увеличилась до 1 млн. человек. Квантунская армия получила значительное количество нового вооружения. Количество танков по сравнению с 1937 годом увеличилось вдвое, а число самолетов — втрое. Вдоль границы Советского Союза на территории Маньчжурии было развернуто большое количество войск. В намечавшемся нападении на СССР должны были принять участие, помимо Квантунской армии, армии, находившиеся в Японии. Кроме увеличения личного состава и военной техники, была произведена заготовка запасов продовольствия для Квантунской армии.

Трибунал считает, что во всяком случае до 1943 года Япония не только планировала агрессивную войну против СССР, но также активно продолжала готовиться к такой войне.

ПАКТ О НЕЙТРАЛИТЕТЕ

Нападение Германии на СССР

Как указывалось выше, СССР в 1931 и 1933 годах предложил Японии заключить пакт о нейтралитете, но Япония от этого отказалась. К 1941 году у Японии испортились отношения практически со всеми державами, за исключением Германии и Италии. Международная обстановка в такой степени изменилась, что Япония была

готова сделать то, от чего она отказалась за десять лет до этого. Однако эта готовность не означала какого-либо изменения отношения Японии к СССР и не означала отказа от захватнических замыслов по отношению к СССР.

13 апреля 1941 г., т.е. незадолго до нападения Германии на СССР, Япония подписала с Советским Союзом пакт о нейтралитете, который предусматривал:

Статья 1

«Обе договаривающиеся стороны обязуются сохранить между собой мирные и дружественные отношения и взаимно уважать территориальную целостность и неприкосновенность друг друга».

Статья 2

«В том случае, если одна из договаривающихся сторон станет объектом военных действий со стороны одной или нескольких держав, другая договаривающаяся сторона должна сохранять нейтралитет в течение всего периода конфликта».

Подписав вышеупомянутый пакт, японское правительство поставило себя в двусмысленное положение, поскольку в то время оно имело обязательства в отношении Германии согласно пакту «Антикоминтерн» и пакту трех держав. Поведение японского правительства при подписании пакта о нейтралитете было еще более двусмысленным, так как оно имело все основания ожидать неминуемого нападения Германии на Советский Союз.

Еще 23 февраля 1941 г. Риббентроп сообщил Осима, что Гитлер в течение зимы создал ряд новых соединений, в результате чего Германия будет иметь 240 дивизий, включая 186 первоклассных ударных дивизий. Риббентроп также остановился на перспективах «русско-германского конфликта», который, по его словам, «имел бы следствием гигантскую победу немцев и означал бы конец советского режима».

Предполагавшееся нападение Германии на Советский Союз обсуждалось еще более конкретно в марте 1941 года во время беседы японского министра иностранных дел Мацуока с германскими лидерами — Гитлером и Риббентропом.

27 марта 1941 г. во время своей беседы с Мацуока Риббентроп заявил ему, что «немецкие армии на востоке могут быть использованы в любую минуту. Если Россия когда-нибудь займет позицию, которую можно будет истолковать как угрозу Германии, фюрер сотрет Россию с лица земли. В Германии существует уверенность, что такая военная кампания против России закончится полной победой германского оружия и окончательным уничтожением русской армии и русского государства. Фюрер уверен, что в случае нападения на Советский Союз Россия через несколько месяцев перестанет существовать как великая держава».

В тот же день Гитлер в беседе с Мацуока высказался в том же духе, заявив в присутствии Осима, Отта и Риббентропа, что Германия заключила несколько договоров с Россией, однако гораздо более важным является тот факт, что Германия имеет в своем распоряжении от 160 до 200 дивизий против СССР.

29 марта 1941 г. в своей беседе с Мацуока Риббентроп сказал, что большая часть германской армии сосредоточена на восточных границах государства, и еще раз выразил свою уверенность в полном поражении СССР в течение нескольких месяцев в случае начала конфликта. В этой беседе Риббентроп также заявил: «Как бы то ни было, столкновение с Россией вполне вероятно. Во всяком случае Мацуока по возвращении в Японию не может сообщить императору о том, что конфликт между Россией и Германией исключается. Наоборот, положение таково, что такой конфликт, даже если он и не казался вероятным, должен, однако, считаться возможным». В ответ Мацуока заверил Риббентропа, что «Япония будет всегда лояльным союзником, который посвятит себя общим усилиям, а не займет пассивной позиции».

Вскоре после возвращения в Японию, после того как в Москве был подписан пакт о нейтралитете, Мацуока сообщил немецкому послу в Токио Отту следующее: «Никакой японский премьер-министр или министр иностранных дел не сумеет заставить Японию остаться нейтральной в случае конфликта между Россией и Германией. В этом случае Япония будет вынуждена в силу необходимости напасть на Россию на стороне Германии. Тут не поможет никакой пакт о нейтралитете».

В своей телеграмме от 20 мая 1941 г., адресованной Мацуока, Осима сообщил, что, по словам Вейцекера, «немецкое правительство придало большое значение заявлению министра иностранных дел Мацуока, сделанному Отту о том, что в случае русско-германской войны Япония нападет на СССР».

Неискренняя политика японского правительства при подписании пакта о нейтралитете подтверждается тем фактом, что одновременно с переговорами о подписании пакта Япония вела переговоры с Германией о расширении пакта «Антикоминтерн», срок действия которого истек 26 ноября 1941 г. 26 ноября 1941 г., после начала войны между Германией и СССР, этот пакт был продлен еще на пять лет.

Сущность японской политики в отношении Советского Союза и пакта о нейтралитете была раскрыта во время беседы Сметанина с Мацуока 25 июня 1941 г. — три дня спустя после нападения Германии на СССР. Когда посол СССР в Японии Сметанин спросил Мацуока, будет ли Япония, согласно пакту о нейтралитете, заключенному между ней и СССР 13 апреля 1941 г., сохранять нейтралитет, то Мацуока уклонился от прямого ответа и подчеркнул, что основой внешней политики Японии является пакт трех держав и что если бы оказалось, что настоящая война и пакт о нейтралитете противоречат этой основе и пакту трех держав, то пакт о нейтралитете «не будет иметь силы».

Мы уже ссылались на сообщение немецкого посла относительно зловещих комментариев Мацуока по поводу его беседы со Сметаниным. В июне 1941 г., незадолго до нападения Германии на СССР, Умэдзу в своей беседе с принцем Урех сказал, что «в настоящий момент он приветствует заключение пакта о нейтралитете между Японией и Россией. Однако, поскольку пакт трех держав является неизменной основой внешней политики Японии, отношение Японии к пакту о нейтралитете должно немедленно претерпеть изменения, как только изменятся русско-германские отношения». Очевидно, что Япония не была искренней при заключении пакта о нейтралитете с Советским Союзом и, считая свои соглашения с Германией более выгодными, подписала пакт о нейтралитете с тем, чтобы облегчить себе осуществление планов нападения на СССР. Эта точка зрения об отношении японского

правительства к СССР совпадает с мнением немецкого посла в Токио, высказанным им в телеграмме от 15 июля 1941 г., направленной в Берлин:

«Нейтралитет» Японии в войне между Германией и СССР в действительности служил и, скорее всего, был предназначен для того, чтобы служить ширмой для оказания помощи Германии до нападения самой Японии на СССР.

Доказательства, представленные Трибуналу, указывают на то, что Япония, будучи далеко не нейтральной, какой она должна была бы быть в соответствии с пактом, заключенным с СССР, оказывала значительную помощь Германии.

Общая военная помощь, оказывавшаяся Японией Германии

Япония проводила в Маньчжурии военные приготовления широкого масштаба и сосредоточила там большую армию, сковывая таким образом на Востоке значительные силы Советской Армии, которые в противном случае могли быть использованы в войне против Германии на Западе.

Правительства Германии и Японии рассматривали военные приготовления в Маньчжурии именно с такой точки зрения. В своей телеграмме от 3 июля 1941 г., адресованной в Берлин, немецкий посол в Японии сообщил, что японское правительство не забывает о том, что усиление военных приготовлений проводится, помимо всего прочего... также для того, чтобы сковать силы Советской России на Дальнем Востоке, которые она могла бы использовать в ее борьбе с Германией».

Риббентроп в своей телеграмме в Токио от 15 мая 1942 г. указывал на большое значение, которое будет иметь внезапное нападение на Советский Союз для дальнейшего хода войны, ведущейся в интересах держав, подписавших трехсторонний пакт; однако в то же самое время он подчеркнул, как уже было сказано выше, важность сохранения Японией «нейтралитета», представлявшего собой активную помощь Германии в ее войне против Советского Союза, «поскольку во всяком случае Россия должна держать войска в Восточной Сибири в ожидании русско-японского столкновения».

Препятствия, чинимые японцами советскому судоходству

Обвинение утверждало и представило доказательства, что, несмотря на обязательства Японии соблюдать нейтралитет, Япония серьезно препятствовала советским военным усилиям, мешая советскому судоходству на Дальнем Востоке. В частности, имеются доказательства того: что советские суда, опознавательные знаки которых ясно показывали, что они являются советскими, стоявшие на якоре в Гонконге в 1941 году, подверглись артиллерийскому обстрелу и одно из них было потоплено; что в том же месяце советские суда были потоплены бомбами с японских самолетов; что многие советские суда были незаконно задержаны японскими военными кораблями и отведены в японские порты и в отдельных случаях находились там под арестом в течение продолжительного времени. Наконец, выдвигались обвинения в том, что японцы закрыли Цугарский пролив и вынудили советские суда пользоваться другими, менее доступными и более опасными подходами к своему дальневосточному побережью. Как утверждалось, все это делалось для того, чтобы помешать Советскому Союзу в его войне с Германией, в нарушение обязательств Японии по пакту о нейтралитете, и носило характер косвенной подготовки к войне, которую Япония намеревалась вести против СССР.

Несомненно было установлено, что Япония заключила пакт о нейтралитете неискренне и в качестве мероприятия, которое бы помогло Японии осуществить свои агрессивные намерения против СССР.

Наступательные операции Японии против СССР в 1938—1939 гг.

Выше, при рассмотрении позиции, которую занимала Япония по отношению к СССР, мы воздержались от детального обсуждения двух вопросов, содержащихся в пп. 25, 26, 35 и 36 обвинительного акта. Эти вопросы имели значение и при более раннем рассмотрении, но поскольку обвинительный акт поднял эти вопросы особо, то мы сочли более удобным отложить их детальное рассмотрение по данному разделу приговора.

После союза Японии с Германией по пакту «Антикоминтерн» от ноября 1936 года и ее военных успехов в Северном и Центральном Китае, последовавших за инцидентом в Люкоучао в 1937 году, японская армия в 1938 и 1939 годах начала военные действия против СССР сначала в восточной части Маньчжурии, а затем в западной. В июле 1938 года районом военных действий являлся район озера Хасан, недалеко от стыка границ Маньчжурии, Кореи и Советского Приморья. В мае 1939 года начались военные действия в районе Номонгана (Халхин-Гол), находившемся на границе между Монгольской Народной Республикой и Маньчжурией.

Военные действия в районе озера Хасан

В начале июля 1938 года японские пограничные войска в районе западнее озера Хасан были усилены в результате сосредоточения полевых войск на восточном берегу реки Тюмень-Ула, на небольшом расстоянии к западу от озера Хасан. Между рекой и озером имеется гряда холмов, с которой просматриваются как озеро, так и река. По утверждению СССР, граница проходила по гребню сопок; с другой стороны, японцы утверждали, что граница проходила восточнее и шла по западному берегу озера Хасан. Эта возвышенность имеет большое стратегическое значение, так как с нее просматриваются на западе река Тюмень-Ула, железная дорога, идущая с севера на юг, дороги, идущие к Советскому Приморью и к Владивостоку. С японской точки зрения, значение возвышенности заключалось в том, что она укрывала от наблюдения железную дорогу и шоссейные дороги, являющиеся линией японских коммуникаций в северном и восточном направлении. Японцы понимали ее военное значение, и уже в 1933 году Квантунская армия провела детальное топографическое изучение этого района, имея в виду, как заявил начальник штаба Квантунской армии в своем докладе заместителю военного министра в декабре 1933 года, «военные действия против Советской России».

Посылавшиеся в то время донесения советских пограничных застав, а также другие доказательства указывают на то, что в течение июля 1938 года имело место все увеличивавшееся сосредоточение японских войск. В конце июля приблизительно одна дивизия из

состава японской армии в Корее была сосредоточена на небольшом участке, не превышающем, вероятно, 3 км длины. Свидетель защиты генерал Танака Рюкити показал, что, когда он прибыл в этот район 31 июля, японские войска вели наступательные бои.

Как будет показано позднее, японцы жаловались и заявляли, что советские войска не должны были находиться нигде западнее озера Хасан. До этого столкновения советских пограничников было немало, их число на данном участке не превышало 100 человек.

В начале июля, в то время когда японские войска накапливались в районе озера Хасан, японское правительство начало дипломатические переговоры с Советским правительством, стремясь добиться отвода советских пограничников на восточный берег озера Хасан. 15 июля японский поверенный в делах в Москве Ниси в соответствии с инструкциями своего правительства заявил советскому Комиссару иностранных дел, что вся территория к западу от озера Хасан целиком принадлежит Маньчжурии, и потребовал отвода советских войск с западного берега озера. Приблизительно в это же время Сигэмицу, который находился в командировке в Западной Европе, был послан в Москву с инструкциями обеспечить выполнение японских требований. Затем последовали переговоры, во время которых советский представитель повторил, что граница идет по вершине высоты к западу от озера Хасан, а не по берегу этого озера. Он сказал, что это утверждение подкрепляется Хунчунским протоколом 1886 года, который установил пограничную линию. Сигэмицу стал на безапелляционную точку зрения и заявил о Хунчунском протоколе: «Я считаю, что говорить о какой-либо карте в этот критический момент является неразумным, это только осложнит положение».

20 июля Сигэмицу официально потребовал отвода советских войск, добавив, что «у Японии имеются права и обязанности перед Маньчжоу-го, по которым она может прибегнуть к силе и заставить советские войска эвакуировать незаконно занятую ими территорию Маньчжоу-го».

Что касается вопроса прохождения границы, то была представлена карта и ряд других документальных доказательств. Уже упомянутый Хунчунский протокол был подписан в 1886 году представителями Китая и России, и к этому протоколу была приложена

карта, устанавливающая границу. Как в китайском, так и в русском текстах протокола имеется ссылка на карту, и оба текста содержат следующее важное указание: «красная линия на карте обозначает границу вдоль всего водораздела, и воды, которые текут к западу и впадают в реку Тюмень, принадлежат Китаю, а воды, текущие к востоку и впадающие в море, принадлежат России».

21 июля 1938 г. военный министр Итагаки совместно с начальником генерального штаба получил аудиенцию у императора и попросил его санкционировать использование вооруженных сил у озера Хасан для осуществления требований Японии. Стремление военного министра и армии начать военные действия иллюстрируется неправдивым заявлением Итагаки императору, что использование сил против СССР обсуждалось с морским министром и министром иностранных дел, которые полностью были согласны с армией.

Однако вопрос о начале военных действий у озера Хасан обсуждался на совещании пяти министров, на котором присутствовал Итагаки. В принятом решении говорилось: «(мы) провели подготовку на случай возникновения чрезвычайного положения. Использование подготовленной военной силы должно будет осуществляться по приказу императора после переговоров с соответствующими властями».

Таким образом, была получена санкция на использование вооруженных сил у озера Хасан; оставался неразрешенным лишь один вопрос, а именно дата начала военных действий. Этот вопрос был разрешен неделю спустя, а именно 29 июля 1938 г., когда японцы произвели первое нападение, носившее характер разведки боем в районе высоты Безымянная, одной из высот, находившихся на возвышенности. В этом нападении принимало участие небольшое число войск, которое, вероятно, не превышало одной роты. Им удалось сломить сопротивление небольшого числа советских пограничников, находившихся на высоте. Позднее, в тот же самый день, подошли подкрепления советских пограничников и сбросили японцев с занятого ими участка.

В ночь с 30 на 31 июля японцы снова совершили нападение основными силами одной дивизии на другую высоту гряды, известную как высота Заозерная. Свидетель защиты Танака Рюкити, на показания которого мы уже ссылались, подтвердил тот факт, что

31 июля, когда он вернулся в этот район, японские войска вели наступательные бои.

Бои в этом районе продолжались с 31 июля по 11 августа 1938 г. К этому времени советские войска с помощью подкреплений, подошедших после начала военных действий, нанесли поражение и фактически уничтожили японские войска, которые принимали участие в этой операции. После этого японское правительство согласилось, что военные действия должны быть прекращены и граница восстановлена в соответствии с советским утверждением, т.е. на возвышенности вдоль вершин холмов.

Исходя из доказательств в целом. Трибунал приходит к выводу, что нападение японских войск у озера Хасан было сознательно запланировано генеральным штабом и военным министром Итагаки и было санкционировано по крайней мере пятью министрами, которые участвовали в совещании 22 июля 1938 г. Целью нападения могло быть либо желание прощупать силу Советского Союза в этом районе, либо захватить стратегически важную территорию на гряде, господствующую над коммуникациями, ведущими к Владивостоку и к Приморью. Нападение, которое планировалось и было осуществлено с использованием значительных сил, нельзя рассматривать как простое столкновение между пограничными патрулями. Трибунал также считает установленным, что военные действия были начаты японцами. Хотя военные силы, занятые в этом конфликте, не были весьма значительными, однако вышеуказанная цель нападения и его результаты, если бы оно было успешным, достаточны, по мнению Трибунала, для того, чтобы считать эти военные действия войной. Более того, принимая во внимание действовавшее в то время международное право и позицию японских представителей в предварительных дипломатических переговорах. Трибунал считает, что операции японских войск носили явно агрессивный характер.

Военные действия в районе Номонгана (Халхин-Гол)

Военные действия в районе Номонгана (Халхин-Гол), продолжавшиеся с мая до сентября 1939 года, были значительно большего масштаба, чем военные действия у озера Хасан. Они имели место на восточной границе Внешней Монголии, там, где она примыкает

к Маньчжурской провинции Хейлунцзян. Непосредственно к югу находится китайская провинция Чахар, которую в 1939 году контролировали японцы.

Внешняя Монголия имела большое значение для японских военных планов в отношении СССР. Так как она граничит с Советской территорией на большом протяжении — от Маньчжурии до пункта к западу от озера Байкал, — военный контроль над ней, осуществляемый недружественным государством, являлся бы угрозой советской территории вообще, и в частности угрозой Транссибирской железной дороге, которая является соединительным звеном между советской территорией на западе и на востоке и которая на протяжении многих лет идет почти параллелью северным границам Внешней Монголии и недалеко от них.

Как СССР, так и Япония признавали стратегическое значение Внешней Монголии. Уже в 1933 году Араки в статье, озаглавленной «Миссия Японии в эру сева», призывал к оккупации Внешней Монголии, указывая, что «Япония не желает, чтобы такой неопределенный район, как Монголия, существовал около сферы ее влияния. Монголия обязательно должна быть Монголией Востока». В 1936 году, т.е. несколько лет спустя, Итагаки, бывший в то время начальником штаба Квантунской армии, указал в беседе с послом Арита, что «Внешняя Монголия является очень важной с точки зрения японо-маньчжурского влияния сегодняшнего дня, ибо она является флангом обороны Сибирской железной дороги, соединяющей советские территории на Дальнем Востоке и в Европе. Если Внешняя Монголия будет объединена с Японией и Маньчжоу-го, то советские территории на Дальнем Востоке окажутся в очень опасном положении и, возможно, можно будет уничтожить влияние Советского Союза на Дальнем Востоке без военных действий. Поэтому целью армии должно быть распространение японо-маньчжурского господства на Внешнюю Монголию любыми средствами, имеющимися в ее распоряжении».

СССР, предвидя возможные действия со стороны Японии или со стороны любой другой страны, заключил в 1936 году соглашение о взаимопомощи с Монгольской Народной Республикой.

Военные действия начались 11 мая 1939 г. нападением японских разведывательных войск численностью в несколько сотен на мон-

гольских пограничников. Между 11 мая и 27 июня японские части небольшой численности производили атаки, каждая из которых была отбита. В перерывах между атаками обе стороны подтягивали подкрепления. 28 мая бои начались в более широком масштабе при поддержке авиации, артиллерии и танков. После этого дня военные действия продолжали увеличиваться по своим масштабам и окончились в сентябре только после того, как Япония признала поражение.

Трудно с точностью определить численность войск, участвовавших в боевых действиях, но о том, что эта численность была большой, можно судить по различным подсчетам общих потерь и по размерам района, в котором проводились военные действия. Японские потери, включая убитых, раненых и захваченных в плен, превышали 50 тыс. человек, а потери монголо-советской стороны превышали 9 тыс. человек. Военные действия проводились по фронту от 50 до 60 км и в глубину от 20 до 25 км..

Доводы защиты в отношении этих событий сходны с теми, которые защита приводила в отношении инцидентов в районе озера Хасан. Они сводятся к следующему: события представляли собой не больше Чем пограничное столкновение, происшедшее в результате спора относительно точного прохождения границы между Внешней Монголией и Маньчжурией. Японские утверждения сводились к тому, что в районе, в котором произошли военные действия, граница проходила по реке Халхин-Гол, которая в этом месте течет в северо-западном направлении, тогда как монгольское утверждение заключалось в том, что граница проходила примерно в 20 км к востоку от реки. Было представлено много карт и других доказательств относительно прохождения линии границы. Кроме того, давали показания военнослужащие монгольской пограничной охраны, служившие в пограничных частях до начала столкновения, о том, что линия границы была четко отмечена пограничными знаками, установленными на той линии, которая, согласно утверждениям Монгольской Народной Республики, являлась границей. Сейчас нет нужды определять прохождение линии границы в то время. В последующем по этому поводу было достигнуто соглашение. Мы сейчас должны рассмотреть вопрос, имеют ли оправдания военные действия, которые происходили.

Наиболее убедительные доказательства о характере и размере военных действий мы находим в захваченном японском документе, который представляет собой обращение командующего 6 й армией от 5 сентября 1939 г. Текст его гласит следующее: «Хотя приказ о переформировании 6 й армии был издан раньше, я должен сейчас, к сожалению, заявить, что осуществление почетной задачи обороны северо-западного района потерпело неудачу, потому что этот приказ не был проведен в жизнь. Армия была втянута в водоворот бесчисленных военных действий на границе между Маньчжурией и Монголией.

Подобное состояние контроля над военными действиями на фронте продолжалось более чем в течение 10 дней и продолжается в настоящее время. Благодаря смелым и решительным действиям всех частей, находящихся под командованием генерал-лейтенанта Камацубара, хаос, наблюдавшийся в проведении военных действий, был уменьшен. Сейчас армия в районе Дзиндзин Сумэ проводит подготовку к новому наступлению.

Командующий Квантунской армией решил помочь нам этой осенью. путем посылки хорошо обученных войск, расположенных в Маньчжурии. Он перебрасывает их в район будущего сражения, подчиняет их мне и разрабатывает чрезвычайные мероприятия, которые необходимо предпринять, чтобы урегулировать конфликт. Обстоятельства сейчас таковы, что совершенно ясно, что бои вышли сейчас за рамки простого пограничного конфликта. Мы ведем сейчас священную войну в Китае, и любые изменения в конфликте при сложном внешнем и внутреннем положении приобретают большую государственную важность.

Армия может осуществлять свои действия только одним путем — она должна объединиться, укрепить свои силы и немедленно нанести сокрушительный удар по врагу с тем, чтобы уничтожить его все возрастающую наглость. В настоящий момент подготовка, предпринятая армией, проводится успешно. Армия встретит наступающую осень тем, что она одним ударом положит коней этой мышины возне и с гордостью покажет всему миру силу отборных императорских войск. Офицеры и солдаты хорошо сознают существующую обстановку. Все военнотружущие армии,

от рядовых солдат до высших офицеров, воодушевлены храбростью и решимостью и уверены в победе. Армия всегда готова в любом месте сокрушить врага, глубоко веря в своего первого маршала — императора».

Защита не сделала ни одной серьезной попытки установить, что монгольские или советские войска первыми начали боевые действия. В своей аргументации она также не говорила об этом. С другой стороны, обвинение представило свидетелей, которые принимали участие в военных действиях и которые говорили, что эти военные действия были начаты японо-маньчжурскими войсками. Трибунал принимает доказательства обвинения по этому вопросу.

Вскоре после начала конфликта Итагаки, бывший тогда военным министром, сообщил об этом премьер-министру Хиранума.

В своих показаниях, которые он давал перед судом, Хиранума говорил, что он потребовал, чтобы Итагаки приостановил военные действия, но что он «не мог давать приказ» и что «военные круги придерживались другого мнения». Таким образом, ясно, что в самом начале конфликта как Хиранума, так и Итагаки хорошо знали о сложившемся положении и нет никаких доказательств того, что кто-либо из них предпринял какие-либо шаги для предотвращения продолжения конфликта.

Как и во время инцидента в районе озера Хасан, японские войска потерпели поражение. Что случилось бы, если бы они имели успех, является чисто умозрительным вопросом. Однако сам по себе факт, что они потерпели поражение, еще не определяет характера проводившихся военных действий. Это были действия широкого масштаба, и они охватили период времени, превышавший четыре месяца. Ясно, что они были предприняты японцами после тщательной подготовки, как это видно из обращения командующего 6 й армией, и что целью их было уничтожение противостоящего им противника. Поэтому утверждение, сводящееся к тому, что этот инцидент являлся простым столкновением между пограничниками двух сторон, должно быть признано несостоятельным. При этих обстоятельствах Трибунал считает, что военные действия являлись агрессивной войной, проводившейся японцами...

ДОКУМЕНТ № 14

ИЗ РЕЧИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ — ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТНИКА ЮСТИЦИИ 3-ГО КЛАССА Л.Н. СМИРНОВА НА ХАБАРОВСКОМ ПРОЦЕССЕ

Товарищи судьи!

Значение дела, которое в течение этих дней столь тщательно исследовалось вами, далеко выходит за пределы установления личной вины и определения степени ответственности преступников, сидящих на скамье подсудимых.

Бесспорно, что единая цепь тягчайших преступлений против мира и человечества связывает бывшего командующего японской Квантунской армией генерала Ямада с исполнителями злодейских предначертаний японских милитаристов — бактериологами из специальных секретных формирований Квантунской армии.

Но, как было установлено на судебном следствии, эта цепь не обрывается на скамье подсудимых.

Бактериологическая война планировалась и готовилась преступным японским империализмом как часть общего заговора агрессии против миролюбивых народов.

В течение многих лет империалистическая Япония была главным очагом агрессии на Дальнем Востоке.

На закончившемся в 1948 году международном процессе главных японских военных преступников в Токио со всей очевидностью было установлено, что Япония на протяжении многих лет готовилась напасть на Советский Союз. В Приговоре Международного военного трибунала записано:

«Трибунал считает, что агрессивная война против СССР предусматривалась и планировалась Японией в течение рассматриваемого периода (т.е. с 1928 года); что она была одним из основных элементов японской национальной политики и что ее целью был захват территорий СССР на Дальнем Востоке».

Подстрекаемые сросшимися с военно-феодалной верхушкой страны крупнейшими японскими монополистическими объединениями, так называемыми «дзайбацу», японские империалисты заранее включили советский Дальний Восток и даже «Сибирь до

Урала» в состав так называемой «сферы сопроцветания великой Восточной Азии».

Однако одно дело «планировать» агрессию против СССР в кабинетах генерального штаба, лабораториях императорского института тотальной войны или специальных комитетах пресловутого «исследовательского общества» японских империалистов, так называемого «Кокусаку кэнкю кай», другое дело осуществить эту агрессию на практике.

Много раз японский генеральный штаб составлял и пересоставлял агрессивные планы войны с Советским Союзом, и, конечно, не миролюбием японских генералов и не гуманностью готовых на любое преступление ради лишнего процента прибылей японских дзайбацу нужно объяснить то, что эти планы откладывались исполнением.

Вторжение в Маньчжурию и оккупация ее в 1931 году означали новый этап развития японской агрессии. Для японских империалистов военная оккупация не была самоцелью, она должна была подготовить новые территориальные захваты и новые акты агрессии. Маньчжурия имела для них значение важнейшего плацдарма для нападения на Советский Союз и для вторжения в Китай.

Вот почему, захватив Маньчжурию, они с первых же дней установления своего господства в этой стране стали готовить ее как плацдарм для нападения на нашу Родину.

В Маньчжурии была сконцентрирована основная ударная сила японского империализма — Квантунская армия. В Маньчжурию направлялась новейшая военная техника, создаваемая японской промышленностью. Оккупированная страна покрывалась густой сетью аэродромов и стратегических дорог. И, как известно суду, именно в Маньчжурии были развернуты секретные формирования японской армии, готовившие бактериологическую войну — тайное оружие японского империализма.

Вместе с гитлеровскими людоедами японские империалисты мечтали об установлении господства над миром. Для достижения этой цели они готовились применить наиболее мучительные и бесчеловечные средства массового истребления людей. Они хотели утвердить свое господство на развалинах человеческой цивилизации. В этом преступном заговоре против мира и человечества, каким являлся союз гитлеровской Германии и империалистической

Японии, бактериологическая война была одним из средств заранее планируемого истребления одной части населения мира для полного порабощения другой.

Судебный процесс показал, что японские милитаристы самым деятельным образом готовились к бактериологической войне, изыскивая наиболее эффективные средства этой войны и способы их применения.

Готовя бактериологическую войну, японский империализм создал мощное бактериологическое оборудование. Так же как и гитлеровцы, японские милитаристы использовали новейшую технику, призванную служить прогрессу человечества, для целей мучительного человекоистребления.

В акте судебно-медицинской экспертизы особо отмечено: «Необходимо подчеркнуть, что некоторые возбудители из числа применявшихся отрядами в естественной обстановке обладают способностью образовать более или менее стойкие очаги заразных болезней, которые были ликвидированы или ограничены прогрессом науки и которые обвиняемые пытались вновь искусственно насаждать».

Так пытались вернуть человечество ко временам моровой язвы, к губительным эпидемиям холеры и чумы, к наиболее мрачным периодам средневековья злодеи, часть которых посажена на скамью подсудимых.

В 20 км от Харбина находятся разрушенные взрывами и пожаром строения большого военного городка. Как это установлено на предварительном следствии и на суде, там помещалось специальное бактериологическое формирование Квантунской армии — отряд № 731, или «отряд Исии», — в течение ряда лет планомерно готовившее бактериологическую войну, начиная от выбора смертоносных инфекций, испытания их на тысячах беззащитных жертв и разработки методов культивирования бактерий, кончая массовым производством всего необходимого для ведения в громадных масштабах агрессивной бактериологической войны.

Мы знаем, что бывший командующий Квантунской армией, ныне подсудимый на этом процессе генерал Ямада, считал отряд Исии находившимся в боевой готовности и способным выполнить любые задания. Мы знаем также, что означала эта «боевая готовность» отряда Исии.

Из показаний Ямада видно, что японским генеральным штабом были утверждены три основных метода применения бактерий для целей войны: распыление бактерий с боевых самолетов, сбрасывание с самолетов специальных бактериологических бомб и наземное заражение населенных пунктов, водоемов, пастбищ и т.д. по методу бактериологических диверсий.

Сама природа бактериологического оружия такова, что пределы его действия не ограничиваются линией фронта, вооруженными силами противника или даже территорией подвергшейся нападению страны. Развязываемая японскими империалистами бактериологическая война принесла бы неисчислимы бедствия не только населению страны, подвергшейся нападению, но и народам нейтральных стран. Это входило в злодейские планы японских военных преступников, для которых нейтральные государства должны были являться объектами новых актов агрессии.

Так, мечтая о мировом господстве, о «великой Восточной Азии» под гегемонией Японии, правящая клика империалистической Японии готовилась обратить против человечества злейших его врагов — невидимый мир наиболее опасных бактерий. Ради достижения этих преступных экспансионистских целей в специальных камерах выращивались сотни миллионов блох, которые должны были быть заражены чумой и, помещенные в специальные бомбы или развешенные с самолета, служить переносчиками инфекции. Ради этой преступной цели устанавливалось мощное специальное оборудование и четвертый отдел отряда №731 в течение одного «производственного» цикла вырабатывал десятки килограммов бактерий — миллионы миллиардов микробов, которые должны были заразить водоемы и пастбища, быть сброшены на города и села и привести к гибели тысяч и тысяч мирных людей.

Ради этой преступной цели обрекались на мучительную гибель китайские патриоты и советские люди, закованные в кандалы и беззащитные в руках злодеев-экспериментаторов, мучительно умерщвляемые во внутренней тюрьме отряда Исии.

Ради этой преступной цели умерщвлялись китайские женщины и дети, зараженные холерой и чумой во время экспедиций отряда Исии в Китай.

Начиная с 1940 года отряд Исии проводил бактериологические атаки против китайских войск. Во время этих нападений исследовались все виды бактериологического оружия, в том числе рассеивание чумных блох с самолетов, бактериальный дождь, заражение водоемов, пищи, населенных пунктов методом диверсий.

Систематически готовилась бактериологическая война против Монгольской Народной Республики.

Подсудимый Ямада подтвердил на судебном следствии, что японская армия намеревалась обрушить град смертоносных бактерий на народы других государств, в частности на народы и армии, находившиеся в состоянии войны с Японией, — США и Великобританию.

Об этом свидетельствуют также другие представленные суду доказательства. В апреле 1945 года генерал Исии, получивший секретные указания японского генерального штаба об активизации подготовки бактериологического оружия, прямо говорил на оперативном совещании руководящего офицерского состава отряда № 731 о неизбежности бактериологической войны против США и Великобритании.

Анализируя положение в районе Южных морей, Исии называл дату начала бактериологической войны — 1945 год. Он заявил тогда: «Нам придется применить последние средства, в том числе и бактериологическое оружие, для того чтобы добиться перелома в пользу Японии».

Материалами судебного следствия установлено, что наибольшее внимание бактериологи из отряда Исии уделяли преступным экспериментам с возбудителями инфекций сибирской язвы, холеры и в особенности чумы.

Давая показания суду, подсудимый Ямада заявил, что после инспекторского осмотра отряда Исии ему особенно запомнились мощное оборудование для производства бактерий и специальные ящики с содержавшимися в них, как говорит сам Ямада, «в огромном количестве» живыми блохами, которые после заражения их должны были быть использованы для возбуждения эпидемии чумы.

Вряд ли мы можем, однако, поверить заявлению Ямада о том, то «колоссальные возможности» отряда в области подготовки бакте-

риологической войны стали ему впервые ясны и так поразили его только после личного инспекторского смотра отряда Исии.

Из показаний самого Ямада видно, что непосредственно после назначения на должность командующего Квантунской армией он нашел в числе других наиболее секретных документов, хранившихся в личном сейфе его предшественника, ныне осужденного Международным военным трибуналом главного японского военного преступника генерала Умэдзу, чертеж и описание бактериологической бомбы «системы Исии», наполняемой чумными блохами. Этот тип бомбы был утвержден генералом Умэдзу, и Ямада согласился с мнением своего предшественника. При посещении отряда Исии Ямада лично осмотрел образцы этих бомб.

Бесспорно установлено, однако, что после личного посещения отряда № 731 Ямада согласился с давно развиваемыми Исии преступными планами использования для бактериологической войны чумоносителей блох.

Этого не отрицает сам Ямада, заявляя: «При мне был окончательно усовершенствован способ применения блох, зараженных чумой, путем рассеивания их с самолетов с помощью специальных приспособлений и сбрасывания специальных бомб».

Вся деятельность отряда Исии и других бактериологических формирований японской армии является доказательством поистине чудовищного заговора японских империалистов против мира и человечества, заговора, который предусматривал применение смертоносного оружия бактериологической войны.

Вы слышали во время судебного следствия показания бывшего курсанта отряда № 731 Фуруити Есио, лично раздавшего во время экспедиции отряда Исии в Китай голодным, китайским военнопленным три тысячи булочек, которые он перед этим заразил бактериями брюшного тифа.

В отряде Исии готовились непосредственные исполнители бактериологических диверсий и участники бактериологических атак, люди, обученные убивать расчетливо, хладнокровно и безжалостно.

Таково было основное секретное бактериологическое формирование японской армии — отряд генерала Исии.

Ряд показаний характеризует отряд № 731 как основной центр подготовки бактериологической войны.

В соответствии с указаниями японского генерального штаба штабом Квантунской армии было принято решение — при возникновении войны с Советским Союзом бомбить авиационными снарядами, зараженными чумными блохами, дальневосточные советские города и производить заражение советских тыловых районов путем распыления с самолетов.

Автор этого преступного и бесчеловечного плана — бывший начальник оперативно-стратегического отдела штаба Квантунской армии генерал Мацумура показал:

«На случай войны с Советским Союзом бактериологическое оружие должно быть применено в районе городов Ворошилова, Хабаровска, Благовещенска и Читы».

Товарищи судьи!

С чувством глубокой скорби о мучительно умерщвленных японскими извергами людях я перехожу к анализу тех окруженных до недавнего прошлого глубокой тайной чудовищных преступлений, которые совершались в отряде Исии при производстве бесчеловечных опытов над живыми людьми.

На судебном заседании эта сторона дела была исследована с максимальной полнотой.

Медленное, мучительное умерщвление тысяч живых людей, переданных японскими жандармами на растерзание злодеям-экспериментаторам, полностью доказано не только показаниями подсудимых и свидетелей, но и подлинными документами, извлеченными из захваченных войсками Советской Армии архивов японской жандармерии.

Мы знаем детали и порядок производившихся в отряде Исии опытов над людьми, так же как никаких сомнений не оставляет и тот факт, что ни один из тех несчастных, которые были отправлены в отряд Исии в порядке так называемых «токуй ацукай» — «особых отправок», не вышел оттуда живым.

Из внутренней тюрьмы отряда, начальником которой являлся родной брат Исии — Сиро, заключенные туда люди попадали после произведенных над ними экспериментов только в печь крематория.

Японская жандармерия отправляла для уничтожения в тюрьму отряда Исии людей различных национальностей, пола, возраста. Среди них были старики и юноши, мужчины, женщины и даже дети.

Жизнь некоторых из них обрывалась через несколько дней после поступления в отряд. Мучительное существование других тянулось многие месяцы.

Эти люди, схваченные японской жандармерией и отданные на произвол экспериментаторов, подвергались невероятным физическим страданиям и непрерывно находились под страхом смерти. Из захваченных Советской Армией документов японской жандармерии нам известны имена некоторых жертв.

Мы не знаем, однако, имен большинства жертв. Попадавшие в тюрьму отряда Исии люди теряли имя. Им присваивали номер, оставшийся за ними до смерти. Когда после произведенных над ним опытов человек умирал, писарь первого отдела вычеркивал номер из учетной карточки, тело умершвенного сжигалось в печи крематория, и в снятые с него кандалы заковывалась очередная жертва.

Невозможно представить себе более циничный и бесчеловечный документ, чем имеющаяся в распоряжении суда совершенно секретная инструкция штаба квантунской жандармерии от 12 марта 1943 г. о контингенте лиц, подлежащих уничтожению в порядке «особых отправок» в отряде Исии. Согласно этой инструкции, могли подвергнуться уничтожению не только все лица «просоветски или антияпонски настроенные», но и вообще все лица, заподозренные японской жандармерией в антиправительственной деятельности или настроениях, даже в тех случаях, когда, как говорится в инструкции, «состав преступления дает основание предполагать, что при передаче дела в суд лицо будет оправдано или осуждено на короткий срок».

Уничтожению в порядке «особых отправок» подлежали не только сами заподозренные в антияпонской деятельности, но, как гласила инструкция, «единомышленники лиц, подпадающих под категорию «спецотправки» («токуй ацукай»)... если, несмотря на незначительность преступления, освобождение их нежелательно». Уничтожению по этой инструкции подлежали также попавшие

в руки жандармерии лучшие, передовые люди, которые были обозначены в инструкции особой графой — «идейные преступники, связанные с национальным и коммунистическим движением».

В «примечании» к инструкции подчеркивалось, что начальники жандармских отрядов «с полной решимостью» могут ходатайствовать перед начальником квантунской жандармерии о применении «спецотправки» («токуй ацукаи») ко всем перечисленным в инструкции категориям арестованных.

Из этой инструкции видно, что в отряде Исии уничтожались не только лица, активно боровшиеся против японского гнета, но даже и те заподозренные, дела в отношении которых не могли быть направлены в японский суд ввиду полной недоказанности какой-либо их вины.

Обреченных на смерть людей направляли в отряд Исии не только органы японской жандармерии, но и так называемые «японские военные миссии» — разведывательные органы японской армии.

На судебном следствии было установлено, в частности, что в Харбине при центральной японской военной миссии существовал специальный лагерь для русских, называемый «Хогоин», из которого систематически отправлялись в отряд № 731 для истребления многие десятки русских людей. Это были люди, не желавшие выполнять требований японских разведывательных органов — вести враждебную работу против СССР. Это были люди, настроенные антияпонски, но судить их было не за что, так как даже по японским законам они не совершили никаких преступлений, за которые их можно было бы наказать по суду. Судьбой этих людей полностью распоряжался начальник лагеря «Хогоин» Иидзима и его заместитель Ямагиси, простой записки которых было достаточно для того, чтобы схватить намеченную жертву и отправить ее в отряд № 731, откуда не было возврата.

Суду представлены доказательства того, что на протяжении всех лет, в течение которых существовала тюрьма отряда № 731, в нее доставлялись обрекаемые на смерть русские женщины и китайки, схваченные японскими военными миссиями и жандармерией.

Число жертв, уничтоженных японскими бактериологами во время производства преступных экспериментов, было огромно. По показаниям подсудимого Кавасима, который никак не заинтересован

в том, чтобы преувеличить количество погибших, только в отряде № 731 ежегодно истреблялось до 600 человек, а с 1940 года по день капитуляции японской армии было лишено жизни не менее 3000 человек. Представленные суду доказательства, и в частности данные о произведенных в отряде за эти годы экспериментах, свидетельствуют о том, что названное подсудимым Кавасима число жертв является самым минимальным.

Таким образом, массовое уничтожение живых людей, совершавшееся в отряде Исии, полностью доказано материалами дела.

Доказано, что преступные опыты на живых людях производились в отряде № 731 как в так называемых «лабораторных условиях», т.е. во внутренней тюрьме и в прилегающих к ней лабораториях, так и на специальном бактериологическом полигоне отряда близ станции Аньда.

Доказано, что в отряде № 731 производились на живых людях бесчеловечные эксперименты, не только связанные с подготовкой бактериологической войны, но и другие, не менее бесчеловечные и мучительные опыты, которые не были непосредственно связаны с подготовкой бактериологической войны, но тем не менее велись в широких масштабах. Эти опыты преследовали цели изучения пределов выносливости организма человека в определенных условиях, изучения отдельных вопросов профилактики и лечения неинфекционных заболеваний, которые могли интересовать только специальные отделы или санитарное управление штаба японской Квантунской армии.

Для производства подобных опытов над живыми людьми отряд № 731 имел барокамеру, в которой выяснялись пределы выносливости организма человека на больших высотах. Таким образом экспериментаторы из отряда Исии производили те же опыты зловещего эсэсовского экспериментатора — доктора Рашера, которые Нюрнбергский международный трибунал по справедливости отнес к числу наиболее жестоких и бесчеловечных экспериментов над живыми людьми, совершавшихся гитлеровскими злодеями.

Помещаемый в барокамеру человек умирал медленной смертью, в невероятных мучениях.

Готовясь к войне с Советским Союзом в зимних условиях, японские врачи ставили жестокие опыты по обмораживанию весьма

широко. Для них строилось специальное помещение, в котором низкие температуры и подачи ледящего ветра должны были создаваться искусственно.

Все эти опыты не имели прямого отношения к подготовке бактериологических атак, но они должны быть отнесены к числу наиболее жестоких и преступных экспериментов на живых людях.

Только лишенные чести, пресмыкающиеся перед японским империализмом, морально растленные человеконенавистники могли совершать эти противные природе человека преступления. В отряде Исии поступившие туда для уничтожения люди не считались людьми. С кощунственным глумлением для них было создано особое условное название «бревна».

Я перехожу к доказательствам, представленным суду в подтверждение того, что уже к 1939 году бактериологические формирования японской армии вышли из области исследования бактериологического оружия, из области лабораторных и полигонных испытаний этого оружия над людьми и встали на путь практического применения созданного ими оружия в боевых действиях, которые в то время вела японская армия на разных театрах войны.

Из показаний подсудимого Ниси видно, что впервые диверсионные группы отряда Исии, так называемый «отряд смертников», под командованием одного из наиболее жестоких экспериментаторов над людьми и участника почти всех бактериологических атак, подполковника Икари, применили в боевой обстановке оружие бактериологической войны против советско-монгольских войск. Это было в 1939 году, во время вероломного нападения Японии на Монгольскую Народную Республику в районе реки Халхин-Гол. При отступлении японских войск «отряд смертников», давший особое обязательство и скрепивший его иероглифами, написанными кровью (Ниси лично видел это обязательство при приемке дел), отступая последним после разгрома японских войск, заразил воды реки Халхин-Гол бактериями острокишечных заболеваний. За этот преступный «подвиг» командовавший японскими войсками под Халхин-Голом, жестоко битый советско-монгольскими войсками и сам еле унесший ноги японский генерал Огису Риппо наградил отряд Исии похвальной грамотой и ходатайствовал о производстве Икари в полковники.

Однако бактериологическая атака против советско-монгольских войск, совершенная так называемыми смертниками Икари, привыкшими безнаказанно умерщвлять беззащитных людей в лабораториях отряда, была только началом широкого применения бактериологического оружия в военной обстановке, к которому с 1940 года перешел отряд Исии.

Во время бактериологических нападений на мирное китайское население были широко применены те виды бактериологического оружия, которые, по мнению японских военных преступников, являлись основными в планируемой ими бактериологической войне. В частности, особенно широко были применены во время этих бактериологических атак зараженные чумой блохи, сбрасываемые с самолетов с помощью особых приспособлений.

Международному военному трибуналу в Токио был представлен отчет прокурора нанкинского городского суда, в котором особо отмечалось, что отряд «Тама» — одно из наиболее секретных учреждений японской армии, систематически производивших злоеющие эксперименты над живыми людьми, делая им прививки отравленными сыворотками. В отчете указывалось, что количество жертв отряда не поддается исчислению.

Это сообщение о зверствах японских захватчиков привлекло внимание Международного военного трибунала, который попросил американское обвинение, представлявшее на токийском процессе интересы гоминдановского Китая, представить более подробные доказательства преступной деятельности отряда «Тама».

Вскоре после этого советское обвинение в Международном военном трибунале передало американскому главному обвинителю Джозефу Б. Кинану письменные показания Кавасима и Карасава, с достаточной полнотой раскрывавшие преступления японской правящей клики по производству злодейских опытов над живыми людьми при испытании бактериологического оружия.

Но, по-видимому, какие-то влиятельные лица были заинтересованы в том, чтобы воспрепятствовать разоблачению чудовищных преступлений японской военщины, и документы о деятельности отряда «Тама» и об аналогичных опытах, производившихся в отряде Исии, Трибуналу не были представлены. Между тем факт участия отряда «Эй» 1644 в экспедиции 1942 года полностью

установлен показаниями бывшего начальника этого отряда — подсудимого Сато, подсудимых Кавасима и Карасава, показаниями бывшего полковника японской армии Мисина и рядом других доказательств.

После окончания экспедиции 1942 года в Китай генерал Исии сделал официальное заявление на оперативном совещании руководящего состава отряда о том, что применение бактериологического оружия в Чжеганском районе дало значительные результаты и вызвало ряд эпидемий тяжелых инфекционных заболеваний. Это заявление Исии соответствовало действительности, что видно, в частности, из захваченных в свое время японской 13-й армией документов китайского командования, в которых говорилось о вспышке чумы, вызванной японцами на оставленной ими территории.

Перехожу к анализу доказательств, устанавливающих личную ответственность каждого из подсудимых.

Я считаю, что в результате судебного следствия полностью установлена виновность всех преданных суду преступников. Все они — от бывшего главнокомандующего японской Квантунской армией подсудимого Ямада до лаборанта отряда № 100 Митомо, — но, конечно, в разной степени, активно участвовали в подготовке бактериологической войны, знали о страшных последствиях этой войны и понимали преступность своих действий.

Большинство из них были активными участниками или инициаторами преступных опытов над живыми людьми. Никакая ссылка на приказ вышестоящего начальника или на положение военнослужащего не может служить оправданием тех тяжчайших преступлений, которые были совершены ими и полностью доказаны перед судом.

Еще несколько лет назад преступники были уверены в безнаказанности и, пользуясь ею, они свирепо глумились над беззащитными жертвами. В штабных кабинетах и в спрятанных от мира секретных лабораториях они вынашивали злодейские планы мучительного умерщвления миллионов людей. В ожидании начала бактериологической войны они проверяли смертоносное действие бактерий на мирных китайских женщинах и детях, на тысячах беззащитных людей, переданных в их руки безжалостной жандармской машиной.

Они не думали тогда о часе расплаты.

Сейчас, схваченные рукой правосудия и посаженные на скамью подсудимых, они пытаются трусливо оправдываться. Некоторые из них, в том числе даже такие, как главный преступник на этом процессе, который по справедливости должен быть отнесен к числу главных японских военных преступников — подсудимый Ямада, делают вид, что они потрясены услышанным на суде.

Жестокие человеконенавистники пытаются ныне принять вид людей, догадывавшихся о преступлениях, но не вполне осведомленных о них, или замаскироваться под слепых исполнителей приказа, не размышлявших о его преступном характере.

Но никого не смогут обмануть эти трусливые полупризнания пойманных и изобличенных злодеев.

Товарищи судьи! Ужасны и отвратительны преступления, совершенные злодеями, посаженными на скамью подсудимых.

Те злодеяния, которые совершались этими человеконенавистниками из секретных бактериологических формирований японской армии, воистину не имеют себе равных.

Определяя ответственность преданных суду преступников, мы должны учитывать не только уже содеянные ими преступления, уже совершенные и законченные. Несмотря на всю чудовищность этих преступлений, мы ни на одну минуту не можем забывать о том, что они служили целям подготовки новых, еще более чудовищных злодеяний. Мучительные убийства тысяч людей должны были подготовить убийства миллионов.

Безжалостные опыты над живыми людьми должны были предшествовать эпидемиям черной оспы и холеры.

По замыслам японских империалистов, бактериологическое оружие должно было принести неисчислимые бедствия и страдания всему миролюбивому человечеству, повлечь истребление миллионов людей и опустошение необозримых пространств.

Вот почему, решая судьбу преступников, суд должен иметь в виду конечные цели этого преступного заговора против мира и человечества, во имя которых готовилось оружие бактериологической войны.

Ваш приговор должен не только сурово и справедливо покарать преданных суду преступников и заклеить злодеяния японских агрессоров.

Этот приговор должен прозвучать как грозное предостережение для поджигателей новой мировой войны, таких же безжалостных и жестоких человеконенавистников, как и те, преступления которых будут осуждены вами.

Пусть помнят все замышляющие новые злодеяния против человечества и готовые новые средства массового человекоистребления, что мир не забыл уроков второй мировой войны.

На страже мира и безопасности стоят миллионы простых людей, могучий фронт демократических сил, возглавляемый великим Советским Союзом.

Это могучая и всепобеждающая сила, которая сумеет остановить и сурово покарать любых поджигателей новой войны.

Грозным напоминанием об этом пусть прозвучит ваш приговор, товарищи судьи!

ДОКУМЕНТ № 15

ИЗ ПРИГОВОРА ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

Материалами предварительного и судебного следствия Военный трибунал округа установил:

Правящая клика империалистической Японии в течение ряда лет подготавливала агрессивную войну против Союза Советских Социалистических Республик.

Охваченные бредовой идеей превосходства японской расы и создания под эгидой Японии «великой Восточной Азии» и поставив себе целью установление совместно с гитлеровской Германией мирового господства путем развязывания агрессивных войн, японские милитаристы не останавливались для достижения этой цели ни перед какими чудовищными преступлениями против человечества.

В своих преступных планах агрессивных войн против миролюбивых народов японские империалисты предусматривали применение бактериологического оружия для массового истребления войск и мирного населения, в том числе стариков, женщин и детей, путем распространения смертоносных эпидемий чумы, холеры, сибирской язвы и других тяжелых болезней.

В этих целях в японской армии были созданы особые формирования, предназначенные для производства бактериологическо-

го оружия, и подготавливались специальные воинские команды и диверсионные банды для заражения бактериями городов и сел, водоемов и колодцев, скота и посевов на территории государств, подвергшихся японской агрессии.

Еще в 1931 году, после захвата японцами Маньчжурии и превращения ее в плацдарм для нападения на Советский Союз, в составе японской Квантунской армии в целях подготовки бактериологической войны была создана под зашифрованным наименованием «отряд Того» бактериологическая лаборатория под начальством одного из идеологов и организаторов бесчеловечной бактериологической войны Исии Сиро.

В 1936 году, когда военные приготовления Японии к войне против СССР были усилены, генеральный штаб японской армии развернул на территории Маньчжурии два крупных бактериологических учреждения, рассчитанных не только на изыскания способов ведения бактериологической войны, но и на производство бактериологического оружия в размерах, достаточных для полного снабжения японской армии.

Изыскания способов и средств ведения бактериологической войны, проводившиеся в отрядах № 731 и № 100, сопровождались преступными, бесчеловечными опытами по проверке действенности бактериологического оружия на живых людях. Во время этих опытов японские изуверы умертвили зверским способом тысячи попавших им в руки жертв.

На протяжении нескольких лет в отрядах № 731 и № 100 производились опыты по заражению людей выращенными в лабораториях бактериями чумы, холеры, тифа, сибирской язвы, газовой гангрены. Большинство зараженных умирали в страшных мучениях. Те же, кто выздоравливал, подвергались повторным опытам и в конце концов умерщвлялись.

Люди, предназначенные для мучительного истребления, доставлялись в специальную внутреннюю тюрьму, существовавшую в отряде № 731, японской жандармерией, имевшей для подобных операций условное название «особые отправки». Этими жертвами японских изуверов были китайские патриоты и советские граждане, заподозренные в антияпонской деятельности и обреченные на уничтожение, Исключительный цинизм японских убийц выражал-

ся, в частности, и в том, что содержащиеся в тюрьме и предназначенные для преступных экспериментов люди условно назывались ими «бревнами».

Как установлено показаниями подсудимого Кавасима, только в отряде № 731 ежегодно истреблялось не менее 600 заключенных, а с 1940 года по день капитуляции японской армии в 1945 году было умерщвлено не менее 3000 человек.

Преступные эксперименты производились и над целыми группами заключенных. На полигоне, в районе станции Аньда, людей привязывали к железным столбам, а затем в целях их заражения в непосредственной близости от них взрывали бактериологические снаряды, наполненные бактериями чумы, газовой гангрены и других тяжелых болезней.

Помимо преступных экспериментов по заражению людей бактериями острых инфекционных заболеваний, отряд № 731 производил опыты по обмораживанию конечностей заключенных. Большинство несчастных жертв зверских опытов после заболевания гангреной и ампутации конечностей умирали.

Испытания бактериологического оружия не ограничивались только опытами, проводимыми внутри отрядов № 731 и № 100. Японские империалисты применяли бактериологическое оружие в войне против Китая и в диверсионных вылазках против СССР.

Отрядом № 100 на протяжении ряда лет на границу СССР направлялись бактериологические группы, в состав которых входили подсудимые Хирадзакура и Митомо. Эти группы проводили бактериологические диверсии против Советского Союза путем заражения пограничных водоемов, в частности в районе Трехречья.

Таким образом, предварительным и судебным следствием установлено, что японские империалисты готовились к тому, чтобы, развязав агрессивную войну против СССР и других государств, широко применить в ней бактериологическое оружие и затем ввергнуть человечество в пучину новых бедствий.

Осуществляя подготовку к бактериологической войне, они не останавливались ни перед какими злодеяниями, умерщвляя во время своих преступных опытов по применению бактериологического оружия тысячи китайских и советских граждан и распространяя эпидемии тяжелых заболеваний среди мирного населения Китая.

На основании изложенного Военный трибунал округа

ПРИГОВОРИЛ:

Ямада Отодзо заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на двадцать пять лет.

Кадзицука Рюдзи заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на двадцать пять лет.

Такахаси Такаацу заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на двадцать пять лет.

Кавасима Киоси заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на двадцать пять лет.

Ниси Тосихидэ заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на восемнадцать лет.

Карасава Томио заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на двадцать лет.

Оноуэ Масао заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на двенадцать лет.

Сато Сюдзи заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на двадцать лет.

Хирадзакура Дзэнсаку заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на десять лет.

Митомо Кадзуо заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на пятнадцать лет.

Кикути Норимицу заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на два года.

Курусима Юдзи заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на три года.

Приговор может быть обжалован в кассационном порядке в Военную коллегия Верховного Суда СССР в течение 72 час. со дня вручения копии его осужденным.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Вместо предисловия	9
Глава первая	
МАНЬЧЖУРСКИЙ ПЛАЦДАРМ	12
«Россия — традиционный враг».....	12
Локальная гонка вооружений	27
Проба сил на границе	38
Глава вторая	
ОПЕРАЦИЯ № 8: НОМОНХАН	53
Провокационная инструкция	53
Первая победа полководца	64
«Предательство» Гитлера.....	73
Глава третья	
ДИПЛОМАТИЯ КАНУНА ВОЙНЫ	83
Пакт о двух концах	83
Ненападение или нейтралитет?	97
«Дипломатический блиц» в Кремле.....	105
Глава четвертая	
ЯПОНИЯ НА ПЕРЕПУТЬЕ	127
«Нужно начать с севера»	127
Императорское решение	133
Стратегия «спелой хурмы»	149

Глава пятая

ПЛАН ВОЙНЫ «КАНТОКУЭН».....	157
Директива № 506	157
По меридиану Омска.....	167
Отряды массового уничтожения.....	173

Глава шестая

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ «ДЕНЬ X»	180
Сомнения разведки.....	180
«Сэндзай итигу» — один шанс в тысячу лет	188
Зимой — на юг, весной — на север	197

Глава седьмая

ВООРУЖЕННЫЙ НЕЙТРАЛИТЕТ	207
«Кантокуэн» образца 1942 г.	207
Пособничество Германии	217
«Мирная дипломатия» Токио	224

Глава восьмая

КАПИТУЛЯЦИЯ НА «МИССУРИ»	233
Судьба Японии решилась в Ялте	233
Атомная бомба или советский блицкриг?.....	243
Территориальные итоги войны.....	254
Послесловие	266
Приложения.....	270

Научно-популярное издание

Военные тайны XX века

Кошкин Анатолий Аркадьевич

**«КАНТОКУЭН» — «БАРБАРОССА» ПО-ЯПОНСКИ.
ПОЧЕМУ ЯПОНИЯ НЕ НАПАЛА НА СССР**

Выпускающий редактор *М.К. Залесская*

Корректор *Н.О. Седова*

Верстка *Н.В. Гришина*

Дизайн обложки *М.Г. Хабибуллов*

ООО «Издательский дом «Вече»

Почтовый адрес:

129337, Москва, ул. Красной Сосны, 24, а/я 63.

Фактический адрес:

127549, Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 18.03.2011. Формат 84 × 108 1/2.

Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага офсетная.

Печ. л. 12. Тираж 3000 экз. Заказ № 2656.

Отпечатано в ОАО «Тулская типография».

300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕЧЕ»

ООО «ВЕСТЬ» является основным поставщиком
книжной продукции издательства «ВЕЧЕ»

Почтовый адрес:

129348, г. Москва, ул. Красной Сосны, 24, а/я 63.

Фактический адрес:

127549, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, д. 48, корпус 1.

Тел.: (499) 940-48-71, 940-48-72, 940-48-73.

Интернет: www.veche.ru

Электронная почта (E-mail): veche@veche.ru

По вопросу размещения рекламы в книгах
обращаться в рекламный отдел издательства «ВЕЧЕ».

Тел.: (499) 940-48-70.

E-mail: reklama@veche.ru

ВНИМАНИЮ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ!

Книги издательства «ВЕЧЕ» вы можете приобрести также
в наших филиалах и у официальных дилеров по адресам:

В Москве:

Компания «Лабиринт»

115419, г. Москва,

2-й Рошинский проезд, д. 8, стр. 4.

Тел.: (495) 780-00-98, 231-46-79

www.labyrinth-shop.ru

В Киеве:

ООО «Издательство «Арий»

г. Киев, пр. 50-летия Октября, д. 26, а/я 84.

Тел.: (380 44) 537-29-20, (380 44) 407-22-75

E-mail: ariy@optima.com.ua

Всегда в ассортименте новинки издательства «ВЕЧЕ»
в московских книжных магазинах:

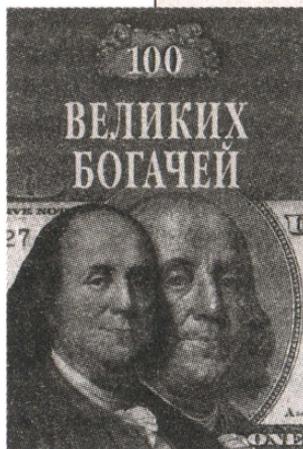
ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва»,

ТД «Молодая гвардия», «Московский дом книги»,
«Букбери», «Новый книжный».

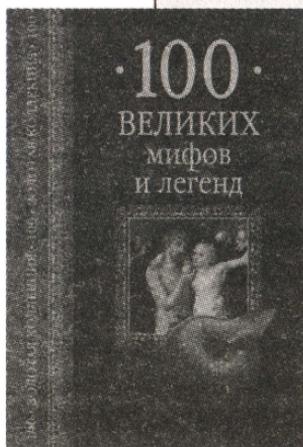
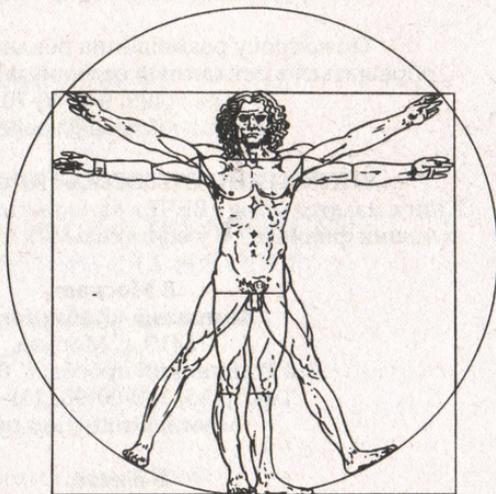

ПИШЕШЬ РЕФЕРАТ?
СДАЕШЬ ЭКЗАМЕНЫ?

«100 великих» помогут на все 100!

- 100 томов в серии
- Энциклопедическая полнота
- Отечественные и зарубежные авторы

Лучшие книги серии изданы в подарочном исполнении в серии

Золотая коллекция
«100 великих»

- Цветные иллюстрации на мелованной бумаге
- Оригинальное оформление

Кошкин Анатолий Аркадьевич
Доктор исторических наук (1990 г.),
профессор Восточного университе-
та (с 1993 г.), действительный член
(академик) Российской академии
естественных наук (1996 г.)
Член исполнительного совета
Российской ассоциации историков
Второй мировой войны.
Политолог-востоковед, автор мно-
гих научных и публицистических
работ по истории Второй мировой
войны, российско-японских и дру-
гих международных отношений.

Основные монографии и книги:

- «Кто нарушил пакт о нейтралитете» (на япон. языке)...
«Нингэнся», 1985
«Крах стратегии «спелой хурмы». Военная политика Японии в
отношении СССР, 1931—1945 гг.». «Мысль», 1989
«Русские Курилы. История и современность» (в соавторстве).
«Сампо», 1995
«Русские Курилы. История и современность» (в соавторстве).
Издание 2-е, расширенное и дополненное. «Алгоритм», 2001
«Мировые войны XX века» (в соавторстве). «Наука», 2002
«Японский фронт маршала Сталина. Тень Цусимы длиной в
век». «Олма-Пресс», 2004
«Борьба великих держав. Японо-советская война 1945 года»
(на япон. языке). Университет экономики и права (Япония,
Осака), 2005
«Война и общество в XX веке» (в соавторстве). «Наука», 2008
«Россия и Япония: Узлы противоречий». «Вече», 2010
«Партитура Второй мировой. Гроза на Востоке» (автор-
составитель). «Вече», 2010

XX военные
тайны
века

ISBN 978-5-9533-5345-8

9 785953 353458

ВЕЧЕ
20 лет